



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2022 Том 13 № 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
*Денисенко Владимир
Никифорович,*

доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, РУДН, Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, РУДН, Москва, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднардова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темирязина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала индексируются РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Electronic Journals Library CyberLeninka, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и/или английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшиева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.09.2022. Выход в свет 28.09.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,1. Тираж 500 экз. Заказ № 837. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru



RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2022 VOLUME 13 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Scopus, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library CyberLeninka

Aim and Scope

“RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics” elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal *“RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics”* was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as *“Reviews”*, *“Scientific Reviews”*, *“Scientific Chronicles”*.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design. *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru
Printing run 500 copies. Open price
The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Демьянков В.З. (Москва, Российская Федерация).** Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте 589
- Маркелова Т.В., Попков (Глинский) Н.В. (Москва, Российская Федерация).** Концепты ДУХ и ДУША в лингвосемиотике театрального искусства 608
- Уфимцева Н.В. (Москва, Российская Федерация).** Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря 630
- Шапошникова И.В. (Новосибирск, Российская Федерация).** Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) 648
- Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. (Коломна, Российская Федерация).** Оппозитивная семантика в английских и русских фразеологических единицах на примере ФЕ с семантическим компонентом МАН и ЧЕЛОВЕК 666
- Гуревич Д.Л. (Москва, Российская Федерация).** Формирование доминантных понятий лексико-семантического поля БРАЗИЛИЯ 678
- Сафаралиева Л.А., Пархитко Н.П. (Москва, Российская Федерация).** Сопоставительный анализ фразеологических единиц, репрезентирующих концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ в русском и испанском языках 694

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

- Гринев-Гриневич С.В. (Сувалки, Республика Польша), Сорокина Э.А. (Мытищи, Российская Федерация), Молчанова М.А. (Москва, Российская Федерация).** Еще раз к вопросу об определении термина 710
- Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В. (Москва, Российская Федерация).** Терминосистема гидротехники: диффузность терминопольей и полицентричность 730

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Zyubina I.A. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Zheltukhina M.R. (Volgograd, Russian Federation).** Polycode as a Strategic Resource of Intercultural Communication (Поликодовость как стратегический ресурс межкультурной коммуникации) 750
- Кольцова Е.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Карташкова Ф.И. (Иваново, Российская Федерация).** Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении 769

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Жолудева Л.И. (Москва, Российская Федерация). Итальянский литературный язык в свете теории языкового варьирования Э. Косериу 784

Загуменнов А.В. (Вологда, Российская Федерация). Русский раскол и русская революция: семиотические модели идеологизации языка и текста 800

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Пинаев С.М. (Москва, Российская Федерация). Семантика эроса в философско-поэтическом творчестве Вячеслава Иванова и Максимилиана Волошина 815

Ryadchikova E.N. (Krasnodar, Russian Federation), Kadilina O.A., Vered V.T. (Moscow, Russian Federation). Situation Awareness Paradoxicality and Paradoxical Logic of Characters in the Novels of I. Ilf and Eu. Petrov (Парадоксальность и парадоксальная логика персонажей в романах И. Ильфа и Е. Петрова) 827

РЕЦЕНЗИЯ

Луканина М.В. (Москва, Российская Федерация). Рецензия на монографию *Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy* под ред. Н.В. Суховой, Т.В. Дубровской и Ю.А. Лобиной 844

CONTENTS

COGNITIVE STUDIES

- Demyankov V.Z. (Moscow, Russian Federation).** ‘Probability’ and ‘Possibility’ in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts..... 589
- Markelova T.V., Popkov (Glinsky) N.V. (Moscow, Russian Federation).** Concepts SPIRIT and SOUL in Linguo-Semiotics of Theatrical Art..... 608
- Ufimtseva N.V. (Moscow, Russian Federation).** The Image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary..... 630
- Shaposhnikova I.V. (Novosibirsk, Russian Federation).** The Russian Language Personality in the Current Diachrony: a New Associative-Verbal Database (2014–2021) 648
- Lunkova L.N., Frolova, J.I. (Kolomna, Russian Federation).** Opposite Semantics in English and Russian Phraseological Units by the example of PHU with a Semantic Component MAN..... 666
- Gurevich D.L. (Moscow, Russian Federation).** The Development of Dominant Concepts within the Lexical-Semantic Field BRASIL..... 678
- Safaraliev L.A., Parkhitko N.P. (Moscow, Russian Federation).** Comparative Analysis of the Phraseological Units Representing the Concepts of OLD AGE and VEJEZ in Russian and Spanish..... 694

TERMINOLOGY STUDIES

- Grinev-Griniewicz S.V. (Suwalki, Poland), Sorokina E.A. (Mytishi, Russian Federation), Molchanova M.M. (Moscow, Russian Federation).** Reconsidering the Definition of the Term..... 710
- Galankina I.I., Perfilieva N.V., Tsibizova O.V. (Moscow, Russian Federation).** Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity 730

INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Zyubina I.A. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Zheltukhina M.R. (Volgograd, Russian Federation).** Polycode as a Strategic Resource of Intercultural Communication..... 750
- Koltsova E.A. (Saint Petersburg, Russian Federation), Kartashkova F.I. (Ivanovo, Russian Federation).** Digital communication and Multimodal features: Functioning of Emoji in Interpersonal Communication..... 769

HISTORY OF LANGUAGE

Zholudeva L.I. (Moscow, Russian Federation). Italiano Neo-Standard in the Light of E. Coseriu's Theory of Language Variations 784

Zagumennov A.V. (Vologda, Russian Federation). The Russian Schisch and the Russian Revolution: Semiotic Models of Language and Text Ideologization..... 800

TEXT LINGUISTICS

Pinaev S.M. (Moscow, Russian Federation). Semantics of Eros in the Philosophical and Poetic Art of Vyacheslav Ivanov and Maximilian Voloshin..... 815

Ryadchikova E.N. (Krasnodar, Russian Federation), Kadilina O.A., Vered V.T. (Moscow, Russian Federation). Situation Awareness Paradoxicality and Paradoxical Logic of Characters in the Novels of I. Ilf and Eu. Petrov 827

BOOK REVIEW

Lukanina M.V. (Moscow, Russian Federation). Book Review: Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy, Edited by Natalya V. Sukhova, Tatiana V. Dubrovskaya, Yulia A. Lobina 844



КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607

УДК [811.112.2:811.161.1]’27

Научная статья / Research article

Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте

В.З. Демьянков  

Институт языкознания РАН,

125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

 vdemiank@iling-ran.ru

Аннотация. Наличие выбора является предпосылкой для разграничения стилей. Завися от культуры, стилистика включает в себя выбор фактов и языковых средств для связанного представления событий (в нарративах) и для логически связанных, непротиворечивых цепочек рассуждения (в дискурсе). И фактическая достоверность, и логическая последовательность предполагают наличие эпистемических гарантий, особенно когда нет прямого доступа к процедурам верификации. Тогда мнениям приписывают источники, которые должны придавать правдоподобие и вероятность фактам и аргументам, сообщаемым в нарративах и в дискурсах, при условии, что репутация самих гарантов высока: «Скажи мне, кто так думает, и я скажу, вероятно ли это» (или даже «и я скажу, прав ли ты»). Приемлемость и креативность употребления языка зависят от неосознанной наивной статистики, обладающей своими мерами исчисления возможности и вероятности: чем реже употребляется та или иная языковая техника, тем скорее все выражение прозвучит креативно. Эпистемические гарантии, даваемые самим фактом употребления наречий классов *возможно*, *вероятно*, а также модальных глаголов класса *мочь* и т. п., обычно указывают на условия, при которых высказывание может сообщать истину. Двойные «загородки», когда модальный глагол в предложении непосредственно предшествует единицам таких классов или следует за ними, в русском языке относительно редки, но хорошо представлены в английском (напр., *could possibly* и *might probably*) и в немецком языках (напр., *kann unmöglich* «может невозможно»). В исследовании характеризуются семантика и статистика таких выражений в большом корпусе немецких литературных и нехудожественных текстов. Показывается, что в немецком такие «избыточные» сочетания модального глагола с наречием указывают чаще всего на негативную пропозициональную установку, при-

© Демьянков В.З., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

чем вполне допустимое немецкое словосочетание *kann unmöglich*, буквально на русский язык переводимое как «может невозможно», вызывает когнитивный диссонанс у читателя. В то же время, немецкое сочетание *kann unwahrscheinlich* «может невероятно» в этом же немецком корпусе крайне редки.

Ключевые слова: когнитивные науки, контрастивное корпус-статистическое исследование, возможность, вероятность, эпистемическая гарантия, модальность

Финансирование. Благодарности:

Разделы 1 и 2 исследования выполнены при финансовой поддержке РФФ, научный проект № 19–18–00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.» (Институт языкознания РАН). Разделы 3–7 исследования выполнены при финансовой поддержке РФФ, научный проект № 19–18–00040 «Параметризация лингво-креативности в дискурсе и языке» (Институт языкознания РАН).

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2022

Дата приема в печать: 24.06.2022


Для цитирования:

Демьянков В.З. Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>

‘Probability’ and ‘Possibility’ in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts

Valery Z. Demyankov  

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009

 vdemiank@iling-ran.ru

Abstract. Being culture-dependent, stylistics involves choice of facts and of linguistic means for exposing events cohesively in narratives for coherent chains of arguments in discourses. Both factual accuracy and logical consistency rely on epistemic warrants especially when verification procedures are not directly available. Ascribing reliable sources to opinions makes the facts and arguments conveyed in narratives and in discourses more or less probable, especially if their guarantors’ reputation is high enough, cf. “Tell me who thinks so, and I’ll tell you if this view is probable”, or even “and I’ll tell you if you are right”. Acceptability and creativity of language use depend on subconscious statistics, with their scales and measures of possibility and probability: infrequent ways of informing are the best candidates for being considered creative. Lexical items ‘(im)possible’, ‘(im)probable’, ‘(in)feasible’, ‘can (not)’, ‘may (not)’, etc., with negative marks and without them, normally serve as truth-conditional “hedges” of judgments, as their weak epistemic warrants. Their use, too, may be more or less creative and depends on mental cultures in the framework of which narratives and discourses are produced and interpreted. This paper analyzes double hedge constructions in which a modal verb and an adverbial meaning ‘(im)possibly’ or ‘(im)probably’ are jointly used in sentences, e. g. ‘can possibly’ and ‘might probably’ in English. These constructions look strange or even ungrammatical in Russian, but they are not infrequent

in German. In this research, being based on a large corpus of fictional and non-fictional German texts. It is shown that statistically, these double hedges are most frequently used for focusing on negative commitments, especially in sentences with ‘unmöglich können’ (“can impossibly”). At the same time, the frequency of ‘kann unwahrscheinlich’ (“can improbably”) is utterly low.

Key words: cognitive sciences, contrastive corpus-statistical investigation, possibility, probability, epistemic warrant, modality

Financing. Acknowledgments:

The research is funded by grants № 19-18-00040 (parts 3, 4, 5, 6, and 7) and № 19-18-00429 (parts 1 and 2) of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Article history:

Received: 20.05.2022

Accepted: 24.06.2022

For citation:

Demyankov, V.Z. (2022). ‘Probability’ and ‘Possibility’ in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>

Введение

Понятие стиля основано на наличии выбора [1. С. 5]. Нет выбора — нет и стиля: позу, выражение лица и даже слова на нужном языке поскользнувшийся выбирает, только если он Штирлиц. А артистично сыгранное падение «вдругорядь — уж нарочно» (А.С. Грибоедов) — как спортивные прыжки в воду со своими приметам мастера.

Уместность и креативность стилистики зависят от «наивной статистики»: привычное просто любят («без извилин», сказал бы Б.Л. Пастернак) или боятся. А креативность редкого и небывалого переключает эмоциональный «настрой», вызывая преходящие удивление, восхищение влюбленности и/или испуг. Дед Мороз в шубе и в «галстук на босу ногу» — праздник фантазии, если экспертом по креативности выступает Вероника Маврикиевна, а для бывалой Снегурочки из бюро бытового обслуживания — рутина. Умудренные контрпропагандисты знают, что креатив позволяет радикально повернуть ход событий и изменить репутацию: это сигнал начала манипулятивных действий. Когда же нужно поддержать общественное мнение на устоявшихся оценках, креатив может даже навредить, меняя баланс сил и провоцируя ненужные перемены.

Изложение того, как выглядят отношения в этом мире — «нарративная репрезентация», на почве которой рождается вымышленный «мир рассказа», — межличностный коммуникативный конструкт [2. С. 54], основанный на искренних и напускных, вынужденных и осторожно сформулированных мнениях и сомнениях. Нарратив содержит в себе инструкции, как ход событий реконструировать и «метакогнитивно» оценивать, осмыслять и связывать между собой [3. С. 24]. При нарративе мир видится не чисто рассу-

дочно: главное соблюдать «связанность» (cohesion, когезию) текста, а логическая «связность» (coherence, когерентность, несамопротиворечивость) придет из контекста [4. С. 25], если приложить интерпретаторские усилия. Особенности навыки гармонизации связности со связанностью требуются при написании и чтении научных сочинений [5. С. 4].

Правдоподобие нарратива культурообусловлено, допускает и бесхитрое простоедушие, и коварную неискренность: то, что в художественных (fictional) жанрах благодушно расценивается как невинное преувеличение (буффонада, гротеск и т. п.), в других (в мемуарах, в исторических сочинениях и т.п.) гневно осуждается как преступная ложь. Предложения в потенциале и в ирреале, в отличие от в реале, дают отстраненный безоценочно-непричастный взгляд на «актуальный» мир, в любви или в ненависти к которому признаются: такой взгляд бывает разве что метафорически истинным. От культурных же стандартов зависят целесообразность и привычность в речи: сама креативность убеждения и разубеждения этим стандартам соответствует или противоречит. «Перец и соль добавляют по вкусу», чтобы закамуфлировать неполное соответствие нарратива полуодетой истине, когда за дискурс выдают простенький нарратив.

Сколько тестов, разоблачающих правдоподобные суждения, создала человеческая мудрость! Например: кто, расталкивая локтями других информаторов, первый сообщил, — того и правда — аналогично бытовому правилу в многоголовой семье: «Кто первый встал, — того и тапки». Это значит, что наиболее серьезной экспертизе надо подвергнуть самое-самое первое сообщение об анализируемом событии. Индикаторами неуверенности в валидности аргументов самих по себе, без риторических прикрас, давно уже считаются «гнев праведный» и «нервный смех»: «Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав». Напористая манера без страха и упрека «продвигать» одни знания (называемые убеждениями) и «задвигать» другие («нет, ребята, все не так»), громкая и широкая реклама их как единственно правильных обычно действеннее, чем лепет, а потому тоже подозрительны. Рупор полезен, когда сама по себе защищаемая точка зрения, пусть и верная, может и не убедить предубежденную разъяренную толпу. А проникательный сапер обнаружит опасность по яркой маскировке. Если только не угодит в спрятанный информационный капкан.

Гарантии и «верительные грамоты» знания

Знание часто уподобляют создаваемым, перемещаемым и хранимым предметам. Пусть даже при этом, передавая знания, не уменьшают их запас у себя; а дав своими знаниями попользоваться на консультации, не ожидают возврата, хотя бы и в потрепанном виде.

Этому овеществляющему (реифицирующему) взгляду противопоставляется «компетентностный»: скажем, знать язык — не просто иметь знания, а уметь строить и понимать предложения и этим пользоваться [6. С. 211]. Тогда и мир человека — то, что он не просто знает, но чем он может воспользоваться. Недаром по-немецки говорят, что человек «есть то, что он ест» (*Mensch ist, was er isst*), а рассуждая в духе гипотезы лингвистической относительности, «what we speak is what we are» («Мы являемся тем, что мы говорим») [7. С. IX].

Компромиссным между двумя подходами является образ знания как растения, которое на одних почвах обильно произрастает, на других даже и не думает всходить: знания пышно цветут под открытым небом или вянут, подобно фиалкам на солнце. Источник информации, адрес «грядки», повышает «товарную стоимость» сообщения: на рынке картошка якобы «тамбовская» у продавца с американским акцентом и неместным прищуром пойдет веселее, чем та же, но безродная. А новости из «чужих», якобы нейтральных, рук, как и передаваемые предметы, расходятся быстрее, чем из «своих».

Образ почвы, из которой пробивается высказывание, наводит на мысль о «гарантиях достоверности», или «эпистемических гарантиях» (*epistemic warrant*) внедряемого мнения [8. С. 809], ср. [9. С. 194] и [10]. Так, употребление в высказывании слов типа *непреренно, разумеется, на самом деле, честно говоря* и т.п. само по себе равносильно ручательству в достоверности. «Общая почва» (*common ground*) — пропозициональные установки, общие у коммуникантов [11. С. 25].

По тому, как упоминается такая почва, можно прикинуть, где находится источник информации и насколько он надежен. На этом эффекте основана бородастая шутка: «Говорят, в Америке один мужик родил — и умер». То, что *в Америке*, а не в Малиновке — гарантия надежности источника. А то, что *умер* — сигнал: можно уже и не проверять, спросить все равно не у кого.

Маркетолог аккомодирует внешний вид, вывеску и ценник своего товара к потребительской корзине новостей: оставаясь на почве излюбленных сведений, придает словам привлекательный товарный вид достоверности, но учитывает «покупательную способность» и информационные запросы аудитории.

Если источник информации уважаемый, то и к сообщаемому не грех прислушаться. Поэтому предисловия типа *насколько я знаю* и *по-моему* равносильны прощупывающему риторическому вопросу *Ты меня уважаешь?* Открыто возразить таким суждениям — что плюнуть в почтенную душу. Вот почему в академичном общении гуманитариев (реже — представителей «точных наук») предпочитают промолчать, чем невпопад поправить солидного собеседника, пусть и всего лишь задав вопрос — индикатор неосознанного сомнения. Чем выше статус автора, тем больше ожидают доверия к нему. Упоминание общепризнанного эксперта как источника мнения (техника *ipse dixit* «Сам сказал») — верительная гра-

мота, «эпистемическая иммунизация» сообщений с душком. Например, когда под заголовком *Ученые обнаружили, что классическая музыка делает дельфинов счастливыми* (Рамблер, 14.07.2022) идет следующий текст: *Исследователи из Падуанского университета считают, что звучание классической музыки делает дельфинов более счастливыми. Работа ученых была опубликована в журнале Applied Animal Behavior Science*. Весь смысл самого тела сообщения, после того как заголовок уже все сказал, — назвать гарантов истины: известный университет, в котором ученые не хухры–мухры, правдоподобно звучащее название научного журнала... Но с таким же доверием ленивый читатель проглотит и пародийный текст: *Исследователи из Беквудского университета доказали [...] Работа была опубликована во всемирно известном журнале International Scientific Rubbish*. (*Backwoods* «Тьмутаракань», *rubbish* «ерунда».)

Итак, мы верим даже не самому источнику информации (иногда всего лишь цитируемому, но недоступному), а верительным грамотам, которыми перед нашим носом помахивают понабежавшие душеприказчики, подлинные и самозванные.

В некоторых ментальных культурах предполагается, что если и говорить, то только то, что знаешь: «А не знаете, так и не говорите!» Из этого поучения, по контрапозиции, даже не почитая Л. Виттенштейна, выводят: если вы говорите, значит, знаете. Если же не знаете того, что говорите, а только предполагаете, пометьте как-нибудь звездочкой свое высказывание, для алиби. Получается, что простейшей эпистемической гарантией является сам факт речи, неважно где и чьей. Речь гарантирует, что что-то за нею да кроется, а вот молчание не гарантирует ничего. Фраза типа «Я же ему говорила: не пей!» — и скорбное оправдание недейственности речи, и утверждение, что «говорилось», не замалчивалось, сделано все, чтобы отвратить «плановую» беду. Даже если это «немолчание» было шепотом. Как ни парадоксально, «риторика умолчания» является частью искусства речи [12. С. 7], а мастерству сказать и ничего не сказать учатся годами, см. [13].

Возделывают информационные грядки по канонам ментальной культуры речи. Отдаленное представление о разбросе стилей, о зазоре между допустимой и обязательной щепетильностью при верификации эпистемических гарантий дает сопоставление «английского парка», скромного креатива без заметного вмешательства человека, — с «французским парком», в котором что ни куст — то броский триумф креативной воли. И у каждого стиля своя восхищенная публика. Инструменты для «причесывания» или «разлохмачивания» таких кустов составляют то, что иногда называют «грамматикой знания» — языковые средства показа, откуда пришло знание (сам говорящий видел — «эвиденциальное» — или соседи нашептали), а потому насколько оно надежно [14. С. 1].

«(Не)возможно» и «(не)вероятно» плюс модальный глагол «мочь»

Лексемы классов «возможное» и «вероятное» ограждают высказывания от срочной верификации, призывая положиться на Природу (когда говорят о возможном) и на чужое, экспертное мнение (в речи о вероятном). Теория вероятностей — человеческий продукт, а теория возможности надчеловечна. Посередине же — теория вероятности и теория возможностей, когда «возможно» то, что в принципе «может быть воспринято, отображено и представлено» [15. С. 127]. Сам процесс чтения чужих текстов о возможном представляется иногда как «причина и основа для осуществления реальных возможностей» (*Ermöglichungsgrund realer Möglichkeiten*) [16. С. 128].

Анализ большого оригинального многоязычного корпуса текстов на русском, английском, немецком, латинском, французском, итальянском и испанском языках показывает, что «возможность» упоминается чаще, чем «вероятность» [17]. Учитывая, что большая встречаемость в корпусе означает большую привычность повторяющихся образцов (или моделей) речи (*recurrent patterns*) [18. С. 3], можем сказать, что люди привыкли считать Природу сильнее экспертов. Например, в немецком корпусе «позитивные» основы *möglich / Möglichkeit* «возможный / возможность» встречаются 148748 раз, *wahrscheinlich / Wahrscheinlichkeit* «вероятный / вероятность» 43400 раз, а «негативные», *unmöglich / Unmöglichkeit* «невозможный / невозможность» — 42237, *unwahrscheinlich / Unwahrscheinlichkeit* «невероятный / невероятность» — 3529. Как видим, класс «возможный / возможность» представлен в три раза чаще, чем «вероятный» и «невозможный», а класс «невероятный» (или «неправдоподобный») статистически сравнительно редок.

Интересно, что уже в латинском *possibilis* «возможный» был характеристикой физического мира, а *probabilis* «вероятный» — человеческой оценкой, «апробированной» (то есть, одобренной) человеческим опытом. В [19] приведены данные о совместной встречаемости представителей разных подобных классов в рамках предложения.

В русском корпусе чрезвычайно мало примеров, в которых непосредственно рядом со словом из классов «возможно» и «невозможно» стоит глагол *мочь* в личной форме или в инфинитиве [20]: «возможно» то, что «может быть», а потому *может возможно* — как *масло масляное*. В английском же имеем две разные основы (английская *can* и латинская *possibly*), и удвоение семы «возможность» в глаза не бросается, напр.: “*Oh,*” *he said, then wondered what more he could possibly say* — букв. «“О”, — сказал он, а потом подумал, что бы он мог, возможно, еще сказать» (Jack London, Martin Eden, 1908–1909). (Указание источника примера здесь и далее включает и год написания или первого издания цитируемого произ-

ведения.) Часто глагол и наречие идут вразбивку: *What could he possibly do?* — букв. «Что смог бы он, возможно, сделать?» (Harold MacGrath, *The Adventures of Kathlyn*, 1914).

В немецком корпусе подобные «излишества» представлены меньше, но их перевод на русский язык тоже требует усилий, напр.: *Sie übertreiben, man kann unmöglich behaupten, dass ich strahlend aussehe* «Вы преувеличиваете, нельзя сказать (букв. можно невозможно утверждать), что я блестяще выгляжу» (Maria Leitner, *Hotel Amerika*, 1930). Как и в английском, очень часто между глаголом и наречием в предложении имеется один или более «вставных» членов предложения, напр., отрицательная частица или подлежащее: *Es kann nicht möglich sein, dass alle mit diesem Waffenstillstand einverstanden sind* букв. «Не может быть возможно, что все на это перемирие согласны» (Hans Marchwitza, *Sturm auf Essen*, 1930).

Как и в английском, в немецком словосочетании *möglich können* фигурируют основы двух разных глаголов со значением «мочь»: *mögen* и *können*, отчего тавтология не чувствуется так же ясно, как в русских *можем возможно* или *возможно можем*. Неоднозначность действительно тавтологичного и очень редкого сочетания *möchte* (формы сослагательного наклонения от глагола *mögen*, который означает и «быть возможным», и «хотеть, любить») с *möglich* «возможно» поэтично обыгрывает Томас Манн: *Und sein Herz betete, es möchte möglich sein, daß diese gefahrlose und friedevolle Morgenstunde niemals ein Ende nähme* букв. «И его сердце молило, оно хотело бы, чтобы было возможным, чтобы это беззаботная и мирная утренняя пора никогда не кончалась» (Thomas Mann, *Buddenbrooks*, 1901). Модальный глагол *mögen* непосредственно соседствует с «возможно» (*möglich*) очень редко (найдено 11 случаев), как и в русском, напр.: *Das mag möglich sein* «Это может возможно быть» (Karl May, *Der Schatz der Inkas*, 1890/1891). Иногда глагол срastaется с «вставным» местоимением *es* «оно» в роли подлежащего (3 примера), напр.: *Mags möglich sein, vielleicht, daß ich dich liebe...* «Может (это) быть возможно, не исключено, что я тебя люблю...» (Kurt Tucholsky, *Schriften*, 1921–24).

Далее охарактеризуем употребительность указанных наречных классов, встреченных непосредственно рядом с глаголом *können* «мочь» в немецких непереводных текстах (6478 художественных и 3588 документальных, итого 10066). Данные о предложениях со вставками между глаголом и наречием и о тесном соседстве с немецкими глаголами *dürfen* и *mögen*, также означающими «мочь», из-за ограничений объема опускаем.

Из таблицы 1 видно, что (здесь и далее число в круглых скобках при слове и при сочетании слов указывает количество найденных в корпусе примеров) глагол *können* соседствует с «невозможно» чаще всего (1414), на втором месте, с большим отрывом «возможно» (80), затем «вероятно» (72) и исключительно редко «невероятно» (1).

Table 1 / Таблица 1

**Количество предложений, в которых глагол können
идет непосредственно перед (прямой порядок) или после
(обратный порядок) наречия класса «(не)возможно» / «(не)вероятно» /
The number of sentences in which the verb können comes immediately
before (forward order) or after (reverse order) an adverb
of the class «(im)possible» / «(im)probable»**

Накл., Время / Mood, Tense	Порядок: / Order	möglich «возможно»		wahrscheinlich «вероятно»		unmöglich «невозможно»		unwahrscheinlich «невероятно»		Итого: / Total:
		Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	
Ind. Наст.	kann 1, 3 sg.	17	23	19	13	489	149	0	0	710
Ind. Наст.	kannst 2 sg.	0	0	1	0	18	6	0	0	25
Ind. Наст.	können 1, 3 pl.	0	0	4	7	140	41	0	0	192
Ind. Наст.	könnt 2 pl.	0	0	0	0	7	0	0	0	7
Ind. Прош.	konnte 1, 3 sg.	8	1	3	9	233	117	0	1	372
Ind. Прош.	konntest 2 sg.	0	0	2	0	1	0	0	0	3
Ind. Прош.	konnten 1, 3 pl.	0	0	4	1	46	20	0	0	71
Konj. Наст.	könne 1, 3 sg.	3	0	1	0	78	12	0	0	94
Konj. Прош.	könnte 1, 3 sg.	18	6	5	0	23	14	0	0	66
Konj. Прош.	könntest sg.	0	0	0	0	1	1	0	0	2
Konj. Прош.	könnten 1, 3 pl.	1	0	0	1	14	4	0	0	20
Konj. Прош.	könntet 2 pl.	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Итого: / Total:	47	30	39	31	1050	364	0	1	1562

Что эта избыточность добавляет к общему смыслу предложения? И стоит ли пытаться передавать такую тонкость в переводе — или ею можно без ущерба пренебречь.

Чтобы ответить на эти вопросы, охарактеризуем сочетания с каждым из классов наречий, идя по убыванию количества примеров в корпусе и начав с самых частых, а потому наименее креативных случаев.

«Невозможно мочь» (1414)

Индикатив (1267)

Настоящее время бывает чаще всего в единственном числе 1 и 3 лица (638) с прямым порядком *kann unmöglich* (489): напр., когда *kann* — форма 3 лица: *So ein Frauenzimmer kann unmöglich erkennen, was zum Glücke dient* «Так, женщина не может (букв. может невозможно) распознать, что приносит счастье» (Karl May, *Deutsche Herzen, deutsche Helden*, 1885–1888). С обратным порядком *unmöglich kann* (149) случаев меньше, напр.: *Unmöglich kann ich hier noch zwei Schilderhäuser unerwähnt lassen, blau und weiß angestrichen, in Zeltform, da ich nicht leicht etwas Plumperes der Art gesehen habe* «Я не могу (букв. невозможно могу я) здесь оставить без внимания еще два дома с вывесками, окрашенными в синий и белый цвета, в форме палатки, так как трудно найти (букв. я нелегко видел) что-либо более нелепое в этом роде» (Friedrich Hackländer, *Ein Winter in Spanien*, 1855). Существенно больше случаев, когда между модальным глаголом и *unmöglich* идут другие члены предложения: один (658), два (324), три (144), четыре (103) и т.д. Приведем только пример с двумя «вставными» элементами: *Man kann uns jetzt unmöglich im Ungewissen lassen* «Нас сейчас нельзя (букв.: можно нас сейчас невозможно) оставлять в неопределенности» (Hans Marchwitza, *Sturm auf Essen*, 1930).

На втором месте находятся множественное число 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (181), а доминирует прямой порядок *können unmöglich* (140). Не обходится без сюрпризов: *Ich bin überzeugt, Sie sehen Ihren Zustand zu pessimistisch, Sie sehen ja strahlend aus, Sie können unmöglich schwer krank sein* (Maria Leitner, *Hotel Amerika*, 1930). Буквальное прочтение его таково: «Я убежден, что Вы видите свое состояние слишком пессимистично, ведь Вы выглядите блестяще, **Вы можете быть невозможно тяжело больным**». Только вот нескладно сочетаются *слишком пессимистично* и *выглядите блестяще*. Другая же версия перевода лишена противоречия: «Вы не можете быть тяжело больным». С обратным порядком имеем *unmöglich können* (41), напр.: *Unmöglich können die Heiligen einen Mann im übeln Fegefeuer peinigen lassen, der sich ihnen so milde erwiesen hat* «Невозможно, чтобы (букв. невозможно могут) святые позволили мучить в скверном чистилище человека, который так мягко с ними обходился» (Paul Schreckenbach, *Um die Wartburg: Roman aus dem Mittelalter*, 1912).

Единственное число 2 лица (24) также преимущественно бывает с прямым порядком *kannst unmöglich* (18), напр.: *Aber du weißt, wer dich liebt, wer für dich sterben will; du kannst unmöglich einen andern erhören, nachdem du die Tiefen meiner Liebe geschaut hast ...* «Но ты знаешь, кто любит тебя, кто хочет умереть за тебя; ты не можешь (букв. можешь невозможно) внять просьбе другого, увидев глубины моей любви...» (Johann Richard zur Megede, *Der*

Ueberkater: Band 1, 1918). С обратным порядком *unmöglich kannst* (6), напр.: *Mir schaudert jetzt am hellen Tage bei deiner Erzählung, unmöglich kannst du das gesehen haben, du mußttest ja vor Angst und Schrecken bei dem Anblicke von Sinnen kommen...* «При твоём рассказе меня охватывает мороз в солнечный день, невозможно, чтобы ты это видел (букв. невозможно можешь ты это иметь увиденным), ты должен был сойти с ума от страха и ужаса при виде этого...» (Johanna Schopenhauer, Gabriele: Ein Roman, 1819).

Наконец, множественное число 2 лица наименее многочисленно, его встречаем только с прямым порядком *könnt unmöglich* (7): *“Ihr könnt unmöglich zurück,” sagte der Konsul* «“Вам никак нельзя назад (букв. Вы можете невоз-можно назад)”, — сказал консул» (Karl May, Orangen und Datteln: Reisefrüchte aus dem Oriente, 1907–1912)..

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица (350) преобладает с прямым порядком *konnte unmöglich* (233), напр.: *Er erschrak — das konnte unmöglich etwas Gutes bedeuten* «Он испугался, это не могло ничего хорошего предвещать (букв. это могло невозможно означать что-либо хорошее)» (Hermann Sudermann, Frau Sorge, 1887). Вдвое реже бывает оно с обратным порядком *unmöglich konnte* (117), напр.: *Unmöglich konnte je ein Anblick düsterer und schauerlicher gewesen sein als der, den die Karawane jetzt darbot* «Невозможно, чтобы когда-либо зрелище было более мрачным и ужасным, чем то, которое теперь представлял караван» (Adolf Mützelsburg, Der Herr der Welt, 1927); с усечением: *Unmöglich konnt’ ich glauben, daß ich dieses Scheusal sei [...]* «Я не мог поверить (букв. Невозможно мог я поверить), что я якобы был этим извергом» (Christoph Martin Wieland, Dschinnistan oder Auserlesene Feen- und Geistermärchen, 1786).

Прошедшее время во множественном числе 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» (66) бывает значительно реже, причем обычно с прямым порядком *konnten unmöglich* (46), напр.: *Seine Erzählungen konnten unmöglich diese Gerüchte veranlaßt haben* «Его рассказы не могли не (букв. могли невозможно) вызвать эти слухи» (Marie Nathusius, Elisabeth: Zweiter Band, 1870). С обратным порядком имеем *unmöglich konnten* (20), напр.: *Unmöglich konnten wir doch stehend, zu Fuß, zu den andern demütig emporblickend, verhandeln* «Невозможно было (букв. Невозможно могли мы) все же стоя, на ногах, смиренно глядя снизу вверх, вести переговоры» (Felix Dahn, Attila, 1900).

КОНЪЮНКТИВ (147)

«Пересказывательная» форма настоящего времени (90) преобладает. Единственное число 1 и 3 лица чаще бывает с прямым порядком *könne unmöglich* (78), напр.: *Doch Sturz behauptete, Seine Majestät, der die alteingesessenen und wichtigsten Betriebe des Landes noch nicht besucht, könne unmöglich gerade mit der Effau den Anfang machen* «Но Штурц утверждал,

что де, Его Величество, который еще не посещает древнейшие и важнейшие предприятия страны, не может (букв. может невозможно) начинать именно с Эффау» (Georg Freiherr von Ompteda, Ernst III, 1926). Значительно реже оно бывает с обратным порядком *unmöglich könne* (12), напр.: *Unmöglich könne er sich vorstellen, wie froh sie der Gedanke macht, daß er sich Andergasts angenommen; das ist es, was ihm gefehlt hat, der autoritative Mensch* «Ему якобы было невозможно (букв. невозможно он якобы мог) представить себе, как ее радует мысль о том, что он принял Андергаст; вот чего ему не хватало: авторитетной личности» (Jakob Wassermann, Etzel Andergast, 1931).

Прошедшее время чаще всего бывает в единственном числе 1 и 3 лица (37), особенно с прямым порядком *könnte unmöglich* (23), напр.: *Gegen die Hebamme Schoch oder Frau Welti, die am Vormittag des 13. Febr. außer ihm einzig noch um das Kind beschäftigt waren, könnte unmöglich ein Verdacht aufkommen. Wer also als der Angeklagte könnte der Thäter sein?* «Против акушерки Шох или госпожи Вельти, которые утром 13 февраля, помимо него, занимались этим ребенком, не могло (букв. могло бы невозможно) возникнуть какое-либо подозрение. Так кто же как не обвиняемый мог бы быть преступником?» (Willibald Alexis, *Der Neue Pitaval: Neue Serie: Band 2*, 1867). С обратным порядком заметно реже *unmöglich könnte* (14), напр.: *Unmöglich könnte ich vor einem Dritten so mit dir sprechen* «Невозможно, чтобы я так разговаривал (букв. невозможно мог бы я так разговаривать) с тобой в присутствии кого-либо» (Franz Kafka, *Fragmente aus Heften und losen Blättern*, 1883–1924). Сюда же входят и 4 примера с усеченной формой *unmöglich könnt*, напр.: *Unmöglich könnt es der Welt länger verborgen bleiben, wenn es ihm bekannt wäre* «Невозможно (букв. невозможно могло бы быть), чтобы он дольше оставался скрытым от мира, если бы это было ему известно» (Christoph Martin Wieland, *Das Hexameron von Rosenhain*, 1803).

Заметно реже бывает прошедшее время множественного числа 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» (18), причем прямой порядок *könnten unmöglich* (14) преобладает, напр.: *Sie könnten unmöglich gelegener kommen, mein bester Herr Ostermeier...* «Вы пришли очень вовремя (букв. Вы могли бы невозможно прийти более вовремя), мой замечательный (букв. лучший) господин Остермайер...» (Frank Wedekind, *Der Marquis von Keith*, 1901). Обратный порядок *unmöglich könnten* (4) значительно реже, напр.: *In dieser Masse Ordnung zu erhalten und zu sorgen, daß ihre Augen nicht zufielen, dafür brauche Gott die Pfarrer als Werkzeuge; aber unmöglich könnten sie den Leuten Dinge zeigen, die sie selbst noch nicht sehen; unmöglich könnten sie dieselben zwingen, etwas zu erblicken, was außer dem Gesichtskreis sterblicher Augen liege* «Чтобы поддерживать порядок в этой массе и следить за тем, чтобы они не сомкнули глаз, для этого Богу, якобы, нужны священники в качестве орудий; но невозможно было бы насильно показать людям (букв. невозможно можно было бы людей заставить увидеть) то, чего они сами еще не видят; не-

возможно, чтобы они могли их же заставить увидеть то, что якобы лежит за горизонтом смертных глаз» (Jeremias Gotthelf, *Leiden und Freuden eines Schulmeisters: Zweiter Teil*, 1839).

Наконец, прошедшее время единственного числа 2 лица дает всего 2 случая: один раз с прямым порядком *könntest unmöglich* (1): *Hannerl Fabian, du könntest unmöglich so sein, du hast mit einer andern eine Liebschaft ang' fangt!* «Ханнерл Фабиан, ты не мог бы (букв. ты мог бы невозможно) быть таким, ты затеял интрижку с другой!» (Johann Nestroy, *Die beiden Nachtwandler*, 1836). А другой — с обратным порядком *unmöglich könntest* (1): *Hättest Du mich lieb, unmöglich könntest Du von Deinem Sekretär einen Brief abschnurren lassen wie ein Paternoster* «Если бы ты любил меня, ты не мог бы (букв. невозможно мог бы ты) дать своему секретарю пробубнить это письмо, как если бы это была нудная молитва» (Bettine von Arnim, *Goethes Briefwechsel mit einem Kinde*, 1835).

«Возможно мочь» (77)

Чаще всего говорят о «возможности» становиться или быть, или даже (очень редко) каузировать что-либо, но не что-либо совершать «своими руками». Напр.: *Allah ist groß; er kann möglich machen, was unmöglich ist!* «Аллах велик; он может возможным делать то, что невозможно» (Karl May, *Deutsche Herzen, deutsche Helden*, 1885–1888).

Индикатив (49)

В форме настоящего времени встретились только формы единственного числа 1 и 3 лица (40). Причем, вопреки общей тенденции, преобладает обратный порядок *möglich kann* (23), напр.: [...] *denn besser als möglich kann doch nichts sein; auch nur in diesem Sinne hatte man Grund, die Welt für vollkommen zu halten* «[...] ведь лучше, чем возможно, не может ничто быть; даже только в этом смысле имелось основание мир считать совершенным» (Eduard von Hartmann, *Philosophie des Unbewußten*, 1869/1890). С прямым порядком *kann möglich* (17) примеров заметно меньше, напр.: *Das kann möglich sein* «Это может возможным быть» (Karl May, *Die Sklavenkarawane*, 1890). В таких случаях можно было бы обойтись и без «возможно», напр.: *Es kann möglich werden, das Leben der Patientin zu riskieren, um sie geistig gesund zu machen* «Можно будет (букв. может возможным стать) рискнуть жизнью пациентки, чтобы сделать ее психически здоровой» (Karl May, *Der verlorene Sohn oder der Fürst des Elends: Roman aus der Criminal-Geschichte*, 1884–1886).

В прошедшем времени найдены примеры только единственного числа 1 и 3 лица (9), подавляющее большинство с прямым порядком *konnte möglich* (8), напр.: *Das konnte möglich sein* «Это могло быть возможно» (Wilhelmine

Heimburg, Aus dem Leben meiner alten Freundin). Нашелся только один пример с обратным порядком (1), да еще с архаически усеченным окончанием глагола: *Vielleicht doch, möglich, konnt' es Zufall sein: / Der Rand war schroff und bröcklig das Gestein* «Может быть, все же, возможно, могло это быть совпадением: / Край был отвесный, а горная порода крошилась» (Annette von Droste-Hülshoff, *Das Vermächtnis des Arztes*, 1844).

КОНЪЮНКТИВ (28)

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица *könnte möglich* (18) означает «не исключено, что это возможно», чаще при прямом порядке напр.: *Könnte möglich sein!* «Вполне могло бы быть» (Karl May, *Satan und Ischariot: Band III*, 1896). Значительно меньше случаев с обратным порядком *möglich könnte* (6), напр.: *Möglich könnte es doch sein, daß uns die Strömung weiter hinübergebracht hätte, als wir erwarteten...* «Возможно, могло бы все же случиться так, что течение унесло бы нас дальше, чем мы ожидали...» (Friedrich Gerstäcker, *Die Flußpiraten des Mississippi*, 1848). Множественное число 1 и 3 лица встретилось один раз, причем с прямым порядком *könnten möglich* (1): *Die Dinge, die er schildert, könnten möglich gewesen sein; und darauf allein kommt es an* «Вещи, которые он изображает, могли бы быть возможными, в том-то и дело» (Willy Seidel, *Die Himmel der Farbigen: Ein Bilderbuch aus zeitlosen Weltwinkeln*, 1930).

«Пересказывательная» форма настоящего времени (3) встретила только с прямым порядком *könne möglich* (3), напр.: *Du meinst im Ernst, das könne möglich sein?* «Ты серьезно думаешь, что это возможно (букв. это может якобы возможным быть)?» (Achim von Arnim, *Die Gleichen*, 1819). В таком предложении ставится вопрос не о чисто физической возможности, а о том, действительно ли о ней именно так думает другой человек. От такого сомнения всего один шаг до совсем уже грубовато простонародного «Ты дебил, если так думаешь», редкого в письменной культуре.

«Вероятно мочь» (75)

Индикатив (63)

Как обычно, преобладает настоящее время единственного числа 1 и 3 лица (32), чаще с прямым порядком *kann wahrscheinlich* (19), напр.: *Ja, es kann wahrscheinlich vorkommen, daß man sie gar nicht mehr zu verstehen vermag* «Да, может, вероятно, случиться так, что они ее даже не смогут понять» (Karl May, *Im Reiche des silbernen Löwen: III*, 1902). Обратный порядок в полтора раза реже *wahrscheinlich kann* (13), напр.: *Wahrscheinlich kann doch jeder Mensch nur das*

sagen, was er selbst ist «Вероятно, может каждый человек все-таки сказать только то, что он собой представляет» (Paul Ernst, Ein Credo, 1912).

Настоящее время множественного числа 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (11) бывает реже, причем больше с обратным порядком *wahrscheinlich können* (7), напр.: *Aber in einem Jahre werden Sie es wahrscheinlich können* «Но через год вы это, вероятно, сможете» (Paul Keller, Altenroda: Bergstadtgeschichten, 1921). Меньше примеров с прямым порядком *können wahrscheinlich* (4), напр.: *Die Fechtbrüder, die vorbeikommen, können wahrscheinlich nicht lesen, denn nicht einer erschrickt vor seinem Brustschild, und sie betteln alle* «Бродяги (букв. собравшись по бродяжничеству), проходящие мимо, вероятно, не могут читать, потому что вывеска на нем [«Попрошайничество запрещено»] никого не пугает, при том, что попрошайничают они все» (Paul Keller, Der Sohn der Hagar, 1922).

Наконец, настоящее время единственного числа 2 лица встретилось только один раз, с прямым порядком *kannst wahrscheinlich* (1): *Du kannst wahrscheinlich als Augenzeuge reden?* «Ты можешь, вероятно, выступить свидетелем?» (Wilhelm Hauff, Das Bild des Kaisers, 1827).

По частотности прошедшее время единственного числа в сумме уступает настоящему. Так, 1 и 3 лица (12) преобладают с обратным порядком *wahrscheinlich konnte* (9), напр.: *Wahrscheinlich konnte er bleiben* «Вероятно, так он и мог остаться» (Rainer Maria Rilke, Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, 1910). С прямым порядком *konnte wahrscheinlich* (3) случаев меньше, напр.: *Auskunft geben konnte wahrscheinlich der Spaßmacher, doch Herniu hütete sich, ihn um etwas zu bitten* «Сообщить мог, вероятно, шутник, но Херниу остерегался просить его о чем-либо» (Ludwig Renn, Herniu und der blinde Asni, 1956).

Прошедшее время множественного числа 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (5) представлены больше с прямым порядком *konnten wahrscheinlich* (4), напр.: *Doch die winzigen Tiere konnten wahrscheinlich mit dem Überschuss nicht fertig werden* «Но крошечные животные, вероятно, не могли (букв. могли, вероятно, не) справиться с избытком» (Horst Hoffmann, Perry Rhodan: Der Zeitagent, 1987). И всего один раз с обратным порядком *wahrscheinlich konnten* (1), напр.: *Wahrscheinlich konnten sich die Schurken da oben nicht erklären, woher das Wasser kam, aber sie hüteten sich wohl, ihre Gegenwart zu verraten* «Вероятно, не могли негодяи там, наверху, объяснить, откуда взялась вода, но, вероятно, они остерегались выдать свое присутствие» (Karl May, Durch das Land der Skipetaren, 1892).

Наконец, прошедшее время единственного числа 2 лица *konntest wahrscheinlich* (2) встретилось только с прямым порядком: [...] *du konntest wahrscheinlich nicht anders handeln; kein Mensch kann aus seiner Natur heraus, aber was beginnen wir nun?* «ты не мог, вероятно, поступить иначе; никто не может преодолеть свою природу, но что же нам теперь делать?» (Franz Treller, Der Sohn des Gaucho, 1900).

КОНЪЮНКТИВ (12)

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица *könnte wahrscheinlich* (5) встретилось только с прямым порядком: *Er könnte wahrscheinlich als einsamer Gelehrter störrisch bis zur Borniertheit sein* «Вероятно, как одинокий ученый, он мог бы быть упрямым до отупления» (Harry Graf Kessler, *Tagebücher: 1918–1937*). Во множественном числе 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» — только с обратным порядком *wahrscheinlich könnten* (4), напр.: *Es stimmt dann etwas nicht im Gang, in der Haltung, es ist Ihnen irgendwie aus der Hand gekommen, und wahrscheinlich könnten Sie ebensowenig definieren, woran das eigentlich zu merken ist, so infinitesimal klein sind die Veränderungen [...]* «Тогда что-то не так в походке, в позе, это как-то само у вас вышло и, вероятно, вы могли бы точно так же неточно определить, по чему это следует устанавливать — так бесконечно малы изменения» (Stefan Zweig, *Ungeduld des Herzens*, 1939).

«Пересказывательная» форма настоящего времени единственного числа 1 и 3 лица только с прямым порядком *könne wahrscheinlich* (3): *Ein Wundarzt, der aus der Nachbarschaft herbeigeholt wurde, machte jedoch Hoffnung und brachte es durch angestrenzte Bemühung dahin, daß er gegen Mittag wieder zur Besinnung kam und die Besuchenden es wagten, den tröstlichen Bericht nach Grünenstein zu senden, er könne wahrscheinlich gerettet werden* «Военный лекарь, доставленный из близлежащего района, обнадежил и с большими усилиями привел его в сознание к полудню, так что посетители отважились послать в Грюненштейн утешительное сообщение, что якобы его, вероятно, можно спасти» (Ulrich Hegner, *Die Molkenkur: Roman in drei Teilen*, 1819).

«Невероятно мочь» (1)

Единственный пример — в индикативе прошедшего времени единственного числа 1 и 3 лица с обратным порядком *unwahrscheinlich konnte* (1): [...] *unwahrscheinlich konnte es ihr nicht vorkommen, daß derjenige, dem der Mönch die Kranke beym Abschiede so nachdrücklich empfahl, geeilt haben könne, sein Eigenthum zu sich zu nehmen* «вряд ли ей не пришло в голову (букв. невозможно могло ей не прийти в голову), что тот, кому монах при прощании так настоятельно рекомендовал больную, поспешил забрать себе его имущество» (Benedikte Naubert, *Geschichte der Gräfin Thekla von Thurn*, 1788). Случаи со вставными элементами между глаголом и наречием есть, но их единицы, напр.: *Ob aber nicht Grauen, Angst und Schreckbilder, den zurückgebliebenen Lebenden verfolgen werden, wer könnte das unwahrscheinlich finden?* «Но если бы не ужас, страх и кошмары, преследующие оставшихся в живых, кто бы мог подумать, что это невероятно?» (Johann Georg Friedrich Jacobi, *Das Buch vom Aberglauben, Mißbrauch, und falschen Wahn: Ein nöthiger Beitrag zum Unterricht-Noth-und Hülfsbüchlein*, 1790).

Заключение

1. Статистика в рамках данного исследования имеет, разумеется, лишь эвристическую ценность, для порождения гипотез.

Как видим, лидирует сочетание *unmöglich* «невозможно» с *können* «мочь», остальные случаи по частотности заметно отстают, вызывая исследовательскую настороженность.

Прямой порядок, когда сначала идет модальный глагол, значительно чаще (1136), чем обратный порядок, когда сначала идет наречие (426). Индикатив (1385) чаще конъюнктива (182). Настоящее время (1033) чаще прошедшего (534): речь об актуальной реальности вдвое чаще реконструкции каузальности в «каком-то там» умозрительном мире прошлого. Единственное число 1 и 3 лица (1242) чаще множественного числа 1 и 3 лица и вежливого *Sie* «Вы» (285) и во много раз чаще единственного числа 2 лица (32), а тем более множественного числа 2 лица (8).

2. Дублирование эпистемически нагруженных слов — страховка на случай, если эпистемические гарантии подведут. Подсознание выдает свое опасение «измены» употреблением выражения *kann unmöglich* «может невозможно».

Такая драматизация придает дискурсу динамику, а миру парадоксальность: все думают, это возможно (или это невозможно), а это не так (или реже, но тоже с сюрпризом: и это так). Прямой порядок (сначала глагол «мочь», а только потом вердикт — «невозможно») более бросок, может, потому и бывает чаще. А форма второго лица, лица адресата, если и бывает, то значительно реже формы первого и третьего лица: уж свои-то возможности адресат знает лучше, чем автор, если тот не Зигмунд Фрейд на работе.

Немецкое *unmöglich* «невозможно» отдаленно напоминает французскую отрицательную частицу *pas* (прямое значение «шаг»), которая когда-то всего только усиливала традиционную отрицательную частицу *ne*, а в современном разговорном языке бывает в предложении единственным сигналом отрицания, ср. *Ce n'est pas sorcier* «Это не волшебство» в классически выдержанной речи и *C'est pas sorcier* (так называлась когда-то научно-популярная телепрограмма), с тем же значением, но без отрицательной частицы *ne*. Подчеркнутая разговорность речи на интеллектуальную тему обещает нескучные объяснения сложных для понимания предметов.

4. Вероятность, по определению, зависит и от бездушной возможности, и от капризов человека на бирже мнений. Захотелось — вбросил на ментальный рынок побольше человеческих артефактов (хоть долларов и нефти, хоть мнений и сомнений), не захотел или жизнь прижала — поменьше. Но спекуляция (во всех смыслах) к вечной физической реальности имеет только опосредованное отношение. Еще и поэтому класс «невероятно» намного реже, чем класс «возможно», а тем более в сочетании с модальным глаголом.

В чем причина межъязыкового варьирования речи о возможном и о вероятном? Случаен ли разницей в отстраненной подаче сообщений — или

он предопределен глубинными расхождениями ментальных культур, диктующих выбор языковых средств? На эти вопросы, как и на многие другие, ответит мультидисциплинарное когнитивное исследование, не ограничивающееся чисто языковыми феноменами.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1982.
2. Thon J.-N. *Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2016.
3. Altes L.K. *Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2014.
4. Cook G. *Discourse and Literature*. Oxford etc.: Oxford University Press, 1994.
5. Bruce I. *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London; New York: Continuum, 2008.
6. Kiaer J. *Pragmatic Syntax*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2014.
7. McWhorter J.H. *The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
8. Lyons J. *Semantics*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1977.
9. Plantinga A. *Warrant and Proper Function*. New York: Oxford University Press, 1993.
10. Plantinga A. Review: Précis of Warrant: The Current Debate and Warrant and Proper Function // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55(2) (Jun. 1995). P. 393–396. <https://doi.org/10.2307/2108556>
11. Stalnaker R. *Context*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
12. Groddeck W. *Reden über Rhetorik: Zu einer Stilistik des Lesens*. Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld, 1995.
13. Ducrot O. *Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique*. Paris: Hermann, 1972.
14. Aikhenvald A.Y. The grammar of knowledge: a cross-linguistic view of evidentials and the expression of information source // *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology* / Edit. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford etc.: Oxford University Press, 2014. P.1–51.
15. Wittgenstein L. *Philosophical grammar* / translated by Anthony Kenny; edited by R. Rhees. Oxford: Blackwell, 1974.
16. Bender N. *Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst*. Basel: Schwabe, 2018.
17. Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. №4. С. 5–17. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-5-17>
18. Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. From collocations and patterns to constructions — an introduction // *Constructions. Collocations. Patterns* / Edit. by Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 1–9.
19. Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р. Валент, 2021. С. 21–99.
20. Демьянков В.З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // *Когнитивные исследования*. 2022. №3. (В печати)

References

1. Novikov, L.A. (1982). *Language mastery*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
2. Thon, J.-N. (2016). *Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture*. Lincoln; London: University of Nebraska Press.
3. Altes, L.K. (2014). *Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction*. Lincoln; London: University of Nebraska Press.

4. Cook, G. (1994). *Discourse and Literature*. Oxford etc.: Oxford University Press.
5. Bruce, I. (2008). *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London; New York: Continuum.
6. Kiaer, J. (2014). *Pragmatic Syntax*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury.
7. McWhorter, J.H. (2014). *The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language*. Oxford: Oxford University Press.
8. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
9. Plantinga, A. (1993). *Warrant and Proper Function*. New York: Oxford University Press.
10. Plantinga, A. (1995). Review: Précis of Warrant: The Current Debate and Warrant and Proper Function. *Philosophy and Phenomenological Research*, 55(2), 393–396. <https://doi.org/10.2307/2108556>
11. Stalnaker, R. (2014). *Context*. Oxford: Oxford University Press.
12. Groddeck, W. (1995). *Reden über Rhetorik: Zu einer Stilistik des Lesens*. Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld.
13. Ducrot, O. (1972). *Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique*. Paris: Hermann.
14. Aikhenvald, A.Y. (2014). The grammar of knowledge: a cross-linguistic view of evidentials and the expression of information source. In: *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology*, Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). Oxford etc.: Oxford University Press. pp. 1–51.
15. Wittgenstein, L. (1974) *Philosophical grammar / Translated by Anthony Kenny / Edited by R. Rhees*. Oxford: Blackwell.
16. Bender, N. (2018). *Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst*. Basel: Schwabe.
17. Demyankov, V.Z. (2020). On linguistic techniques of adapting opinions. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 5–17. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-5-17> (In Russ.).
18. Herbst, Th., Schmid, H.-J. & Faulhaber, S. (2014). From collocations and patterns to constructions — an introduction. In: *Constructions. Collocations. Patterns*, Herbst, Th.; Schmid, H.-J.; Faulhaber, S. (eds.). Berlin; Boston: Walter de Gruyter. P. 1–9.
19. Demyankov, V.Z. (2021). Linguistic creativity in discourses on possibility and on probability. In: *Linguistic Creativity in Different Types of Discourses: Its Limits and Possibilities*. Moscow: Valent. Pp. 21–99. (In Russ.).
20. Demyankov, V.Z. (2022). Semantic reduplication in judgments on possibility. *Cognitive Investigations*, 3. (In print) (In Russ.).

Сведения об авторе:

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, руководитель Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, сфера научных интересов: теоретическое и прикладное языкознание, e-mail: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708, Scopus Author ID: 57110414800; ResearcherId: O-7350-2017, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.

Information about the author:

Valery Z. Demyankov is Prof. Dr.Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Head of the Scientific and Educational Center for Theory and Practice of Communication named after Yu.S. Stepanov, Research interests: theoretical and applied linguistics, e-mail: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708, Scopus Author ID: 57110414800; ResearcherId: O-7350-2017, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-608-629

УДК 811.161.1'22:792

Научная статья / Research article

Концепты ДУХ И ДУША в лингвосемиотике театрального искусства

Т.В. Маркелова¹  , Н.В. Попков (Глинский)²^{1,2}Институт современного искусства,

121309, Российская Федерация, Москва, ул. Новозаводская, 27а

 tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме корреляции языковой и внеязыковой деятельности в творческой мастерской выдающейся языковой личности, продолжателя реалистических традиций русского и мирового театра, великого реформатора театрального искусства, актера, режиссера, педагога, театрального мыслителя К.С. Станиславского. Для анализа избраны иконические знаки-слова его системы — *дух и душа* — во всей многогранности их значения, рассматриваемой в русле семиотической и семантической теории Л.А. Новикова. В исследовании проводится поиск кодового содержания слов в системе и практика их употребления К.С. Станиславским, обусловленная, во-первых, цензурой (экстралингвистический фактор), во-вторых, лексикографической практикой времени, в-третьих, отношением автора к ценности слова-знака в процессе его сигматического актуального употребления. Анализ семантической структуры слов *дух и душа* (а также их некоторых дериватов) в семиотике театрального языка проводится с опорой на описание данных констант как слов культурного кода, как знаков русской ментальности на основе теории о внешнем, внутреннем знаке и значении, дающем возможность соотнести слово и образ. Большое внимание уделяется характеристике лексем *дух и душа* как прагмем с позиций заключенного в них ценностного ядра. Описывается появление и развитие оценочных коннотаций у лексем *дух и душа* в рамках развития концептов, предпринимаются попытки доказательства предпочтительного употребления в сложном жанре изложения системы К.С. Станиславского. Исследование проводится на основе большого эмпирического материала, собранного из трудов К.С. Станиславского — «Моя жизнь в искусстве», «Работа актера над собой» (с дополнениями и различным развитием тематики), который иллюстрирует многомерность и многослойность концептов ДУХ и ДУША, ценности фразеологического окружения, их знаковый характер в системе театрального языка, а следовательно, языка театрального искусства, их взаимосвязь и, напротив, «отторжение» друг от друга.

Ключевые слова: концепт, значение, знак-прагмема, знак-коннотация, семантическая структура слова, семема, сема, ценность, оценка, театральная система К.С. Станиславского

© Маркелова Т.В., Попков (Глинский) Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 20.03.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Маркелова Т.В., Попков (Глинский) Н.В. Концепты ДУХ и ДУША в лингвосемиотике театрального искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 608–629. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-608-629>

Concepts SPIRIT and SOUL in Linguo-Semiotics of Theatrical Art

Tatyana V. Markelova¹  , Nikolay V. Popkov (Glinsky)²

² Institute of Modern Arts,

27A, Novozavodskaya street, Moscow, Russian Federation, 121309

 tvmarkelova@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the problem of the correlation of linguistic and extralinguistic operations in the creative workshop of an outstanding linguistic persona, the successor of the realistic traditions of Russian and world theater, the great reformer of theatrical art, actor, director, teacher, theatrical thinker K.S. Stanislavsky. We chose the iconic sign-words of his “system” — *spirit* and *soul* — for analysis in all the versatility of their meaning considered in compliance with the semiotic and semantic theory of L.A. Novikov. The study searches for the code content of words in the system and provides the practice of their use by K.S. Stanislavsky, conditioned, firstly, by censorship (an extralinguistic factor), secondly, by the lexicographic practice, and thirdly, by the author’s attitude to the value of the word-sign in the process of its sigmatic actual use. The analysis of the semantic structure of the words *spirit* and *soul* (as well as some of their derivatives) in the semiotics of theatrical language is based on the description of these constants as words of the cultural code, as signs of the Russian mentality based on the theory of external, internal sign and the meaning which makes it possible to correlate the word and image. In the paper we pay much attention to the characterization of the lexemes *spirit* and *soul* as pragmemes from the point of the value core contained in them. The paper describes the occurring and development of evaluative connotations in the lexemes *spirit* and *soul* as part of the concepts developing; the study makes attempts to prove the preferred use in the complex genre of presentation of the “system” by K.S. Stanislavsky. The study is based on a large empirical material collected from the works of K.S. Stanislavsky — “My life in art”, “The work of an actor on himself” (with various additions and various developments of the subject), which illustrates the multidimensionality and multilayeredness of the concepts of *spirit* and *soul*, as well as illustrates the values of the phraseological environment, their symbolic nature in the system of theatrical language, and therefore, the language of theatrical art, their relationship and, on the contrary, “rejection” from each other.

Key words: concept, meaning, sign-pragmeme, sign-connotation, semantic structure of the word, sememe, seme, value, evaluation, K.S. Stanislavsky’s theatrical system

Article history:

Received: 20.03.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Markelova, T.V. & Popkov (Glinsky), N.V. (2022). Concepts SPIRIT and SOUL in Linguo-Semiotics of Theatrical Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 608—629. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-608-629>

Введение

До сих пор в театральном искусстве система К.С. Станиславского остается иконой, а иконическими знаками-словами этой системы являются ДУХ и ДУША, живущие как концепты в системе ценностей, в когнитивной матрице концептуария культуры. Описанные В.В. Колесовым в связке «*Душа — символ духа*» [1. С. 269–271], Ю.С. Степановым в трактовке «*Душа как сущность, отличная от духа*» [2. С. 717–719] с опорой на труды Н.И. Бердяева, И. Ильина, они впервые попадают в контекст лингвосемиотики театра, и в нашем исследовании ставится **цель** разгадать их кодовое содержание в системе К.С. Станиславского — «гармонической личности», «человека-подвижника, счастливо соединившего в себе черты гениального художника и этическую чистоту» [3. С. 5].

Необходимость разгадки кодового значения системы детерминируют задачи на пути достижения цели: актуальную проблему соотношения концептуальных структур нашего сознания с репрезентирующими их языковыми единицами; оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию, определяющую многомерность языковых значений слов — прагматического, коннотативного, сигматического вкупе с прямым безоценочным смыслом [4. С. 404]; необходимость оценки роли человека в восприятии окружающей действительности ради сохранения ценностей искусства — в нашем случае — системы К.С. Станиславского и реализации ее профессионального вектора — повышения качества театрального образования. Особенно своевременным оказывается стремление К.С. Станиславского «изучить, познать, а затем и выразить в слове (передать будущему) внутренние основы и законы актерской профессии» [5. С. 8]. Сложность языковой личности К.С. Станиславского, вынужденного жить и творить в контексте тоталитарного общества и его культуры, требует расшифровки кодовых слов *дух* и *душа*, детального описания их лингвистической жизни ради открытия имплицитного, обнаружения бессознательного, переоценки «мотора» и «души» системы: «Система окажется движущимся явлением, обновляющимся, хотя ученики и распространители не раз будут предлагать ее как застывший набор «правил» и раз и навсегда готовых ответов на все случаи театральной жизни» [5. С. 9].

Открытие тайн языка поможет обнаружению тайн театральной системы, скрытых за иносказаниями и формулировками, которые удовлетворяли цензуру. То есть у слов ДУХ и ДУША как кодовых слов системы К.С. Станиславского появились новые функции, олицетворяющие антропоцентрический подход к языку в рамках определения его лингвокультуры.

турной природы, что отражает взгляд на язык как особое «пространство» связи «...с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и — в более отдаленной перспективе — с физиологией и физикой» [6. С. 260–261]. Именно в этом пространстве развивается **многомерность и многослойность** концептов ДУХ и ДУША. Вслед за В.И. Карасиком, рассматриваем «лингвокультурные концепты как ментальное образование, в составе которых выделяются понятийные, образные и ценностные составляющие» [7. С. 153]. В процессе описания объекта исследования — концептов ДУХ и ДУША — последовательно рассматриваем словарные, историко-этимологические и дефиниционные характеристики этих особенных ментальных образований с поистине «необъятным» объемом значений, связанных с аксиологическим концептом и прагматическим аспектом театрального дискурса, понимаемого «как речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [8. С. 3].

Создатель современной школы актерского искусства, художник-новатор, продолжатель лучших реалистических традиций русского и мирового театра, К.С. Станиславский после долгих размышлений остановился при изложении своих театральных идей на форме дневника ученика (то есть коммуниканта). Поэтому читатель системы проникает в нее через сознание актера, отражающего оценку тайн актерской профессии, вложенную в его уста ценителем — великим режиссером и актером К.С. Станиславским.

Сложность такой двойной оценки, реализуемой в многомерности и многослойности концептов ДУХ и ДУША, отражает аксиологическое содержание в языковой картине мира — признак ценностного отношения к предмету оценивающего субъекта: *Жизнь хорошая — удивительная — замечательная // плохая — скверная — отвратительная* и др. Сферы ее влияния, взаимодействие с мышлением и речью, логикой и прагматикой, чувствами и действиями, ее объективация в языке объединяются в общее направление — **аксиологию**. Будучи учением «о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т.е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [9. С. 218] (в нашем исследовании — личности режиссера-учителя К.С. Станиславского и актера-ученика), оно распространяет свое влияние на мышление и речь, логику и прагматику, чувства и действия личности [9; 10]. Анализируя многоаспектность значений и употреблений в театральном дискурсе знаковых слов ДУХ и ДУША, опираемся на концептуальное положение Л.А. Новикова, высказанное им в рамках «Феномена эстетического в языке»: «Язык — не только средство общения, но и тончайший инструмент самовыражения личности» [4. С. 17].

Это высказывание трактуем как фундамент театрального искусства и его языка, постоянно испытывающего колебания константных аксиологических признаков общества. Современный читатель и почитатель учения К.С. Станиславского, студент театрального вуза, искусствовед должны преодолеть трудности языкового барьера, пронизывающего текст всех книг учения. Этот барьер создан идеологической монолитностью и ценностным императивом общества советского периода и противоречит ценностному плюрализму, релятивизму, мультикультурализму современного общества. Поэтому так важно проникнуть в тайну культурного кода, его аксиологическую составляющую для автора системы театрального искусства и его учеников, описать внутреннее и внешнее значение слов, репрезентирующих знаковые составляющие театральной системы К.С. Станиславского, пронаблюдать взаимодействие лексики и фразеологии в континууме, формирующем концептосферу «духовности»: истина, гармония, добро, совесть, воля, свобода [11. С. 16].

Исследование концептуального содержания учения К.С. Станиславского в ранге ДУХ и ДУША значимо для состояния современного театра, понимания проблем иммерсивного и пластического театра, особой точки зрения на театр Мейерхольда и театр Брехта, так как «система Станиславского оказывается прежде всего всесторонне продуманной, исторически обоснованной, экспериментально проверенной апологией актерской профессии» [5. С. 8].

Многоаспектный лингвистический анализ концептов ДУХ и ДУША проводится с учетом семиотики театрального искусства, на основе ее знаковой системы и опирается на

- описание данных констант как слов культурного кода в трудах Ю.С. Степанова [2];
- анализ семантем русской ментальности в исследованиях В.В. Колесова [1];
- анализ семантической структуры слов ДУХ и ДУША в семиотической системе языка Л.А. Новикова [4];
- лингвокультурологический анализ в свете данных русского языка в работах А.Д. Шмелева [12].

Значимость сочетания вышеназванных направлений исследования языка по отношению к одному объекту детерминирована когнитивным подходом к языку как источнику данных о природе человеческого разума, о специфике непосредственно не наблюдаемых ментальных процессов, связанных — в объекте нашего исследования — с творчеством актера и режиссера и отражением в их языковой картине мира.

Поиск сущностей, которые скрываются за словами ДУХ и ДУША — первичными реализаторами соответствующих концептов, начнем с представлений русских философов, соотносимых с лексикографической природой искомых номинаций. Рассуждения о сущностных признаках ДУХА и ДУШИ предваряет анализ таких свойств русского человека, как *духовность* и *душев-*

ность, именно на отвлечении от них строится представление В.В. Колесова «Душа — символ духа» [1. С. 269], важное для нашего анализа. Опираясь на утверждение Н.А. Бердяева, что «Русский человек душевен, — но задача состоит в том, чтобы стать духовным» [13. С. 52], В.В. Колесов выводит отличие этих концептов в представлении русской ментальности: «Душевность — это воплощение духовности, но все-таки еще не духовность. Духовность сплачивает души, она и ковалась веками... Духовность — высокое чувство веры в идеал, который правит Миром. И в этом русская вера» [1. С. 269].

Соотношение иконической и символической природы семиотических знаков ДУХ и ДУША отражается в выделении метафорического характера ДУШИ как символа «внутреннего мира человека», отмечается траектория этого символа и, даже, его бесконечность: «Но символический смысл «души» глубже. Сердце — символ души, душа — символ духа» [1. С. 269]. Именно в этом пространстве ДУША поклоняется ДУХУ и здесь же, возможно, истоки «жизни человеческого духа» как тезиса К.С. Станиславского, скрывающего «жизнь человеческой души». Ценность ДУХА высока, символична, не всегда объяснима, но неотъемлема от природы человека: «Дух есть «воздух» и «хлеб» человеческой жизни, ибо человек задыхается и изнемогает без него. Дух есть дыхание божие в природе и человеке; сокровенный внутренний свет, осмысливающее и очистительное. Он освящает жизнь...». «Дух — это свободнейшая и интенсивнейшая энергия...» [14. С. 346]. Именно так говорил К.С. Станиславский об энергии души актера. Таким образом, «За духом признается право на владение миром, за русской мыслью — право на веру в дух» [1. С. 270]. Это ментальное «право» и увидел, вернее, почувствовал на ментальном уровне К.С. Станиславский, определив его как «жизнь человеческого духа», подразумевая под ним «жизнь человеческой души», в нашем случае — «жизнь души» актера.

ДУХ и ДУША **как номинации семиосферы языковой** **картины мира театрального искусства**

К.С. Станиславский считает главной целью театрального «искусства переживания» создание на сцене «жизни человеческой души». Содержание этого сочетания скрывается под выражением «жизнь человеческого духа», которое автор системы использовал в силу цензурных причин. Кодовый смысл — «очевидная живая душа его театра и его системы» — определяет характер идеального проживания жизни актером — ничем не контролируемый взлет по траектории, заданной линией его роли: «...если порыв несется по линии роли, тогда результат достигает идеала». Этот порыв — внутренний, душевный, — «подлинный источник актерского мастерства» — это слова Олега Ефремова, возможно, самого преданного ученика Станиславского: «Душа си-

стемы, ее энергетический центр — это душа актера в процессе творчества» [16. С. 18].

Семиосфера театрального искусства в пространстве системы К.С. Станиславского как во время его жизни, так и спустя столетия шифруется, кодируется словами: «Но актер сам не в себе. Не он творит. Творит его природа, а он лишь инструмент, скрипка в ее руках» [19. С. 381]. Именно книга К.С. Станиславского «Работа актера над собой» реализует полет вдохновения души актера, направляемый «в космос» опытной рукой режиссера, который, по словам В.И. Немировича-Данченко, «умирает в актере» [18]. Режиссер-учитель учит своих учеников создавать на сцене «жизнь человеческой души», не употребляя слово ДУША — символ мистики и идеализма (согласно словарям первой трети XX века). Репрезентантом ДУШИ становится «ДУХ» (подчеркнем — «дух» в кавычках). Кавычки — его **синтактика**, степень взаимодействия с внутренним и внешним содержанием, отношение субъекта оценки — Станиславского — к ДУХУ как к ценностному семиотическому знаку ДУШИ — его **прагматика**; сема «человек» как основа семантем ДУХ и ДУША — его **семантика**.

Ключом к различению и пересечению ДУХА и ДУШИ, условием их реконструкции в учении Станиславского, вечно живом и гармоничном, но достаточно противоречивом — «Моя жизнь в искусстве», местом их в обучении актера — «Работа актера над собой», может служить только лингвосемиотический анализ.

На пути анализа этих концептов как ментальных ценностных констант мы делаем экскурс в языковое сознание носителя языка в рамках его языковой картины мира; экскурс в семантику ДУХА и ДУШИ, основанный на теории семантического анализа Л.А. Новикова; экскурс в синтактику и прагматику ДУХА и ДУШИ как семиотических знаков. Семиотика театрального языка как языка искусства демонстрирует здесь свою неразрывную связь и взаимопроникновение с когнитивной и культурной природой языка как системы знаков.

ДУХ и ДУША — кодовые понятия в учении Станиславского, звучащие на всем его протяжении [19. С. 16] — находятся в единстве и борьбе, в зависимости от контекста исторической ситуации (цензура и кураторы из органов). Но каждая из их содержательных позиций и ее воздействующая сила на исполнителя роли «сплетаются», на наш взгляд, из «ткани» лексической семантики, фразеологического ореола этих слов, их синтактики и их прагматической функции (отношения субъекта к употребляемому знаку и его воздействию в коммуникации).

Семантическому анализу кодовых лексем предшествует их характеристика в пространстве театрального языка творческой языковой личности — К.С. Станиславского, который вкладывает в уста героев своих книг (учителя Торцова, учеников Названова, Говоркова и Малолетковой и дру-

гих) дефиниции ДУХА и ДУШИ с подчеркнутой воздействующей силой. Символом ДУХА в выражении «жизнь человеческого духа» оказывается воплощение ДУШИ, но обязательно в контексте главного семиотического знака театра — актера, в исполненной им роли, его переживаниях на сцене. Фундаментальное звено системы Станиславского, по мнению людей театра, — одна фраза — «жизнь человеческого духа» как суть школы актерского «переживания»: «Переживание помогает артисту выполнять основную цель сценического искусства, которая заключается в создании «жизни человеческого духа», роли и передачи этой жизни на сцене в художественной форме» [19. С. 63]. Только во второй главе — «Сценическое искусство и сценическое ремесло» — выражение «жизнь человеческого духа» с ключевым словом ДУХ встречается семь раз, в финале — в виде призыва-заклинания, ценностного императива: «Идеал подлинного артиста — в создании «жизни человеческого духа» роли и пьесы». Но вызывает вопрос заключение этого выражения в кавычки — без цитирования. Одной из причин может быть необычное значение — иносказательное, аллегорическое, ироническое? И возникает необходимость, вслед за театроведами, попытаться понять тайнопись, расшифровку авторской мысли.

Основой этой тайны, связанной в том числе со смежным словом *душа*, является попытка К.С. Станиславского не выйти за рамки цензуры, получить официальное разрешение в печать — «лит.». Только значение, соответствующее философии марксизма-ленинизма, могло в то время способствовать этому разрешению. Тайна связи ДУХА и ДУШИ порождает и языковой барьер между поколением Станиславского и поколением его последователей, где доминантой театра является актер и его индивидуальное творчество и душевное (но не духовное!) — переживание.

Смежная с ДУХОМ ДУША — «жизнь человеческой души» — понималась под *духом* имплицитно, *дух* оставался родным советским лозунгом — «проникаться» идеей и «одухотворяться». В тридцатые годы XX века в жизни системы К.С. Станиславского понятие ДУША было вражеским, «поповско-церковным», вмонтированным как антиценность в основание научной системы сталинской эпохи [20]. У читателей и почитателей того времени замена *духом души* не вызывала вопросов, но у современных поколений (Олег Ефремов как искренний последователь, но стремящийся к очищению системы от порочной практики), замена ДУШИ на ДУХ понимается как космический мусор (при сравнении системы К.С. Станиславского с неисчерпаемым и бесконечным театральным космосом) [16]. Более того, для самой системы эта подмена наносила колоссальный художественный и методологический вред, особенно в процессе театрального образования. Рыцарь театра и идеалист, К.С. Станиславский пытался сохранить человеческую ДУШУ от большевиков в прозрачном понятии ДУХ, имеющем множество толкований и оттенков. Поиск живой человеческой ДУШИ, которая, возможно, живет в человеческом

ДУХЕ, косвенно присутствует в семиотике различных лингвокультурных знаков театра, например, в искусстве общения и искусстве переживания.

К.С. Станиславский (и его герой Торцов) считают, что в процессе общения происходит обмен энергиями (внутренними прежде всего), и процесс этот бесконечен. Главное состоит в том, что общение на сцене не должно быть пустым. И здесь появляется следующий семиотический символичный знак ДУШИ: «Глаза — зеркало души. Пустые глаза — зеркало пустой души», — заявляет Торцов, обращаясь далее к ученикам: «Важно, чтобы глаза, взор, смотрение артиста на сцене отражали большое, глубокое внутреннее содержание его творящей души. Нужно, чтобы исполнитель все время своего пребывания на подмостках общался этим душевным содержанием со своими партнерами по пьесе» [19. С. 322]. Таким образом, суть искусства театра, по К.С. Станиславскому, жизнь и общение многих *душ (творящая душа)*. Но в процессе редакторской правки авторского текста появилась вставленная после *творящей души* строка: «Для этого нужно, чтобы в нем (в артисте — Т.М., Н.Г.) было накоплено это большое содержание, аналогичное с «жизнью человеческого духа» роли» [19. С. 322].

Процесс «переживания знаний» о теле и духе, плоти и крови, силе и слабости для каждой языковой личности артиста звучит в оценке К.С. Станиславским своей лучшей роли Ростанева в «Село Степанчиково и его обитатели» по Ф.М. Достоевскому: успех актера и «актерский рай» — процесс, в котором душа исполнителя и душа персонажа сливаются в одно целое и становятся произведением искусства *переживания*: «У меня с ним (с Ростаневым — Т.М., Н.Г.) естественно произошло полное слияние, и были одни и те же взгляды, помыслы, желания» [21. С. 196]. Понимание и присвоение жизни ДУШИ персонажа преображает мир в глазах актера: он видит его *глазами души* персонажа. И тогда артист преображается на сцене не только внутренне, но и внешне без всякого насилия над собой.

ДУХ и ДУША

в аксиологическом контексте: семиотический и лексико-фразеологический аспект

В театральном дискурсе и конкретно в дискурсе системы К.С. Станиславского сосредоточено много позитивных и негативных интерпретаций ДУШИ и ДУХА сквозь призму тезаурусной, экстралингвистической, интерактивной и эмотивной компетенций, которые важны для определения культурного кода театрального языка как знака театральной жизни. Анализ ценностной характеристики соотносимых концептов с точки зрения исследователя системы позволяет представить и степень их воздействия на ментальность человека, интерпретируя оценочный фрагмент его языковой картины мира.

В нашем исследовании мы придерживаемся полевой организации концепта, так как ДУХ и ДУША находятся в пространстве одного семантического поля, в котором мы сравниваем и соотносим лингвокультурные феномены — концепт, фразеологизм, оценку — и моделируем их структуру в «единой системе координат» содержания и интерпретации культурных знаков.

Расшифровка тайнописи К.С. Станиславского основана на языковой природе слов, реализующих концепты ДУХ и ДУША, сквозь призму сложной семиотики театра — взаимодействия видов искусств. Тайна заключается в прагматической функции знаков — отношении субъекта (К.С. Станиславского) к употребляемому знаку ДУХ как оболочке, внешней форме, под которой скрывается внутренняя форма — ДУША — и воздействие этого вездесущего **слова-знака** на действия актера и режиссера.

В процессе расшифровки мы опираемся на семиотическую трактовку смысловой структуры языковой единицы в учении Л.А. Новикова, представленную как **внешний знак — внутренний знак — значение** [22. С. 22] и теорию различных аспектов лексического значения Л.А. Новикова [4. С. 445–471]. Специфическая роль при этом отводится одному из оценочных знаков — прагмеме [29. С. 85–94]: ДУША за счет наличия в семантической структуре денотативной семы «безсмертное духовное существо» и сигнификативных сем: «одаренное разумом и волею», «душевные и духовные качества, совесть, внутреннее чувство» [23. С. 504–505] интерпретируется как одобрительное «хорошая». У прагмемы ДУХ денотативная сема «бестелесное существо», «бесплотный житель недоступного нам духовного мира», а оценочная — «призрак», «сила души», «доблесть», «крепость и самостоятельность, решимость, бодрость», «сила, разум, смысл» — также одобрительная [23. С. 503].

По замечанию Л.А. Новикова, различные аспекты значения — сигнификативный, структурный, эмотивный и сигматический (актуальный) — тесно связаны между собой и взаимодействуют в пределах лексического значения единицы [4. С. 445–446], характеризую единую сущность с разных сторон: «Содержательный аспект лексического значения предстает как известный образ мира, структурно-функциональный — как внутрисистемная характеристика значения» [4. С. 444]. Изменение одного из компонентов значения неизбежно отражается в относительных изменениях других значений и, как следствие, изменении лексического значения в целом. Прочитаем в этой связи К.С. Станиславского: «Об искусстве надо писать и говорить просто, понятно. Мудреные слова пугают ученика. Они возбуждают мозг, а не сердце. От этого в момент творчества человеческий интеллект давит артистическую эмоцию с ее подсознанием... Но говорить и писать «просто» о сложном творческом процессе трудно. Слова слишком конкретны и грубы для передачи неуловимых, подсознательных ощущений» [19. С. 42]. Здесь сосредоточен подход к прагматическому аспекту смыслового кода системы К.С. Станиславского «жизнь человеческого духа»: «Переживание помогает артисту выполнять ос-

новную цель сценического искусства, которая заключается в создании «жизни человеческого духа» роли и в передаче этой жизни на сцене в художественной форме» [19. С. 63]. Аксиология слова-знака ДУХ доказывается рядом сем в семантической структуре — «моральная сила» (в составе 2 семемы), мелиоративные смыслы «активность», «энергия», «действенность», «могущество», «истинность» в 4 семеме [24. С. 716] и тем, что в тексте оно всегда реализует оценочную функцию (и положительную, и отрицательную). Аксиология слова-знака ДУША также детерминирована одобрительными семемами, формирующими его опосредованную (отдаленную несколькими семантическими шагами) оценочную функцию, основанную на семном составе 1 семемы — «сознание» — «здравый ум» и «память», «ясное понимание», а также сем в составе 3 семемы — «бессмертное начало», 4 семемы — «вдохновитель» в переносном метонимическом значении (о человеке). Взаимоотношения знака и объекта отражают условное деление прагмем на «сильные», «средние» (оценочные семы обнаруживаются на втором шаге анализа) и «слабые» (близкие к знакам-коннотациям) [25], что показывает отличие ДУХА и ДУШИ от эмоционально незаряженного, безоценочного слова, то есть ярко демонстрирует прагматический характер ценностного отношения в слове-знаке. С этих позиций отнесем лексемы ДУХ и ДУША к «средним» прагмемам и подчеркнем на этом основании возможность К.С. Станиславского скрыть за ДУХОМ ДУШУ в системе театрального дискурса по экстралингвистическим причинам и обстоятельствам, которые наш мудрый язык помогает преодолеть.

Изменение сигматического аспекта значения, связанного с конкретной речевой ситуацией, приводит к взаимодействию прагмемы с коннотацией, при этом усиливается образное значение, повышается метафорогенность слова, которая в наших словах-знаках ДУХ и ДУША зависит от мощности фразеологического гнезда, отражающего культурный код жизни слова и формирующего семиосферу лексико-фразеологического уровня языка. Лексикографический же портрет ДУХА и ДУШИ не в полной мере отражает обозначенный потенциал, чрезвычайно важный для религиозного, философского, театрального, поэтического дискурса. Отметим также характерную для поэтического дискурса взаимозависимость имен ДУХ и ДУША в контексте, формирующую их тесную связь и в то же время различительные особенности: *И полный сил, торжественный и мирный, Я восстаю над бездной бытия... Проснись, тимпан! проснись, голос лирный, В моей душе проснись, песнь моя! Внемлите мне, вы, страждущие люди; Вы, сильные, склоните робкий слух; Вы, мертвые и каменные груди, Услыша песнь, примите жизни дух!* (А. Хомяков). Значение переживания, мира чувств, пробуждающих песню в ДУШЕ, обращены к силе человека и коллектива, его оживлению в ДУХЕ. Значение бессмертия в этом контексте объединяет *дух* и *душу*, демонстрируя их тесную связь.

Синтагматический структурный аспект значения характеризует линейные отношения между знаками (*жизнь духа / жизнь души, человеческий дух / человеческая душа, дух персонажа / душа персонажа*), а парадигматический структурный аспект значения — нелинейные отношения, то есть отношения в сети «сходство/различие» — например, в семантической структуре существительного *дух* присутствуют семемы «мышление», «сознание», «дыхание», «запах» (две последние с пометой «разг.»). Лексикографы по-разному относятся к расширению семантического объема слова ДУХ. Например, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой семема «воздух» с пометой «разг.» и семема «откровенно» трактуются как омонимические значения [24. С. 183], что, на наш взгляд, не лишает семантику слова-знака ДУХ объемности содержания, но усиливает стройность парадигмы структурного аспекта, демонстрирует объединение семем вокруг архисемы «человек» в динамике движения от «человека как разумного существа» («сознание», «мышление» и др.) к «человеку как общественному существу» («внутренней моральной силой» и далее — к религиозному прообразу человека — «бесплотному сверхъестественному существу»). Трактовка 4 семемы как «содержания, истинного смысла чего-нибудь» [24. С. 183] представляет квинтэссенцию концептуальной природы ДУХА, разума человека как части мирового разума.

Обращаясь к семантико-семиотическому анализу ДУШИ, которая заменялась в системе К.С. Станиславского ДУХОМ, найдем одну абсолютно общую семему — это вторая (2) семема ДУХА: «внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива; «душа» во 2 знач.». Для слова ДУША предлагается аналогичный текст с лексемой «дух» во 2 знач. Этот лексикографический факт можно трактовать как одно из условий, благодаря которому К.С. Станиславский интерпретировал знак-лексему ДУХ как ДУШУ.

Сопоставляя лексикографические портреты двух знаковых слов для языка театра, сделаем предположение, что для Станиславского в толковании В.И. Даля была важнейшей составляющей прямая (и даже подчеркнутая) связь ДУХА и ДУШИ и трактовка ДУХА как *души человеческой* — «Дух — бестелесное существо: обитатель не вещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира. **Относя это слово к человеку, иные разумеют душу его** (выделение — наше Т.М., Н.Г.), иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному [23. С. 503]. Конечно, К.С. Станиславский понимал ДУХ как ДУШУ человека, ибо «дух человеческий» в театральной системе автора связан с телом — звучанием голоса актера, положением его в пространстве, мизансценой как выразителями состояния ДУШИ — внутреннего состояния, созидательного периода переживания: «Если период познания подготовлял «предлагаемые обстоятельства», то период переживания создает «истину страстей», *душу роли*, ее склад, внутрен-

ний образ, подлинные живые человеческие чувства и, наконец, самую **жизнь человеческого духа** живого организма роли — (выделено нами — *Т.М., Н.Г.*)» [26. С. 95]. Оценочное прагматическое содержание ДУШИ и ДУХА в данном контексте отличается градацией, выраженной синтаксическими средствами, ДУХ оказывается проекцией ДУШИ, выходит на передний план в «оживлении» роли актером, но не имеет такой конкретной характеристики ДУШИ, которая звучит как «не только чувствую рядом с собой присутствие живого объекта и **ощупываю его душу** (выделено нами — *Т.М., Н.Г.*), но я уже начинаю испытывать какие-то хотения...» [26. С. 96].

Но сам автор не расшифровывал выражение «жизнь человеческого духа», предоставляя читателю свободу трактовки, — в том числе понимание «жизни человеческого духа» как «жизни души», запретной в условиях советской цензуры: «В новых социальных условиях происходит дальнейшее развитие и совершенствование системы Станиславского, — говорится во вступительной статье к ее классическому варианту, — Станиславский очищает свою «систему» от свойственных ей ранее идеалистических наслоений и создает последовательную материалистическую теорию сценического реализма» [27. С. 8].

Понимание души как **горизонталей** спектакля опирается на ее лексико-фразеологическую синтагматику — *душевный* (порыв) — *душевность* (героя) — *душенька* — *душечка* — *душка* — *душонка* — с оценочными семемами, «возбужденными» в том числе фразеологическим контекстом с его ценностной основой: *С душой* — *без души*, *отдать душу* — *вдохнуть душу*, а также *душа разрывается на части* (страдание), *еле-еле душа в теле* (слабость), *душа нараспашку* (откровенно); *душа не принимает* (противно) и др. Реализуя аксиологический концепт, перечисленные лексемы в системе словообразовательной модификации усиливают «оценочный луч», освещающий словообразовательный ряд слова *дух*: *духовный* — *духовность* — *духовник* — *духоборец* и др. с его знаковым наполнением семемами «дружелюбие», «привлекательность», «нравственность». Один из членов этого ряда развивается как концептосфера и представляет в общезыковом выражении обширную ментальную область — духовное, поиск, стремление, красота, гармония, истина, добро, совесть, воля, свобода и др., особенно выразительно реализуемую сложными дериватами *духоподъемный* — *душеподъемный*.

Неисчерпаемое словарное богатство составляет основу особой методики создания на сцене «живой жизни живой души». Уникальность, тонкость, персонифицированность души раскрывается в изящных и изощренных театральных инструментах. Один из них — понимание духа спектакля как **вертикалей**, опирается на парадигматику этимологического содержания слова: *дух* — от ‘дышать, вздыхать, воздух’ и др. В трактовке словаря С.А. Кузнецова [28. С. 289] — это полисемическое содержание, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой — омонимическое [24. С. 183], определяющее

общий настрой постановки, трактовку каждой роли и произведения в целом, представление о ДУХЕ времени, рождающем проблемы для «жизни человеческой души» (ср. с «жизнью человеческого духа»). Сопоставляя **горизонталь и вертикаль** спектакля, предполагаем наличие двух театральных методик, которые разрабатывают систему, где ДУХ и ДУША — взаимодействующие концепты, но требующие все-таки разных воздействий на актера.

Фразеологический континуум ДУХА и ДУШИ как семиосфера театрального дискурса

Различие концептов ДУХ и ДУША подчеркнул А.Д. Шмелев в лингвокультурологической характеристике их сходства и различия в процессе анализа творческой составляющей языка — фразеологического пространства с компонентами ДУХ и ДУША в составе оборота: «В то же время различия между духом и душою, так же как между плотью и телом, весьма существенны. Можно утверждать, что практически нет контекстов, в которых *дух и душа* были бы взаимозаменяемы, в тех же конструкциях, в которых можно употребить как то, так и другое слово, смысл кардинальным образом меняется» [12. С. 133–153] — ср. *в душе* — в значении ‘тайные мысли’, *в духе* — ‘хорошее настроение’. Ценность этого исследования состоит в том, что автор концептуализирует ДУШУ как невидимый орган человека, «локализованный в груди» для организации внутренней жизни: ДУША подобна сердцу, а «Дух вовсе не концептуализируется как орган» [12. С. 138]. Предвидение, практическая реализация обозначенной А.Д. Шмелевым позиции и поиск запретной ДУШИ особенно выразителен в диалоге главного героя книги «Работа актера над собой» Торцова с учениками о жизни актера на сцене и ее главном двигателе и организаторе — ДУШЕ: «Как оправдать на сцене то, чему в подлинной жизни я почти не нахожу оправдания? Где мне искать при таком самообщении этого я — с а м? Человек велик. Куда обращаться? К мозгу, к сердцу, воображению, к рукам, к ногам?.. Куда и откуда направлять внутри себя токи общения?» [19. С. 323]. В содержании риторических вопросов, несомненно, заключается горькая авторская ирония, направленная на самого себя как актера. Она состоит в запрете на слово ДУША, такой же естественный семиотический знак для актера, режиссера, педагога, как *молоток* для слесаря, *натура* для живописца, *больной* для врача и так далее. Иметь ДУШУ даже как объект анализа (в трактовке значений того времени по словарю Д.Н. Ушакова) ему запрещено, потому что нельзя изучать то, что не существует — в первом значении слова-знака: «духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила» в словаре С.А. Кузнецова с трактовкой — «по религиозным представлениям». Подтвердим это цитатой из К.С. Станиславского: «К кому мне обращаться, когда у меня, правоверного советского материалиста, возникает проблема, которую могу решить только я сам, и никто боль-

ше?!.. Вот — копаюсь в самом себе. Где я, черт возьми, копаюсь? В ноге?!.. В руке?!.. В животе?!.. В своем социальном или общественном положении?!.. Прислушиваюсь к урчанию своих кишок?!.. Ну, ясное же дело, — в душе я своей копаюсь, с ней, родной. общаюсь. Но произнести это слово «душа» не могу. Не имею права» [27. С. 253]. В предлагаемых обстоятельствах создания системы Станиславского, в поисках субъекта и объекта, автор трактует их как «головной мозг» — ... «представитель сознания» (ДУХ), а нервный центр близ сердца, «там, где солнечное сплетение» — «представитель эмоции» (ДУША): «Таким образом, по моим представлениям, выходило так, что ум общался с чувством» [27. С. 253]. Трансформируем это высказывание в содержание: «Дух общался с душой».

Для решения нашей задачи — выявления соотношения концептов ДУХ и ДУША как тайнописи системы К.С. Станиславского — важное значение имеет выделение семемы «внутренний мир человека»: «...душа воспринимается как некотороеместилище внутренних состояний», образом которых является система фразеологизмов, аксиологизирующая поступки человека: *на душе, в душе, раскрыть душу, лезть в душу, в тайниках души, плевать в душу* [28. С. 138]. Для актера, в рамках применения метода «сквозного действия», оказывается особенно значимым континуум оборотов с компонентом *душа*, где «стержнем» является глагол: *вдохнуть душу* (в образ персонажа), *брать за душу* («сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить»), *вкладывать душу* (во что) и др. Предполагаем, что почти полная падежная парадигма слова-компонента во фразеологическом ряду — *от души* — *без души* — *по душе* — *в душу* — *с душой* — *в душе* — породила вершинный образ творческого периода «переживания» актера — он должен — *ощупывать душу* (см. пример выше о Фамусове). Очевидная метафорогенность концепта ДУША, его «настройка» на объект взаимодействия, например, «*энергия души*», и субъект действия — «душа созреет для роли и будет только ждать случая, чтобы проявиться и вырваться наружу» [19. С. 351] наполняет особым смыслом режиссерский посыл К.С. Станиславского «жизнь человеческой души», скрытый, спрятанный за внешним требованием к актеру демонстрировать «жизнь человеческого духа».

Объем фразеологизмов с компонентом ДУХ существенно меньше. А.Д. Шмелев подчеркивает характер не считаемой субстанции у этого концепта, значения «призрака», «привидения», «нематериальности», «бесплотности». В проекции фразеологического континуума ДУХА на «Работу актера над собой» и «Сквозное действие» будем учитывать культурологическую позицию А.Д. Шмелева: «Если душа человека формирует его личность, будучи местелищем его сокровенных мыслей и чувств, то дух составляет его внутренний стержень» [12. С. 139]. Важнейшее для актера качество, реализуемое оборотом *воспарять духом* — *воспрянуть духом*, зависит от его же настроения — *быть в духе* — *не в духе*, а также от *присутствия духа и расположе-*

ния духа в процессе работы над ролью, в отношении к зрителям и режиссеру и т. д. Таким образом, «бесплотность» духа, но в то же время его знаковый характер стержня (иконический знак) — диктуют признак «заряженности» ДУХОМ «души» человека, определяя их совместное пространство и позволяя нам интерпретировать код К.С. Станиславского «жизнь человеческого духа» как «жизнь человеческой души».

Задача сценического искусства, по Станиславскому, вовсе не «жизнь сталинского духа», как было принято считать почти столетие, а «жизнь чеховской души». К.С. Станиславский добивался в своих ролях, в своей практике, на сцене того, что ДУША артиста говорила с ДУШОЙ зрителя на языке его системы — «на положительных значениях» (благородных смыслах), реализуемых словами-знаками *вдохновение, энергия, истинность смысла, активность* (см. внутренние смыслы «средней» прагмемы ДУША). Но система Станиславского, выраженная на бумаге, говорила с читателем на лукавом языке ушедшей эпохи. Этот язык требует от читателя (студента, обучающегося актерской профессии) навыков переводчика: знаний и аналитического мышления.

Русское слово в его глубинной семантической интерпретации оказывается значимым инструментарием к пониманию системы и исполнителю в системе, об обновленном научном комментарии к которой просил К.С. Станиславский в одном из вариантов предисловия к «Работе актера над собой»: «Мало написать книгу об ощущениях творческого процесса в себе. Надо оставить людей, которые умели бы читать эту книгу. Их я стараюсь создать» [19. С. 466].

Значимость концептов ДУХ и ДУША, роль которых постоянно подчеркивается К.С. Станиславским, определяется прагматическим характером реализующих их лексем [29. С. 85–94]. Уникальность прагмемы как особой оценочной единицы состоит в том, что она, с одной стороны, содержит в своем значении объект и его ценность (предикат), а с другой стороны, сама является «свернутым» оценочным высказыванием, отражающим оценочную ситуацию лексическим ядром слова-знака [30. С. 21–25]. Пр продемонстрируем это на примере употребления К.С. Станиславским концептуального содержания слова ДУША: «Достаточно дать незначительный толчок, и наша собственная душа сольется с жизнью души роли в единый энергетический поток» [27. С. 278].

Оценочное значение прагмем ДУХ и ДУША оказывается не только отражающим концепт, но и «преображающим» для системы К.С. Станиславского. Известный представитель советского театроведения А.М. Смелянский сравнивал его систему со своеобразной таблицей Менделеева: «Душу и тело творящего артиста Станиславский пытался представить в основных слагающих «элементах» ... Целый ряд «клеток» остался незаполненным, открыт для будущих практиков сцены» [5. С. 9]. Лексема ДУША постоянно окружена оце-

ночным контекстом с сильными знаками, выражающими одобрительные интенции субъекта оценки — К.С. Станиславского: «Познавая искусство в себе, познаешь природу мира, смысл жизни, познаешь *душу-талант*. Выше этого счастья нет» [31. С. 514.]. Ключевое слово системы ДУХ в этой таблице оказывается лишним, исследователь о нем и не вспоминает. А.М. Смелянский вплотную подходит к разгадке трагедии Станиславского-писателя. В течение всей своей жизни Станиславский изучал как ценитель и критик ДУШУ творческого человека, ДУШУ творчества, хотел писать о процессе познания ДУШИ актера, роли, пьесы, автора. Когнитивная потребность понять и написать о таинственном и неосознанном, непознанном, заключенном в магии и мистике **слова-знака** ДУША, не могла быть удовлетворена в силу общественного строя, времени, ситуации.

Ключ к системе К.С. Станиславского состоит в умении смотреть на мир изнутри, видеть мир «глазами *души*». ДУША каждого персонажа всегда индивидуальна, неповторима. Обучение искусству актера по системе Станиславского — это формирование умения смотреть на мир изнутри, а не снаружи. Умение не только оценивать, взвешивать и размышлять о жизни ДУШИ персонажа, но и воплощать ее на сцене в процессе самостоятельного творчества. Но понять эту суть на неявном, скрытом, лукавом языке очень сложно. Мысль Станиславского под тяжелым взглядом цензуры прячется за синонимы, часто размывающие ее суть. Показательно в этом отношении сравнение двух статей в словаре «Синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова:

Душа, дух, сердце, грудь; ср.: дух см. душа, запах, зловоние, направление, настроение, обычай, смелость. сердце, стиль [32. С. 134].

Отсылка семантики одного слова к другому дает возможность «спрятать», имплицировать богатые смыслы, включаемые лексемой, в процесс шифрования или, напротив, **расшифровки системы**. Можно также высказать предположение об эвфемизации запрещенных слов и выражений в знаках языка театральной системы.

Семиотический анализ терминологии системы приводит к выводу о колоссальной подмене в театральном искусстве, советская критика и исследовательская практика исключила из системы Станиславского ключевое слово ДУША.

Об этой подмене косвенно свидетельствуют работы самого авторитетного исследователя К.С. Станиславского — А.М. Смелянского. В статье, посвященной выявлению «непреходящего» в системе, А.М. Смелянский более тридцати раз употребляет слово ДУША и его производные. Слово ДУХ и его производные, хрестоматийное выражение «жизнь человеческого духа» появляются в тексте крайне редко [5]. Семиотическим знаком системы становится ДУША, а ДУХ имплицировывает ее свойства, спасая от жесткой цензуры саму систему. Цель системы — овладеть вдохновением актера, который вызывает

восхищение, когда творит. На языке Станиславского-материалиста, руководителя главного советского драматического театра, это означало будить «живую органическую природу человека». На свободном языке Станиславского-идеалиста, кем он, по утверждению В.И. Немировича-Данченко, и являлся по своей человеческой природе, это означало создавать на сцене жизнь *человеческой ДУШИ* [18].

Постоянная импликация ДУШИ приводит к обогащению ее оценочными коннотациями, отражающими корреляцию языкового и внеязыкового, особенно важными для понимания системы языка театрального искусства как искусства синкретического, где в одном определительном контексте «существуют» «жизнь человеческого ДУХА» и «жизнь человеческой ДУШИ»: «Интуиция должна стать в основу творчества сценического артиста, так как наше искусство постоянно имеет дело с *живым духом человека*, с живой *жизнью человеческой души*. *Живого духа* не создашь и не познаешь умом, *дух* прежде всего познается чувством, а создается и ощущается *живой душой* артиста» (выделено нами — Т.М., Н.Г.) [19. С. 463]. Создающее контекст качественное имя прилагательное *живой*, *-ая* играет активную роль на всем протяжении текста системы. Его семантика активно реализует аксиологический концепт семами «подлинный, самый настоящий», «деятельный, полный жизненной энергии», «легкий и занимательный», наконец, особенно важными для качественной характеристики игры актера семай «выразительный» и семемой «остро переживаемый» [24. С. 193]. Размещение *живой души* во фразеологическом континууме толкового словаря со значением — «человек, тот, кто живет» демонстрирует процесс метафорического осмысления театрального мира, оценочное значение устойчивого оборота создается под воздействием оценочной положительной семантики слова-компонента оборота *живой*.

Очевидно, что семантический объем ДУХА и ДУШИ отражает динамику лексикографического развития имен как концептов, как семиотических знаков, обусловленную, вероятно, этимологией процессуального происхождения с первосмыслом — глаголом-действием *вдыхать/вдуть*. В контексте нашего исследования это ДУША актера и ДУША роли персонажа, взаимодействие ума и чувства в едином самоощущении актера. Прочитаем В.В. Колесова: «Душа — дыхание духа: Дух дышит идеже хочет» [1. С. 269]. Интерпретация ДУХА как ДУШИ во многочисленных приведенных выше контекстах реализуется в синтагматике знака, которая позволяет соотносить прагматическое содержание «главных» имен с внеязыковой ситуацией (системой К.С. Станиславского) так, чтобы высказывание приобрело актуальный смысл, соответствующий коммуникативной задаче — скрыть за словом-знаком ДУХ слово-знак ДУША со всем его богатейшим денотативным и коннотативным значением, отражающим связь языкового содержания с действительностью.

Актуальное сигматическое значение позволяет представлять себе реальную замену слова-знака ДУХ на слово-знак ДУША в отдельных контек-

стах автора, где они встречаются на одном пространстве текста и способны к полной взаимозамене. Такая передача ДУШИ через ДУХ наблюдается в Дополнительных материалах к 3 тому учения, в разделе о музыкальности речи, что свидетельствует о распространении тайных отношений ДУХА и ДУШИ на все составляющие системы — компоненты актерского искусства: *Какая вместимость в слове и фразе! Какое богатство языка! Он силен не сам по себе, а постольку, поскольку содержит в себе человеческую душу и мысль! В самом деле, сколько духовного содержания вместилось в маленькие семь слов: «Воротись, я не могу жить без тебя!» Целая трагедия жизни человеческого духа* [16. С. 75].

Заключение

Таким образом, семантический и лингвокультурологический анализ кодовых слов ДУХ и ДУША в системе К.С. Станиславского продемонстрировал многомерность языковой природы реализуемых ими концептов как семиотических знаков театральной системы К.С. Станиславского. Совмещение прагматического и коннотативного значений, мощный фразеологический ореол, влияющий на лингвистическое поведение слова-компонента, сигматическая актуализация в контексте позволяют обнаружить **когнитивный феномен К.С. Станиславского**: в его таланте актера и режиссера языковой знак и его искусное использование способны победить цензуру советского времени, стать инструментом создания театрального текста, техникой актерского мастерства, дидактикой театрального образовательного процесса. В этом контексте знаки-коннотации ДУХ и ДУША, их дериваты *духовный* и *душевный* реализуют прагматическую функцию в определенных речевых ситуациях, основанную на способности выражать оценочную семантику, тесно связанную с конкретными явлениями действительности и коммуникативной задачей театрального дискурса, в нашем исследовании — дискурса системы К.С. Станиславского и его языковой картины мира. В основе культурного кода К.С. Станиславского лежит прагматический вектор внутреннего знака ДУШИ, который заменяется внешним знаком — ДУХОМ и детерминируется богатейшей семантико-прагматической природой русского слова-знака.

Библиографический список

1. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
3. Товстоногов Г.А. Слово Г.А. Товстоногова // Виноградская И.Н. Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись: В 4 т.: 1863–1938. М.: Московский Художественный театр, 2003. Т. 1. 1863–1905.

4. Новиков Л.А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1: Проблемы языкового значения. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001.
5. Смелянский А.М. Профессия — артист. Ред. и авт. вступ. ст. к К.С. Станиславский. Собр. соч.: в 9 т. М.: Искусство. 1989. Т. 2 Ч. 1.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993.
7. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
10. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Mouton; Berlin; New York, 1991.
11. Антропова В.В. Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: особенности репрезентации. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Екатеринбург, 2021.
12. Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка (С.133–153), Широта русской души (С. 51–64) / В кн.: Зализняк А.А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
13. Бердяев Н.А. Самосознание. Л., 1991.
14. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Том 6. М.: Русская книга, 1996–1997.
15. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Искусство, 1988–1999.
16. Ефремов О.Н. Настоящий строитель театра. М., 2011. С. 17–18.
17. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. Работа актера над собой. Ч. 2: Работа над собой в творческом процессе воплощения. М.: Искусство, 1990.
18. Немирович-Данченко В.И. Избранные письма: В 2-х т. Т. 1 : 1879–1909. М.: Искусство, 1979.
19. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М. : Искусство, 1989. Т. 2. Работа актера над собой. Ч. 1: Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. М.: Искусство, 1990.
20. Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / под. ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, АСТ, 2000.
21. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Искусство, 1988. Т. 1. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1990.
22. Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2003. № 5. С. 21–35.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1989. С. 504–505.
24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998.
25. Савина А.П. Прагмема как единица оценочной лексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 29–39.
26. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Искусство, 1991. Т. 4. Работа актера над ролью: Материалы к книге. М.: Искусство, 1990.
27. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Т. 2. Часть 1. Работа над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. М.: Искусство, 1954.
28. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2008.
29. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013.
30. Маркелова Т.В., Петрушина М.В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019.
31. Станиславский К.С. Собраний сочинений: В 9 т. Т. 9. Письма: 1918–1938. М.: Искусство, 1999.
32. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994.

References

1. Kolesov, V.V. (2007). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.).
2. Stepanov, Yu.S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
3. Tovstonogov, G.A. (2003). The word of G.A. Tovstonogov. In: *Vinogradskaya, I.N. The life and work of K.S. Stanislavsky: Chronicle: In 4 vols.: 1863–1938*. Moscow: Moskovskiy Khudozhestvennyy teatr. Vol. 1. 1863–1905. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (2001). Selected works. In 2 vols. Vol. 1. Problems of linguistic meaning. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
5. Smelyansky, A.M. (2001). *Profession — artist*. Moscow: Iskusstvo. Vol. 2. h.1. 511 p. (In Russ.).
6. Sepir, E. (1993). *Selected works on linguistic and cultural studies*. Moscow: Progress: Univers. (In Russ.).
7. Karasik, V.I. (2010). *Linguistic crystallization of meaning*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
8. Dyck, T.A. van (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Arutyunova, N.D. (1999). *The language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
10. Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Mouton; Berlin; New York.
11. Antropova, V.V. (2021). *The sphere of concept “spirituality” in journalistic discourse: features of representation* [dissertation]. Yekaterinburg. (In Russ.).
12. Shmelev, A.D. (2005). Spirit, soul and body in the light of the data of the Russian language (pp. 133–153), The Breadth of the Russian soul (pp. 51–64). In: *Zaliznyak, A.A. et al. Key ideas of the Russian language picture of the world: Collection of Art*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
13. Berdyaev, N.A. (1991). *Self-consciousness*. Leningrad. (In Russ.).
14. Ilyin, I.A. (1996–1997). Collected works in 10 vols. Vol. 6. in 3 books. Moscow: Russkaya kniga. (In Russ.).
15. Stanislavsky, K.S. (1988–1999). Collected works: In 9 volumes. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
16. Efremov, O.N. (2011). *The real builder of the theater*. Moscow. pp.17–18. (In Russ.).
17. Stanislavsky, K.S. (1990). *Collected works: In 9 volumes. Vol. 3. The actor’s work on himself. Part 2: Work on himself in the creative process of embodiment*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
18. Nemirovich-Danchenko, V.I. (1979). *Selected letters: In 2 vol. Vol. 1. 1879–1909*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
19. Stanislavsky, K.S. (1989). *Collected works: In 9 volumes. Vol. 2. The actor’s work on himself. Part 1: Work on himself in the creative process of experiencing: The diary of a student*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
20. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, D.N. Ushakov (Ed.). (2000). Moscow: Astrel, AST. (In Russ.).
21. Stanislavsky, K.S. (1988). *Collected works: In 9 volumes. Vol. 1*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
22. Novikov, L.A. (2003). Semiotics as the science of sign systems and general linguistics *Russian Journal of Linguistics*, 5, 21–35. (In Russ.).
23. Dal, V.I. (1989). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 504–505. (In Russ.).
24. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Y. (1998). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
25. Savina, A.P. (2014). Pragmema as a unit of evaluative vocabulary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 29–39. (In Russ.).
26. Stanislavsky, K.S. (1991). Collected works: In 9 volumes. Vol. 4. The actor’s work on the role: Materials for the book. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).

27. Stanislavsky, K.S. (1954). *The actor's work on himself. Vol. 2. Part 1. Work on yourself in the creative process of experiencing. Diary of a student.* Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
28. The newest large explanatory dictionary of the Russian language (2008). S.A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
29. Markelova, T.V. (2013). *Pragmatics and semantics of evaluation means in the Russian language.* Moscow: MGUP im. Ivana Fedorova. (In Russ.).
30. Markelova, T.V. & Petrushina, M.V. (2019). *Evaluative statements in the communicative space of the Russian language.* Moscow: Institute of Contemporary Art. (In Russ.).
31. Stanislavsky, K.S. (1999). *Collected works: In 9 volumes. Vol. 9. Letters: 1918–1938.* Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
32. Abramov, N. (1994). *Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning.* Moscow: Russkie slovari. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Институт современного искусства. *Сфера научных интересов:* аксиологическая лингвистика, лингвокультурология, когнитивистика, семиология, семантика. Автор более 250 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6175>; *e-mail:* tvmarkelova@mail.ru

Попков (Глинский) Николай Викторович, старший преподаватель кафедры театрального искусства, Институт современного искусства. *Сфера научных интересов:* языковая картина мира театра, лингвокультурология; *e-mail:* nikolaypopkov@mail.ru

Information about the authors:

Tatiana V. Markelova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications, Institute of Modern Arts. *Research interests:* axiological linguistics, linguoculturology, cognitive science, semiology, semantics. Author of more than 250 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6175>; *e-mail:* tvmarkelova@mail.ru

Nikolay V. Popkov (Glinsky), Senior Lecturer of the Department of Theater Arts, Institute of Modern Arts. *Research interests:* linguistic world-image of the theater, linguoculturology; *e-mail* nikolaypopkov@mail.ru



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647

УДК 811.161.1'23'374:342.5

Научная статья / Research article

Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря

Н.В. Уфимцева^{1, 2}  

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

²Московский политехнический университет,
107023, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Семёновская, 38

 nufimtseva@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы представления о власти в языковом сознании трех поколений носителей русской культуры (1994–2021 гг.) по данным ассоциативных словарей и баз данных (РАС, ЕВРАС, СИБАС, Крымский ассоциативный словарь) и по материалам социологических исследований. В качестве теоретической основы работы используется теория языкового сознания, разработанная в Московской психолингвистической школе. Культура рассматривается как система адаптивных моделей, т.е. как структура, скрепляющая данное общество. Понятие ВЛАСТЬ входит в число основных измерений социальной стратификации общества. В последнее время интерес к изучению данного феномена в социуме, в том числе и в языке, существенно возрос. Однако большинство исследований концепта проводилось с использованием традиционных лексикографических источников и художественных текстов. В целом степень изученности концепта (или в нашей терминологии — образа сознания) ВЛАСТЬ в рамках семанτικο-когнитивного подхода представляется недостаточной. Подход с позиций отечественной психолингвистики позволяет получить данные о реальном содержании и структуре языкового сознания носителя русского языка/культуры не только в синхронном его состоянии, но и во временной динамике. Исследуется структура ядра языкового сознания и содержание семантических гештальтов образов сознания нескольких поколений русских. Анализ показал, что разрушение архетипов русской культуры, рост индивидуализма находит свое прямое выражение в структуре ядра языкового сознания и его содержании.

Ключевые слова: власть, языковое сознание, ценности, архетипы культуры

История статьи:

Дата поступления: 20.06.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 630—647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647>

© Уфимцева Н.В., 2022




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary

Natalia V. Ufimtseva^{1,2}  

¹Lomonosov Moscow State University,
1-5, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

²Moscow Polytechnic University,
38, Bolshaya Semenovskaya str., Moscow, Russian Federation, 107023
 nufimtseva@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of ideas about power in the language consciousness of three generations of representatives of the Russian culture (1994–2021). In course of the analysis, data from associative dictionaries and databases (RAS, EVRAS, SIBAS, Crimean Associative Dictionary), and sociological research materials are used. The theoretical basis of the study is the theory of language consciousness developed at the Moscow Psycholinguistic School. Culture is considered as a system of adaptive models, i.e. as the structure that brings together the society. The concept of POWER is one of the main dimensions of the social stratification of society. Even though the interest in the studying of this phenomenon in society, including in language, has increased significantly in recent years, most studies of this concept were carried out using traditional lexicographic sources and literary texts. In general, the degree of study of the concept (or in our terminology, the image of consciousness) POWER in the framework of the semantic-cognitive approach seems to be insufficient. The approach from the standpoint of the Moscow Psycholinguistic School makes it possible to obtain data on the real content and structure of the language consciousness of a native speaker of the Russian language / culture, not only in its synchronous state, but also in temporal dynamics. The paper examines the structure of the core of language consciousness and the content of semantic gestalts of the images of consciousness of several generations of Russians. The analysis shows that the destruction of the archetypes of Russian culture, the growth of individualism is directly reflected in the structure of the core of language consciousness and its content.

Key words: power, language consciousness, values, archetypes of culture

Article history:

Received: 20.06.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Ufimtseva, N.V. (2022). The Image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647>

Введение

Понятие «Власть» входит в число основных измерений социальной стратификации общества. В последнее время интерес к изучению репрезентации данного феномена в социуме, в том числе и в языке, существенно возрос. Существует ряд обзорных работ, посвященных концепту ВЛАСТЬ и смежным с ним ментальным структурам, которые выполнены в русле лингвокультуроло-

логии (Н.Э. Агаркова, В.И. Карасик, И.В. Палашевская). Однако большинство исследований концепта проводилось с использованием традиционных лексикографических источников и художественных текстов. В целом степень изученности концепта (или в нашей терминологии — образа сознания) ВЛАСТЬ в рамках семантико-когнитивного подхода представляется недостаточной. В современных отечественных психолингвистических исследованиях основной упор делается на обыденные представления русских, получаемые по результатам экспериментальных исследований.

Методология

Методологически исследование опирается на теорию сознания, разработанную в психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, и отличается от других похожих работ своей объяснительной направленностью. В качестве общей теоретической основы исследования используется теория языкового сознания, разработанная в Московской психолингвистической школе. Языковое сознание понимается как отражение человеческой деятельности в ее обусловленности психическими (когнитивными) процессами, с одной стороны, и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака, с другой. Такой подход предполагает обращение не к лексическому или грамматическому (лингвистическому), но к «психологически реальному» (ассоциативному) (А.А. Леонтьев) значению, детерминированному уникальностью тех отношений, в контексте которых мыслится тот или иной объект в соответствующей культуре.

В своей статье «Языковое сознание и образ мира» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность, 1993) А.А. Леонтьев писал: «то, в чем и при помощи чего, существует сознание общества, есть язык» [1. С. 16–21].

Если понимать язык как единство общения и обобщения, как систему значений, выступающих как в предметной, так в и вербальной форме существования, то «языковое сознание», сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями, оказывается близким к тому пониманию, которое современная психология вкладывает в понятие «образа мира».

Е.Ф. Тарасов пишет, что «сознание человека существует в виде ментальных образов, доступных наблюдению и интроспекции только для субъекта сознания. И в овнешнениях этих ментальных образов: в виде деятельности, в которой субъект сознания воплощает эти образы, и в виде предметного воплощения этих образов, т.е. в продуктах, результатах этой деятельности. Кроме того, все эти формы сознания ... могут быть описаны, зафиксированы в виде знаков» [2. С. 10]. «Смоделированное ассоциативное поле в результате анализа и характеристики слов-реакций на определенное слово-стимул может выступать в качестве особой формы вербализации

одноименного концепта, обозначенного в сознании носителя конкретной лингвокультуры» [3. С. 241].

В связи с этим ценность ассоциативно-вербальных моделей как раз и определяется тем, что ассоциативный эксперимент позволяет получить данные с работающего (живого) обыденного сознания носителя русского языка/культуры, окрашенного этнокультурными особенностями, которые возникают в процессе чувственного познания.

По мнению Е.Ф. Тарасова, во-первых, перцептивные эталоны, формируемые при восприятии предметов определенной этнической культуры, содержат опознавательные признаки, выделение которых детерминировано деятельностью, практикуемыми конкретным этносом для выживания в ландшафте своего обитания, следовательно, ведущие деятельности этноса определяют этнокультурную специфику чувственного познания; во-вторых, использование перцептивных эталонов как инструментов познания новых объектов — это процесс воспроизводства перцептивных эталонов любого этноса, которые вместе с языковым и неязыковым сознанием определяют этнокультурную специфику видения мира [4. С. 31].

Деятельный подход к исследованию сознания локализует источник нашего сознания во внешнем мире. Это задает предметность как один из основных факторов в интерпретации процессов сознания и, в частности, субъектно-объектных отношений.

Материал исследования. Крымский ассоциативный словарь

По времени создания Крымский ассоциативный словарь [5] — это самый «молодой» региональный ассоциативный словарь, но это не единственная его особенность. По условиям эксперимента в нем могли принимать участие коренные жители Крыма или лица, прожившие в Крыму не менее 10 лет, всего около 5000 респондентов обоего пола. Учитывая средний возраст респондентов (19 лет), это означает, что они прошли социализацию и получили среднее образование еще в то время, когда Крым входил в состав Украины, и русские жители Крыма представляли собой диаспору, живущую в инокультурном, хотя и близкородственном, окружении. Сбор материала для словаря начался в 2018 году и закончился в 2021 г. Особую ценность материалам Крымского ассоциативного словаря придает тот факт, что он является очередным в серии ассоциативных словарей носителей русского языка/культуры, которые собираются с 60-х годов прошлого века практически на одном исходном списке стимулов (1000 наиболее частотных слов русского языка), ассоциативные эксперименты проводятся с одной и той же социальной и возрастной группой респондентов (студенты разных вузов и специальностей в возрасте от 17 до 25 лет), а результаты интерпретируются с одних и тех же методологиче-

ских позиций — с позиций теории языкового сознания Московской психолингвистической школы.

Итак, первая группа задач, которая может решаться с использованием материалов Крымского ассоциативного словаря, — это исследование собственно региональных особенностей языкового сознания молодого поколения жителей Крыма по отношению к их сверстникам в России. Задача эта очень интересна, поскольку, как мы уже указывали, до 2014 года русские жители Крыма по отношению к России представляли собой диаспору. И вот эти-то особенности мы и имеем возможность отследить. Таким образом, мы можем исследовать особенности языкового сознания носителей русской культуры, которые получили образование и проходили социализацию в рамках образовательной системы Украины. Показательный пример: на слово-стимул война крымчане дают реакцию Вторая мировая война, Крымская война, а их ровесники в России (СИБАС, ЕВРАС) — Великая Отечественная. Можно предположить, что это есть результат отличий украинской образовательной программы и видения истории на Украине. Интересно, что на стимул **гимн** крымчане дают наряду с реакцией *России, Россия* и реакции *Украины, Украина*. С другой стороны, на стимул **чиновники** крымчане и жители России дают сходные реакции: *власть, воры, коррупция* (в Крыму) и *бюрократия, власть, коррупция* (ЕВРАС). Еще одним аспектом регионального языкового сознания является территориальный, о наличии или отсутствии которого свидетельствуют факты появления реакций — реалий, указывающих на определенные пространственные объекты (например, Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Ай-Петри, Аю-Даг, Чатырдаг, море, причал, Черное море, гора, виноградники и т.п.) и апеллирующих к устойчивой во времени территориальной идентичности, связанной с природной средой и т. н. доместикатами (по Л. Гумилеву).

Материал региональных ассоциативных словарей позволяет описать и систематизировать социально-культурные доминанты языкового сознания русских и тенденции их изменения.

Ценности

С точки зрения социологов, именно «ценности хорошо подходят для анализа изменений, происходящих в культуре и личности в ответ на исторические и социальные изменения» [6. С. 73].

Ориентируясь на тип мотивации в 80-х гг. XX-го века, С. Шварц, на основе результатов Международной программы по сравнительному (кросс-культурному) изучению ценностей выделил десять групп ценностей: **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Заботливость, Традиции, Конформизм, Безопасность** [7; 8]. Анализ показал, что «десять типов ценностей располагаются на двух биполярных осях: **Открытость к изменениям** (ценности *самостоятель-*

ности и стимуляции) — консерватизм (безопасность, конформность и традиции) и акцент на себе (власть и достижение) — акцент на других (универсализм и заботливость)» [7. С. 75]. Отметим, что *Власть* и *Достижение* предполагают акцент на себе, т.е. принадлежат к ценностям индивидуализма.

Н. Лебедева и Е. Павелко отмечали в конце XX века, с одной стороны, сильную тенденцию к сохранению такой базовой для русской культуры ценности, как коллективизм, а, с другой, возникновение и развитие у молодых поколений россиян ценности индивидуализма [9. С. 99]. Более позднее исследование Н.М. Лебедевой показало, что русские респонденты (школьные учителя и студенты) демонстрируют большую согласованность в отвержении таких ценностей, как *власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе* [6].

Представления о власти в образе мира русских

Поскольку, как мы уже указывали, понятие ВЛАСТЬ входит в число основных измерений социальной стратификации общества и является ценностью, встает вопрос, как формировались представления о власти в образе мира русских и почему столь солидарны носители русской культуры в отвержении этой ценности. Воспользуемся для этого работой Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» [10].

Т.И. Вендина указывает на значимость идеи власти для средневекового человека, «глаголы старославянского языка рисуют ... образ сильной государственной власти, которая угнетает и принуждает, подчиняет и покоряет, которой повинуются и покоряются, когда она приказывает» [10. С. 109].

Если рассматривать культуру в этнологическом смысле как систему адаптивных моделей, т.е. как структуру, скрепляющую данное общество, то знание этих моделей является необходимым для любой успешной деятельности, если она хочет опираться на архетипы собственной культуры.

Именно наличие в бессознательном каждого этноса «образа себя», ядра этической традиции, обеспечивает, с одной стороны, согласованность действий всех членов этноса, а, с другой, опознание поведения каждого отдельного индивида как соответствующее или противоречащее этой традиции.

Власть связана с высоким личностным статусом носителя этой власти, его авторитетностью. В русской культуре высокий личностный статус предполагает уважение окружающих и как бы полную несамостоятельность, ориентированность на интересы коллектива, и постоянную необходимость занимающему высокую должность лицу подтверждать свой личностный статус [11].

Следовательно, еще одним архетипом нашей культуры можно признать не обязательное совпадение высокого личного статуса и высокой должности.

Таковы адаптивные модели власти, исторически заложенные в нашей культуре и неосознанно влияющие на поведение носителей русской культуры и их оценку.

Данные ассоциативных словарей

А теперь попробуем посмотреть, какие представления о власти можно обнаружить в языковом сознании носителей русской культуры, опираясь на материалы существующих ассоциативных словарей. Начнем с 1994 г. и воспользуемся материалами Русского ассоциативного словаря [12].

ВЛАСТЬ, с точки зрения наших испытуемых, это прежде всего *деньги* (3), *сила* (3), *жестокость* (2) (1994–1996), *деньги, закон* (1996–1998). Суть же власти — это *ответственность и управление*. С властью связана *жестокость, грязь, кровь* (1994–1996), *борьба* (1996–1998).

В 1994–1996 гг. ВЛАСТЬ представлялась нашим испытуемым как *беспощадная, жестокая, неограниченная, плохая, подлая, проданная*, с одной стороны, и *великая, демократическая, могучая, народная*, с другой. Характерным является утверждение, что власть *портит человека* (1994–1996), *власти не хочу* (1996–1998). В сознании испытуемых наиболее тесно связаны между собой **власть** и **управлять**, т.е. **власть** для них — это управление, а **управлять** означает власть.

Следующая выборка экспериментальных данных представляет собой материалы социологического исследования, выполненного в 2001 году в Томской области [13] методом свободного ассоциативного эксперимента. В 2001 году ВЛАСТЬ в сознании россиян — это, прежде всего, *деньги* (318), *сила* (220), *порядок* (89), *закон* (75). Это также *ответственность* (50) и *управление* (23). Но и *беззаконие* (88), *коррупция* (58), *несправедливость* (38), *беспредел* (36), *вседозволенность* (21), *обман* (21), *насилие* (20).

Значительно усилилась в сознании россиян связь власти и денег, фактически эта связь вышла на первое место, уступая только представлению о власти как о силе.

В результатах ассоциативного эксперимента в РАСе (данные 1994 г.) мы встречаем реакцию на стимул ВЛАСТЬ — *портит человека*. Это совпадает и с результатами, полученными социологами в 2001 г. По-прежнему россияне считают, что власть портит человека (47,2%). Согласуется с этим и представление о жизненном успехе — только 1% респондентов в социологическом исследовании связали его с обладанием властью [13. С. 169] и 2% с высокой должностью. Это еще раз подтверждает, что носитель русской

культуры в первую очередь стремится приобрести высокий личный статус, поскольку жизненный успех для 37% респондентов — это уважение окружающих [13. С. 175].

По данным ЕВРАС (2008–2011 гг.) [14], для респондентов ВЛАСТЬ — это прежде всего сила (45) и деньги (42). Встречаются и реакции *не всегда хорошо* (1) и *портит* (1). В СИБАСе [15] ВЛАСТЬ — это также *сила* (46) и *деньги* (33), и она *портит* (1).

Социологические исследования М.В. Лисаускене [16], проведенные в Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг., позволяют проследить динамику ценностных установок трех поколений носителей русской культуры. Автор выделяет поколение X (рождены в 1963–1983 гг.), поколение Y или поколение Миллениума (рождены в 1984–2000 гг.) и поколение Z (рождены в конце 1990-х — начале 2000-х гг.). Интересно, что на вопрос, что для Вас означает успех, представители поколения Z отвечают: *стать политическим лидером* — 3,4%, *иметь власть, высокое служебное положение* — 9,3% [16].

Обсуждение результатов

Как подтверждают ранее проведенные нами исследования (см., например, [17]), материалы региональных ассоциативных словарей позволяют описывать и систематизировать социально-культурные доминанты языкового сознания русских и тенденции их изменения. Для такого рода исследований наиболее продуктивным является понятие ядра языкового сознания. С помощью этого инструмента исследователи получают возможность выявлять доминанты обыденного русского языкового сознания, их содержание и иерархию и тем самым исследовать его системность. Сравнение разных срезов обыденного языкового сознания демонстрирует устойчивое сходство в составе ядра языкового сознания у русских респондентов на протяжении всего периода наблюдений начиная с 70-х годов прошлого века. Однако существуют и определенные тенденции в изменении ранга входящих в него понятий и их содержания. Наиболее интересными и многообещающими, с нашей точки зрения, являются исследования содержания образов обыденного языкового сознания русских в динамике (см., например, [18]), и Крымский ассоциативный словарь открывает новые перспективы для таких исследований.

Проводя эксперимент в Крыму, мы, как уже указывалось выше, преследовали цель выявить особенности языковой картины мира молодого поколения крымчан, поскольку Крым вошел в состав РФ только в 2014 году. Полученные результаты можно сравнить с данными двух выпусков Русского регионального ассоциативного словаря: СИБАС [17] и ЕВРАС [16] (Таблица 1).

Таблица 1 / Table 1

Ядро языкового сознания / The core of language consciousness

КрымАС (2017–2019) / CAD (2017–2019)		ЕВРАС (2008–2011) / EVRAS (2008–2011)		СИБАС (2008–2011) / SIBAS (2008–2011)				
Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused	Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused			
1	человек / man	429	1	человек / man	436	1	человек / man	450
2	жизнь / life	352	2	жизнь / life	354	2	жизнь / life	345
3	дом / house	341	3	дом / house	349	3	дом / house	335
4	мир / peace	251	4	плохо / badly	269	4	деньги / money	263
5	деньги / money	227	5	хорошо / well	264	5	хорошо / well	261
6,5	друг / friend	224	6	нет / no	257	6	плохо / badly	260
6,5	нет / no	224	7	деньги / money	249	7	друг / friend	253
8	я / i	220	8	мир / peace	240	8	нет / no	235
9	любовь / love	205	9	друг / friend	236	9	мир / peace	232
10	время / time	184	10	я / i	215	10	я / i	230
11	сила / power	183	11	радость / joy	200	11	время / time	199
12	работа / work	179	12	работа / work	192	12	работа / work	194
13	плохо / badly	178	13	сила / power	186	13	любовь / love	193
14	счастье / happiness	169	14	любовь / love	184	14	сила / power	189
15	боль / pain	165	15	время / time	181	15	радость / joy	179
16,5	день / day	162	16	мужчина / man	175	16	мужчина / man	174
16,5	люди / people	162	17	счастье / happiness	172	17	смерть / death	169
18	человека / human	160	18	ребенок / child	169	18	есть / eat / exist	168
19	ребенок / child	155	19	большой / big	168	19,5	зло / evil	161
20,5	парень / fellow	153	20	день / day	164	19,5	ребенок / child	161

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

КрымАС (2017–2019) / CAD (2017–2019)		ЕВРАС (2008–2011) / EVRAS (2008–2011)		СИБАС (2008–2011) / SIBAS (2008–2011)				
Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused	Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused			
20,5	радость / joy	153	21	смерть / death	163	21	день / day	159
22	хорошо / well	147	22,5	много / much	161	22	много / much	155
23	мужчина / man	144	22,5	зло / evil	161	23	человека / human	154
24,5	страх / fear	142	25	человека / human	158	24	город / city	150
24,5	город / city	142	25	город / city	158	25	счастье / happiness	149
26	смерть / death	140	25	хороший / good	158	26	большой / big	147
27	путь / way	137	27	есть / eat / exist	157	28	хороший / good	146
28,5	ум / mind	133	28	свет / light	156	28	люди / people	146
28,5	всегда / always	133	29,5	парень / fellow	154	28	дело / case	146
30	жизни / lives	125	29,5	всегда / always	154	30,5	всегда / always	144
31	есть / eat / exist	124	31	предмет / object	153	30,5	ум / mind	144
32	зло / evil	123	32	дело / case	152	32	предмет / object	143
33	семья / family	121	33,5	отдых / rest	147	33	страх / fear	141
34	свет / light	119	33,5	умный / smart	147	34	жизни / lives	139
35	труд / labour	118	35	ум / mind	144	35	путь / way	137
36	большой / big	115	36	жизни / lives	143	36	боль / pain	136
37,5	умный / smart	112	37	страх / fear	142	37	машина / car	134
37,5	свобода / freedom	112	38	люди / people	141	39	ум / mind	130
39,5	предмет / object	111	39	взгляд / view	139	39	взгляд / view	130
39,5	кот / cat	111	40	боль / pain	135	39	парень / fellow	130

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

КрымАС (2017–2019) / САД (2017–2019)		ЕВРАС (2008–2011) / EVRAS (2008–2011)		СИБАС (2008–2011) / SIBAS (2008–2011)				
Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused	Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused			
41,5	жить / live	110	41	характер / character	133	41,5	разговор / conversation	129
41,5	выбор / choice	110	42,5	поступок / action	127	41,5	характер / character	129
43,5	дома / at home	109	42,5	дурак / fool	127	42,5	учеба / study	126
43,5	характер / character	109	44	ужас / horror	125	42,5	отдых / rest	126
45	отдых / rest	108	46	быстро / quickly	124	44	свет / light	125
46	еда / meal	107	46	ответ / answer	124	45	быстро / quickly	124
47	ВЛАСТЬ / POWER	106	46	да / yes	124	46	ответ	122
48	сон / sleep	105	48	машина / car	123	47	враг / enemy	120
49,5	машина / car	104	49	путь / way	122	48	успех / success	118
49,5	мой / my	104	50,5	разговор / conversation	121	49,5	все / all	117
51,5	дело / case	103	50,5	учеба / study	121	49,5	жить / live	117
51,5	людей / people	103	52	труд / labour	119	51	лес / forest	115
53,5	быстро / quickly	101	53	стол / table	116	52,5	дорога / road	114
53,5	хороший / good	101	54,5	мой / my	115	52,5	труд / labour	114
56	вода / water	98	54,5	лес / forest	115	54,5	дурак / fool	112
56	мама / mom	98	57,5	враг / enemy	114	54,5	дома / at home	112
56	душа / soul	98	57,5	дорога / road	114	57	мой / my	111
59	море / sea	97	57,5	жить / live	114	57	стол / table	111
59	помощь / help	97	57,5	народ / people	114	57	вода / water	111

Continuation of the table 1 / Продолжение табл. 1

КрымАС (2017–2019) / САД (2017–2019)		ЕВРАС (2008–2011) / EVRAS (2008–2011)		СИБАС (2008–2011) / SIBAS (2008–2011)				
Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused	Ранг / Rank	Ассоциат / Associate	Количество вызвавших стимулов / The number of stimuli that caused			
59	красота / beauty	97	60	студент / student	113	59,5	мужик / guy	109
61,6	добрый / kind	96	61	всё / all	112	59,5	фильм / film	109
61,5	успех / success	96	63	красивый / beautiful	111	61	урок / lesson	108
64,5	фильм / film	95	63	мальчик / boy	111	61	плохой / bad	108
64,5	дорога / road	95	63	добрый / kind	111	61	девушка / girl	108
64,5	добро / goodness	95	65	ВЛАСТЬ / POWER	109	65	помощь / help	107
64,5	учеба / study	95	66,5	вопрос / question	108	65	вещь / thing	107
67	много / much	94	66,5	долг / debt	108	65	ужас / horror	107
68,5	мальчик / boy	92	68	урок / lesson	107	67,5	сон / sleep	106
68,5	взгляд / view	92	69	большая / big	99	67,5	вопрос / question	106
70	ложь / lie	91	70	свобода / freedom	111	70	свобода / freedom	105
71,5	телефон / telephone	90	71	долго / long	100	70	красивый / beautiful	105
71,5	красивый / beautiful	90	72	девушка / girl	114	70	долго / long	105
73,5	лес / forest	89	73	помощь / help	102	73	красота / beauty	104
73,5	поступок / action	89	74	сильный / strong	99	73	ВЛАСТЬ / POWER	104
75,5	страна / country	88	75	движение / movement	102	73	долг / debt	104
75,5	сильный / strong	88	75	большая / big	102	75	большая / big	102

Как видно из таблицы 1, системность ассоциативных полей респондентов, живущих в Крыму и в других регионах РФ, различается, т.е. различна значимость понятий, входящих в ядро языкового сознания. Стабильной остается значимость первых трех единиц — **человек, жизнь и дом**. Можно также отметить рост значимости **я** в языковом сознании молодых крымчан: оно переместилось на восьмое место в ядре языкового сознания (в ЕВРАС и СИБАС — оно на 10 месте). Повысилась у крымчан значимость **мира** (ранг 4) (в ЕВРАСЕ — ранг 8, в СИБАСЕ — 9), несколько повысилась значимость **друга**, а вот **работа** у всех трех групп испытуемых занимает 12 позицию в ядре. Очень интересно изменилась значимость оценок **хорошо** и **плохо**. У респондентов ЕВРАСа ранг 4 у **плохо** и 5 у **хорошо**, в СИБАСе — ранг 5 у **хорошо** и 6 у **плохо**, а у крымчан **плохо** имеет ранг 13, а **хорошо** — 22. **Власть** вошла в ядро языкового сознания во всех трех словарях, но в КрАС ее ранг существенно выше (47), чем в ЕВРАС (65) и СИБАС (73). Можно предположить, что в системе ценностей это понятие более важно для молодых крымчан, чем для представителей предыдущего поколения. Обращает на себя внимание и тот факт, что в ядро языкового сознания крымчан вошла **семья** с рангом 33. Это подтверждает вывод социологов о роли семьи в системе ценностей поколения зетов, ее главное место.

Государство, несомненно, одно из важнейших понятий, определяющих самоидентификацию личности жителя Крыма в новых политических условиях. Как показывают данные проведенного исследования, в сознании респондентов, проживающих в Республике Крым, как и в сознании респондентов, участвовавших в более ранних исследованиях на территории Европейской части России, существуют сходные представления о нем, выражающиеся, в частности, в идеализации образа **государства**, который не соответствует реальной действительности.

Характерно, например, что понятие **помощи** ассоциируется у респондентов Крыма только с родными и друзьями, но не с государством, то есть последнее не мыслится в качестве субъекта помощи людям.

Патриотичность более проявляется у крымчан по отношению к семье, а не к государству. Тем не менее государство ассоциируется у всех респондентов с Россией, с ним связываются функции защиты (КрАС) и контроля (ЕВРАС).

Для всех респондентов понятие государственности связано с понятиями законности и справедливости, от государственности ожидается соблюдение прав граждан страны (**закон, право, правосудие**). Однако наряду с этим в ассоциативных гештальтах слов, связанных с государством (см., например, **правительство**), много пейоративов, указывающих на связь его деятельности с *ложью* и *обманом*. Интересно, что для респондентов Крыма чрезвычайно важно доверять кому- или чему-либо (стимул **обман**).

Гражданин в обеих группах представляется в первую очередь как житель определенной страны и/или обладатель гражданства определенной страны, обладающий юридическими правами (*закон, права, право*). В числе частотных «географических» реакций в КрАС упоминаются *Россия, Украина, США* и *Советский Союз*, а в ЕВРАС — *Россия* и *СССР*. Реакции в Крымском ассоциативном словаре демонстрируют большую политическую дифференциацию.

Пейоративная оценка лиц по их профессиональной деятельности часто обуславливается действием различных социальных стереотипов. При этом оценивается несоответствие характера этой деятельности некоему более или менее определенному образцу (ответственности, порядочности, внимательности и т.д.).

Отрицательная характеристика государства связана с другими двумя понятиями — чиновники и бюрократия. Последнее слово — наиболее частотная реакция на стимул «чиновники».

В Крыму прослеживается связь понятий **власти** и **влияния**, а также **авторитета**, причем часто это соотносится с лидером, президентом России (стимулы **влияние, лидер**).

Важно, что никак не маркируется связь **долга** и **государства**: для респондентов долг мыслится только перед *родиной* (стимул **долг**).

Политики представлены известными людьми, хотя несколько реже, чем представители искусства. Однако к известности как таковой в Крыму более негативное отношение (стимул **известный**).

Ряд особенностей выявлен в отношении номинаций представителей власти разного ранга.

Так, **президент** для всех респондентов — это прежде всего *Путин*; функции президента мыслятся как *власть, ответственность, управление* (ЕВРАС) и *власть, сила, авторитет, ответственность* (КрАС).

Начальник как представитель власти — это *босс, главный, руководитель*. Он бывает *умным* и *добрым*, но чаще — *злым, плохим*. У крымчан он еще и *вор* (стимул **начальник**).

В Таблице 2 представлен анализ ассоциативного поля стимула ВЛАСТЬ в Крымском ассоциативном словаре по методу семантического гештальта.

Анализ ассоциативного поля слова стимула ВЛАСТЬ в материалах Крымского ассоциативного словаря показывает, что для молодых жителей Крыма это прежде всего *сила* (29) и *деньги* (27), а ее носителем является *президент* (а) (22+2), *Путин* (12), *народ* (11), *правительство* (10). Если мы обратимся к данным ЕВРАС, то увидим ту же картину: **власть** — это *сила* (45) и *деньги* (42), а первой властной фигурой является *президент* (29), *народ* (11), *правительство* (10). **Власть** предполагает *ответственность* (12 у крымчан и только 3 в ЕВРАС). **Власть** — это *управление* (8) в КрАС и только (2) в ЕВРАС). **Власть** — это *коррупция* (14) и *зло* (5) у крымчан и *коррупция* (6)

и зло (6) в ЕВРАС. Представление о силе **власти** выстаивается у крымчан в такой ряд: *сила, жестокость, диктатура, превосходство, унижение*, а в ЕВРАСе: *сила, могущество, диктатура, тирания*.

Таблица 2 / Table 2

**Слово-стимул ВЛАСТЬ (данные в %) /
Word-stimulus POWER (data in %)**

Зона/Словарь Zone/Dictionary	КрымАС / CAD	ЕВРАС / EVRAS
СУБЪЕКТ/ SUBJECT	31,8%	33,3%
<i>Человек, люди/ Man, people</i>	19,1	15,1
<i>Семья/ Family</i>	–	–
<i>Друг/ Friend</i>	–	–
<i>Профессия/ Profession</i>	12,7	15,4
<i>Животное/ Animal</i>	–	–
<i>Мифологическое существо/ Mythological creature</i>	–	–
<i>Другое/ Other</i>	–	–
ОБЪЕКТ / ОБЪЕКТ	52,4%	50,5%
<i>Конкретные/ Specific</i>	1,5	0,5
<i>Абстрактные/ Abstract</i>	14,2	10,8
<i>Ценности/антиценности/ Values/anti-values</i>	34,0	33,6
<i>Эмоции/знаки эмоций Emotions/signs of emotions</i>	–	–
<i>Атрибуты/символы/ Attributes/Symbols</i>	2,7	0,5
<i>(Квази)синонимы/(Quasi)synonyms</i>	–	5,1
<i>(Квази)антонимы/(Quasi)antonyms</i>	–	0,5
ХАРАКТЕРИСТИКА/ CHARACTERISTIC	8,7%	5,4%
<i>Положительная/ Positive</i>	3,9	2,2
<i>Нейтральная/ Neutral</i>	3,6	3,2
<i>Отрицательная/ Negative</i>	1,2	–
ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ/ ACTION, STATE	0,6%	0,8%
ВРЕМЯ/ TIME	–	–
ЛОКУС/ LOCUS	3,0%	3,2%
ЭГО/ EGO	–	0,5%
ФЕ/ PHRASEOLOGICAL UNITS	3,3%	6,5%
ПРОЧИЕ/ OTHER	–	0,5%

Заключение

Мы видим, что у поколения зетов по сравнению с двумя предыдущими существенно выросло стремление к власти (с 1% до 9,3%). А это нашло свое отражение и в структуре ядра языкового сознания (см. Таблицу 1): стимул **власть** в 2021 году занял 47 позицию в ядре языкового сознания молодых крымчан. В РАС он вообще не входил в ядро языкового

сознания, в ЕВРАСе — на 65 месте, в СИБАСе на — 73. Если мы посмотрим на классификацию ценностей С. Шварца, то увидим, что *Власть* и *Достижение* предполагают **Акцент на себе** (индивидуализм) в противоположность *Универсализму* и *Заботливости*, которые предполагают **Акцент на других**. Произошедшее изменение в «образе себя» молодых крымчан (поколение зетов) согласуется с изменениями, произошедшими в структуре ядра их языкового сознания. В КРАСе Я уже на 8 месте, а в РАСе было на 35. А это, в свою очередь, свидетельствует о развитии у молодого поколения русских ценностей индивидуализма. Таким образом мы видим, что разрушение архетипов культуры находит свое прямое выражение в изменении структуры языкового сознания, а, значит, и образа мира наших респондентов.

Библиографический список

1. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993.
2. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.
3. Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19. №3. С. 241–252. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
4. Тарасов Е.Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. №4 (22). С. 24–35.
5. Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. Человек, государство, власть — ассоциативная база (Республика Крым) / под ред. Уфимцевой Н.В., Титаренко Е.Я. М.—Симферополь, 2021.
6. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №3. С. 73–87.
7. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology, M.P. Zanna (Ed.). Vol. 25. Orlando, FL: Academic, 1992. P. 1–65.
8. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social. 1994. №50. P. 19–45.
9. Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского психологического общества. Т. 4. Вып. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. С. 99–100
10. Вендина Т.А. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
11. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Изд-во Ин-та национальной модели экономики, 1994.
12. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6. М.: Институт рус. языка РАН, 1994–1998.
13. Базовые ценности россиян. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
14. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь ЕВРАС. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018.
15. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2014.

16. Лисаускене М.В. Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения поколения Z» (опыт исследований молодежи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.) // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3. № 1. С. 46–60.
17. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, О.В. Балясникова, А.Г. Полянская, А.В. Разумкова, Е.Г. Свинчукова, А.А. Степанова; под ред. Н.В. Уфимцевой. М.—Ярославль: Издательство Канцлер, 2017.
18. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.

References

1. Leontiev, A.A. (1993). Language consciousness and the image of the world. In: *Language and Consciousness: Paradoxical Rationality*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. pp. 16–21. (In Russ.).
2. Tarasov, E.F. (1996). Intercultural communication — a new ontology of the analysis of linguistic consciousness. In: *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. pp. 7–22. (In Russ.).
3. Isajeva, E.S. & Vasiljeva, E.G. (2021). Associative field of the concept “fire” in the linguistic consciousness of native Russian speakers at the background of the Latvian linguistic culture. *Russian Language Studies*, 19(3), 241–252. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
4. Tarasov, E.F. (2014). Prolegomena to the theory of linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics*, 4 (22), 24–35. (In Russ.).
5. Filippovich, A.Yu. & Cherkasova, G.A. (2021). *Man, state, power — associative base (Republic of Crimea)*, N.V. Ufimtseva & E.Ya. Titarenko (eds.). Moscow—Simferopol. (In Russ.).
6. Lebedeva, N.M. (2000). Basic values of Russians at the turn of the XXI century. *Psychological Journal*, 21, 3, 73–87. (In Russ.).
7. Schwartz, S.H. (1992). Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: *Advances in experimental social psychology*, M.P. Zanna (Ed.). Vol. 25. Orlando, FL: Academic. pp. 1–65.
8. Schwartz, S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 50, 19–45.
9. Lebedeva, N.M. & Pavelko, E.V. (1998). Research of cultural continuity among Russians at the present stage of development. *Yearbook of the Russian Psychological Society*, 4(1), 99–10. (In Russ.).
10. Vendina, T.A. (2002). *Medieval man in the mirror of the Old Slavic language*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
11. Kasyanova, K. (1994). *About the Russian national character*. Moscow: Publishing House of the Institute of the National Model of the Economy. (In Russ.).
12. Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.S., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (1994–1998). *Russian Associative Dictionary*. Vol. 1–6. Moscow: Institute of Rus. Language of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
13. The basic values of Russians (2003). Moscow: House of Intellectual Books. (In Russ.).
14. Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2018). *Russian regional associative Dictionary EVRAS*. Vol. I. From stimulus to reaction. Moscow: Moscow International Academy. (In Russ.).
15. Shaposhnikova, I.V. & Romanenko, A.A. (2014). *Russian regional associative dictionary of SEABASS*. Vol. I. From stimulus to reaction. Moscow: Moscow International Academy. (In Russ.).
16. Lisauskene, M.V. (2013). Young Siberians: life values and behavioral models of generation Z” (experience of youth research in the Irkutsk region in 1991, 2013, 2018). *Siberian Society*, 3(1), 46–60. <https://doi.org/10.21684/2587-84842019-3-1-46-60> (In Russ.).

17. Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence (2017). N.V., Ufimtseva, G.A. Cherkasova, O.V. Balyasnikova et al. (eds.). Moscow—Yaroslavl: Chancellor. (In Russ.).
18. Shaposhnikova, I.V. (2020). *Modes of identification of the Russian language personality in the era of change*. Moscow: YASK. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета; профессор кафедры инфокогнитивных технологий Московского политехнического университета; *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru ORCID <http://orcid.org/0000-0002-7476-8421>, eLIBRARY SPIN-код: 3470-4597.

Information about the author:

Natalia V. Ufimtseva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Comparative Historical Linguistics of the Faculty of Philology of Moscow State University; Professor of the Department of Infocognitive Technologies of Moscow Polytechnic University; *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru ORCID <http://orcid.org/0000-0002-7476-8421>, eLibrary SPIN code: 3470-4597.



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665

УДК 811.161.1'23'27

Научная статья / Research article

Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021)

И.В. Шапошникова  

Институт филологии Сибирского отделения РАН,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, 8

 i.shaposhnickowa@yandex.ru

Аннотация. Представлена информация о новой Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток) — СИБАС 2, полученной в массовом ассоциативном эксперименте (2014–2021) в азиатской части РФ. Описываются основные научно значимые характеристики электронного ресурса СИБАС, особенности материала СИБАС 2 по сравнению с базой данных СИБАС 1, отражающей параметры русской языковой личности (РЯЛ) в азиатских регионах России, зафиксированные в период с 2008 по 2013 г. Выявленные с помощью ресурса СИБАС 1 ассоциативные доминанты сравниваются с соответствующими параметрами РЯЛ, эксплицированными отечественными психолингвистами в европейской части РФ на основе обратного словаря ЕВРАС (2008–2013); доминанты СИБАС 1 и СИБАС 2 сопоставляются и с общерусскими данными обратных словарей первого (1988–1991) и второго (1992–1995) этапов накопления экспериментальных материалов для тезауруса РАС. На этом фоне автор приводит результаты общего анализа смыслообразующих узлов ассоциативно-вербальной сети (АВС) СИБАС, статистического упорядочения всего массива вербальных ассоциатов в актуальной диахронии (2008–2021). Такое упорядочение ассоциативного лексического материала может рассматриваться как методологический прием, начальный этап изучения динамики системообразующих смысловых акцентуаций РЯЛ, их историко-культурной основы и психически актуальных флуктуаций в исторической ретроспективе и в конкретный период времени (здесь преимущественно по данным СИБАС 1 и СИБАС 2).

Ключевые слова: русская языковая личность, экспериментальная модель, ассоциативно-вербальная сеть, системообразующие параметры, актуальная диахрония

История статьи:

Дата поступления: 20.06.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Шапошникова И.В. Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 648–665. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

© Шапошникова И.В., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Russian Language Personality in the Current Diachrony: a New Associative-Verbal Database (2014–2021)

Irina V. Shaposhnikova  

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
8, Nikolayev str., Novosibirsk, Russian Federation, 630090

 i.shaposhnickowa@yandex.ru

Abstract. The study presents a new Russian regional associative database (Siberia and the Far East) — SIBAS 2, obtained in a mass associative experiment (2014–2021) in the Asian regions of the Russian Federation. The author describes the main parameters of the scientifically significant information provided by the electronic resource SIBAS, the characteristics of the data in SIBAS 2 in comparison with the database SIBAS 1 reflecting the dimensions of the Russian language personality in the Asian regions of Russia, recorded in the period from 2008 to 2013. The associative dominants identified with the help of the SIBAS 1 resource are compared with the corresponding dimensions of the RLP, explicated by psycholinguists in the European part of the Russian Federation on the basis of the EURAS reverse dictionary (2008–2013); the dominants of SIBAS 1 and SIBAS 2 are compared with the all-Russian data of the reverse dictionaries of RAS (Russian Associative Thesaurus): the first (1988–1991) and second (1992–1995) stages of the all-Russian experiment. Against this background, the author presents new results of a general analysis of the semantic nodes of the SIBAS associative-verbal network, statistical ordering of the entire array of verbal associates in the current diachrony (2008–2021). Such statistical organization of the associative-verbal material can be viewed as a methodological technique, a preliminary step in the study of the psychologically relevant fluctuations of the system-forming semantic accentuations of the Russian language personality, their historical and cultural roots and meaningful transformations referring to a particular period of time (here mostly according to the data of SIBAS 1 and SIBAS 2).

Key words: Russian language personality, experimental model, associative-verbal network, system-forming dimensions, current diachrony

Article history:

Received: 20.06.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Shaposhnikova, I.V. (2022). The Russian Language Personality in the Current Diachrony: a New Associative-Verbal Database (2014–2021). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 648—665. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Введение

В связи с глубокими и масштабными изменениями в жизни народов на постсоветском пространстве за последние 40 лет возникает острая потребность в научном осмыслении движущих факторов и содержания быстро формирующихся этносоциокультурных процессов. Особо опасны признаки и темпы расчеловечивания, ярко проявляющие себя в межцивилизационных конфликтах, чреватых гуманитарными катастрофами и разжиганием войн. Такой уровень напряженности

требует поиска технологий информационного взаимодействия внутри российского суперэтнуса для своевременной оценки угроз, идущих от мировоззренческих конфликтов в актуальной диахронии между несколькими одновременно живущими поколениями в пределах одной и той же социокультурной (цивилизационной) среды. В этих условиях особенно востребованы динамические модели, позволяющие выносить суждения о закономерностях, которые могут проявиться в изменчивых по своей природе и зависящих от культуры явлениях субъективной психической реальности человека, в особенности в работе его сознания с процессами смыслообразования (смыслоуtratности). Для разработки динамических моделей такого плана недостаточно научиться выявлять и фиксировать смысловые предпочтения (акцентуации, доминанты) так называемой «усредненной» (статистически полученной в массовом эксперименте) РЯЛ. Необходимо собрать и подготовить для работы экспериментальные данные, репрезентативные по отношению к нескольким одновременно живущим поколениям, то есть получить материалы, пригодные для изучения объекта в актуальной диахронии. Изменчивость объекта может проявить себя и в смене векторов смысловых акцентуаций у представителей одной и той же возрастной группы испытуемых в исторически разные, хотя и близкие по времени друг к другу периоды жизни сообщества носителей языка. Для проверки ряда гипотез об изменчивости и устойчивости образа мира РЯЛ требуются данные, собранные в разных по структуре и составу населения регионах нашей огромной страны, где можно предположить наличие качественно разных параметров социокоммуникативной среды. Особое значение для такой исследовательской работы имеют большие базы ассоциативно-вербальных данных, которые создаются в течение нескольких десятилетий психолингвистами в ряде регионов нашего отечества (подробнее о разных ресурсах такого плана см. в [1. С. 344–421]). В данной статье речь пойдет преимущественно об одной из таких баз — Русской региональной ассоциативной базе данных СИБАС (Сибирь и Дальний Восток) [2]. Сконцентрируемся на анализе всего массива полученных в рамках этого ресурса вербальных ассоциатов в целях выявления *ассоциативных доминант* — вербальных маркеров смысловых узлов, составляющих содержательный каркас РЯЛ и поэтому представляющих собой базовые оперативные единицы (лексоны) в структуре ее концептуальной и языковой модели мира. Настоящая работа проведена в продолжение и развитие публиковавшихся нами ранее теоретических положений и результатов упорядочения лексики на материалах СИБАС 1 [1. С.178— 195; 3. С. 525–536; 4; 5]. Здесь впервые публикуется полный и уточненный список всех активировавшихся в ходе эксперимента 2014–2021 гг. вербальных единиц на всех доминантных уровнях упорядочения лексики, основанный на итоговых, обновленных за счет дополнительного эксперимента первой половины 2021 года и откорректированных нами в 2022 году данных СИБАС 2; проводится сравнительный анализ доминант СИБАС 2 с единицами соответствующих уровней в СИБАС 1, сопоставление с более ранними общероссийскими данными эпохи перестройки [6] и региональными, полученными отечественными психолингвистами в евро-

пейских регионах России синхронно с СИБАС 1 [7; 8]. В процессе сравнительного анализа разных источников фиксируются межуровневые переходы отдельных групп ассоциатов в актуальной диахронии.

Исследовательский ресурс СИБАС, теоретические предпосылки и методы сбора данных

Электронная база СИБАС создавалась на основе двух этапов массового свободного ассоциативного эксперимента, который проводился в азиатской части РФ (Сибирь и Дальний Восток). Базовый корпус экспериментальных данных первого этапа получил название СИБАС 1 (2008–2013), второго — СИБАС 2 (2014–2021). Первичный список в 1 000 стимулов для первого этапа экспериментальной работы над СИБАС 1 (2008–2013) [3. С. 13–18] готовился на основе предложенного разработчиками Русского ассоциативного словаря-тезауруса (1988–1997) [6] подхода, во многом, по аналогии с первичным списком для первого этапа создания РАС, что рассматривалось авторами как подготовка почвы для полноценного предметно-содержательного сопоставительного анализа психически актуальных значений высокочастотных слов русского языка у разных поколений его носителей и в разных крупных регионах нашей страны, таких как европейская и азиатская ее части. В итоге отечественные психолингвисты располагают по окончании первого этапа общероссийского эксперимента своего рода эталонным материалом для сопоставления АВС РЯЛ в формате ЕВРАС [7; 8] и СИБАС 1 [2; 3; 9]. Для второго этапа — СИБАС 2 (2014–2021) — был подготовлен *расширенный* список из 4 000 стимулов, в отличие от второго этапа РАС, где испытуемым было предъявлено 2685 стимулов¹. Список стимулов второго этапа СИБАС и ЕВРАС, как и ранее для второго этапа РАС, был сформирован из определившегося на первом этапе массива реакций, 4 000 из них и были предъявлены в качестве стимулов на втором этапе. При разработке списка для второго этапа экспериментальной работы над СИБАС 2 появилась возможность увидеть и учесть специфику набора реакций более позднего периода времени по сравнению с СИБАС 1 и тем более РАС. Вместе с тем при самом общем сравнении реакций РАС и СИБАС 1 отмечается высокая устойчивость во времени довольно большого пласта реакций. Это позволило сформировать очень значительную общность стимульного материала СИБАС 2 с уже имеющимся в РАС, что также дает общий вербальный субстрат для наблюдений в актуальной диахронии (ср. доминанты РАС 1 и СИБАС 1 в Таблице 3; РАС 2 и СИБАС 2 в таблице 4). В результате двух этапов эксперимента было получено в СИБАС 1 — 492 207 реакций, в СИБАС 2 — около 574 000 реакций,

¹ Подробная информация о технологии массового ассоциативного эксперимента, включая процедуру подбора стимулов на каждом его этапе, приводится Ю.Н. Карауловым в послесловии к первому тому РАС [10. С. 751–753].

совокупный объем ресурса СИБАС — свыше 1 066 000 реакций, то есть свыше 1 млн словоупотреблений.

В качестве испытуемых на всех этапах выступали студенты ведущих вузов в азиатских регионах РФ, не моложе 16 и не старше 30 лет, подавляющее большинство которых проходили первичную профессиональную социализацию в процессе обучения. Данная группа испытуемых, несомненно, может быть отнесена к резерву будущей элиты общества. Сознание этой категории молодых людей, сохраняя относительно высокую пластичность, уже подверглось общей социализации в естественных условиях, и поэтому в содержании их образа мира могут быть обнаружены явные следы воздействия *интенциональности* и *конвенциональности* формировавшей его смысловую структуру родной для испытуемых культуры, в том числе и следы рефлексии над своей Я-концепцией в социокультурном контексте.

Под интенциональностью культуры мы имеем в виду ее *мотивационно-установочный механизм*, складывающийся у ее носителей под воздействием интериоризации социокоммуникативной сети контактов, которая может меняться в определенных пределах в актуальной диахронии. С одной стороны, основные параметры социокоммуникативной сети контактов определенного этнокультурного сообщества, такие как плотность, разветвленность, интенсивность, направленность (преимущественно внутренняя, предпочитающая мир своей культуры, или ориентированная на внешние «миры») во многом являются производными от *интенциональности* культуры. С другой стороны, *интенциональный мир* отдельной личности складывается благодаря причастности к диалогу внутри смыслового поля родной культуры через сеть социокоммуникативных взаимодействий. Поскольку вербальная коммуникация играет главную роль в жизнедеятельности человека, она не может не воплотить в своих смысловых и формальных аспектах установочно-прагматическую, *интенциональную целостность* его личности. Это относится и к усредненной модели языковой личности человека, доступ к которой можно получить в процессе массового ассоциативного эксперимента. Нам представляется вполне правомерным вести речь о *модусе интенциональности языковой личности* человека как *смыслопорождающем каркасе* его образа мира [11. С. 148]. Экспликация системообразующих точек концентрации смысла — задача вполне реальная, как показали экспериментальные исследования психолингвистов, посвященные выявлению «ядра лексикона человека» или «ядра языкового сознания» носителей ряда языков на моделях ассоциативно-вербальной сети [12–14].

Термин *интенциональность* представляется нам очень удобным для изучения другоцентричности сознания человека, он успешно, хотя и многопланово, используется в историкоэтнокультурных исследованиях (см. обзор подходов в [15]), а также в работах, посвященных видоспецифичным характеристикам коммуникации человека в более специализированном, хотя и допускающем расширительное толкование смысле, как совместная интенцио-

нальность (shared intentionality) у М. Томаселло, то есть способность участвовать с другими в совместной деятельности с общими целями и интенциями [16; 17]. Результаты таких междисциплинарных исследований, с нашей точки зрения, могут привлекаться для оценки содержания и характера внутриэтнических и межэтнических взаимодействий, в особенности взаимодействия личности со смысловым полем взрастившей ее культуры.

Под термином «конвенциональность» мы подразумеваем стереотипные, социокоммуникативно устоявшиеся и санкционированные культурой формы взаимодействия, в которых может отражаться интенциональный мир личности, идентифицирующей себя с этой культурой. Сходную, но более конкретную отнесенность к реалиям коммуникативной культуры несет в себе термин «языковые конвенции в коммуникации» у М. Томаселло [16. С. 100–103]).

На модели АВС интенциональный мир культуры с ее коммуникативными конвенциями эксплицируется в смысловых акцентуациях языковой личности, множественности и многомерности социокоммуникативно детерминированных связей между единицами лексикона человека, установках на определенные типы оперирования телами языковых знаков в определенных конфигурациях для решения разных коммуникативных задач. Первым шагом на пути экспликации смысловых акцентуаций РЯЛ является статистический анализ всего массива реакций на макроуровне АВС, статистическое упорядочение лексики, маркирующей точки концентрации смыслов в соответствии с их иерархией в структуре личностного тезауруса.

Нам представляется, что статистически доминирующие ассоциативно-вербальные узлы связей в точках концентрации смысла могут претендовать на маркеры таких психических конструктов в образе мира испытуемых, которые Е.Е. Сапогова называет «сверхценные конструкты» (“ребенок”, “болезнь”, “карьера”, “любовь”, “долг” и др.), начинающие выполнять системообразующие функции, подчиняя себе на время другие сферы... и задавая определенный вектор (системный мотив, направленность) поведению» [18. С. 43]. Несомненно, следует учитывать возрастную специфику испытуемых, а потому мы можем ожидать определенный набор общих конструктов, характерный для переживаемого ими этапа жизненного пути. Это повышает ценность ассоциативно-вербальных моделей поскольку они эксплицируют интенциональный мир активной и перспективной в смысле жизненных планов категории испытуемых (студентов).

В данном исследовании рассматривается только макроуровневая структура СИБАС, которая эксплицируется на всем массиве ассоциатов обратного словаря. Однако инструментарий электронной базы данных СИБАС не ограничивается ассоциативными словарями по итогам двух этапов эксперимента, в ней есть локальные подкорпусы, а также интерфейсы, позволяющие быстро извлекать данные, необходимые для научной интерпретации в зависимости от задач, которые исследователь ставит перед собой. Например, пользова-

телю доступен поиск и группировка вербальных единиц по определенным морфологическим признакам, предусмотрен поиск по инициалам, финалям, а также морфологическим компонентам внутри слов-ассоциатов; с помощью наведения курсора на конкретную цепочку «*стимул — реакция*» в любом ассоциативном поле прямого словаря можно мгновенно получить иллюстрирующие ее использование контексты из НКРЯ². В специально созданном для автоматического векторного анализа конкретных ассоциативных полей Приложении к СИБАС работает общеграмматическая (частеречная) разметка всех ассоциатов СИБАС. Разметка была выполнена в автоматизированном режиме в 2020–2021 гг. Ее результаты анализируются в настоящее время, рассматриваются возможности и целесообразность коррекции ошибок как в ручном, так и в обучающем для ИИ автоматическом режиме. Есть и другие возможности оперирования имеющимся ассоциативно-вербальным материалом СИБАС: более подробную информацию о них и доступ к разным интерфейсам СИБАС можно получить на сайте этого ресурса [2]. Вместе с тем исследователю доступна и книжная версия прямого и обратного словарей СИБАС 1 [3; 9]. Электронное издание словарей СИБАС 2 в настоящее время готовится к выпуску в издательстве Новосибирского государственного университета³. СИБАС 1, как уже отмечалось выше, полностью сопоставим с ЕВРАС [7; 8], что было предусмотрено изначально общероссийским проектом больших региональных словарей.

Результаты исследования

Суть проведенного анализа сводится к статистическому упорядочению лексики в структуре АВС с помощью компьютерной программы обратного словаря с выявлением *ассоциативных доминант* РЯЛ, опорных узлов смыслового каркаса ее образа мира. Результаты анализа отражают входящие связи слов, то есть фиксируют количество связей и частоту реакций у разных групп вербальных единиц, что показано в таблицах 1–4 ниже. Ассоциативные доминанты представляют собой наиболее яркие по интенсивности и разветвленности связей узлы АВС. Интенсивность связей зависит от частоты актуализации слова в качестве реакции в эксперименте, а экстенсивность — от количества разных единиц, с которыми оно ассоциируется. Упорядочение лексики как методологический прием широко используется разными отраслями лингвистики, специфика ассоциативно-вербальной статистической модели дает возможность выявить точки концентрации смыслов РЯЛ для изучения ее интен-

² НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.03.2022).

³ СИБАС 2 — Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2). В 2 т. Т. I. 920 с. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу. 1329 с. Новосибирск: НГУ, 2022. (в печати).

циональности, а также при экспликации ее активной грамматики [10, 11; 13; 19]. Следует отметить, что список стимулов для СИБАС 2 был расширен словоформами, представляющими словоизменительные и словообразовательные парадигмы лексем, что позволит использовать СИБАС для более пристально-го изучения диссипированной в АВС грамматики и ее вклада в формирование точек концентрации смысла. Например, наряду с *друг, друзья* в СИБАС 1, в СИБАС 2 представлены ассоциативные поля *другу, дружба, дружеский, дружеская, дружеский, дружить, дружные, друзей;* наряду с *труд, трудности* и *трудолюбие* в СИБАС 1, в СИБАС 2 находим ассоциативные поля *трудиться, трудная, трудно, трудность, трудный, трудоголик, трудолюбивый, трудяга* и т.п. Выбор словоформ в парадигмах определялся их частотными показателями по результатам первого этапа эксперимента. Изучение в будущем ассоциативных профилей словоформ и целых парадигм на фоне смыслообразования в АВС РЯЛ представляется нам потенциально важным шагом для исследования *мотивированности грамматики*, а на этой основе и становления ассоциативной лингвистической типологии (подробнее об этом: [11]).

Ассоциативные доминанты характеризуются довольно высоким порогом устойчивости в актуальной диахронии (в пределах трех-четырех одновременно живущих поколений), что заметно даже на отрезке времени, охваченном СИБАС. Ср. совпадения по составу и общие флуктуации устойчивости единиц в пределах каждого уровня, а также межуровневые переходы, отмеченные в таблице 1. В 2020 году мы уже провели сравнительный анализ данных частотного словаря на основе НКРЯ [20] и СИБАС 1 [4. С. 158–159]. Он свидетельствует о том, что статистические закономерности, зафиксированные в частотных словарях и АВС, могут использоваться для решения исследовательских задач комплексно, характеризуя лексические единицы с разных функциональных ракурсов. Однако иерархия внутренней организации структуры связей между маркерами смысловых узлов АВС существенно отличается от таковой в структуре частотного словаря. Тексты любого национального корпуса подобраны авторским коллективом, общие частотные показатели логически упорядочены в результате сбалансированности корпуса по стилям, наполняемости текстов и прочим параметрам, важным для репрезентативности разных форм существования языка в текстовом воплощении. «Тексты», из которых испытуемый извлекает вербальные ассоциаты в ходе эксперимента, сотканы из вербально-коммуникативного опыта жизнедеятельности языковой личности испытуемого в соответствии с направленностью векторов ее системных мотивов и иерархией ее потребностей. При анализе частоты реакций в СИБАС 2 обращает на себя внимание тот факт что, несмотря на четырехкратно расширенный список стимулов, позволивший нарастить АВС, степень сохранности доминирующих по частоте активации единиц в СИБАС 1 и 2 очень высока (59,2% от всего списка доминант СИБАС 2), несмотря на различия стимулов и временной разрыв между первым и вторым этапом.

Таблица 1 / Table 1

**Модели макроструктуры АВС РЯЛ по данным СИБАС 1 и СИБАС 2⁴ /
The macro-level structure models of the AVN of the RLP according to SIBAS 1 and SIBAS 2**

Корпус / Data	СИБАС 1 (2008–2013) / SIBAS (2008–2013)	СИБАС 2 (2014–2021) / SIBAS (2014–2021)
Уровень / Level	Диапазон / Range	Диапазон / Range
Первый / The First	Единицы / Words	Единицы / Words
	10 слов: человек, жизнь, дом, деньги, хорошо, плохо, друг, нет, мир, я	47 слов: человек, жизнь, дом, плохо, работа, деньги, я, нет, друг, любовь, боль, смерть, люди, страх, парень, учеба, человека, мир, девушка, мужчина, радость, еда, сила, счастье, хорошо, время, машина, большой, ребенок, вода, дорога, книга, игра, зло, семья, день, фильм, школа, дело, война, красный, есть, плохой, хороший, черный, мама, лес
Второй / The Second	14 слов: время, работа, любовь, сила, радость, женщина, смерть, есть, зло, ребенок, день, много, человека, город	60 слов: женщина, характер, кот, собака, жизни, белый, ум, много, красота, ложь, дома, одежда, дерево, большая, власть, труд, спорт, грусть, сон, свобода, грязь, лето, успех, людей, отдал, свет, история, вещь, Россия, чувство, море, магазин, земля, дети, путь, жить, умный, ужас, победа, красивый, ночь, сильный, болезн, всегда, дурак, предмет, слово, мальчик, цель, голова, тепло, душа, враг, город, студент, поступок, музыка, песня, друзья, страна
Третий / The Third	58 слов: счастье, большой, хороший, люди, дело, всегда, ум, предмет, страх, жизни, путь, боль, машина, взгляды, умный, парень, разговор, характер, отдал, учеба, свет, быстро, ответ, враг, успех, жить, все, лес, труд, дорога, дурак, дома, вода, мой, стол, мужик, фильм, девушка, плохой, урок, вещь, помощь, ужас, вопрос, сон, долг, красивый, свобода, долг, власть, красота, большая, людей, Россия, народ, мальчик, ложь, да	135 слов: телефон, солнце, животное, место, веселье, стол, природа, молодец, вид, глупость, кровь, закон, деревня, печаль, мой, взгляд, качество, помощь, мысли, камень, огонь, быстро, тюрьма, рука, улица, слова, ответ, правда, старый, тупой, интерес, обман, делать, математика, моя, небо, опасность, зеленый, один, себя, холол, детство, бывает, действие, вопрос, пустота, праздник, слать, сердце, мысль, вор, круг, урок, защита, лицо, глупый, злой, злость, мечта, опыт, маленький, наука, лень, конец, мужик, глаза, разговор, долго, улыбка, здоровье, красиво, добрый, удар, слезы, случай, беда, муж, убийство, говорить, руки, проблема, ты, идти, дверь, армия, да, смех, вещи, решение, выбор, память, секс, золото, трава, комната, дождь, дела, группа, народ, университет, дружба, слабость, далеко, ответственность, учение, скука, гора, личность, знания, алкоголь, общество, мозг, движение, значение, государство, добро, бумага, одиночество, разум, искусство, обидя, сделать, зверь, ошибка, отношения, тело, думать, залах, сложно, нельзя, спокойствие, наказание, всё, поле, учитель
Четвертый / The Fourth	271 слово	439 слов
Пятый / The Fifth	49–1	61 179 слов; из них только 4 192 имеют не менее 10 связей; 8 828 — не менее 5 связей
Итого / Total	Итого	Итого
	5 уровней разветвленности связей, из них 1–3 — ассоциативные доминанты. Всего 82 единицы. Из них только одна (1,2%) не совпадает с СИБАС 2	5 уровней разветвленности связей, из них 1–3 — ассоциативные доминанты. Всего 242 единицы. Из них 81 единица совпадает с СИБАС 1. Расширение списка стимулило до 4 000 далю прост наполнения состава ассоциативных доминант на втором этапе эксперимента. При этом почти все доминанты СИБАС 1 вошли в список СИБАС 2. Степень сохранности списка — 33,5%; обновление (расширение) — 66,5%

⁴ Здесь и далее в таблицах 2–4 азиатские материалы сгенерированы и сгруппированы нами по уровням из всего массива реакций отдельно после первого и второго этапов эксперимента с помощью компьютерных программ СИБАС [2], разработанных канд. техн. наук А.А. Романенко.

Как правило, высокочастотные слова в АВС обладают и наиболее разветвленными связями, также позволяющими отнести эти единицы к ядерным в структуре лексикона человека. В данной статье мы ограничимся подробным рассмотрением ассоциативных доминант СИБАС 2 и других источников только на основе количества реакций доминирующими словами (экстенсивности их связей). Результаты анализа приводятся ниже в таблицах, построенных по единой схеме. Все они представляют модели макроструктуры АВС РЯЛ на основе статистики обратных словарей сравниваемых источников. Сами источники и даты проведения экспериментов указываются в строке «Корпус». Слова-доминанты распределены по уровням в соответствии с количеством вербальных связей, то есть количеством стимулов, вызвавших реакцию этими словами (диапазоны приводятся для каждого уровня в отдельной ячейке), входящие в этот уровень единицы перечислены в порядке убывания количества связей слова со стимулами. Предельный показатель для вхождения в число ассоциативных доминант по экстенсивности связей — 100 (не ниже третьего уровня). *Курсивом* в таблицах помечены общие для каждого уровня единицы в цитируемых источниках; *полужирным курсивом* — те, которые присутствуют в обоих сопоставляемых источниках, но фиксируются в них на разных уровнях; обычным шрифтом — специфичные для одного из двух сопоставляемых источников единицы, не повторяющиеся в рейтинге доминант другого.

Сравнительный анализ ассоциативных доминант СИБАС 1 и СИБАС 2

Различия и сходства доминант СИБАС 1 и СИБАС 2 обусловлены рядом факторов, среди них — общность возрастной и региональной категории испытуемых носителей языка, однако разрыв во времени проведения эксперимента, а также различия в списке предъявленных стимулов (см. выше) дают основания для выявления отличий. Они наблюдаются на всех уровнях и носят количественно-качественный характер, что проявляется в активном перемещении единиц между разными уровнями и возрастании количества новых единиц в СИБАС 2 по отношению к данным СИБАС 1. Количество отличий нарастает по мере снижения уровня рассмотрения: наибольшее число инноваций наблюдается на третьем, самом низком в рейтинге уровне доминантных единиц. Таким образом, второй этап ассоциативного эксперимента по созданию ассоциативного тезауруса оказывается критическим в плане наращивания АВС.

Сравнительный анализ ассоциативных доминант ЕВРАС и СИБАС 1

Как видно из материалов, приведенных в таблице 2, ресурсы ЕВРАС и СИБАС 1, полученные на идентичных списках стимулов в одинаковых условиях синхронного по времени эксперимента, но в разных регионах РФ, имеют очень близкие по составу и даже структуре ассоциативные доминанты. Ряд помеченных полужирным курсивом единиц показали межуровневый переход в зависимости от региона. Например, *радость* фиксируется в пределах диапазона первого уровня в ЕВРАС, а в СИБАС 1 эта единица активируется с меньшим количеством связей в пределах второго уровня в рейтинге доминант. При этом области флуктуаций, приводящих к различиям в количествах входящих связей по регионам, наблюдаются преимущественно на границах второго и третьего уровня при заметном совпадении совокупного состава единиц всех уровней. Со снижением количества входящих связей на третьем уровне появляется больше уникальных для каждого региона единиц. Например, «поступок», «душа», «секс» в ЕВРАС и «жить», «фильм», «вещь» в СИБАС 1. Проверка индивидуальных показателей количества связей у этих единиц по словарям [8; 9] показала, что основная масса несовпадающих ассоциатов в списках локализуется на четвертом уровне (в диапазоне от 99 до 50 связей), например: «душа» с 78 связями в СИБАС 1 против 112 в ЕВРАС; «студент» с 99 в СИБАС 1 против 113 в ЕВРАС; «мужик» с 99 в ЕВРАС против 109 в СИБАС 1; «вещь» с 97 в ЕВРАС против 107 в СИБАС 1. Таким образом, и в случае несовпадений состава единиц третьего уровня можно констатировать их близкое размещение в прилегающем нижележащем слое. Такого рода макроуровневые различия регионального плана в структуре и составе ассоциативных доминант в целом можно охарактеризовать как не существенные, а потому недостаточные для идентификации региональных структур тезауруса РЯЛ в европейском и азиатском воплощениях в качестве значимо специфичных, разных интенциональных миров российской (русской) цивилизации.

Сравнительный анализ ассоциативных доминант РАС 1 и СИБАС 1

Если учесть значительную общность стимулов в СИБАС 1 и РАС 1, наиболее существенным фактором различий будет временной (поколенческий) разрыв, который проявляется и в количественных, и в качественных показателях, свидетельствующих о более глубоких различиях во времени, чем в пространстве (ср. с синхронными данными ЕВРАС и СИБАС 1, приведенными в таблице 2). Примечательно, что процентное соотношение общности ассоциатов доминантных рядов при прочих равных условиях заметно снижается у *разных поколений* испытуемых. Ср. итоговые данные в таблицах 2 и 3.

**Модели макроструктуры ABC РЯЛ
по данным ЕВРАС и СИБАС 1⁵ /
The macro-level structure models of the AVN of the RLP
according to EURAS and SIBAS 1**

Корпус / Data	ЕВРАС (2008–2013) / EURAS (2008–2013)		СИБАС 1 (2008–2013) / SIBAS 1 (2008–2013)	
Уровень / Level	Диапазон / Range	Единицы / Words	Диапазон / Range	Единицы / Words
Первый / The First	600–200	11 слов: <i>человек, жизнь, дом, плохо, хорошо, нет, деньги, мир, друг, я, радость</i>	600–200	10 слов: <i>человек, жизнь, дом, деньги, хорошо, плохо, друг, нет, мир, я</i>
Второй / The Second	199–150	21 слово: <i>работа, сила, любовь, время, мужчина, счастье, ребенок, большой, день, смерть, зло, много, город, хороший, человека, есть, свет, парень, всегда, предмет, дело</i>	199–150	14 слов: <i>время, работа, любовь, сила, радость, мужчина, смерть, есть, зло, ребенок, день, много, человека, город</i>
Третий / The Third	149–100	47 слов: <i>отдых, умный, ум, жизни, страх, люди, взгляд, боль, характер, поступок, дурак, плохой, ужас, быстро, ответ, да, машина, путь, разговор, учеба, труд, стол, дома, лес, мой, дорога, враг, девушка, народ, людей, студент, все, душа, красивый, мальчик, добрый, свобода, красота, власть, вопрос, долг, урок, успех, помощь, секс, сон, долго</i>	149–100	58 слов: <i>счастье, большой, хороший, люди, дело, всегда, страх, жизни, путь, боль, машина, взгляд, умный, парень, разговор, характер, отдых, учеба, свет, быстро, ответ, враг, успех, жить, все, лес, труд, дорога, дурак, дома, вода, мой, стол, мужик, фильм, девушка, плохой, урок, вещь, помощь, ужас, вопрос, сон, долго, красивый, свобода, долг, власть, красота, большая, людей, Россия, народ, мальчик, ложь, да</i>
Итого / Total		Всего 79 единиц, из них 74 (93,7 %) общих с СИБАС 1; 5 (6,3 %) не совпадает с СИБАС 1.	600–100	Всего 82 единицы, из них 74 (90,2 %) общих с ЕВРАС, 8 (9,8 %) — не совпадает с доминантами ЕВРАС

⁵ Информация об ассоциативных доминантах ЕВРАС взята из опубликованных Н.В. Уфимцевой материалов эксперимента в европейской части РФ [14. С. 95], отдельные словоформы («человека, дома») добавлены нами в список на основе данных из обратного словаря ЕВРАС [8].

Таблица 3 / Table 3

**Модели макроструктуры АВС РЯЛ по данным РАС 1 и СИБАС 1⁶ /
The macro-level structure models of the AVN of the RLP
according to RAS 1 and SIBAS 1**

Корпус / Data	РАС 1 (1988–1991) / RAS 1 (1988–1991)		СИБАС 1 (2008–2013) / SIBAS 1 (2008–2013)	
Уровень / Level	Диапазон / Range	Единицы / Words	Диапазон / Range	Единицы / Words
Первый / The First	600–200	8 слов: человек, дом, нет, хорошо, жизнь, плохо, друг, много	600–200	10 слов: человек, жизнь, дом, деньги , хорошо, плохо, друг, нет, мир, я
Второй / The Second	199–150	16 слов: все, большой, дело, деньги, быстро, стол, день, радость, мир, ребенок, разговор, думать, лес, время, хороший, дурак	199–150	13 слов: время, работа, любовь, сила, радость, мужчина, смерть, есть, зло, ребенок, день, много, город
Третий / The Third	149–100	37 слов: говорить, мужчина, любовь, долго, работа, свет, он, жить, дорога, плохой, мой, вместе, вопрос, я, есть, парень, товарищ, книга, кино, ответ, город, вода, мальчик, идти, женщина, муж, красивый, далеко, умный, труд, вид, предмет, рука, сделать, слово, красный, смерть	149–100	57 слов: счастье, большой, хороший, люди, дело, всегда, ум, предмет, страх, жизни, путь, боль, машина, взгляд, умный, парень, разговор, характер, отдых, учеба, свет, быстро, ответ, враг, успех, жить, все, лес, труд, дорога, дурак, вода, мой, стол, мужик, фильм, девушка, плохой, урок, вещь, помощь, ужас, вопрос, сон, долго, красивый, свобода, долг, власть, красота, большая, людей, Россия, народ, мальчик, ложь, да
Итого / Total	600–100	61 единица, из них 16 (26,2%) специфичны для РАС1; 73,8% — совпадают с СИБАС 1.	600–100	80 единиц всего, из них 35 специфичны для СИБАС 1; 45 — совпадают с РАС 1. Сохранность списка — 56,3%; обновление — 43,7%.

⁶ Информация об ассоциативных доминантах РАС 1 взята из опубликованных Н.В. Уфимцевой материалов первого этапа общероссийского эксперимента [14. С. 93–94]. Словоформы «человека, дома» исключены нами из списка СИБАС 1, так как в списке доминант РАС 1 приводятся данные только о леммах.

Сравнительный анализ ассоциативных доминант РАС 2 и СИБАС 2

Таблица 4 / Table 4

Модели макроструктуры АВС РЯЛ по данным РАС 2 и СИБАС 2⁷ / The macro-level structure models of the AVN of the RLP according to RAS 2 and SIBAS 2

Корпус / Data	РАС 2 (1992–1995) RAS 2 (1992–1995)		СИБАС 2 (2014–2021) / SIBAS (2014–2021)	
Уровень / Level	Диапазон / Range	Единицы / Words	Диапазон / Range	Единицы / Words
Первый / The First	600–200	7 слов: человек, большой, жизнь, дом, нет, хорошо, плохо	600–200	46 слов: человек, жизнь, дом, плохо, работа, деньги, я, нет, друг, любовь, боль, смерть , люди, страх, парень , мир, девушка, мужчина, радость , еда, сила, счастье, хорошо, время , машина, большой, ребенок, вода, дорога, книга , игра, зло, семья, день , фильм, школа, дело , война, красный, есть, плохой, хороший, черный , мама, лес
Второй / The Second	199–150	4 слова: деньги, дурак, друг, вода	199–150	59 слов: женщина , характер, кот, собака, жизни, белый, ум, много , красота, ложь, одежда, дерево , большая, власть, труд, спорт, грусть, сон, свобода, грязь , лето, успех, людей, отдых, свет , история, вещь, Россия, чувство, море, магазин, земля, дети, путь, жить , умный, ужас, победа, красивый, ночь , сильный, болезнь, всегда, дурак , предмет, слово, мальчик, цель, голова, тепло, душа, враг, город, студент, поступок, музыка, песня, друзья, страна
Третий / The Third	149–100	43 слова: есть, хороший, думать, жить, идти, любовь, работа , говорить, все, красивый, радость, дорога, лес, смерть , мой, плохой, много, я, день, белый, дело , старый, время, красный, грязь , зеленый, женщина, ребенок, свет, всегда, дерево , быстро, очень, парень, черный , нельзя, смотреть, далеко, книга, ночь, мужчина, сделать, спать	149–100	134 слова: телефон, солнце, животное, место, веселье, стол, природа, молодец, вид, глупость, кровь, закон, деревня, печаль, мой, взгляд, качество, помощь, мысли, камень, огонь, быстро, тюрьма, рука, улица, слова, ответ, правда, старый, тупой, интерес, обман, делать, математика, моя, небо, опасность, зеленый, один, себя, холод, детство, действие, вопрос, пустота, праздник, спать, сердце, мысль, вор, круг, урок, защита, лицо, глупый, злой, злость, мечта, опыт, маленький, наука, лень, конец, мужик, глаза, разговор, долго, улыбка, здоровье, красиво, добрый, удар, слезы, случай, беда, муж, убийство, говорить, руки, проблема, ты, идти, дверь, армия, да, смех, вещи, решение, выбор, память, секс, золото, трава, комната, дождь, дела, группа, народ, университет, дружба, слабость, далеко, ответственность, ученик, скука, гора, личность, знания, алкоголь, общество, мозг, движение, знание, государство, добро, бумага, одиночество, разум, искусство, обида, сделать, зверь, ошибка, отношения, тело, думать, запах, сложно, нельзя, спокойствие, наказание, всё, поле, учитель
Итого / Total	600–100	Всего 54 единицы, 52 (96,3%) присутствуют и в списках доминант СИБАС 2.	600–100	Всего 239 единиц, 52 из них присутствуют и в списках доминант РАС 2. Обновление состава доминант — 78,2%; сохранность — 21,8%.

⁷ Информация об ассоциативных доминантах РАС 2 взята из опубликованных Н.В. Уфимцевой материалов второго этапа общероссийского эксперимента [14. С. 93–94]. Словоформы «человека, дома, бывает» исключены нами из списка СИБАС 2, так как в списке доминант РАС 2 приводятся данные только о леммах.

В таблице 4 наблюдаются существенные отличия ассоциативных доминант СИБАС 2 и РАС 2. Это связано с целым рядом факторов: спецификой второго этапа экспериментальной работы как промежуточного в процессе создания ассоциативного тезауруса, существенным отличием в количестве стимулов и их составе для первого и второго этапов, большим разрывом во времени проведения экспериментов, качественным отличием реакций РАС 1 и СИБАС 1, из которых формировались списки стимулов для вторых этапов в условиях глубокой трансформации всех параметров социокоммуникативной среды на постсоветском пространстве смутного перестроечного и постперестроечного времени. Этим обусловлены количественные и качественные отличия как в наборе единиц, так и в иерархии их связей в структуре каждой сети. Подводя итоги общему сравнению ассоциативных доминант РЯЛ во всех рассмотренных нами источниках ассоциативно-вербальных данных, следует отметить, что больше всего различий наблюдается в плане межуровневых переходов единиц в актуальной диахронии из-за отсутствия жестких границ между уровнями статистической упорядоченности доминантных единиц, их условности, что в значительной степени связано с флуктуацией ассоциированных с ними смыслов. Кроме того, со снижением уровня рассмотрения усиливается вероятность «разрыхления» структуры лексического слоя, увеличения количества новообразований.

Заключение

Представленные в таблицах результаты статистического упорядочения лексики в актуальной диахронии дают первичный материал для дальнейшей исследовательской и прикладной работы с психически актуальными для РЯЛ единицами ее внутреннего лексикона, эксплицированными на модели АВС. Ассоциативные доминанты представляют собой базисный каркас точек (узлов) порождения и концентрации личностных смыслов на основе историко-культурных значений соответствующих вербальных единиц, выступающих в качестве операторов смыслопорождения у языковой личности испытуемых. Доминанты АВС, будучи ассоциативно-вербальными аналогами «сверхценных смысловых конструкторов»⁸ в образе мира молодых людей, заслуживают особого внимания при выборе лингводидактических единиц для обучения языку; ассоциативно-вербальным данным, эксплицирующим психически актуальные реалии, вероятно, следует отдать предпочтение перед частотными словарями при обучении *живому разговорному языку* для погружения в *актуальное смысловое поле современной русской культуры, системно сформированное ее интенциональным миром*. При сравнительно-сопоставительном анализе недавно полученных экспериментальных материа-

⁸ Термин Е.Е. Сапоговой.

лов с ассоциативными материалами прошлого века и при накоплении новых данных в ходе дальнейшего эксперимента, выявляющиеся флуктуации в рейтинге ассоциативных доминант в пределах ряда десятилетий могут служить исходным материалом для конкретных гипотез о предполагаемых сдвигах в структуре психически актуальных и (или) даже историко-культурных значений соответствующих лексем.

Библиографический список

1. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. <https://doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3>
2. СИБАС 1 и СИБАС 2 — Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток — 2008–2022 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Режим доступа: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 28.03.2022).
3. СИБАС 1 — Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики, 2014.
4. Шапошникова И.В. Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. №5. С. 155–172. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14>
5. Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №2. С. 279–301. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301>
6. РАС — Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. Т. II. От реакции к стимулу: более 100000 реакций. М.: Астрель, АСТ, 2002. Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 28.03.2022).
7. ЕВРАС — Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018.
8. ЕВРАС — Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2018.
9. СИБАС 1 — Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015.
10. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. М.: Астрель, АСТ, 2002. С.750–782.
11. Шапошникова И.В. Модус интенциональности русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. №4. С. 135–150. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-135-150>
12. Залевская А.А. Психоллингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

13. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011.
14. Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: Коллективная монография / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис. 2017. С. 21–96.
15. Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 2. С. 152–167.
16. Томаселло М. Истоки человеческого общения / пер. с англ. М.В. Фаликман, Е.В. Печенковой, М.В. Сеницыной, А.А. Кибрик, А.И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур. 2011.
17. Tomasello M. Horizon. The ultra-social animal // *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. P. 187–194.
18. Сапогова Е.Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73 С. 40–59. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/3>
19. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
20. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.03.2022).

References

1. Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021): a research monograph (2021). I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova (eds.). Moscow: Institute of Linguistics RAS—MMA. (In Russ.) <https://doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3>
2. SIBAS 1 and SIBAS 2 — Russian Regional Associative Database: Siberia and Far East (2008–2022), I.V. Shaposhnikova & A.A. Romanenko (eds.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
3. SIBAS 1 — Shaposhnikova, I.V. & Romanenko, A.A. (2014). Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and Far East). Vol. I. From stimulus to reaction. Moscow: Moscow Institute of Linguistics. (In Russ.).
4. Shaposhnikova, I.V. (2020). Image of the Human World and Semantic Organization of Lexicon in Interdisciplinary Linguistics. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(5), 155–172. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14> (In Russ.).
5. Shaposhnikova, I.V. (2021). Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 279–301. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301> (In Russ.).
6. RAS (*Russian Associative Dictionary*) (2002). Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin & E.F. Tarasov (eds.) Vol. I. From stimulus to reaction: about 7 000 stimuli. Vol. II. From reaction to stimulus: over 100 000 reactions. Moscow: Astrel Publishing house: Publishing house AST. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
7. EURAS — Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2018). *Russian Regional Associative Dictionary (European Part of Russia)*. Vol. I. From stimulus to reaction. Moscow: Moscow International Academy. (In Russ.).
8. EURAS — Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2018). *Russian Regional Associative Dictionary (European Part of Russia)*. Vol. II. From reaction to stimulus. Moscow: Moscow International Academy. (In Russ.).

9. SIBAS 1 — Shaposhnikova, I.V. & Romanenko, A.A. (2015). *Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and Far East)*. Vol. II. From reaction to stimulus. Moscow: Moscow Institute of Linguistics. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. (2002). Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Resource and Toolkit for Analysis of Language Faculty. In: *Russian Associative Dictionary*, Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.) Vol. I. *From stimulus to reaction: about 7 000 stimuli*. Moscow: Astrel, AST. pp. 750–782. (In Russ.).
11. Shaposhnikova, I.V. (2021). The Mode of Intentionality of the Russian Language Personality through the Prism of Associative Grammar. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 19 (4), 135–150. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-135-150> (In Russ.).
12. Zalevskaya, A.A. (2005). *Psycholinguistic Research. The Word. Text: Selected Works*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
13. Ufimtseva, N.V. (2011). *Language Consciousness: Dynamics and Variability*. Moscow; Kaluga: Institute of Linguistics RAS (IP Shilin I.V.). (In Russ.).
14. Ufimtseva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity. In: *(Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens. Research monograph*, I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnyh, N.V. Ufimtseva (eds.). Moscow: Gnozis. pp. 21–96. (In Russ.).
15. Lur'e, S.V. (2010). General Cultural Script and Functioning of Sociocultural systems. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XIII (2), 152–167. (In Russ.).
16. Tomasello, M. (2011). *Origins of Human Communication*, M.V. Falikman, E.V. Pechenkova, M.V. Sinitsyna, Anna A. Kibrik, A.I. Karpuhina (transl.). Moscow: LRC. (In Russ.).
17. Tomasello, M. (2014). Horizon. The ultra-social animal. *European Journal of Social Psychology*, 44, 187–194.
18. Sapogova, E.E. (2019). The Structure of Personal Thesaurus: Existential Psychological Approach. *Siberian journal of psychology*, 73, 40–59. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/3> (In Russ.).
19. Karaulov, Yu.N. (1993). *Associative Grammar of the Russian Language*. Moscow. Moscow: LKI.
20. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009). *Word Frequencies in the Modern Russian Language (Based on the Russian National Corpus)*. Moscow: Azbukovnik Publ. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 20 March 2022).

Сведения об авторе:

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН; сфера научных интересов: психолингвистика, общая теория языка, историческая типология, этносоциоллингвистика, русский язык, германские языки; e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.

Information about the author:

Irina V. Shaposhnikova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Research interests: psycholinguistics, general linguistics, historical typology, ethnosociolinguistics, Russian and Germanic languages; e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677

УДК [811.111:811.161.1]373

Научная статья / Research article

Оппозитивная семантика в английских и русских фразеологических единицах на примере ФЕ с семантическим компонентом **MAN** и **ЧЕЛОВЕК**

Л.Н. Лунькова¹ ✉, Ю.И. Фролова²

¹Государственный социально-гуманитарный университет,
140410, Российская Федерация, Московская область, Коломна, ул. Зеленая, д. 30

²Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 18»,
140410, Российская Федерация, Московская область, Коломна, ул. Южная, д. 7

✉ loralu@list.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ феномена фразеологической единицы (ФЕ): его лингвокогнитивной основы, структурно-семантического потенциала, а также особенностей актуализации в английском и русском лингвокультурных пространствах при манифестации многомерного оппозитивного смысла на примере группы ФЕ с семантическим компонентом *man* (*человек*). Выявлено, что в английском языке компонент *man* проявляет свойства полисеманта и участвует в реконструкции трех базовых модусов бытия: морально-этического, когнитивно-психологического, социально-экономического. В русском языке семантический компонент *человек* уступает по уровню полисемии англоязычному аналогу и репрезентирует монолитный духовный модус. Такое фундаментальное отличие обуславливается тенденцией к идеальной интерпретации типично материальных смыслов, специфичной для русской лингвокультуры. Обнаружено, что в обоих языках семантика оппозитивности проявляется как на уровне внутренних (между компонентами одной и той же ФЕ), так и на уровне внешних связей (с другими ФЕ). Причем основную оппозитивную нагрузку несут лексико-грамматические средства: антонимы, адверсативные союзы и частицы, формирующие симметричные и ассиметричные контрасты. Доказано, что оппозитивные паттерны со схожей структурой маркируют в английском и русском языках принципиально разные архисемы, простирающиеся в плоскости исследуемых лингвокультур полярные экзистенциально-аксиологические траектории (материальную и идеальную соответственно).

Ключевые слова: фразеологическая единица, ФЕ, оппозиция, оппозитивная семантика, лингвокультура, архисема, полисемант, антоним, адверсативный союз

© Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. Оппозитивная семантика в английских и русских фразеологических единицах на примере ФЕ с семантическим компонентом *MAN* и *ЧЕЛОВЕК* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 666—677. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677>

Oppositive Semantics in English and Russian Phraseological Units by the example of PHU with a Semantic Component *MAN*

Larisa N. Lunkova¹  , Julia I. Frolova² 

¹State University of Social Studies and Humanities,
30, Zelyonaya str., Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, 140410

²High Comprehensive School Number 18,
Yuzhnaya str., Kolomna, Russian Federation, 140404

 loralu@list.ru

Abstract. The article deals with a complex analysis of a phraseological unit (PhU) phenomenon: its linguo-cognitive basis, structural-semantic potential as well as actualization peculiarities in the English and Russian linguo-cultural spaces under the manifestation of a multidimensional oppositive sense through PhUs with a semantic component *man*. The study establishes that the component exhibits the characteristics of a polysemant in the English language and reconstructs three basic modi of entity: mental-ethical, cognitive-psychological, socio-economic. The semantic component *man* is less polysemantic in Russian compared to the English equivalent and represents a monolithic spiritual modus. This fundamental difference is caused by the tendency to the ideal interpretation of typically material senses which is specific to the Russian linguoculture. It is revealed that oppositive semantics manifests itself both on the level of internal relations (between the components within a PhU) and on the level of the external ones (with other PhUs) in the two languages. Besides, the main oppositive load is carried out through lexical-grammatical means: antonyms, adversative conjunctions and particles that form symmetrical and asymmetrical contrastives. The study proves that oppositive patterns with a similar structure mark fundamentally different archisemes in English and in Russian, modeling diametrically opposed existential-axiological trajectories (material and ideal correspondingly) in the linguocultures under examination.

Key words: phraseological unit, PhU, opposition, oppositive semantics, linguoculture, archiseme, polysemant, antonym, adversative conjunction

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Lunkova, L.N. & Frolova, J.I. (2022). Oppositive Semantics in English and Russian Phraseological Units by the example of PHU with a Semantic Component *MAN*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 666—677. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677>

Введение

Феномен фразеологической единицы (ФЕ)

Новейшие достижения в области лингвокогнитологии и структурно-семиотических исследований окончательно утвердили идею о фундаментальном *метаединстве* мышления, языка и культуры, реализующемся в разнообразных интеллектуальных конструктах¹, которые модифицируют изоморфные структуры внешней реальности и служат опосредующим звеном между субъектом и объектом когниции. В этом контексте естественный язык «является по существу культурным хранилищем обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [1. С. 97–98], ««промежуточным миром» между мышлением и действительностью», воспроизводящим «особое национальное мировоззрение» [2. С. 21]. Исходя из указанной логики, композита смысла любого уровня (фонема, морфема, лексема, синтагма или сверхфразовое единство), актуализирующаяся в системе языка, представляет собой определенный тип *фрагментирования* окружающей реальности, продиктованный этноязыковой личности культурой в качестве эталонной модели репрезентации мыслительной активности. Важнейшим продуктом такого фрагментирования становятся в частности «лексические поля, система которых и составляет лексическую картину мира», занимающую «ведущее место по отношению ко всем (...) другим картинам мира — словообразовательной, морфологической или синтаксической» ввиду ее способности «осуществлять моделирование мира в целом» [там же С. 24].

Одним из основных компонентов большинства лексико-семантических полей (ЛСП), обладающих принципиальной значимостью в контексте той или иной культуры, традиционно выступают *фразеологизмы* или *фразеологические единицы* — словосочетания, где «семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих их элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего они функционируют в составе предложения как эквиваленты отдельных слов» [3. С. 503–504]². Это

¹ Под такими конструктами мы подразумеваем когнитемы, концепты, категории, фреймы, культурно-исторические архетипы и т.д.

² В современной лингвистике существует плюрализм мнений относительно природы *фразеологизма*. Так, В.М. Мокиенко определяет его как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [4. С. 5]. В.Н. Телия отождествляет фразеологизмы с «микротекстами, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные (...) в виде «свёртки», готовой к употреблению как текст в тексте» [5. С. 8]. А В.И. Теркулов относит феномен фразеологизма к категории лингвистических «фантомов», так как он «не представляет собой уникальной самостоятельной языковой сущности», а репрезентируют «только прецедентные словосочетания разного номинативного типа» [6. С. 173–174]. В тексте настоящей статьи мы остановимся на дефиниции О.С. Ахмановой, делающей акцент на *структурно-семантической* основе явления.

означает, что специфика фразеологизма как языкового феномена детерминруется нерасчлененностью его семантического базиса и дробной (поликомпонентной) природой его формы [7. С. 21–25], что позволяет классифицировать ФЕ по различным основаниям³. Оппозиция формы и содержания в структуре ФЕ интенсифицируется семантической гетерогенностью входящих в нее элементов, комбинирующих «свойства деактуализированного слова (на фоне актуального фразеологического значения) и полноценного слова (на фоне этимологического значения фразеологизма)» [7. С. 22]. Таким образом, слово, принадлежащее ФЕ, не теряет внутренней наполненности, оставаясь самостоятельным звеном единой «семантической цепи».

Семантическая специфика ФЕ и манифестация оппозитивного смысла

С точки зрения фразеологической семантики значение ФЕ имеет семную организацию и включает в себя денотативно-сигнификативный и коннотативный элементы, т.е. формируется совокупностью денотативной, сигнификативной и коннотативной сем. Денотативно-сигнификативный элемент функционирует в рамках сложной иерархической модели: его интенционал (понятийное ядро) обуславливается корреляцией архисемы и семантически подчиненных ей дифференциальных сем, а импликационал (периферия) — взаимозависимостью потенциальных (околядерных) и скрытых (периферийных) сем [11. С. 220]. В отличие от денотативно-сигнификативного, коннотативный элемент реализуется на основе сопряжения равноправных составляющих: оценочной, эмотивной и стилистической, что «влияет на употребление и оттенок ФЕ, обеспечивая (...) его многозадачность» [12. С. 88]. В смысловой «ткани» ФЕ коннотация всегда доминирует над денотацией, поэтому отличительным свойством многих фразеологизмов выступает «своеобразная подвижность, мобильность их значения», индицируемая «значительными колебаниями оценочного момента» [там же]. Такая семантическая вариативность делает ФЕ значительно более эффективным инструментом (в сравнении со словами-синонимами) для манифестации сложных, многомерных смыслов, например, *оппозитивного* или *противопоставительного*⁴

³ Например, В.В. Виноградов классифицирует ФЕ по степени семантической слитности [8. С. 121–137]. Классификации с альтернативными критериями принадлежат Ш. Балли и В.Н. Телия. Так, Ш. Балли выделяет привычные сочетания и фразеологические ряды [9. С. 87], а В.Н. Телия — идиомы, фразеологические сочетания, паремии, речевые штампы, клише и крылатые выражения [10. С. 60]. В ходе нашего исследования мы будем опираться на классификацию В.В. Виноградова, учитывающую наиболее частотные виды ФЕ в русском и английском языках.

⁴ «ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (противоположение, оппозиция) англ. opposition, фр. opposition, нем. Gegensatz, исп. oposicion. 1. Различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [3. С. 369]. В настоящей статье термины *оппозитивный* и *противопоставительный* используются в качестве синонимов.

смысла, характеризующегося полифазным формированием и располагающего разнообразными средствами репрезентации на всех уровнях языковой системы.

Несущими осями семантики оппозитивности служат интеллектуальные операции сравнения и тождества: «(...) *основание для сравнения* — это и есть момент тождества: больше точек соприкосновения — *сдержанное, ослабленное противопоставление* [13. С. 22], или **сопоставление**, акцентирующее сходство; больше точек разрыва — собственно **противопоставление**, или продвинутое к крайним точкам сопоставление, акцентирующее различие» [14. С. 27]. Иными словами, идея оппозитивности возникает в плоскости сравнительного анализа рассматриваемых объектов и манифестации их сущностных различий. Причем сравнительный смысл является превалирующим, а оппозитивная семантика актуализируется из-за последующей негации одного из объектов.

Оппозитивность и ее прагматические модификации (отрицание, ограничение, уступительность и т.д.), маркирующие «позицию несогласия и противопоставления, отрицания и отрицательную оценку» [там же С. 8], входят в парадигму универсальных смыслов, представляющих экзистенциально-коммуникативную важность для индивида любой этнокультуры. Именно поэтому они легко вычлняются в семантическом пространстве и посредством внешних и внутренних связей⁵ ФЕ, репрезентирующих ключевые лингвокультурные концепты.

Реализация оппозитивной семантики в английских ФЕ с семантическим компонентом “man”

В системе английского языка лексема *man* проявляет свойства полисеманта⁶, а также обладает статусом инвариантной интегральной семы, т.е. характеризуется значительным идеосинкретическим ресурсом, обеспечи-

⁵ «(...) Фразеологизм реализует не только собственное значение (...), но и обнаруживает системные связи и отношения (прежде всего парадигматические и синтагматические) с другими фразеологизмами, а также со словами» [7. С. 22] — такие связи называются *внешними*. «Одновременно фразеологизм (...) проявляет сходные связи и отношения на уровне собственной компонентной структуры» [там же] — такие связи являются *внутренними*. Оба вида связей демонстрируют сущностное сходство, например, «фразеологический оборот как целое находится с другими фразеологизмами в отношениях вариантности, синонимии, семантического сближения, гипонимии, тематического единства и т.д. В аналогичные семантические связи вступают и отдельные компоненты фразеологических единиц» [там же].

⁶ Macmillan Online Dictionary⁷ предлагает десять основных оттенков смысла: adult male human (*an ambitious young man*); people in general (*a man likes to have some time to himself*); someone strong and brave (*come on, be a man!*); from particular place (*a city man*); man who likes something (*I'm not really a football man*); husband/boyfriend etc. (*Jessica's new man*); in armed forces (*general Hoge ordered his men to take the bridge*); man who does work (*the men were threatening to go on strike*); for talking to man/boy (*hey man, how are you doing?*); powerful man (*a big man*) Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/man_1#man_1__46 (дата обращения: 02. 05. 2021).

вающим образование единого концептуально-тематического метапространства посредством синтеза целого ряда ЛСМ, реконструирующих фрагменты ведущих модусов человеческого бытия (морально-этического, когнитивно-психологического и социально-экономического). Так, к репрезентантам морально-этического модуса можно отнести следующие оппозитивные ФЕ-носители компонента *man*: *every man is a fool sometimes, and none at all times; a wise man changes his mind, a fool never will; a fool may give a wise man counsel; a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds; a man of blood and iron*. В приведенных фразеологических единствах и сочетаниях семантика оппозитивности манифестируется на уровне внутрикомпонентных связей: языковые единицы лексического уровня, принимающие на себя основную оппозитивную «нагрузку», вступают в антонимические отношения, формируя не только симметричные (*every — none; sometimes — all times; words — deeds; blood — iron*), но и асимметричные (*a wise man — a fool; garden — weeds*) контрастивы. В бинарной структуре последних выделяются аддитивные элементы, интенсифицирующие один из полюсов противопоставления, например, лексическая единица (ЛЕ) *never* добавляет семантический вес лексеме *fool*, подчеркивая негативную оценку (*a wise man changes his mind, a fool never will*), ту же самую функцию выполняет и ЛЕ *full of*, входящая в пространство лексемы *weeds* (*(...) is like a garden full of weeds*). Лексико-грамматически оппозитивный смысл эксплицируется, главным образом, с помощью конструкции с отрицательной частицей *not* (*(...) a man of words and not of deeds*) и адверсативного союза *and* (*every man is a fool sometimes, and none at all times; a man of words and not of deeds (...); a man of blood and iron*), синтезирующего сопоставление членов контрастной пары по тому или иному признаку и семантическую негацию одного из них⁷. Например, в сращении *a man of blood and iron* ЛЕ *blood* и *iron* актуализируются как полярные начала человеческой природы, одновременно взаимодополняющие друг друга и конфронтирующие друг с другом, при этом ЛЕ *iron* выступает в роли доминирующего компонента сравнения, а ЛЕ *blood* подвергается нейтрализации.

Когнитивно-психологический модус представлен такими оппозитивными фразеологическими единствами и сочетаниями, как: *man proposes, god disposes; one small step for a man, one giant leap for the mankind; a man can die but once; a man is as old as he feels, and a woman as old as she looks; once a man and twice a child; are you a man or a mouse?* Как и в плоскости морально-этического модуса, здесь реализуются исключительно внутренние антонимические связи между семантически эквиполентными лексическими элементами ФЕ (*man — god; proposes — disposes; small — giant; a man —*

⁷ Примечательно, что оппозитивная семантика располагается на периферии ЛСП союза, в его ядре — исключительно присоединительный смысл: *he brought the food and she gave it to her mother*.

the mankind; a man — a woman; feels — looks; once — twice; a man — a child; a man — a mouse). В такой ситуации аксиологически оправданное приращение оппозитивного смысла обеспечивается не качественно (путем структурно-семантической асимметрии), а количественно (благодаря сопряжению сразу нескольких контрастных пар в границах одной ФЕ), например, *once a man and twice a child (once — twice; a man — a child)*. Наряду с уже рассмотренным адверсативным союзом *and* внутрикомпонентное противопоставление в приведенных фразеологических сращениях и сочетаниях оформляется также адверсативным союзом *but* и разделительным союзом *or*. В фокусе адверсативного союза *but* находится идея противоречия или совмещенности несовместимого, создающая предпосылки для трансформации объекта дескрипции и сокращения компонентного состава ФЕ: *a man can die but once* (в плане содержания — отрицается физическая способность пережить более одной смерти, в плане выражения — «отсекается» предикат: (...) *but can die once*). В отличие от адверсативного союза *but*, разделительный союз *or* лишен аспекта негации: его семантическое ядро составляет контрастное сопоставление, т.е. оппозиция двух потенциально возможных сценариев развития событий: *are you a man or a mouse?* (обе поведенческие линии представлены как равновероятные альтернативы).

Наконец, социально-экономический модус включает в себя самую внушительную номенклатуру оппозитивных фразеологических сращений и сочетаний: *men may meet but mountains never; man is a wolf to man; the man high up; the man in the street; a man of mark; a man of mould; a man can do no more than he can; never send a boy to do a man's job; one man's loss is another man's gain*. Для представленных выше ФЕ характерны антонимические связи и на внутреннем, и на внешнем контуре. На уровне интерструктурной организации можно выделить следующие лексические оппозиции: *men — mountains; man — a wolf; a boy — a man; one — another; loss — gain*; а в плоскости ЛСП целого модуса оппозитивные отношения объединяют в пары такие ФЕ, как: *men may meet but mountains never — man is a wolf to man; the man high up — the man in the street; a man of mark — a man of mould*. Члены оппозиций обоих видов — внутренних и внешних — являются семантически симметричными и в некоторых случаях дополняются средствами лексико-грамматической оппозитивности (адверсативным союзом *but*, адверсативно-сравнительной конструкцией *no more than* и адвербиальным интенсификатором *never*): *men may meet but mountains never; a man can do no more than he can; never send a boy to do a man's job*.

Таким образом, семантический потенциал лексических и грамматических инструментов манифестации оппозитивного смысла и их лексико-грамматических вариаций, присутствующих в структуре ФЕ всех трех модусов, становится значительнее благодаря функционированию в составе стилистико-композиционных паттернов: сравнительных оборотов (*man is a wolf to man*), метафорических переносов (*a man of blood*

and iron), синтаксического параллелизма (*man proposes, god disposes*), бессоюзных конструкций с опущением одного из лексических элементов (*a wise man changes his mind, a fool never will*), рифмовки (*a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*) и т.д. Эмотивно-оценочный компонент, превалирующий в смысловой архитектонике таких паттернов, способствует более интенсивному высвечиванию ключевых архисем: *wisdom — foolishness; determination — indecision; courage — cowardice; respect — contempt; practicality — inactivity; wealth — poverty*; маркирующих полярные координаты англоспецифичного концептуально-тематического метапространства *human existence*.

Реализация оппозитивной семантики в русских ФЕ с семантическим компонентом «человек»

В русском языке семантический компонент *человек* уступает по уровню полисемии англоязычному аналогу⁸, однако также относится к интегральным семам, обладающим высокой частотностью в оппозитивных ФЕ и «стягивающим» их в единую смысловую плоскость: *золото — огнем, а человек бедой познается; много народу — да мало людей; хоть он и свинья, да все-таки человек; от живого человека добра не ищи, а от мертвого подавно; бездушный/черствый/худой человек; золотой человек; ни человек, а охапка пустяков; человек не скотина, а и ту недолго испортить; человека видим, а души не видим; по шубе зверя узнаешь, а человека не узнаешь; хоть шуба овечья, да душа человечесья; рысь пестра снаружи, а человек внутри; без несчастья нет века, без пороков — человека; человек не бочка: не нальешь, да не заткнешь гвоздем; вода все осиливает, а человек осилит и воду; бог — что захочет, человек — что сможет; человек — не бог; рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля. Очевидно, что приведенные фразеологические единства и сочетания комплексно репрезентируют идеальную сферу человеческого существования, т.е. морально-этический, когнитивно-психологический и социально-психологический модусы, граница между которыми номинальна вследствие глубокого взаимопроникновения их концептуальных и лексико-семантических пространств⁹. Тогда можно рассуждать о наличии монолитного духовного модуса, формируемого оппозитивными ФЕ с указанным семан-*

⁸ В онлайн-словаре Т.Ф. Ефремовой находим такое толкование: человек — это «живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться; носитель каких-л. качеств, свойств (...), личность; любое лицо, всякий; устар. дворовый слуга». Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/chelovek.html#.YGBKHq8zZPY> (дата обращения: 02. 05. 2021).

⁹ В русском языковом сознании дифференциальная сема *человек* в большинстве контекстов сливается с архисемой *человечность*, представляющей собой категорию идеального.

тическим компонентом, и практически полном отсутствии социально-экономического модуля¹⁰.

В структурно-семантическом аспекте для русских оппозитивных ФЕ, как и для английских, более характерны внутренние антонимические связи, чем внешние: *много — мало; свинья — человек; живой — мертвый; человек — охотка пустяков; человек — скотина; человек — душа; зверь — человек; снаружи — внутри; человек — бочка* и т.п. Отношения внешней оппозитивности довольно редки: *золотой человек — бездушный/черствый/худой человек; золотой человек — ни человек, а охотка пустяков; вода все осиливает, а человек осилит и воду — человек — не бог*. Еще одним сходством между двумя языками выступает доминирование симметричных контрастивов (например, *человек — не бог*) над асимметричными т.е. осложненными ЛЕ-интенсификаторами оппозитивности (например, *от живого человека добра не ищи, а от мертвого **подавно** — адвербиальный интенсификатор; хоть он и свинья, да **все-таки** человек — интенсификатор-частица; рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — **вся** земля — интенсификатор-местоимение*). В русских ФЕ так же имеют место случаи усиления симметричного противопоставления путем использования дополнительных оппозиций: *рысь пестра снаружи, а человек внутри (рысь — человек; снаружи — внутри), много народу — да мало людей (много — мало; народ — люди)*.

Кроме того, в русском языке действует аналогичный английскому механизм репрезентации оппозитивной семантики на грамматическом и лексико-грамматическом уровнях, когда противопоставление синтаксически опосредуется адверсативными союзами и отрицательными частицами. Тем не менее в русской языковой системе их конструктивно-содержательный облик имеет ряд специфических черт, детерминированных ее имманентными лингвокультурными закономерностями. Так, относительными эквивалентами адверсативного союза *and* в анализируемых оппозитивных ФЕ служат адверсативные союзы *а* и *да* (*человека видим, **а** души не видим; много народу — **да** мало людей*). В рамках большинства ЛСП союз *а* проявляет свойства не только союза, но и союза-модификатора, формируя структурно более сложные союзные образования и сочетаясь «с разного рода конкретизаторами — частицами, модальными словами, наречиями и др.» [14. С. 134] (*вода все осиливает, **а** человек осилит и воду; ни человек, **а** охотка пустяков*). Это позволяет союзу *а* организовывать многочисленные лексико-грамматические комбинации, способные передавать тончайшие оттенки оппозитивно-уступительной семантики (*человек не скотина, **а** и ту недолго испортить*). Союз *да* — лексико-грамматический синоним союза *а*, но в отличие от последнего, моделирует противопоставление только при участии отрицательных частиц и корреспондирующего контекста (*чело-*

¹⁰ Даже типично материальные смыслы в русской этнолингвокультуре получают идеальное истолкование: *не с богатством жить, а с человеком; человека лень не кормит, а здоровье только портит; маленький (=не отличающийся силой характера, зависимый, забытый) человек* и т.д.

век не бочка: не нальешь, да не заткнешь гвоздем), в другом семантическом окружении трансформируется в инструмент присоединения. Семантика адверсативно-уступительного союза *хоть/хотя* (частичного эквивалента союза *but*) маркирует оппозицию с оттенком ограничения: «к *ограничительному* сочетанию должно отнести и все так называемые *уступительные*, в которых противительные предложения всегда заключают в себе мысль, хотя и справедливую, иногда даже сильнейшую против мысли главного предложения, — но и за всем тем не уничтожающую ее» [15. С. 26–27]. Однако уступительный смысл все же занимает ведущую позицию по отношению к оппозитивному, что обнаруживается в нескольких из представленных ФЕ (*хоть он и свинья, да все-таки человек*; *хоть шуба овечья, да душа человечесья*). Таким образом, средства лексико-грамматической оппозитивности, актуализирующиеся в системе русского языка, обладают значительно большей функциональностью и валентностью, т.е. потенцией к образованию уникальных противопоставительных оттенков, в сравнении с английскими эквивалентами.

Как и оппозитивные ФЕ английского языка, русские оппозитивные ФЕ содержат стилистические элементы, интенсифицирующие семантику противопоставления: метафоры (*ни человек, а охотка пустяков*), эпитеты (*бездушный/черствый/худой/золотой человек*) синтаксический параллелизм (*рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля*), бессоюзные конструкции (*без несчастья нет века, без пороков — человека*). Но эти интенсификаторы акцентируют образы, порожденные полярными архисемами, отличными от английских: *преданность — предательство, человечность — бесчеловечность, честность — бесчестность, добро — зло, сила — слабость* и т.д. Такие когнитивно-метафорические маркеры дают основание утверждать, что в русской этнолингвокультуре концептуально-тематическое метапространство *бытие человека* намного сильнее ориентировано на моделирование внутренней (духовной) экзистенциальной территории, чем в английской¹¹.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ оппозитивной семантики в английских и русских фразеологических единицах с семантическим компонентом *man* и *человек* позволил изучить их особенности в рамках внутренней структуры ФЕ и в плоскости отношений с другими ФЕ, принадлежащих тому же концептуально-тематическому метапространству, и сделать вывод о том, что несущими осями морально-этического, когнитивно-психологического и социально-эконо-

¹¹ В английском языке многие стилистические элементы (*a man of mark; a man of blood and iron; the man high up*), а также оппозитивные архисемы (*wisdom — foolishness; determination — indecision; courage — cowardice; respect — contempt; practicality — inactivity; wealth — poverty*) выступают маркерами не внутреннего, морально-этического образа индивида, а его социально-го имиджа (респектабельного или нереспектабельного, успешного или неуспешного человека).

мического модусов человеческого бытия в английском языке и монолитного духовного модуса в русском языке являются уникальные оппозитивные паттерны. Лингвоспецифичная интерпретация идеи оппозитивности на уровне ментальной сборки реальности, характеризующая онтологический фундамент картин мира обоих этносов, доказывает большую ориентированность английской культуры на ценности, детерминирующие успех в социальной интеракции, в сравнении с русской культурой, в фокусе которой находятся духовные категории, моделирующие взаимоотношения индивида со своим внутренним «я».

Библиографический список

1. Уорф Б. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Выпуск 3. М.: Прогресс, 1999.
2. Ваганова Е.Г. Языковая картина мира: онтологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 20–29.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
6. Теркулов В.И. Фразеологизм и нанотема // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 170–174.
7. Жуков А.В. О системности фразеологии // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 21–26.
8. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц. М.: Просвещение, 1972.
9. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. Алефиренко Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла: (В аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): моногр. Волгоград: Перемена, 2000.
12. Лескина С.В. Смысловая соотнесённость русских и английских пейоративных фразеологизмов // Система ценностей современного общества. 2009. № 6. С. 87–92.
13. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984.
14. Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
15. Говоров К. Логические отношения мыслей как основа сочетания предложений. Воронеж: типография В. Гольдштейна, 1862.

References

1. Whorf, B. (1999). Science and Linguistics. In: *Foreign Linguistics*. Iss. 3. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Vaganova, Ye.G. (2015). The Linguistic Picture of the World: Ontological Analysis. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 1(19), 20–29. (In Russ.).
3. Akhmanova, O.S. (2007). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Mokienko, V.M. (1989). *Slavic Phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Teliya, V.N. (1986). *The Connotive Aspect of the Semantics of Nominal Units*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Terkulov, V.I. (2012). Phraseological Unit and Nanotheme. *Humanitarian Vector: Seriya: Filologiya, vostokovedenie*, 4(32), 170–174. (In Russ.).
7. Zhukov, A.V. (2010). About the Systemacy of Phraseology. *The World of Russian Word*, 3, 21–26. (In Russ.).

8. Vinogradov, V.V. (1972). *About the Main Types of Phraseological Units*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.).
9. Balli, Sh. (2001). *French Stylistics*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Teliya, V.N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ. (In Russ.).
11. Alefirenko, N.F. (2000). *Issues of the Phraseological Meaning and Sense: (In Terms of the Interlevel Interaction of Linguistic Units)*. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
12. Leskina, S.V. (2009). The Semantic Interrelationship of Russian and English Pejorative Phraseological Units. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, 6, 87–92. (In Russ.).
13. Novikov, L.A. (1984). *Russian Antonymy and its Lexicographical Description*. The Dictionary of Russian Antonyms. Moscow: Russkiy yazyk publ. (In Russ.).
14. Milovanova, M.S. (2015). *The Semantics of Oppositivity: the Experience of Structural-Semantic Analysis*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).
15. Govorov, K. (1862). *Logical Relations of Thoughts as a Basis of Sentence Combination*. Voronezh: Tipografia V. Goldshteyna publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: теория и практика перевода, теория и практика межкультурной коммуникации, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, стилистика и анализ текста. *e-mail*: loralu@list.ru
ORCID: 0000-0001-8724-2181; eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57295863800.

Фролова Юлия Игоревна, учитель иностранных языков МБОУ «СОШ № 18» Коломенского городского округа; *научные интересы*: стилистика, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8724-2181; eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57297118100.

Information about the authors:

Larisa N. Lunkova, Dr. Sc. (Philology), Assistant-Professor, Professor of the Chair of German and Roman languages and their teaching methods in the State University of Social Studies and Humanities, Kolomna; *Research interests*: theory of translation and practical translation, intercultural communication, theoretical linguistics, cognitive linguistics, general stylistics and text analysis; *e-mail*: loralu@list.ru
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57295863800.

Julia I. Frolova, teacher of foreign languages (High Comprehensive School Number 18, Kolomna district); *Research interests*: stylistics, theoretical linguistics, cognitive linguistics, language teaching methodology. *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57297118100.




DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-678-693

УДК 811.134.3'27'37

Научная статья / Research article

Формирование доминантных понятий лексико-семантического поля **БРАЗИЛИЯ**

Д.Л. Гуревич  Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 caipira@yandex.ru

Аннотация. Национальная идентичность подразумевает, помимо географической и политико-административной общности, также культурно-историческую и языковую общность. Название своей страны, обычно вырастающее из первичного топонима, может приобретать признаки концепта-понятия, потенциально расширяющего свое значение и охватывающего смежные области, становясь сначала названием народа, затем его языка, а в последствии целой группы предметных и не предметных понятий, связанных с между собой благодаря центральному смысловому ядру. Постепенно формируется лексико-семантическое поле с вычленимым ядром, вторичными доминантами и периферией. Формирование элементов такого поля происходит не одновременно и идет по нарастающей: от ядра к ближайшему окружению, и далее к периферии, при этом расширяется частеречное разнообразие элементов поля. Ядром послужила лексема *brasil*, обладавшая к моменту начала колонизации Бразилии (первая половина XVI в.) только значением «красное дерево», но впоследствии расширившая сферу своего применения и получившая значения «территория», «автохтонное население», «язык автохтонного населения». Эти значения повлияли на формирование вторичных однокоренных лексем, с общей семантикой «относящийся к Бразилии», «бразильский» и «бразилец» — *brasílico, brasiliense, brasiliano, brasílio, brasileiro*. Постепенно их изначально диффузное употребление становилось более дифференцированным, за рядом лексем закрепилось более узкое значение, некоторые практически утратились. В итоге сформировалась вторичная семантическая доминанта *brasileiro*, послужившая, наряду с *brasil*, основой для расширения лексико-семантического поля. Процесс консолидации ядра и центральных доминант, обладавших большим семантическим потенциалом, совпал по времени с процессом обретения Бразилией культурной и языковой эмансипации от бывшей метрополии.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, семантическая доминанта, национальная идентичность, португальский язык, лексикографические источники, Бразилия

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

© Гуревич Д.Л., 2022


This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Гуревич Д.Л. Формирование доминантных понятий лексико-семантического поля *БРАЗИЛИЯ* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 678—693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-678-693>

The Development of Dominant Concepts within the Lexical-Semantic Field *BRASIL*

Dmitry L. Gurevich  

Lomonosov Moscow State University,
51, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation, 119991
 caipira@yandex.ru

Abstract. National identity presupposes not only geographical and political-administrative but also cultural-historical and linguistic unity. The country's name, usually developed from an inderived toponym, can acquire the characteristics of a concept with a wider range of meanings that spreads onto neighbouring spheres and becomes ethnonym, linguonym and, furthermore, a name for a whole group of concrete and abstract notions sharing a common semantic core. As a result, one can observe the formation of a lexical-semantic field with a clear-cut core, secondary dominants, and periphery. Its development is gradual and proceeds as a kind of centrifugal movement: first comes the core and its nearest surroundings, then one can see the periphery grow and become more and more multifarious in terms of parts of speech division. The present study shows how the lexeme *BRASIL*, that by the time Brazil was colonized (in the first half of the 16th century) had the only meaning — ‘mahogany’, gradually became widely-used and acquired such meanings as “territory”, “indigenous people”, “indigenous language”. These meanings influenced the development of derived words sharing the meaning “related to Brazil”, “Brazilian” and “native of Brazil” — *brasílico*, *brasiliense*, *brasiliano*, *brasilio*, *brasileiro* (Portugese). Their use, initially almost interchangeable, became more specific with time; later some of them have become obsolete. As a result, *brasileiro* became secondary dominant that, alongside with *BRASIL*, served to widen the corresponding lexical-semantic field. The process of consolidation of the core and central dominants having considerable semantic potential coincided with the process of Brazil's cultural emancipation from its ex-metropolis.

Key words: lexical-semantic field, semantic dominant, national identity, Portuguese language, lexicographic sources, Brazil

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Gurevich, D.L. (2022). The Development of Dominant Concepts within The Lexical-Semantic Field *BRASIL*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 678—693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-678-693>

Введение

Национальная идентичность, в отличие от идентичности юридической, объединяет людей, живущих в одном социуме, не на политическом или административном уровне, а на уровне культурно-исторической и языковой

общности [1–4]. Одним из факторов такой общности является название страны, народа, иногда языка и других более частных феноменов, ассоциируемых как самими жителями страны, так и их соседями с тем комплексом понятий, которые собственно и составляют национальную идентичность. Можно сказать, что название страны и название народа, которые часто опираются на общую этимологию, — это базовые понятия национальной идентичности, имеющие языковое выражение.

Название страны, будь то самоназвание автохтонного населения или название, полученное от колонистов или завоевателей, нередко выходит за рамки обычного топонима и становится своеобразным концептом, включающим комплекс понятий самого разного характера. Такой концепт подразумевает географическую локализацию территории, природные и климатические особенности, название местного населения, нередко его язык, социокультурные и исторические феномены, связанные со страной, — все то, что принято называть термином «слова-вещи» в русле концепции М. Фуко [5]. Кроме того, концепт-название может отсылать к целому ряду непредметных и особенно предметных значений, выражаемых с помощью словообразовательных механизмов, предполагающих в своей основе метафорический или метонимический перенос [6. С. 178; 7. С. 349; 8. С. 111]. Уже сформированный концепт получает свою реализацию через лексико-семантическое поле (ЛСП), ядром которого является базовая лексема, являющаяся семантически первичной для остальных, периферийных лексем и могущая, хотя и необязательно, служить производящей основой для них, реализуя в каждом новом случае одну и ту же корневую морфему [9; 10]. Корневая морфема, в свою очередь, может принадлежать языку изначально, а может быть заимствована в составе иноязычного и позже освоенного слова.

Формирование элементов такого ЛСП происходит не одновременно и идет по нарастающей: от ядра к ближайшему окружению, и далее к периферии, при этом расширяется частеречное разнообразие элементов ЛСП. Постепенно вычлняются доминанты «второго» порядка, этимологически производные от центрального понятия, но являющиеся, в свою очередь, производящими для более периферийных. Очевидно, что лексем-доминанты являются более частотными, синтагматически более универсальными, обладают широкой сочетаемостью и потому в культурологическом отношении более значимыми [11. С. 84]. Наряду с этим процессом могут наблюдаться утраты — какие-то элементы ЛСП, использовавшиеся изначально, выходят из широкого употребления, замещаются другими. Сложившееся ЛСП, ассоциируемое с феноменом национальной идентичности, свидетельствует о завершении процесса культурной самоидентификации языкового коллектива и может быть расценено как один из факторов, влияющих на складывание общенациональной языковой нормы.

Немаловажным оказывается роль той или иной лексемы в конкретные исторические периоды, поскольку слово существует не только в диахронии или в синхронии, понимаемой как современное состояние языка, но и в каждом отдельном синхронном срезе в прошлом [12; 13. С. 48], и его статус в структуре лексико-семантического поля какого-либо из прошедших периодов может существенно отличаться от современного.

Процесс формирования центральной зоны лексико-семантического поля **BRASIL** («Бразилия»), опирающейся на доминантные однокоренные понятия *brasileiro, brasiliense, brasílico; brasiliano, brasilio*, составляет основную проблематику данной статьи и рассматривается в рамках становления бразильского национального варианта португальского языка.

Расширение семантической зоны *brasil*

Слово *brasil* является заимствованием, попавшим в португальский язык в XIV в. в значении ‘красное дерево’. После открытия новой территории ее название — *Brasil* — закрепилось не сразу, а спустя примерно полвека [14–16]. Но уже ко второй половине XVI в. — первой половине XVII в., в ходе расширяющейся и углубляющейся колонизации, термин *brasil* вобрал в себя комплекс значений, образованных путем метонимического переноса значения ‘красное дерево’:

- ‘название территории’;
- ‘название автохтонного населения’;
- ‘название языка автохтонного населения’.

Эти значения были связаны между собой, но не выводились одно из другого. Именно этот комплекс собственных и нарицательных значений стал отправной точкой в формировании центрального понятия (ядра) будущего лексико-семантического поля **BRASIL**.

Постепенное расширение употребления слова *brasil* опиралось на естественное расширение его языковых возможностей, когда слово, ставшее единственным обозначением части географического пространства, встраивается в существующую в языке сетку лексических значений, начинает коррелировать с ними, обрастая лексической сочетаемостью. Вследствие широкого употребления в разных контекстах лексема *brasil*, объединившая в себе название страны, ее товара, народа и языка, начинает «влиять» на смежные семантические зоны, коррелирующие с тем или иным ее значением, запуская словообразовательные механизмы, призванные породить новые лексические средства выражения для возникающих понятий.

Первым производным можно считать лексикализованное значение формы множественного числа (*brasis*), которая имела два зафиксированных значения: название страны через совокупность ее частей, ‘бразильских земель’, и название туземного (индейского) населения. В значении ‘бразиль-

ские земли’ *brasis* синонимично топониму *Brasil* и встречается у разных авторов в сходных контекстах при обозначении других стран (*Nos Brasis, nas Angolas, nas Goas, nas Malácas, nos Macao; as Indias, os Brasis, as Angolas*)¹. Свободное варьирование форм единственного и множественного числа топонима (*Brasil — Brasis*) говорит о представлении о новых территориях как о группе земель, объединенных общим названием; такое варьирование было в принципе характерным для португальского языка XVI–XVII вв. В значении ‘индейцы’, ‘варвары’ *brasis* встречается исключительно во множественном числе и может себя вести как существительное (*os portugueses seremos brasis; para os Brasis ha a mesma ley; os Brasis nam trazê vestidos*)² и как прилагательное (*estudantes brasis; as molheres Brasis sam as que trabalham; aos índios Brasis, Ethiopes, Chinas, Iapões, & outros muitos*)³.

Частотность значений ‘бразильская земля’ и ‘туземное население’ была неодинакова: первое встречалось значительно реже, уступая собственно названию *Brasil*; второе было более частотным и конкурировало с традиционными наименованиями для нехристианского туземного населения в XVI–XVIII вв. (*índios; bárbaros; gentíos*). Дальнейшее развитие значений оказалось парадоксальным. Начиная с XVIII в. форма *brasis* стала утрачивать значение ‘индейцы’ и встречалась все реже, одно из поздних литературных употреблений есть у Ж. де Аленкара (*embora os brasis não tivessem rei*)⁴. Бразильские тексты начиная со второй половины XX в. крайне редко показывают такое значение, современные бразильские словари фиксируют его, но помечают как малоупотребительное [17–19]. Напротив, значение ‘бразильская земля’ сохранилось в современном языке, но к XX веку слово несколько изменило семантику, развил значение ‘различные районы Бразилии’, в смысле «неодинаковые» и потому часто противопоставляемые по уровню экономического развития, а следовательно, противопоставляемые и по социальным характеристикам. Достаточно частотным в современном языке является сочетание «*dois Brasis; vários Brasis; diversos Brasis; muitos Brasis*» (*A educação no Brasil, ou melhor, em nossos*

¹ *Vieira A. Sermoens. Terceira Parte. Lisboa, Officina de Miguel Deslandes, 1683. p. 497; Rosario A. Frutas do Brasil. Lisboa, Officina de Antonio Pedrozo Galram, 1702. P. 13.*

² *Vieira A. Cartas [1660–1680]. [Электронный ресурс.] Corpus do português URL: <http://corpusdoportugues.org> (accessed: 01.08.2021); *Vieira A. Arte de furtar. Amsterdam, Officina Elvizeriana, 1652. P. 361; Teles B. Crônica da Companhia de Jesus na província de Portugal. Lisboa, Paulo Craesbeeck, 1645. P. 447.**

³ *Cartas jesuíticas II. Cartas avulsas, 1550–1568. Rio de Janeiro, Oficina Industrial Graphica, 1931. P. 428; Teles B. Op. cit., p. 660; Correia S. Sermam na procissam de graças que a muito noble villa de Villa Real fez pella restauração da cidade do Salvador da Bahia, Prêgou o Padre Frey Simão Correa Religioso da Ordem dos Prêgadores. Lisboa, Editor Geraldo da Vinha, 1625. P. 262.*

⁴ *Alencar J. Carta ao Dr. Jaguaribe // Alencar J. Iracema. Lenda do Ceará. Rio de Janeiro, Typ. de Vianna & Filhos, 1865. P. 197.*

multos e diversos Brasis; Quantos Brasis em um só Brasil)⁵. Характерно, что один из разделов книги бразильского социолога Д. Рибейру, посвященной истории формирования бразильского этноса, носит название «Os Brasis na história» и трактует именно об истоках экономических и социокультурных отличий внутри страны [20].

Формирование ранних вторичных доминант *brasílico*; *brasiliense*; *brasiliano*; *brasílio*

Консолидация ряда понятий в границах одной лексемы *brasil* позволила использовать ее для наименования группы различных феноменов, связанных с новой осваиваемой территорией. Наряду с этим проявилась и недостаточность семантико-синтаксических возможностей слова *brasil*, выступавшего преимущественно как существительное, за исключением однотипных контекстов типа «*mulheres brasis*», где оно выступало как прилагательное-этноним. В остальных случаях, когда было необходимо указать на атрибут, относящийся к Бразилии во всех аспектах этого слова, — географические и ландшафтные особенности, природа, товар, в том числе и туземное население, — *brasil* использовалось преимущественно в составе генитивного словосочетания с предлогом «*do Brasil*» (*clima do Brasil*; *cães do Brasil*; *pau do Brasil*; *terra do Brasil*; *índios do Brasil*)⁶. Отсутствие у лексемы *brasil* системного употребления как прилагательного, способного к широкой лексической сочетаемости, привело к возникновению однокоренных производных.

Одной из первых производных стала лексема *brasílico*. Ее морфологические варианты зафиксированы еще в документах второй половины XVI — начала XVII вв., то есть они появились в письменном употреблении в первые десятилетия после начала колонизации (*alma brasílico*; *pregação ao modo brasílico*; *em lingua brasílico, portugueza e castelhana*)⁷. Изначально это прилагательное относилось преимущественно к языку туземного населения (что видно по последним двум примерам), контексты типа «*língua brasílico*» наиболее характерны для этой лексемы в текстах XVI–XVIII вв. Это можно объяснить развитием одного из базовых значений производящего слова *brasil*, подразумевавшего в том числе и язык индейцев. Постепенно сочетаемость *brasílico* расширялась, слово встречалось в контекстах, описывающих административное устройство страны (*Provincia Brasílica da Companhia de JESU*; *o mal do Estado Brasílico*; *voando da capital Brazílica*)⁸, ее ландшафт и природ-

⁵ Corpus do português URL: <http://corpusdoportugues.org> (accessed: 01.08.2021)

⁶ Cardim F. *Tratados da terra e gente do Brasil* [1620–1625]. Rio da Janeiro, Ed. J. Leite e Cia, 1925. P. 35, 43, 66, 86.

⁷ *Cartas jesuíticas*. Op. cit. P. 297, 415; Cardim F. Op. cit. P. 303.

⁸ *Vieira A. Xavier dormindo, e Xavier acordado*. Lisboa, Officina de Miguel Deslandes, 1694, s.n.; *Oliveira M. B de. Musica do Parnasso dividida em quatro coros de rimas portuguesas, castelhanas,*

ные особенности (*costa brasilica; frutas brasilicas; pinheiros brasilicos*)⁹, исторические и социальные характеристики (*guerra brasilica; sucessos brasilicos; governo brasilico*)¹⁰. В ряде случаев *brasilico* встречается в значении «туземное население», в том числе и как существительное (*foi trazida de casa de seus pais uma India brasilica mui pequena; o qual vendo os Brasilicos tangerem; nação das Brasilicas*)¹¹, однако такое значение не закрепилось и в современных текстах отражено буквально единичными употреблениями. В текстах второй половины XIX в. *brasilico* встречается все еще достаточно широко (*o actual império brazilico; território brazilico; mares brazilicas; capitancias brazilicas; tribus brasilicas; guerra brasilica*)¹², однако в первой половине XX в. частотность его начинает снижаться. Характерно, что женский род прилагательного (*brasilica*) сохранил свое терминологизированное значение «язык индейцев» до настоящего времени как наиболее частотное для этой лексемы. По данным электронного корпуса португальского языка «Corpus do português»¹³, учитывающего в том числе современный бразильский вариант, из 100 контекстов с этой лексемой (с учетом форм грамматического рода и числа), около 20 контекстов содержат сочетание *língua brasilica*, то есть значение «язык туземного населения Бразилии» встречается в каждом пятом случае употребления лексемы *brasilico* в современном языке.

Лексема *brasiliense* появляется в текстах с начала XVII в., она употреблялась как существительное для обозначения местного населения и как прилагательное со стандартной для образованного от топонима семантикой, включавшей отсылку к этническим, ландшафтным и природным особенностям. В качестве существительного *brasiliense* встречается чаще, особенно в более ранних текстах (*deve desagradar (...) principalmente aos brasilienses; a maneira tantas vezes apontada dos brasilienses; os Brazilienses não tirihão fôrma alguma expressa de Sacrificio; crem os Brazilienses*)¹⁴. Как прилагательное оно употреблялось реже и в ранних текстах (*ter ouvido nas Canções*

italianas & latinas. Lisboa, Officina de Miguel Manescal, Impressor do Santo Officio, 1705. P. 137; *Durão J. de Santa Rita*. Caramuru. Poema épico do descobrimento da Bahia. Lisboa, Regia Officina Typografica, 1781. P. 249.

⁹ *Vasconcelos S.* Crônica da Companhia de Jesu do Estado do Brasil [1662]. Lisboa, Ed. A.J. Fernandes Lopes, 1865. pp. XLVIII, CXXXVI; *Freire F. de Brito*. Nova Lusitania, historia da guerra Brasilica. Lisboa: Officina de Joam Galram, 1675. P. 71.

¹⁰ *Freire F. de Brito*. Op. cit. P. 1, 62; *Durão J. de Santa Rita*. Op. cit. P. 266.

¹¹ Cartas jesuíticas. Op. cit. P. 190, 438; *Freire F. de Brito*. Op. cit. P. 140.

¹² *Varnhagen F.A.* Historia geral do Brasil. Rio de Janeiro. Vol. I—II 1854, 1857. P. 1, 5, 110, 165, 464; *Magalhães D.J.G.* Opusculos historicos e litterarios. Rio de Janeiro, Ed. B.L. Garnier, 1865. P. 221; *Alencar J.* Op. cit. P. 162.

¹³ Corpus do português URL: <http://corpusdoportugues.org> (accessed: 01.08.2021).

¹⁴ *Brandão A.F.* Diálogos das grandezas do Brasil [1618]. Edição da Academia Brasileira. Brasília, Senado Federal, Conselho Editorial, 2010. P. 173, 222; *Durão J. de Santa Rita*. Op. cit. P. 40, 107.

Brazilienses; Indigenas Brazilienses; terreno brasiliense; costa brasiliense)¹⁵, и в более поздних (*população indigena brasiliense; flora brasiliense; historia natural brasiliense*)¹⁶ Постепенно лексема *brasiliense* начинает приобретать признаки имени собственного, она все чаще встречается в сочетаниях, обозначающих культурный артефакт, связанный с бразильской цивилизацией, типа «*Revista Brasiliense*» (*impresso em 1836 no Nitheroy, Revista Brasiliense; Correio Brasiliense; Biblioteca Brasiliense de J.C. Rodrigues; Anais Brasilienses de Medicina*)¹⁷. Современные контексты реализуют преимущественно значение имени собственного (*Associação Brasiliense de Cinema e Vídeo; Editora Brasiliense; Federação Brasiliense de Futebol; FC Brasiliense*)¹⁸, которое встречается, по данным корпуса португальского языка «Corpus do português», примерно в половине контекстов из более чем 3000, содержащих данную лексему.

Лексема *brasiliano* начинает встречаться в текстах несколько позже, со второй половины XVII в. На ранних этапах бытования это слово часто имело значение ‘туземное население’ и синтаксически могло быть как существительным, так и прилагательным (*a barbaridade dos Brazilianos; outras cinco Brazilianas seguirão a não Franceza; os costumes dos Brazilianos; Dama gentil brasileira*)¹⁹. В значении ‘язык туземного населения’ это слово встречается в названии двуязычного португальско-индейского словаря «*Diccionario Portuguez-Brasiliano e Brasiliano-Portuguez*»²⁰. В более поздних контекстах оно сохраняет функции существительного, но чаще употребляется как прилагательное (*hum douto Brasiliano; arvores e arbustos Brazilianos; a natureza brasileira*)²¹. Уже в XX в. возникают собрания печатных и аудиовизуальных материалов об истории Бразилии с типовым названием «*Biblioteca Brasileira; Bibliografia Brasileira; Série Brasileira; Coleção Brasileira*». Последнее словосочетание получили широкое употребление и благодаря дальнейшему развитию терминологизировалось. В современном языке форма женского рода *brasiliana*, помимо значения прилагательного, субстантивировалась

¹⁵ Durão J. de Santa Rita. Op. cit. P. 107, 109; Brandão A.F. Op. cit. P. 268, 294.

¹⁶ Magalhães D.J.G. Op. cit. P. 222; Corpus Histórico do Português Tycho Brahe. Cartas Brasileiras: cultos (1809–1904), Carta 188 [Электронный ресурс] (URL: <https://www.tycho.iel.unicamp.br/>); Varnhagen F.A. Op. cit. Vol. II. P. 262.

¹⁷ Magalhães D.J.G. Op. cit. P. 239; Peixoto J.A. História do Brasil. Cia. Editora Nacional, 1944. P. 196, 242; Freyre G. Casa-grande & senzala: formação da família brasileira sob o regime da economia patriarcal (48 ed. rev.). São Paulo, Global, 2003 (1933). P. 140.

¹⁸ Corpus do português URL: <http://corpusdoportugues.org> (accessed: 01.08.2021).

¹⁹ Vieira A. Vozes Saudosas, da eloquencia, do espirito, do zelo e eminente sabedoria Lisboa: Officina de Miguel Rodrigues, (ca 1680–1690), 1736. P. 14; Durão J. de Santa Rita. Op. cit. P. 5, 67, 109.

²⁰ Ayrosa P., Frei Onofre. Dicionario Portuguez-Brasiliano e Brasiliano-Portuguez (1795). São Paulo, Imprensa Oficial do Estado, 1934.

²¹ Veloso J.M. da Conceição. Alographia dos Alkalis fixos Vegetal ou Potassa, Mineral ou Soda e dos seus nitratos, segundo as melhores memorias estrangeiras, que se tem escripto a este assumpto. Lisboa, Na Offic. de Simão Thaddeo Ferreira, 1798. P. 232, 239; Alencar J. Cartas sobre a Confederação dos tamoyos. Rio de Janeiro, Empreza Typographia Nacional do Diario, 1856. P. 41.

и приобрела абстрактное собирательное значение «коллекция материалов о Бразилии» [17–19]. Именно это значение является наиболее частотным у данной словоформы и, шире, у лексемы *brasiliano*; по данным корпуса «Corpus do português», из 116 контекстов почти 60 опираются на это значение.

Особняком в списке ранних прилагательных, связанных с со словом *brasil*, стоит лексема *brasílio*. Она была зафиксирована достаточно рано, в середине XVI в., в значении «относящийся к местному населению; индейский» (*alma brasilia*)²², однако в других текстах той эпохи, а также в текстах, созданных в последующие периоды освоения страны (XVII–XVIII вв.), не встретилась. Ее удалось обнаружить только в документе второй половины XIX в., где она представлена более широко и указывает на туземное население (причем как прилагательное и как существительное) и на страну в целом (*captiveiro dos povos brasílios; primeiros incolas brasílios; os Brasílios tinham crenças; lhe deveria uma matéria medica toda brasilia*)²³. В современном языке эта лексема представлена крайне скупо. Наричательные употребления буквально единичны, несмотря на то, что словари фиксируют лексему и как существительное, и как прилагательное. В качестве иллюстрации приведем цитату из поэтического сборника 1899 г. бразильского поэта Луиса Дельфино дос Сантоса «*Cantos de sabiá, brasílio rouxinol*»²⁴, которая приведена также и в словаре португальского языка «*Dicionário Aurélio da língua portuguesa*» [18. С. 347]. Тем не менее, лексема *brasílio* не исчезла, но изменила лексикологический статус — значительно чаще она употребляется как антропоним или как часть другого имени собственного — улицы, колледжа, общественного помещения, названных в честь известных людей (*compositores como Brasília Itiberê da Cunha; rua Brasília Itiberê; auditório Brasília Machado Neto; Escola Estadual Brasília Vicente de Castro*)²⁵.

Необходимо отметить, что наряду с собственно португальскими лексемами употреблялись и латинские однокоренные аналоги (*brasilia, brasiliensis, brasilianus*), которые возникли раньше собственно португальских, но которые в данной работе мы не рассматриваем.

Как нетрудно заметить, рассмотренные четыре лексемы, смысловые и морфологические производные от комплексного понятия *brasil*, употреблялись в разные эпохи (XVI–XIX вв.) с разной частотностью, но в целом достаточно широко, охватывая значительную семантическую зону. В то же время они выступали как недифференцированные синонимы, часто конкурируя между собой, как в синхронии, так и в диахронии, при обозначении одних и тех же понятий. Постепенно их значения сужались до терминологизирован-

²² Cartas jesuíticas. Op. cit. P. 131.

²³ Magalhães D.J.G. Op. cit. P. 164, 177, 207, 216.

²⁴ Portal Catarina: Biblioteca Digital da Literatura Catarinense [Электронный ресурс] URL: <https://www.portalcatarina.ufsc.br> (accessed: 01.08.2021).

²⁵ Corpus do português URL: <http://corpusdoportugues.org> (accessed: 01.08.2021).

ных: язык индейцев (*língua brasílica*); война с голландцами в XVII в. (*guerra brasílica*), историко-культурное наследие (*brasíliana*), либо их употребление становилось устойчивым в составе имен собственных: название журнала или газеты (*Correio Brasiliense; Revista Brasiliense*), футбольный клуб (*FC Brasiliense*), имя человека (*Brasílio Itiberê da Cunha*), название учебного заведения (*Escola Estadual Brasília Vicente de Castro*). Таким образом, из четырех лексем, ранних лексических доминант второго порядка, входивших в ближнюю периферию формирующегося в XVI–XIX вв. лексико-семантического поля «Бразилия», ни одна не сумела сформировать широкие и при этом устойчивые семантические связи со своим контекстным окружением. То есть в течение первых трех столетий колонизации (XVI–XVIII вв.) ни одна из рассмотренных лексем не сумела консолидировать компоненты своей семантики в универсальное понятие, соотносимое с феноменом *brasil*, указывающее на разные его аспекты — страна, ландшафт, природа, автохтонное население, колонисты, язык, культура, общество и т.д., — и могущее свободно и системно выступать как прилагательное и как существительное. На эту роль стала претендовать еще одна лексема, образованная от *brasil*, — *brasileiro*.

Формирование центральной вторичной доминанты *brasileiro*

Лексема *brasileiro*, ставшая одним из центральных элементов ЛСП БРАЗИЛИЯ, возникла, вероятно, не ранее середины XVII в. Одно из первых упоминаний можно встретить в документе 1663 г. В нем член ордена иезуитов Бельхиор Пирес называет других иезуитов, которые, в отличие от него, уже родились в Бразилии, словом «*brasileiros*» (*praedictos Patres despícatos Brasileiros vocat*)²⁶. В приведенной цитате обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, это употребление португальского слова в латинском контексте, притом что существовало и широко употреблялось именно в иезуитской среде латинское название *brasiliensis*. Во-вторых, наличие оценочного слова *despícatos*, то есть «презрительно», которое характеризует отношение пишущего к тем, о ком идет речь. Еще одно ранее употребление встречается у бразильского поэта XVII в. Грегориу де Маттуса (*Que os **brasileiros** são bestas, e estarão a trabalhar toda a vida por manter maganos de Portugal*)²⁷. Здесь также заметно унижительное отношение к уроженцам Бразилии со стороны

²⁶ Leite S. História da Companhia de Jesus no Brasil. 10 vol. Rio de Janeiro, Instituto Nacional do Livro, Livraria Civilização Brasileira; Lisboa, Livraria Portugália, 1938–1950 (1949), VII. P. 42; см. также комментарий в Noll V. Para uma revisão do Dicionário Houaiss — vocabulário e datações. Confluência. 2012. № 43. P. 68–77.

²⁷ Mattos Guerra G. Obras poéticas. (ca. 1690). T. I. Rio de Janeiro, Typographia Nacional, 1882. P. 360.

португальцев, которых автор критикует. Можно предположить, что лексема *brasileiro* изначально обладала специфическими коннотациями.

Слово *brasileiro* благодаря суффиксу *-eiro* указывает на род деятельности, по аналогии с *sapato* — *sapateiro* (‘башмак — ‘башмачник’). *Brasileiro* — это тот, кто профессионально связан с бразильскими товарами, иными словами, это «торговец красным деревом» или, шире, тот, кто ведет хозяйственную деятельность в Бразилии, что считалось не самым достойным занятием, особенно в глазах священнослужителей, землевладельцев или представителей знати, которые предпочитали название *portugueses do Brasil* или *luso-americanos*. На связь между типом товара и названием торговца указывал еще Ф. Варнхаген в середине XIX в. (*Os que se dedicavam a esse trafico [de pau-brasil] começaram a ser chamados brasileiros do mesmo modo que se dizem baleeiros os que vão á pesca das baleias*)²⁸. Ясно, что на ранних этапах это были португальские коммерсанты, а не уроженцы Бразилии. Позже слово стало обозначать также потомков португальцев, родившихся в колонии, и в этом смысле оно встречается в приведенных выше цитатах. Тем не менее, вплоть до конца XVIII в. слово не было частотным, вероятно, из-за присутствующих негативных коннотаций. Однако с обретением независимости ситуация изменилась, новому государству потребовался всеми признанный нормативный термин, обозначающий жителя этого государства. Возникла конкуренция между названиями *brasiliense*, *brasiliano*, *brasílico* и *brasileiro*, хорошо описанная в периодическом издании «Бразильский курьер» (1822 г.): “*Chamamos brasiliense o natural do Brasil, brasileiro o português europeu ou o estrangeiro, que lá vai negociar ou estabelecer-se (...) e assim poderíamos dizer brasileiro mas (...) limitamos o derivado brasileiro para os indígenas do país*”²⁹. Позже, уже в XX в., эту конкуренцию описал А. Пейшоту: “*Brasileiro*” *foi, a princípio, o traficante ou o ocupado em tirar o brasil (...) Contudo tentou-se “brasiliense”, “brasílico”, “brasiliano”, sem êxito até agora. Brasileiro ficou o filho do Brasil*”³⁰. Как видно из приведенных цитат, в этой конкуренции достаточно быстро победила лексема *brasileiro*, вытеснившая остальные, которые сузили свое значение до терминологизированного. Напротив, *brasileiro* стала осознаваться как универсальное наименование уроженца и жителя Бразилии, и его изначальная отрицательная коннотация заменилась на нейтральную. Термины *português* и *brasileiro* как бы поменялись местами: те потомки португальских колонистов, кто жили в Бразилии до объявления независимости, считались *portugueses do Brasil*, а те португальцы, которые возвращались из Нового Света с деньгами, нажитыми торговлей, или даже без них, назывались

²⁸ Varnhagen F.A. Op. cit. P. 90.

²⁹ Correio Braziliense, Vol. 28. n. 165, fev. 1822. P. 165. [Электронный ресурс] (URL: <http://www.brasiliana.usp.br>) (accessed: 01.08.2021).

³⁰ Peixoto J.A. Op. cit. P. 56.

brasileiros, при этом сопутствующие этим названиям возможные коннотации нейтрализовались [21. С. 26].

Став основным названием для жителей Бразилии, лексема *brasileiro* быстро обрела все более широкую сочетаемость, расширяя свою семантику от ‘уроженец или житель Бразилии’ до ‘все, что относится к Бразилии’. Начиная с середины XIX в. она встречается в контекстах, обозначающих разные объекты: территорию, природу и фауну (*solo brasileiro; noite brasileira; natureza brasileira; lobo brasileiro; javali brasileiro*); человека (*um ilustre brasileiro; poeta brasileiro; general brasileiro*); нацию и народ (*atual nação brasileira; nacionalidade brasileira; povo brasileiro; povoação brasileira*), историю и цивилизацию (*história brasileira; civilização brasileira*), социальную и политическую организацию (*unidade brasileira; futura união brasileira, sociedade brasileira; constituição brasileira, família brasileira*); сельское хозяйство (*horticultura brasileira*); философские категории (*interesses brasileiros; gênio brasileiro; engenho brasileiro*); литературные и фольклорные категории (*literatura brasileira; poesia brasileira; romance brasileiro; modinha brasileira*)³¹. Такое расширение сочетаемости сопровождалось быстрым ростом частотности лексемы *brasileiro* и одновременным снижением частотности конкурировавших с ней других наименований и приводило к неизбежному увеличению объема понятия *brasileiro*. Слово становилось универсальным атрибутом для практически любого бразильского феномена, тем самым формировалась основа для устойчивой вторичной доминанты, обладавшей всеми необходимыми признаками: этимологической и смысловой связью с центральным понятием *brasil*, семантической универсальностью, опирающейся на широкую лексическую сочетаемость, а также устойчивой синтаксической освоенностью.

Необходимо отметить еще один фактор, сопровождавший консолидацию понятия *brasileiro*. Этот фактор относится не к внутрилингвистическим процессам, а к внешним, в частности, к социолингвистике. Обретение Бразилией независимости вызвало закономерную волну подъема национального самосознания, что проявилось в особом внимании образованной части бразильского общества ко всему национальному. Языковым символом национальной идентичности как раз и стала лексема *brasileiro*, складывавшаяся именно в это время в единое понятие, что еще сильнее подхлестнуло ее использование в национально значимых контекстах. Приведем три примера. В частных письмах, написанных бразильцами — участниками боевых действий в так называемой «Парагвайской войне» (*Guerra do Paraguai, 1864–1870*), «свои», то есть бразильцы, названы именно этим

³¹ Varnhagen F.A. Op. cit. P. XXV, 157, 228, 278, 298, 329, 359, 368; Alencar J.A. Viuvinha. Rio de Janeiro, Typ. do Correio Mercantil, 1860. P. 43; Alencar J. Luciola, um perfil de mulher. Rio de Janeiro, Typ. Franceza de Frederico Arfvedson, 1862. P. 153; Alencar J. Iracema. Rio de Janeiro, Typ. de Viana & Filhos, 1865. P. 90, 176, 195, 196; Alencar J. Cartas de Erasmo. Rio de Janeiro, Typ. de Mello, 1865. P. 5, 11, 31, 57; Magalhães D.J.G. Op. cit. P. 11, 239, 256, 260.

словом (*os militares brasileiros de terra e mar; espírito militar no exército brasileiro; todas as informações, argentinas e brasileiras; o mais completo triunfo para os brasileiros, deixando os paraguaios 300 mortos*)³². В наследии Ж. де Аленкара, одного из самых ярких представителей бразильской литературы второй половины XIX в. и горячего сторонника национальной идентичности, есть несколько очень известных исторических романов, которые имеют характерный подзаголовок «*romance brasileiro*» ‘бразильский роман’, который можно понимать и как ‘роман о Бразилии’, и как ‘роман о бразильцах’ и как ‘бразильский роман вообще’, в отличие от португальского, европейского, аргентинского и т.п. (*O Guarani. Romance brasileiro* (1857); *Sonhos d’ouro. Romance brasileiro* (1872); *O Gaucho. Romance brasileiro* (1870)). Третий пример связан с дискуссией о названии языка. Одним из следствий политической независимости Бразилии от бывшей метрополии стал вопрос о культурной и языковой эмансипации. Принятый в современных филологических работах термин *português brasileiro* ‘бразильский вариант португальского языка’ сложился далеко не сразу. Начиная с 1820-х годов предлагались разные варианты названия языка, на котором говорят бразильцы, многие из них напрямую декларировали существование «бразильского языка» в противопоставлении собственно португальскому (*idioma brasileiro; dialeto brasileiro; língua brasileira; língua nova luso-brasileira; brasileiro*) [22. PP. XV, XXI, XXXVII].

Последняя группа примеров представляется особенно значимой, несмотря на очевидную лингвистическую аномалию — «бразильский язык». Термины типа *dialeto brasileiro* или *língua brasileira* появились именно в связи с началом рефлексии над лингвистическими особенностями бразильского варианта и обсуждались филологическим сообществом в течение второй половины XIX в. и в первой половине XX в. [22; 23]. Как раз в этот период формируется научное представление о фонетических, лексических и морфосинтаксических особенностях бразильского варианта и появляются первые описания, фиксирующие такие особенности не как примеры языковых ошибок, а как системно реализуемые явления. Эти работы определили современный взгляд на структурные и функциональные особенности португальского языка Бразилии и на его социолингвистический статус. Уже упоминавшийся термин *português brasileiro* является своего рода компромиссом между «португальским» и «бразильским» подходами к пониманию языкового феномена.

³² Corpus Histórico do Português Tycho Brahe. Cartas Brasileiras: cultos. Carta 44 (1865); Carta 49 (1866); Carta 58 (1866) [Электронный ресурс] URL: <http://www.tycho.iel.unicamp.br/~tycho/corpus/index.html> (accessed: 01.08.2021).

Заключение

Подводя итог процессу формирования ядра и центральных доминант, следует подчеркнуть определенную закономерность развития их семантики: все они имели на определенном этапе либо сохранили до настоящего времени в качестве первичного или вторичного значение ‘житель Бразилии’, будь то представитель автохтонного населения или потомок португальских колонистов. Можно предположить, что наличие этнонима «бразилец» в центральной зоне лексико-семантического поля «Бразилия» является обязательным условием для дальнейшего развития этого поля и формирования его периферии. Иными словами, антропологический компонент семантики, ‘человек’, в отличие от природного компонента, ‘страна / территория’, обусловил расширение ядерных значений ЛСП в сторону будущей периферии.

Характеризуя в целом формирующееся ЛСП БРАЗИЛИЯ можно сказать, что вплоть до второй половины XIX в. оно было представлено только ядром и вторичными доминантами.

Сопоставляя лексикографические источники, можно сделать вывод, что рассматриваемое ЛСП, чье ядро и основные доминанты сформировались к XVIII в., значительно расширилось на рубеже XIX — XX вв. Этот процесс совпал с осознанием языковой самостоятельности Бразилии и с появлением филологически обоснованных описаний бразильского варианта португальского языка, направленных на перечисление его особенностей и понимаемых не как разрозненные и спорадические, а как системно реализуемые в речевой практике явления. В целом, сложившиеся центральные для ЛСП понятия *brasil*, *brasiliense*, *brasileiro*, обозначавшие изначально ‘природный материал — красное дерево’ или страну, где оно добывалось, ‘дикарь-индеец’ и ‘торговец красным деревом’, в результате семантического развития стали ассоциироваться жителями Бразилии с собственной национальной и языковой идентичностью.

Библиографический список

1. Загряжская Т.Ю. Этнодискурс в пространстве языка и культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №2. С. 52–65.
2. Загряжская Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
3. Joseph J.E. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. pp. xii, 268.
4. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. №72 (3). P. 22–49.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
8. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

9. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2010.
10. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
11. Biderman M.T.C. Dimensões da palavra // *Filologia e Linguística Portuguesa*. 1998. №2. P. 81–118.
12. Krieger M. da G. Lexicologia e lexicografia diacrônicas: qual o papel desse tipo de pesquisa // Isquierdo A.N., Barros L.A. (eds.) *As Ciências do Léxico*, Vol. V. Campo Grande: Editora da UFMS, 2010. P. 135–152.
13. Gonçalves M.F. Aspectos do léxico português e brasileiro no século XVIII // *Confluência — Revista do Instituto de Língua Portuguesa (Rio de Janeiro)*. 2012. №43. P. 47–67.
14. Гуревич Д.Л. Бразильская национальная идентичность и концептуализация понятия *brasil* // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. №22(3). С. 811–820. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-811-820>
15. Noll V. Brasil: Herkunft und Entstehung eines Toponyms // *Vox Romanica*. 1996. Vol. 55. № 1. P. 188–202.
16. Sousa Mello L. O nome do Brasil // *Revista de História*. 2001. №145. P. 61–86. <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.v0i145p61-86>
17. Houaiss A., Villar M.S. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa*. Rio de Janeiro: Objetiva, 2009.
18. Ferreira A.B.H. *Dicionário Aurélio da língua portuguesa*. Curitiba: Ed. Positivo, 2010.
19. *Michaelis Dicionário Brasileiro da Língua Portuguesa*. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://michaelis.uol.com.br/moderno-portugues>. (дата обращения: 01.08.2021).
20. Ribeiro D. *O povo brasileiro. A formação e o sentido do Brasil*. São Paulo: Companhia das Letras, 1995.
21. Carmo L.A. *O léxico do Brasil em dicionários de língua portuguesa do século XIX*. Tese (doutorado). Universidade do Estado do Rio de Janeiro, Instituto de Letras, 2015.
22. Pinto E.P. *O português do Brasil: textos críticos e teóricos. I — 1820–1920. Fontes para a teoria e a história*. Rio de Janeiro: Livros técnicos; São Paulo: Ed. da Universidade de São Paulo, 1978.
23. Leite M.Q. *Metalinguagem e discurso: a configuração do purismo brasileiro*. São Paulo: Associação Eitorial Humanitas, 2006.

References

1. Zagryazkina, T.Ju. (2016). Etnodiscourse in linguistic and cultural space. *The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2, 52–65. (In Russ.).
2. Zagryazkina, T.Ju. (2015). France and Francophonie: language, society, culture, Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
3. Joseph, J. (2006). *Language and identity: national, ethnic, religious*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
4. Huntington, S. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72, 3, 22–49.
5. Foucault, M. (1994). *Words and things. Archeology of the humanities*. Saint-Petersburg: Academia. (In Russ.).
6. Apresyan, Ju.D. (1995). *Selected papers. Vol. 1. Lexical semantics*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.).
7. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and a person's world*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.).
8. Mikhailova, O.A. (1998). *Limitations in lexical semantics: semasiological and linguo-culturological aspects*. Ekaterinburg: Urals University Publishers. (In Russ.).
9. Karaulov, Ju.N. (2010). *General and Russian ideography*. Moscow: Librocom. (In Russ.).

10. Kubryakova, E.S. (1981). *Types of language meanings: semantics of derived words*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Biderman, M.T. (1998). Dimensões da palavra. *Filologia e Linguística Portuguesa*, 2, 81–118.
12. Krieger, M. da G. (2010). Lexicologia e lexicografia diacrônicas: qual o papel desse tipo de pesquisa. In: *As Ciências do Léxico*, Isquierdo, A.N., Barros, L.A. (eds.), vol. V. Campo Grande: Editora da UFMS. pp. 135–152.
13. Gonçalves, M.F. (2012). A Aspectos do léxico português e brasileiro no século XVIII. *Confluência — Revista do Instituto de Língua Portuguesa (Rio de Janeiro)*, 43, 47–67.
14. Gurevich, D.L. (2020). Brazilian national identity and conceptualization of the notion “brasil”. *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(3), 811–820. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-811-820> (In Russ.).
15. Noll, V. (1996). Brasil: Herkunft und Entstehung eines Toponyms. *Vox Romanica*, 55, 1, 188–202.
16. Sousa Mello, L. (2001). O nome do Brasil. *Revista de História*, 145, 61–86. <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.v0i145p61-86>
17. Houaiss, A. & Villar, M.S. (2009). *Dicionário Houaiss da língua portuguesa*. Rio de Janeiro.
18. Ferreira, A.B.H. (2010). *Dicionário Aurélio da língua portuguesa*. Curitiba.
19. Michaelis Dicionário Brasileiro da Língua Portuguesa. [Electronic resource] URL: <http://michaelis.uol.com.br/moderno-portugues> (accessed: 01.08.2021).
20. Ribeiro, D. (1995). *O povo brasileiro. A formação e o sentido do Brasil*. São Paulo: Companhia das Letras.
21. Carmo, L.A. (2015). *Ferreira. O léxico do Brasil em dicionários de língua portuguesa do século XIX*. Tese (doutorado). Universidade do Estado do Rio de Janeiro, Instituto de Letras.
22. Pinto, E.P. (1978). *O português do Brasil: textos críticos e teóricos. I — 1820–1920. Fontes para a teoria e a história*. Rio de Janeiro, Livros técnicos; São Paulo: Ed. da Universidade de São Paulo.
23. Leite, M.Q. (2006). *Metalinguagem e discurso: a configuração do purismo brasileiro*. São Paulo: Associação Eitorial Humanitas.

Сведения об авторе:

Гуревич Дмитрий Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *сфера научных интересов*: португальский язык, формирование и функционирование португальского языка Бразилии, социолингвистика, социология португальского языка, вариантология, *e-mail*: caipira@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1941-8226

Information about the author:

Dmitry L. Gurevich, Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate-Professor, Associate-Professor of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *Research interests*: Portuguese language, formation and functioning of the Portuguese language of Brazil, sociolinguistics, sociology of the Portuguese language, variantology, *e-mail*: caipira@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1941-8226



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-694-709


УДК [811.161.1:811.134.2]’23’373

Научная статья / Research article

Сопоставительный анализ фразеологических единиц, репрезентирующих концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ в русском и испанском языках

Л.А. Сафаралиева  , Н.П. Пархитко 

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, Миклухо-Маклая, 6

 kuznetsova-la@rudn.ru

Аннотация. Выполнен анализ фразеологических единиц, репрезентирующих концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ в русском и испанском языках, в психолингвистическом, лингвокультурном и структурно-семантическом аспектах. Учитывая тот факт, что тема пожилого возраста как олицетворения опыта, течения времени, физического и ментального увядания личности представляет собой универсальную фразеологическую константу практически любого языка, авторы сочли целесообразным сопоставить фразеологические поля испанского и русского языков, в которых, в качестве гипотезы, предполагается выявление разных историко-культурных подходов как к самим дефинициям «возраст», «старость», «старение» и т.д., так и к соответствующей социальной группе. Ключевыми методами лингвистической науки, применяемыми в работе, являются описательный, лингвогенетический и сопоставительный методы. Дано научное обоснование различиям в определении феномена старости в испанском и русском языках, обусловленным особенностями восприятия национальной языковой картины мира носителями русского и испанского языков. Выявлены общие, универсальные образы старости, связанные с итоговым периодом жизни человека, ослаблением его организма, наличием определенного жизненного опыта. Кроме того, обосновываются положения о преобладании в русском языке фразеологических единиц с пейоративной окраской, номинирующих старого человека, в то время как в испанском языке преобладают фразеологизмы с мелиоративной окраской. Отметим, что для носителей испанского языка старость, в первую очередь, ассоциируется с долгожителями, людьми, преодолевшими 90-летний возраст, в то время как в русском языке такие ассоциации носят единичный характер. Аргументационная база исследования основывается на широком перечне лингвистических и лексико-фразеологических источников, использованных авторами в ходе работы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая картина мира, фразеологическая единица, фразеологические поля, лингвокультура

© Сафаралиева Л.А., Пархитко Н.П., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 15.04.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Сафаралиева Л.А., Пархитко Н.П. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, представляющих концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ в русском и испанском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 694–709. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-694-709>

Comparative Analysis of the Phraseological Units Representing the Concepts of OLD AGE and VEJEZ in Russian and Spanish

Lyubov' A. Safaralievа  , Nickolay P. Parkhitko 

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198

 kuznetsova-la@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the research of phraseological units representing the concepts of OLD AGE and VEJEZ in Russian and Spanish languages, in psycholinguistic, linguocultural and structural-semantic aspects. Considering the fact that the concept of OLD AGE as the personification of experience, the passage of time, physical and mental withering of a personality is a universal phraseological constant of almost every language, the authors found it expedient to compare phraseological and thematic fields of Spanish and Russian, where, as a hypothesis, it is assumed to identify different historical and cultural approaches to the definitions «age», «old age», «aging», etc., and to the corresponding social group. The key methods of linguistic science used in the work are descriptive, linguogenetic and comparative methods. The article provides a scientific justification for the differences in the definition of the phenomenon of OLD AGE in the Spanish and Russian languages, due to the peculiarities of perception of the national linguistic picture of the world by native speakers of Russian and Spanish. The general, universal images of OLD AGE associated with the final period of a person's life, the weakening of his body, the presence of a certain life experience are revealed. In addition, the provisions on the predominance of phraseological units with pejorative coloring nominating an old person in the Russian language are substantiated, while phraseological units with reclamation coloring prevail in Spanish. Note that for native Spanish speakers, OLD AGE is primarily associated with centenarians, people who have overcome the age of 90, while in Russian such associations are of a singular nature. The argumentation base of the study is based on a wide list of linguistic and lexical-phraseological sources used by the authors while preparing this article.

Key words: concept, conceptosphere, linguistic picture of the world, phraseological unit, phraseo-thematic fields, linguoculture

Article history:

Received: 15.04.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Safaralievа, L.A. & Parkhitko, N.P. (2022). Comparative Analysis of the Phraseological Units Representing the Concepts of OLD AGE and VEJEZ in Russian and Spanish. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 694–709. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-694-709>

Введение

В последние годы появилось значительное количество исследований сущности концепта, его структуры, классификации его типов и разновидностей. В нашем исследовании мы будем опираться на работы В.И. Карасика, который определяет концепт следующим образом: «В когнитивном плане концепты представляют собой индивидуально-личностные смысловые образования, замещающие соответствующие значения, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках, например, в толковых и энциклопедических словарях» [1. С. 3–16]. Бесспорно, любой концепт существует в сознании человека не только в виде словарных дефиниций, характеризующих его ядро и периферию, но и виде компонентов, отражающих национальный культурно-исторический опыт носителей того или иного языка. Речь идет, в первую очередь, об изучении концепта в лингвокультурном плане, то есть «соотнесении языкового знака с содержанием культурного знака в языковой картине мира говорящего, которые культура „набрасывает на мир“» [2. С. 853].

Следует отметить, что исследуемые нами концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ входят в число базовых, универсальных концептов, поскольку связаны с концептами более высокого порядка ВОЗРАСТ, ВРЕМЯ/EDAD, ТЕМПО, имеющими ценность для всех народов мира. Поэтому целью нашего исследования является сопоставление вышеназванных концептов с точки зрения выявления общих, сходных характеристик, и различных, национально обусловленных.

Для достижения поставленной цели мы обратились к фразеологическому уровню русского и испанского языков, поскольку именно фразеологизмы наряду с пословицами «содержат национально специфический образ или представление о чем-либо как фрагменте национальной картины мира» [3. С. 1023]. Безусловно, фразеологический уровень языка выделяется своей особой лингвокультурной спецификой, способной наиболее полно отразить образы СТАРОСТИ в коллективном сознании носителей русского языка и VEJEZ в сознании говорящих на испанском языке.

По определению В.Н. Телия, «Фразеологизм — это общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней в узуально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического

состава» [4]. Существует большое количество взглядов на классификацию фразеологических единиц: структурные, семантические, тематические, этимологические и др. «Вопрос о классификации фразеологизмов тесно связывается с тем, что эти языковые знаки должны подлежать подробнейшему анализу, т.к. они отражают специфические особенности, присущие данной языковой культуре, а также мировоззрению носителей языка» [5. С. 20]. В нашей работе мы распределили фразеологические единицы по фразео-тематическим полям, объединенным в две большие семантические группы:

1. *репрезентирующие старость человека/вещи* ‘*la vejez de un ser humano o de una cosa*’ и
2. *характеризующие человека как носителя признака старость* ‘*vejez*’.

Концепт СТАРОСТЬ в русской фразеологической системе

Вслед за О.В. Ломакиной, согласно мнению которой «Фразеологические ресурсы языка, как и лексические, являются одним из средств вербализации концепта, поэтому методика концептуального анализа включает выявление фразеологических средств как репрезентантов концепта» [6. С. 35], мы провели выборку и подробный анализ фразеологических единиц, содержащихся во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» [7] и «Фразеологическом словаре русского языка» [8], входящих в структуру концепта СТАРОСТЬ. Нами были отобраны 62 фразеологические единицы, которые мы на основании тематической близости фразеологизмов распределили по фразео-тематическим полям [9. С. 17]. Подобную классификацию фразеологических единиц, репрезентирующих концепт СТАРОСТЬ, предложила И.С. Блинова [10], которая в качестве оснований фразеотематических полей выделила следующие:

- *обозначение завершающего этапа человеческой жизни:*
 1. временной и пространственный признаки;
 2. близость смерти;
 3. проявления старости;
 4. социальный признак;
- *номинации старых людей:*
 1. черты характера;
 2. внешние маркеры старости;
 3. социальный статус.

Мы предлагаем внести некоторую коррекцию в предложенную И.С. Блиновой классификацию и представить ее следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1 / Table 1

Фразео-тематические поля концепта СТАРОСТЬ / Phraseosemantic fields of the concept of OLD AGE

Старость как итоговый этап жизни человека / вещи / Old age as the final stage of a person's / thing's life	
Временной и пространственный признаки / Temporal and spatial characteristics	<i>как мир старый; отживать своё; отживать своё время; отживать свой век; по старинке; по старой памяти; разменивать десяток; старая песня; старая погудка на новый лад доживать век; глядеть в гроб; глядеть в могилу; кончать дни; кончать свои дни; на закате дней; на старости лет; не два века жить; пора костям на место; пора костям на покой; стоять одной ногой во гробе выбывать из строя; выйти в тираж стар и мал; стар и млад; старый и малый</i>
Неизбежность смерти, следующей за итоговым периодом жизни человека / The inevitability of death following the final period of a person's life	
Социальная характеристика старости / Social characteristic of old age Старость как антоним молодости / Old age as antonym of youth	
Характеристика старого человека / Characteristic of the old person	
Номинация старого человека / Nomination of old person	<i>в годах; в годках; вековечная невеста; старая дева; старая девка; старая лиса; старая скворечница; старый волк; старый воробей; старый гриб; старый лис; старый пенёк; старый хрен в обед сто лет; век вековать; век Мафусаила жить; век свековать; выйти из годов; заживать чужой век; песок сыплется; труха сыплется до седин; до седых волос; как лунь седой (белый) бес в ребро; впадать в детство; впадать в (во) младенчество; выживать из памяти; выживать из ума; выжить из памяти; не под лета; старого завета; старого закала; старого покроя; старой закваски; старый грешник; тряхнуть стариной</i>
Номинация очень старого человека/ долгожителя / Nomination of very old person/ long-liver	
Внешние признаки / маркеры старого человека / External characteristics / Old person markers	
Характер / поведение старого человека/ Character / Behaviour of the old person	

В русской лингвокультуре концепт СТАРОСТЬ является неотъемлемой частью концепта ВОЗРАСТ в значении ‘итогового периода жизни человека’, антонима *молодому* возрасту». Данное положение отражается во фразеологизмах *стар и мал, стар и млад, старый и малый*, означающих ‘все люди независимо от их возраста’. При этом мы видим, что в упомянутых фразеологизмах общество мыслится как совокупность противоположностей: людей молодого и старого возраста без упоминания иных возрастных групп (младенцы, дети, зрелые люди).

В русских фразеологизмах СТАРОСТЬ обозначается как итоговый этап жизни человека или вещи, при этом обязательно акцентируется продолжительность существования человека или предмета, явления, то есть подчеркивается наличие некой временной протяженности. Фразеологизмы *как мир старый, по старинке, по старой памяти, старая песня, старая погудка на новый лад* обозначают ‘что-то давно известное всем’, подчеркивают длительность существования какого-либо предмета или явления, которые появились достаточно давно, но сохраняют свою актуальность для человека и в настоящее время.

Фразеологизмы *отживать своё, отживать своё время, отживать свой век, разменивать десяток* выступают в качестве синонимов глагола «стареть» и обозначают ‘вхождение человека в новый временной этап его жизни, начинающийся в определенном возрасте’ (по данным Медицинской энциклопедии старческий возраст начинается с 75 лет [11]).

Следующая группа фразеологизмов: *доживать век, глядеть в гроб, глядеть в могилу, кончат дни, кончат свои дни, на закате дней, на старости лет, не два века жить, пора костям на место, пора костям на покой, стоять одной ногой во гробе* — представляет СТАРОСТЬ как итоговый этап жизни человека, за которым неизбежно наступает смерть. Особенно ярко данная мысль выражена во фразеологизме *не два века жить*, который четко обозначает границы человеческой жизни, за которые выйти невозможно, как бы ни хотелось человеку.

Но при этом во фразеологической системе русского языка имеются единицы, отражающие наличие долгожителей в русском обществе, людей, преодолевших девяностолетний рубеж [11]: *в обед сто лет, век вековать, век Мафусаила жить, век свековать, выйти из годов, заживать чужой век, песок сыплется, труха сыплется*. Данные примеры подчеркивают отрицательное отношение к очень старым людям, выделяя особо их дряхлость и слабость.

Социальная роль человека в старости тоже ограничена: в русской лингвокультуре социальная активность, трудоспособность старого человека представляется ограниченной, практически невозможной: *выбивать из строя, выйти в тираж*.

Образ старого человека широко представлен в русской лингвокультуре фразеологизмами с экспрессивно-оценочными коннотациями: *в годках, веко-*

вечная невеста, старая дева, старая девка, старая лиса, старая скворечница, старый волк, старый воробей, старый гриб, старый лис, старый пень, старый хрен. Часть фразеологизмов отражает пренебрежительное отношение к старому человеку: *старая скворечница, старый гриб, старый пень, старый хрен*; другая группа фразеологических единиц отражает черты характера старого человека и наличие у него определенного опыта в силу его возраста: *старый волк, старый воробей, старая лиса, старый лис* — о хитром человеке, *старый волк, старый воробей* — о человеке мудром, опытным. В третью группу входят фразеологизмы, обозначающие не реализовавшуюся в качестве жены и матери женщину и отражающие осуждающее отношение общества к такой женщине: *вековечная невеста, старая дева, старая девка.*

Внешний облик старого человека отражается в единичных фразеологизмах: *до седин, до седых волос, как лунь седой (белый).* Именно седые (белые) волосы свидетельствуют о вхождении человека в период старения. Большую группу фразеологизмов составляют единицы, характеризующие умственные способности старого человека и его поведение: *бес в ребро, впадать в детство, впадать в (во) младенчество, выживать из памяти, выживать из ума, выжить из памяти, не под лета, старого завета, старого закала, старого покроя, старой закваски, старый грешник, потряхнуть стариной.* Потеря умственных способностей и как следствие совершение поступков, несвойственных взрослому, пожилому человеку и осуждаемых обществом, упрямый характер и нежелание менять свои привычки — основные черты образа старого человека, закрепленные в языковом сознании носителей русского языка.

Резюмируя вышеизложенное, определим концептуальные признаки, лежащие в основе национальных стереотипов и входящие в ядро концепта СТАРОСТЬ на фразеологическом уровне:

- старость — итоговый период жизни человека, предшествующий смерти;
- старость — потеря человеком физической и социальной активности и умственных способностей;
- старый человек — неприятный, дряхлый, упрямый, хитрый, но в то же время мудрый и опытный;
- старый (о вещи/явлении) — существующий длительное время, известный всем.

Концепт VEJEZ в испанской фразеологической системе

Для реконструкции фразеологического уровня концепта VEJEZ мы проанализировали ряд переводных и фразеологических словарей: «Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка», «Большой испано-русский и русско-испанский словарь», «Испанско-русский словарь современного словоупотребления», «Большой русско-испанский словарь»,

«Испанско-русский фразеологический словарь», словарь «Diccionario de dichos y frases hechas», словарь «Diccionario fraseológico del español moderno» [11–18].

На первом этапе нашего исследования мы отобрали словосочетания и выражения испанского языка (в том числе устойчивые), эквивалентные приведенным выше фразеологическим единицам русского языка, репрезентирующим концепт СТАРОСТЬ.

На втором этапе нами были отобраны и распределены по фразео-тематическим полям фразеологические единицы испанского языка с компонентами *viejo, vejez* или со значением *ser viejo, hacerse viejo* ‘быть старым, стареть’ (46 единиц) (Таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

**Сопоставление фразео-тематических полей
концептов СТАРОСТЬ и VEJEZ /
Comparison of phraseo-thematic fields of the concepts
of OLD AGE and VEJEZ**

	Русский язык / Russian	Испанский язык / Spanish
Старость как итоговый этап жизни человека / вещи / Old age as the final stage of a person's / thing's life		
Временной и пространственный признаки / Temporal and spatial characteristics	<i>как мир старый; отживать своё; отживать своё время; отживать свой век; по старинке; по старой памяти; разминать десяток; старая песня; старая погудка на новый лад</i>	<i>desde que el mundo es mundo; quedar anticuado; por un viejo hábito, como en lo antiguo; pasar de los...; un disco rallado; fuera lo nuevo y dentro lo viejo; hacele viejo a uno; es más viejo que el pedir prestado; ser/ estar/ repetir/ venir con la vieja canción/música (La canción de siempre); ser más viejo/antiguo que mear de pie; ser de los tiempos del cólera; ser del año catapún (chin chin)/de la nana/de la nanita/de la Tarara/del pedo/de la pera; tener más años que la orilla del río (Ser más viejo que la orilla del río); ser más antigua/vieja que andar a gatas; ser de antes de la guerra; el año/ la época/ los tiempos de Maricastaña/ María Castaña</i>
Неизбежность смерти, следующей за итоговым периодом жизни человека / The inevitability of death following the final period of a person's life	<i>доживать век; глядеть в гроб; глядеть в могилу; кончать дни; кончать свои дни; на закате дней; на старости лет; не два века жить; пора костям на место; пора костям на покой; стоять одной ногой во гробе</i>	<i>Acabar sus días; estar en trance (en peligro) de la muerte; dar fin a su vida; en el declive de la vida; en la vejez, en la senectud; vivir su siglo; ser muy viejo/ estar a punto de morir por la vejez; no llegará a viejo; estar con un pie/ tener un pie en la fosa/ el hoyo/la sepultura; ir para vieja/o</i>
Социальная характеристика старости / Social characteristic of old age	<i>выбивать из строя; выйти в тираж</i>	<i>Quedar inútil; quedar fuera de uso, caer en desuso</i>

Continuation of the table 2 / Продолжение табл. 2

	Русский язык/ Russian	Испанский язык/ Spanish
Старость как антоним молодости / Old age as antonym of youth	<i>Стар и мал; стар и млад; старый и малый</i>	<i>Los jóvenes y los viejos</i>
Характеристика старого человека / Characteristic of the old person		
Номинация старого человека / Nomination of old person	<i>В годах; в годках; вековечная невеста; старая дева; старая девка; старая лиса; старая скворечница; старый волк; старый воробей; старый зрб; старый лис; старый пень; старый хрен</i>	<i>Persona entrada en años; solterona; viejo zorro; la vieja pícara; lobo del mar; perro viejo; toro corrido; viejarrón; como la vieja del candilejo; ser (un) perro viejo; tener espolones; (no) caérsele los pantalones a alguien</i>
Номинация очень старого человека/ долгожителя / Nomination of very old person/ long-liver	<i>В обед сто лет; век вековать; век Мафусаила жить; век свековать; выйти из годов; зажить чужой век; песок сыплется; труха сыплется</i>	<i>Vivir más que Matusalén; tener edad de pasarse el arroz; vivir más que los otros; está hecho un casco; se cae de viejo; ser más feo/viejo/ tonto/ perdido que Carracuca; ser más viejo que Cascorro; ser más viejo que la tana; tener más espolones que un gallo; ser más vieja que la nana; ser más antigua/vieja que andar a pie; hacerse harina</i>
Внешние признаки / маркеры старого человека / External characteristics / Old person markers	<i>До седин; до седых волос; как лунь седой (белый)</i>	<i>Llegar a la vejez; hasta la vejez; hasta la senectud; blanco como la nieve; peinar canas</i>
Характер / поведение старого человека / Character / Behaviour of the old person	<i>Бес в ребро; впадать в детство; впадать в (во) младенчество; выживать из памяти; выживать из ума; выжить из памяти; не под лета; старого завета; старого закала; старого покроя; старой закваски; старый грешник; потряхнуть стариной</i>	<i>A la vejez, viruelas; caer en el infantilismo; chochea; hombre a la antigua; el viejo verde; echar una cana al aire; repasar la juventud; como una vieja; como cuentan las viejas; comer a lo viejo; cuidarse a lo viejo; hecho un viejo; saber más que un viejo</i>
Употребление компонентов <i>viejo, vejez</i> в переносном значении / Use <i>viejo, vejez</i> components in figurative meaning		
		<i>Hacer viejas; hacer la vieja; matar la vieja; hacerse viejo; irse viejo, llevárselo viejo; no remendar de viejo; tener/pasar/chupar más frío que siete viejas</i>

В испанской лингвокультуре концепт VEJEZ, как и русский концепт СТАРОСТЬ, входит в концепт EDAD 'ВОЗРАСТ'. Данный факт находит свое отражение в выражении *los jóvenes y los viejos*, обозначающим совокупность людей всех возрастных групп. Кроме того, во фразеологизме *tener edad de pasarse el arroz* 'быть слишком старым для чего-л.' слово *edad* выступает в качестве синонима слова *vejez*.

В группу фразеологических единиц испанского языка, обозначающих итоговый этап существования человека или неодушевленной вещи как некую временную протяженность, входят 17 устойчивых выражений, обозначающих преимущественно «старый возраст чего-либо, кого-либо»/ «что-то древнее, имевшее место в прошлом»: *desde que el mundo es mundo* ‘как мир старый’, *ser de los tiempos del cólera* ‘быть старым, как времена холеры’, *ser del año catapún* ‘быть древним’, *ser de antes de la guerra* ‘быть древним, довоенных времен’. Часто во фразеологических единицах испанского языка используются имена мифических персонажей народных сказаний и легенд: *los tiempos de Maricastaña* ‘древние времена’, *ser más viejo que Carracuca*, *ser más viejo que Cascorro* ‘быть очень старым, древним’.

В испанском языке значительно преобладают фразеологические единицы, отражающие представления о старости как о «существующем ранее, длительное время». Для обозначения старости вещей или явлений используется ряд фразеологизмов, образованных при помощи сравнительной конструкции *más viejo que* ‘более старый/древний чем...’. Объектом сравнения чаще всего выступают народные, мифические персонажи (*Carracuca*, *Cascorro*, *la nana*), объекты или явления окружающего мира (*el pedir prestado*, *la orilla del río*), биологические способности человека (*mear de pie*, *andar a pie*, *andar a gatas*) или определенные исторические события (*los tiempos del cólera*, *de antes de la guerra*). В русском языке компонентами сравнения чаще всего выступают временные номинации *век*, *день*, *год*, *время* и имя существительное *мир*.

Как и русский концепт СТАРОСТЬ, испанский концепт VEJEZ представляется как итоговый этап жизни человека (вещи), предшествующий смерти. Ряд испанских фразеологизмов совпадает в своей образности с русскими: *acabar sus días* ‘кончать свои дни’, *dar fin a su vida* ‘кончать свою жизнь’, *en el declive de la vida* ‘на закате дней/жизни’, *en la vejez*, *en la senectud* ‘на старости лет’, *vivir su siglo* ‘доживать свой век’, *estar con un pie/tener un pie en la fosa/ el hoyo/la sepultura* ‘стоять одной ногой во гробе/могиле’. Так же как и в русском языке в испанских фразеологизмах активно используются слова *vida* ‘жизнь’, *día* ‘день’, *siglo* ‘век’. Интересным представляется фразеологизм *no llegará a viejo* ‘он не жилец на этом свете’ (букв. ‘он не станет старым’), в котором слово *viejo* предстает синонимом слова *смерть*.

В отличие от русских фразеологизмов *выбывать из строя*, *выйти в тираж*, дающих социальную характеристику СТАРОСТИ и употребляющихся по отношению к человеку, испанские фразеологические единицы *quedar inútil* ‘стать бесполезным’, *quedar fuera de uso*, *caer en desuso* ‘выйти из употребления’ чаще используются для характеристики старости вещей.

В испанской лингвокультуре концепт VEJEZ намного чаще ассоциируется с очень старыми людьми, долгожителями, что обусловлено, в свою

очередь, высокой продолжительностью жизни в Испании и наличием большого количества граждан, преодолевших 90-летний рубеж: *ser más viejo que Cascorro* ‘быть очень старым’, *ser más viejo que la tana* ‘быть очень старым’, *tener más espolones que un gallo* ‘быть очень старым / букв. ‘иметь больше шпор, чем у петуха’, *ser más vieja que la nana* ‘быть очень старым’, *ser más antigua/vieja que andar a pie* ‘быть очень старым / букв. ‘быть более древним, чем прямохождение’. Общим образом для русской и испанской лингвокультуры является библейский персонаж Мафусаил, проживший 969 лет, с которым часто сравниваются очень старые люди (долгожители): *vivir más que Matusalén* ‘жить дольше Мафусаила’. Так же, как и в русской лингвокультуре, в испанских фразеологизмах «очень старей человек» предстает физически слабым, немощным, дряхлым: *está hecho un cascajo*; *se cae de viejo*, *se hace harina* ‘из него труха/песок сыплется’.

В испанском языке, как и в русском, фразеологизмы, описывающие внешность старого человека, являются единичными: *blanco como la nieve* ‘белый (седой) как снег’; *peinar canas* ‘расчесывать седину’ и определяют седые волосы в качестве обязательного атрибута внешности старого человека.

Достаточно многочисленную группу составляют фразеологические единицы испанского языка, раскрывающие характер и поведение старых людей. Ряд фразеологизмов репрезентирует «потерю умственных способностей, безумие старых людей»: *A la vejez, viruelas* ‘бес в ребро, седина в бороду’, *caer en el infantilismo* ‘впасть в детство’, *chochear* ‘умом тронуться’, *repasar la juventud* ‘вспомнить молодость’, *echar una cana al aire* ‘тряхнуть стариной’, *el viejo verde* ‘молодящийся старик, ретивый не по годам’. При этом особо критикуется поведение пожилых мужчин, стремящихся вести активный образ жизни (как в молодости), в том числе заводить отношения с молодыми девушками.

Ряд фразеологизмов обозначает мудрость и опыт, которыми обладают люди в старости: *como una vieja* ‘быть умной не по годам (о девочке)’, *saber más que un viejo* ‘знать больше, чем старик’, *como cuentan las viejas* ‘считать на пальцах’. Негативное отношение к образу жизни старых людей отражено во фразеологизмах *comer a lo viejo* ‘жевать по-стариковски, беззубым ртом’, *cuidarse a lo viejo* ‘чересчур заботиться о себе, нянчиться с собой’.

В группе фразеологизмов, номинирующих старого человека, преобладают стилистически-окрашенные единицы, при этом в отличие от русских фразеологизмов, окрашенных чаще негативно, испанские фразеологизмы передают положительное отношение носителей испанской лингвокультуры к старому человеку: *persona entrada en años* ‘человек в годах’, *como la vieja del candilejo* ‘забавная старушенция’. Ряд фразеологизмов подчеркивает наличие огромного жизненного опыта, мудрости, хитрости у старого человека: *viejo zorro* ‘старый лис’, *perro viejo* ‘старый пес’, *la vieja pícara* ‘старая лиса/шалунья’. Уникальным, отражающим национальный

колорит является фразеологизм *toro corrido* ‘стрелянный воробей /букв. испытанный в корриде бык’, возникший из традиции проведения «Боя быков или Корриды» на территории Испании и в некоторых латиноамериканских странах.

Отдельно следует рассмотреть фразеологические единицы испанского языка с компонентами *vejez*, *viejo*, несовпадающие по своей образности с русскими фразеологизмами, либо не имеющие аналогов в русском языке. В странах Центральной Америки широко распространено выражение *hacer viejas*, означающее ‘бросать камешки в воду так, чтобы они отскакивали от ее поверхности’. В Гватемале часто употребляется фразеологизм *hacer la vieja* ‘притворяться больным’, отражающий связь старости с болезнями и слабостью организма пожилого человека. На Кубе и в Пуэрто-Рико частотным является фразеологизм *matar la vieja* ‘перекусить’, имеющий русский аналог ‘заморить червячка’. Выражение *hacerse viejo* ‘принимать близко к сердцу любой пустяк’ и ‘бездельничать, ворон считать’ отражают представление носителей испанской лингвокультуры о ранним характере и праздном, не обремененным трудовой деятельностью, образе жизни старых людей. В выражениях *irse viejo*, *llevárselo viejo* ‘достать, получить что-либо играючи’ отражается образ наивного старого человека, которого можно легко обмануть.

Фразеологизм *no remendar de viejo* ‘жить на широкую ногу’ отсылает нас к образу бедного человека, вынужденного штопать старую одежду — *remendar la ropa vieja*, которому противопоставляется финансово благополучный человек.

Еще одним интересным фразеологизмом испанского языка является выражение *tener/pasar / chupar más frío que siete viejas* ‘испытывать жуткий холод’ букв. ‘мерзнуть сильнее, чем семь старушек’. Появление данного фразеологизма вызвано тем, что организм старого человека в силу своей слабости и дряхлости больше подвержен воздействию холода, чем молодой организм.

Таким образом, репрезентация концепта VEJEZ на фразеологическом уровне предстает следующим образом:

- *vejez es la última etapa de la vida humana o de la cosa (antes de morir)* ‘последний этап жизни человека или вещи, предшествующий смерти’;
- *vejez es la debilidad del cuerpo humano y la perdida de razón* ‘слабость тела и потеря умственных способностей’;
- *vejez es la sabiduría* ‘мудрость’;
- *vejez es algo sucedido en el pasado lejano, lo conocido por todos* ‘что-то очень древнее, из далекого прошлого, известное всем’.

Проведенный выше семантический анализ фразеологических единиц, репрезентирующих концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ, позволяет заключить следующее: в русском и испанском языках имеется значительное количество фразеологизмов, отражающих универсальные образы старости, связанные

с итоговым периодом жизни человека, слабостью организма старого человека, его опытом и мудростью, определенной временной характеристикой старости. Представим это в виде таблицы (таблица 3):

Таблица 3 / Table 3

**Ядерные концептуальные признаки /
Nuclear conceptual features**

Концепт СТАРОСТЬ / concept of OLD AGE	Концепт VEJEZ / concept of VEJEZ
<ul style="list-style-type: none"> • старость — итоговый период жизни человека, предшествующий смерти; • старость — потеря человеком физической и социальной активности и умственных способностей; • старый человек — неприятный, дряхлый, упрямый, хитрый, но в то же время мудрый и опытный; • старый (о вещи/явлении) — существующий длительное время, известный всем 	<ul style="list-style-type: none"> • vejez es la última etapa de la vida humana o de la cosa (antes de morir) 'последний этап жизни человека или вещи, предшествующий смерти'; • vejez es la debilidad del cuerpo humano y la pérdida de razón 'слабость тела и потеря умственных способностей'; • vejez es la sabiduría 'мудрость'; • vejez es algo sucedido en el pasado lejano, lo conocido por todos 'что-то очень древнее, из далекого прошлого, известное всем'

Важно отметить, что в испанском языке концепт VEJEZ ассоциируется, прежде всего, с очень старыми людьми, долгожителями, в то время как русский концепт СТАРОСТЬ включает в себя и образы людей, еще не достигших глубокой старости. Данный факт отражает наличие в Испании и странах Латинской Америки большего числа жителей, достигших возраста 85–90 лет, то есть средняя продолжительность жизни в упомянутых странах выше, чем в Российской Федерации. По данным Росстата, средняя продолжительность жизни в России в 2021 году составила 70,6 лет [19]. Евростат приводит данные по средней продолжительности жизни в Испании на 2021 год — 82,4 года [20]. В странах Латинской Америки средняя продолжительность жизни по данным Всемирной организации здравоохранения составила 73 года [21].

Заключение

Проведенное исследование показало, что несмотря на большое сходство в репрезентации концептов СТАРОСТЬ и VEJEZ в русской и испанской фразеологии, вызванное универсальным пониманием ВРЕМЕНИ, единой человеческой природой, имеется ряд различий в образах, выражаемых фразеологическим единицами, обусловленными, на наш взгляд, специфическими особенностями восприятия национальной языковой картины мира.

Как в русской, так и в испанской лингвокультурах особое уважение вызывают мудрость, опыт старого человека. Но, если в русском языке данная характеристика находит свое отражение в образах старого *лиса*, *волка*, *воробья*, то в испанском языке мудрым и хитрым будет *пес*, *лис* или *бык*.

Носители русской лингвокультуры наряду с носителями испанской лингвокультуры осуждают поведение пожилых мужчин, нарушающих социальные нормы, вступающих в отношения с юными девушками.

В отличие от русских фразеологизмов, обладающих пейоративной окраской и номинирующих старого человека, в испанском языке преобладают фразеологические единицы с мелиоративной окраской: в испанском языке практически отсутствуют фразеологизмы, отражающие пренебрежительное, негативное отношение к старому человеку, в то время как в русском языке пожилой человек предстает ворчливым, брюзжащим, неприятным в общении или внешне.

Таким образом, можно заключить, что концепты СТАРОСТЬ и VEJEZ совпадают в своих актуальных признаках, отражающих универсальность старения человека или вещи, но между тем имеют значительные национально обусловленные различия в репрезентирующих их фразеологических системах.

Библиографический список

1. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001.
2. Маркелова Т.В., Новикова М.Л. Концептосфера «здоровье-болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №3. С. 848–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874>
3. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №4. С. 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
4. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1997.
5. Гишкаева Л.Н. Фразеологизмы как средство отражения национально-культурного своеобразия этнического сообщества (на примере испанского и русского языков) // RUDN Journal of Linguistics. 2012. №4. С. 20–23.
6. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль, под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2019.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1967.
9. Пастушенко Л.П. Английские фразеологические единицы в составе фразео-тематического поля (на материале фразео-тематического поля маринизмов). М.: Наука, 1994.
10. Блинова И.С. Этнокультурная специфика концепта старость (на материале русского и немецкого языков) // Известия ВГПУ. 2009. №5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-spetsifika-kontseptsta-starost-namateriale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 16.01.2022).
11. Медицинская энциклопедия. Старость. Старение [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 07.04.2022).

12. Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. М.: ИНФРА-М, 2011.
13. Большой испано-русский и русско-испанский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/esru_full (дата обращения: 24.05.2022).
14. Испанско-русский словарь современного словоупотребления / под ред. А.В. Садикова, Б.П. Нарумова. М.: Русский язык — Медиа, 2005.
15. Большой русско-испанский словарь / под ред. Г.Я. Туровера, Х. Ногейра. М.: Русский язык — Медиа, 2004.
16. Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц. М.: Русский язык, 1985.
17. *Buitrago A.* Diccionario de dichos y frases hechas. España: Espasa, 2012.
18. *Varela F., Kubarth H.* Diccionario fraseológico del español modern. Madrid.: Editorial Gredos, 1994.
19. Большой испанско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru> (дата обращения: 16.06.2022).
20. Longevidad en España: últimas cifras-generación. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jubilacionpension.com> (дата обращения: 16.06.2022).
21. El futuro de la longevidad en Latinoamérica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://Longevidad en Latinoamérica | Deloitte México> (дата обращения: 16.06.2022).

References

1. Karasik, V.I. (2001). About the categories of linguoculturology. Linguistic personality: problems of communicative activity. In: *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatel'nosti. Proceedings*. Volgograd: Peremena. pp. 3–16. (In Russ.).
2. Markelova, T.V. & Novikova, M.L. (2021). Conceptosphere “health-disease”: cultural code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 848–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-87> (In Russ.).
3. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Yu.A. (2021). National specificity of the proverbial fund: basic concepts and methods of identification. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russ.).
4. Teliya, V.N. (1997). *Secondary nomination and its types. Language nomination. Types of names*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Gishkaeva, L.N. (2012). Phraseological units as a means of reflecting the national and cultural identity of an ethnic community (on the example of Spanish and Russian languages). *RUDN Journal of Linguistics*, 4, 20–23. (In Russ.).
6. Lomakina, O.V. (2019). *Phraseology in the text: functioning and idiostyle*, V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
7. Fedorov, A.I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel, AST. (In Russ.).
8. Molotkov, A.I. (1967). *Phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
9. Pastushenko, L.P. (1994). *English phraseological units as part of the phraseo-thematic field (based on the material of the phraseo-thematic field of marinisms)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Blinova, I.S. (2009). Ethnocultural specificity of the concept of old age (based on the material of Russian and German languages). *Izvestiya VSPU*, 5. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-spetsifika-kontseptov-starost-namateriale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (accessed: 16.01.2022). (In Russ.).
11. Old age. Aging. In: Medical encyclopedia [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%81%D1

- %82%D1%8C_%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (accessed: 07.04.2022). (In Russ.).
12. Big Spanish-Russian dictionary (2011): Latin America. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
 13. Big Spanish-Russian dictionary and Russian-Spanish dictionary [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/esru_full (accessed: 05.24.2022). (In Russ.).
 14. Sadikov, A.V. & Narumov, B.P. (2005). *Spanish-Russian dictionary of modern word usage*. Moscow: Russkiy yazik, Media. (In Russ.).
 15. Tourover, H.Ja. & Nogueira, H. (2004). *Big Russian-Spanish dictionary*. Moscow: Russkiy yazik, Media. (In Russ.).
 16. Levintova, E.I., Wolf, E.M., Movshovich, N.A. & Budnitskaya, I.A. (1985). *Spanish-Russian phraseological dictionary: 30,000 phraseological units*. Moscow: Russkiy yazik. (In Russ.).
 17. Buitrago, A. (2012). *Diccionario de dichos y frases hechas*. España: Espasa. (In Spanish).
 18. Varela, F. & Kubarth, H. (1994). *Diccionario fraseológico del español moderno*. Madrid: Editorial Gredos, (In Spanish).
 19. Average life expectancy of Rosstat: women and men. [Electronic resource]. URL: (accessed: 16.06.2022). (In Russ.).
 20. Longevidad en España: últimas cifras-generación. [Electronic resource]. URL: accessed: 16.06.2022). (In Spanish).
 21. El futuro de la longevidad en Latinoamérica. [Electronic resource]. URL: [https:// Longevidad en Latinoamérica | Deloitte México](https://Longevidad en Latinoamérica | Deloitte México) (accessed: 16.06.2022). (In Spanish).

Сведения об авторах:

Сафаралиева Любовь Александровна, ассистент кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая семантика, семиотика, психолингвистика; *e-mail*: kuznetsova-la@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6960-9426>, eLibrary SPIN-код: 1089-5456

Пархитко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: история лингвистики (германские языки), психолингвистика; *e-mail*: scharnchorst@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, eLibrary SPIN-код: 6478-1225, AuthorID: 795099.

Information about the authors:

Lyubov' A. Safaralievna, Assistant Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: linguistic semantics, semiotics, psycholinguistics; *e-mail*: kuznetsova-la@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6960-9426>, eLibrary SPIN-код: 1089-5456

Nickolay P. Parkhitko, PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: history of Linguistics (Germanic languages), psycholinguistics; *e-mail*: scharnchorst@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, eLibrary SPIN: 6478-1225, AuthorID: 795099.



ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ TERMINOLOGY STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729

УДК 811.161.1'276.6

Обзорная статья / Review article

Еще раз к вопросу об определении термина


С.В. Гринев-Гриневич¹ , Э.А. Сорокина²  , М.А. Молчанова³ 

¹Государственное высшее профессиональное училище имени профессора
Эдуарда Ф. Стефаника в Сувалках,

16-400, Республика Польша, Сувалки, ул. Теофила Ноневича, 10

²Московский государственный областной университет,
141014, Российская Федерация, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

³Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корпус 2

 ellazor@mail.ru

Аннотация. Изложены результаты анализа существующих определений термина, представленных в современной терминоведческой литературе. В качестве языкового материала использованы описания понятия «термин», присутствующие в работах ведущих терминоведов и иллюстрирующие актуальность данного понятия и одновременно — разнообразие мнений в восприятии его сущности. Цель проводимого анализа — выяснить причины неоднозначного понимания понятия «термин» и определить наиболее существенные признаки данного понятия, что должно способствовать однозначному и полному его пониманию и употреблению. С использованием дефиниционного, сравнительного, диахронического, контрастивного методов было сформулировано емкое определение проблемного понятия «термин», которое и предлагается в качестве основного для данного понятия. *Теоретическая значимость* проведенного исследования связана с установлением наиболее общих свойств понятия «термин», являющегося базисным понятием терминоведения. Результаты данного исследования значительно расширяют сведения о понятии «термин», имеющиеся в современной теории термина, и должны способствовать прекращению появления малопродуктивной множественности его определений. *Практическая ценность* полученных итогов сводится к использованию материала и результатов его анализа в практической деятельности терминоведов и терминоведов, а также в деятельности преподавателей при чтении курсов общего и частного языкознания, терминоведения, лексикологии, антропологистики.

© Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: термин, слово, лексическая единица, наименование, определение термина, дефиниция, специальная лексика, терминология, терминоведение

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:


Гринеv-Гринеvич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710—729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>

Reconsidering the Definition of the Term

Siergiej V. Grinev-Griniewicz¹ , Elvira A. Sorokina²  ,
Maria M. Molchanova³ 

¹State Higher Professional School named after Professor Edward F. Szczepanika in Suwalki,
10 Feofil Noniewiczza str., Suwalki, Poland, 16-400

²Moscow Region State University,
24, Vera Voloshina str., Mytishi, Moscow region, Russian Federation, 141014

³Moscow City University,
4/1, 2nd Selskohozyaistvennyy Proezd, Moscow, Russian Federation, 129226
 ellasor@mail.ru

Abstract. Existing definitions of the term as presented in current terminological writings are analyzed in the paper. The linguistic material is the descriptions of the notion of “term” that could be seen in the works of leading terminologists; these descriptions exemplify the importance of the notion in question and at the same time highlight the diversity in interpreting its essence. Achieving *the goal* of the analysis — which is to reveal the reasons why the term is still being treated in such an ambiguous way and define the substantial features of this notion — promotes explicitness in the interpretation of the term and its usage in a universally recognized way. The result of the undertaken study achieved on the basis of comparative, diachronic, and contrastive approaches is working out the comprehensive definition of the troublesome notion “term” that could be treated as its main one. *The theoretical significance* of the research is finding out the most common features of the term as the basic notion of terminology studies. The results of the study further expand the ideas regarding the notion of the term that exist in current terminological theory and are believed to put an end to the unproductive multiplying of its definitions. *The practical value* of the study is viewed as using its materials and results in practical activities of scientists who work in the sphere of theoretical and applied terminology as well as educationists who teach general and special linguistics, terminology studies, lexicology, and anthropological linguistics.

Key words: term, word, lexical unit, nomination, term definition, special vocabulary, terminology, terminology studies

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Grinev-Griniewicz, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710—729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>

Введение

Стремительный научно-технический прогресс неизбежно влечет за собой формирование и развитие новых научных отраслей, а значит — и появление названий для новых научных понятий. И поэтому не удивительно то, что ученые постоянно обращаются к теории термина, поскольку термин — центральная единица в любой терминологии.

Одной из наиболее важных первоочередных проблем каждой науки является определение языковых единиц, призванных обозначить явления, изучаемые в конкретной науке. Эта проблема приобретает особое значение в терминоведении — науке, которая устанавливает правила упорядочения понятий и их наименований во всех науках. Тем не менее, именно здесь до настоящего времени в издаваемых учебниках и монографиях сохраняется произвольное авторское определение основного понятия — термина. Такое положение считаем не только непонятным, поскольку в этих же изданиях содержатся правила определения понятий (часто нарушаемые авторами), но и недопустимым, поскольку ставится под сомнение статус термина как основной специальной лексической единицы, и при этом положение других специальных лексических единиц принято определять путем соотнесения именно с *термином*.

Кажется вполне очевидным то, что для правильного понимания сущности термина (а это является необходимым условием для терминологических исследований и практической работы) следует на основе критического рассмотрения существующих определений сформулировать приемлемое для всех определение.

Об иллюзии многоаспектности термина

По мнению основоположника отечественного терминоведения В.М. Лейчика, «...Это обилие разнообразных определений, очевидно, объясняется не только тем фактом, что к моменту их формулирования не сложилась научная дисциплина, предметом которой является термин — терминоведение, но и тем, что термин представляет собой объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с ее точки зрения» [1. С. 20]. Вторая часть этого высказывания может привести (и приводит!) к ложному представлению о том, что в каждой науке должно быть свое определение термина. И вот уже в последние годы все чаще встречаются заявления типа «Разнообразие определений термина объясняется тем, что многоаспектным понятием «термин» оперируют в настоящее время более десятка наук и научных дисциплин. И каждая наука стремится выделить в термине те признаки, которые существенны с их точки зрения» [2].

Следуя этой логике, можно предположить, что каждая наука, в которой используются термины, должна иметь свое, отличное определение термина,

а учитывая, что, согласно Британской энциклопедии, только в XX веке появилось около 2,5 тысяч новых наук и научных дисциплин, число таких определений может быть почти бесконечным и существенно отличаться от традиционного понимания этого понятия. Об этой опасности предостерегал С.Д. Шелов [3. С. 22].

Приводимая В.М. Лейчиком дефиниция термина в когнитивном терминоведении звучит так: термин — это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), переходя от концепта (мыслительной категории — к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности) [1. С. 21]. Можно ли это рассматривать как дефиницию? Что в этом определении понимается под *динамическом явлением*, и какое отношение это имеет к терминологии? По-видимому, такое понимание термина настолько отходит от традиционного, что мы имеем дело с совершенно новой научной дисциплиной. На самом деле, как видно из дальнейшего текста [1. С. 20–32], В.М. Лейчик имеет в виду те науки, которые частично пересекаются с терминоведением, в частности, — логику, информатику и семиотику. При этом, судя по итоговой формулировке — *термин — лексическая единица, обозначающая понятие* — автор отдает предпочтение логике, оперирующей понятиями.

В ряде терминоведческих публикаций можно встретить утверждение о том, что различное понимание и определение понятия «термин» вызвано выполнением термином разнообразных функций. Описывая различные функции термина в разделе «Гносеологическое терминоведение» нашего пособия 2008 г. [4], мы исходим из неизменности понимания термина.

Для того, чтобы сравнить и оценить различные определения этого базового для всего терминоведения понятия, рассмотрим достаточно влиятельные и распространенные отечественные дефиниции, которые, с присущей ему добросовестностью и тщательностью, представил один из ведущих отечественных терминоведов — С.Д. Шелов в своей последней монографии [5. С. 11–13].

Существующие распространенные дефиниции термина

К сожалению, в перечне дефиниции расположены по алфавиту, то есть в случайном порядке с точки зрения их появления. Однако организация их в хронологическом порядке может позволить выявить некоторые интересные тенденции. Во всяком случае, можно предположить, что более поздние дефиниции в определенной мере должны учитывать предыдущие. Кроме того, для полноты картины к этому перечню следует добавить дефиниции, имеющиеся в методиках стандартизации терминологии и в энциклопедическом словаре «Общее терминоведение».

С учетом времени появления опубликованных источников перечень анализируемых дефиниций принимает следующий вид:

1977 [Даниленко 1977] Термин — Слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции [6. С. 15].

1977 [Канделаки 1977] Термин — Слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции [7. С. 7].

1977 [Сухов, Налепин РД-14-74] Термин — слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [8. С. 46].

1983 [Фомина 1983] Терминологическая лексика. Слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков [9. С. 178].

1984 [Налепин РД 50–14-83] Термин — слово или словосочетание определенной (научной, технической и т.п.) области знания, выбираемое или создаваемое для выражения понятия [10. С. 2].

1987 [Головин, Кобрин 1987] Термин — Слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними [11. С. 5].

1987 [Кодухов 1987] Термин — Слово или составное наименование, созданное для обозначения понятия науки и техники, разных областей знания [12. С. 179].

1989 [Суперанская и др. 1989] Специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; основной понятийный элемент языка для специальных целей; для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного научного определения) [13. С. 14].

1990 [Налепин, Лейчик, Гринева, Шелов Р 50–603-1-89] Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия и требующее дефиниции [14. С.17].

1990 [ЛЭС 1990]; [КСЛТ] Термин — Слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [15. С. 508; 29. С.128].

1991 [Комарова 1991] Термин — Инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме [16. С. 17].

1993 [Гринев 1993] Термин — Номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий [17. С. 33].

1995 [Бурханов 1995] Термин — Слово или сочетание слов специально (научного, технического и т.д.) подъязыка, непосредственно соотнесенное с научным понятием, служащее для его как можно более точного выражения, например: атом, кристаллография, синтаксема и т.д. [18. С. 172].

1995 [Шайкевич 1995] Терминология — Совокупность слов (терминов), обозначающих денотаты и понятия какой-либо сферы деятельности или отрасли знания [19. С. 150].

1995 [Немченко 1995] Слово или словосочетание (с подчинительной связью компонентов), обозначающее профессиональное понятие [20. С. 218].

1997 [Володина 1997] Термин — Слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции [21. С. 25].

1998 [Гринев, Лейчик, Шелов РМГ 19–96] Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия [22. П. 4.1].

2000 [Лагута 2000] Термин. В лексической стилистике: слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [23. С. 132].

2000 [Лемов 2000] Научный термин — языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстанционального характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования хранения и передачи информации [24. С. 77].

2000 [Самбунова 2000] Обозначение специального понятия, определенного в данной системе понятий, в виде слова или словосочетания, служащего его наименованием [25. С. 104–114].

2001 [Даниленко, Новикова 2001] Слово (или словосочетание), обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [26. С. 170].

2002 [Алексеева, Мишланова 2002] Термин — Компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление [27. С. 15].

2003 [Баранов 2003] Термины — Слова (словосочетания) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека [28. С. 89].

2003 [Краткий словарь русской лингвистической терминологии 2003] Слово, словосочетания, аббревиатура, различные символы и их комбинации

со словами, соотнесенные со специальным (профессиональным) понятием [29. С. 289].

2004 [Авербух 2004] Термин — Элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания [30. С. 131].

2004 [Морозова 2004] Термин — Номинативно значимая семиотическая единица сферы профессиональной коммуникации [31. С. 14].

2006 [Татаринов 2006] Термин — слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности и являющееся основным объектом изучения в терминоведении [32].

2006 [Касаткин и др. 2006] Термин — Слова и словосочетания, являющиеся названиями специальных понятий науки, техники, сельского хозяйства, искусства [33. С. 62].

2008 [Голованова 2008] Термин — Вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации [34. С. 63].

2008 [Гринев 2008] Термин — Номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание), принимаемая для точного наименования понятий [4. С. 30].

2009 [Лейчик 2009] Термин — Лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности [1. С. 31–32].

2012 [Без автора Р 50.1.075-2011] Основной элемент терминосистемы — это термин, т.е. слово или словосочетание определенной (научной, технической и т.п.) области знания, выбираемое или создаваемое (принимаемое?) для выражения понятия. П. 5.1 Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия и требующее дефиниции [35. П. 3.3; 5.1].

2018 [Шелов 2018] Термин — языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином обществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение) [5. С. 46–47].

2019 [ИСО 1087] *Термин* — *обозначение*, состоящее из одного или более слов, представляющих *общее понятие в специальном языке* определенной предметной области (*Обозначение* — представление понятия лингвистическими или нелингвистическими методами. — *пер. авт.*) [36].

О ближайшем родовом понятии

Для определения термина необходимо рассмотреть его обязательные характеристики, которые отграничивают его от других лексических единиц и являются признаками термина. Любопытно, что у основоположника отечественного терминоведения Д.С. Лотте нигде не встречается определение термина; по-видимому, он считал выделение терминов вполне очевидным и акцентировал внимание на существующих недостатках терминов и, соответственно, требованиях к правильному термину.

Поскольку основной вид определения в терминологических стандартах — это явное описание через указание ближайшего родового понятия и видовых отличительных признаков (РМГ 19–96) [22. П. 3.2], отправной точкой в понимании и определении термина является указание его ближайшего родового понятия. В большинстве анализируемых дефиниций в качестве родового понятия выступает лексическая единица — *слово* или *словосочетание*. Исключение составляют дефиниции Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, Словаря русской лингвистической терминологии (СРЛТ), К.Я. Авербуха, Л.А. Морозовой и Е.И. Головановой.

Поскольку дефиниции Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, а также Е.И. Головановой даны в рамках когнитивного терминоведения — как мы уже знаем, совершенно новой формирующейся научной дисциплины, имеющей мало общего с традиционным терминоведением, вряд ли целесообразно пробовать конкретно представить себе, что такое *компонент динамической модели языка* (может быть все что угодно), *вербализованный результат профессионального мышления* (любой профессиональный текст), приводимое В.М. Лейчиком *динамическое явление* или *лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере* (опять что-то вероятно значимое в рамках когнитивного подхода, но не имеющее отношения к проблеме определения термина в терминоведении). При учете уже введенного в когнитивное терминоведение термина *концепт* независимо от широко используемого в традиционном терминоведении термина *понятие*, логично предполагать, что эта дисциплина откажется и от термина *термин* и введет новое обозначение. Во всяком случае, эти дефиниции нами далее не рассматриваются.

В.Д. Табанакова, замечая, что «Многообразие описаний и определенных термина весьма наглядно отражаются в перечне родовых понятий, через которые он определяется», приводит примеры и других предлагаемых родовых понятий (*словесный комплекс; специальный объект; специальное понятие; языковой знак; слово; специальное слово; словесный комплексный мотивированный знак; лексикализованное сочетание; сокращение; функция; член терминологической системы; единство знака и понятия*) и приходит к выводу о том, что наличие множества пониманий и определений термина подтверждает невозможность создания универсального определения...» [37. С. 26]. Отметим, что часть перечисляемых вариантов, безусловно, не может

быть принята в качестве ближайшего родового понятия: *специальный объект* — как слишком общее; термин не может быть *понятием* и вряд ли является *функцией* или *сокращением*.

Определения Л.А. Морозовой, К.Я. Авербуха и Словаря русской лингвистической терминологии, рассматривающие *термин* как элемент семиотической системы — символ, равно как и понимание *термина* в качестве символа, даны с точки зрения семиотики и выводят понятие *термина* за рамки языка, включая в него графические изображения — чертежи, диаграммы, карты, формулы и другие символы. Эта точка зрения, разделяемая известным западным терминоведом Дж. Сейджером [38. Р. 22] и другим известным западным терминоведом Херибертом Пихтом, возможно, имеет будущее, но в настоящее время большинство терминоведов продолжает рассматривать *термин* как лексическую единицу в рамках естественного языка.

Отметим, что и в «лексических» определениях *термина* тоже наблюдается явный разноречивый в назывании ближайшего родового понятия:

- слово или словосочетание;
- слово (или словосочетание) специальной сферы употребления;
- слово или лексикализованное словосочетание;
- слово или словосочетание специального языка/подъязыка;
- слово или словосочетание определенной области знания;
- слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение;
- слово или составное наименование;
- специальное слово (или словосочетание);
- номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание);
- слово или словосочетание (с подчинительной связью компонентов);
- слово или словосочетание преимущественно субстанционального характера;
- обозначение специального понятия в виде слова или словосочетания;
- слово (словосочетание);
- лексическая единица языка для специальных целей;
- обозначение, состоящее из одного или более слов;
- языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.).

И тем не менее, почти в каждом содержится выражение «слово или словосочетание», которое, по мнению Л.А. Морозовой, является одним из трех постоянных сегментов дефиниции, используемых в научной литературе, и характеризует формальный признак термина. Заметим, что к двум другим автор относит то, что б) термин «*обозначает специальное (строго определенное) понятие*» — чем вскрыта понятийная сущность термина; в) термин — «*слово, требующее дефиниции*» [31. С. 13]. Наличие союза *или* в выражении

слово или словосочетание предполагает два объекта, поэтому удобнее заменить его выражением *лексическая единица*, как это сделано у В.М. Лейчика и С.В. Гринева, поскольку значение выражения *лексическая единица* — «слово, устойчивое словосочетание или другая единица языка, способная обозначать предметы, явления, их признаки и т.п.» [39] включает и слова, и словосочетания, или даже *лексема* (мы разделяем точку зрения Ю.С. Маслова, считавшего слова и устойчивые словосочетания разновидностями лексем) [40. С. 89]. Кроме этого, с точки зрения терминологических дефиниций, для определения ближайшего родового понятия значение выражения *лексическая единица (слово или словосочетание)* слишком широко.

В середине 1970-х годов у терминоведов установилось понимание *термина* для отличения его от обычного слова, как «слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» [41. С. 9]. Однако в дальнейшем выявление и изучение ряда других специальных лексем привело к пониманию того, что, как справедливо указывает С.Д. Шелов [5], специфика *термина* в первую очередь заключается в его значении, а не в принадлежности к специальной области лексики, к которой могут принадлежать и употребляемые в специальных текстах не-термины. Поэтому достаточно точным ближайшим родовым понятием будет **специальная лексическая единица** (или даже **специальная лексема**, что короче и удобнее). Это понятие является родовым и для других видов специальных лексических единиц, смежных с терминами (номенов, прототерминов, предтерминов, профессионализмов, терминоидов).

К обязательным характеристикам термина

Следующая необходимая операция — определение состава существенных признаков, необходимых и достаточных для отграничения понятия *термин* от смежных понятий. К таким признакам в терминоведческих публикациях в первую очередь относится **связь с понятием**, зафиксированная почти во всех дефинициях. Эту связь отмечают и наши частые соавторы по национальным методикам стандартизации терминов 1990-х и 1998-х гг. — В.М. Лейчик [1. С. 23] и С.Д. Шелов [5. С. 14]. Наша точка зрения, представленная в [4; 17], остается неизменной — термин «...используется для называния понятий. Это свойство термина является наиболее важным, потому что оно обуславливает не только его принадлежность к специальной области знания, но и все остальные его свойства» [4. С. 26]. Эта связь делает значение термина специальным, поскольку понятия относятся к уровню мышления, который отграничен от уровня представлений, называемых обычными словами.

Развитие терминоведения делает необходимым уточнение характера понятий, обозначаемых терминами. Во-первых, определение *специальное* для понятий не нужно, поскольку все они являются специальными; даже обще-

научные и общетехнические понятия составляют особый слой. Определение *специальное* к слову *понятие* широко использовалось в 1960–70-е годы, когда ему противопоставлялись бытовые, обыденные понятия, называемые общеупотребительными словами. Позднее, с пониманием того, что обычные слова именуют не понятия, а представления, выражение *обыденное понятие* вышло из употребления и сделало избыточным определение *специальное*.

Во-вторых, выявление номенклатурных наименований, обозначающих единичные понятия, потребовало определения *общий* к понятиям, называемым терминами. Следовательно, термин — это специальная лексическая единица (лексема), называющая (обозначающая) общее понятие. По поводу связи термина с понятием В.М. Лейчик замечает «...Различие формулировок: термин называет, обозначает, выражает понятие — отражает принципиальную разницу между лингвистическим, семиотическим и логическим подходом к термину» [1. С. 23]. В данном случае между словами *называющая* и *обозначающая* нет принципиальной разницы.

К признакам термина в терминологических публикациях причисляются, кроме специального характера и связи с понятием, следующие характеристики:

1. *Предметная отнесенность*. Согласно С.Д. Шелову очень распространена в дефинициях *термина* ссылка на некоторую сферу деятельности, область знания, дисциплину, понятие которой представляет данный языковой знак. Рассматривая привязку термина во многих определениях к профессиональной сфере, автор приходит к обоснованному выводу о необязательности профессионального характера термина «...идентификация термина как языкового знака, ограниченного сугубо профессиональным лексическим фондом и, соответственно, ссылками на профессиональное понятие, видимо, не соответствует природе термина» (выделено автором) [5. С. 17]. Это мнение совпадает с нашим, поскольку мы неоднократно [4; 17] утверждали, что «...Специальную лексику нельзя ограничивать профессиональными рамками, так как при этом не учитывается терминология спорта, коллекционирования и некоторых других видов деятельности. Поэтому удобнее пользоваться термином «специальная область употребления», понимая под этим тематическую специфичность термина» [4. С. 26].

Следует заметить, что, с тех пор как в 1960–70-е годы был выявлен ряд специальных лексических единиц, не являющихся терминами (вплоть до 1970-х годов они воспринимались как разновидности терминов), признак специальной (не только профессиональной) сферы употребления, достаточный для отграничения терминов от общеупотребительных слов, не мог использоваться для отграничения *термина* от других специальных лексем и стал необязательным в дефиниции *термина*.

2. *Наличие дефиниции*. В ряде случаев термин определяется как слово, являющееся наименованием понятия и требующее дефиниции. Возможно, эта

традиция идет от В.П. Даниленко (1977) и Т.Л. Канделаки (1977), и такая формулировка, к сожалению, попала в последний национальный методический документ по стандартизации терминологии — Р 50.1.075-2011 «Рекомендации по стандартизации. Разработка стандартов на термины и определения» (М.: Стандартинформ, 2012) [35]. Но если мы задумаемся, то *требуящее дефиниции* означает *не имеющее ее*, а при отсутствии дефиниции нет возможности установить границы понятия и, следовательно, нельзя и говорить о понятии. Это делает данное определение бессмысленным, на что терминоведы ранее не обращали внимания. Дефиниция является необходимой принадлежностью термина, играя важную роль в выделении терминологической лексики из словарного состава языка.

Многоаспектностью термина можно пробовать оправдывать существование разных дефиниций (определений) термина. По мнению В.М. Лейчика, «Один и тот же термин может иметь не единственное определение своего значения — и потому, что обозначаемое им понятие многоаспектно, и потому, что в различных теориях определения одного понятия различны» [1. С. 24]. Позволим себе не согласиться с этим — если существует несколько аспектов рассмотрения одного понятия и несколько существенно различающихся дефиниций, то это означает, что перед нами несколько понятий. Понятие *вода* имеет разные определения в химии, физике и водоснабжении, и это значит, что с одним объектом связаны три различных понятия и три омонимичных термина. Это же касается дефиниций в различных теориях — если они различаются существенно, то с одной языковой формой связаны разные понятия, что приводит к омонимии терминов, как в приведенном выше случае с определением термина в рамках когнитивной лингвистики. Наличие различных определений способно быть отражением состояния науки, когда она еще окончательно не сложилась.

Далее В.М. Лейчик приводит дополнительные аргументы в пользу своего несогласия с обязательностью научной дефиниции у термина: «3. Языковое выражение определения значения термина тоже не является единственным, и остается неясным, какую же словесную дефиницию имеет «термин». 4. Не только термин, но и вообще любое слово или словосочетание может иметь дефиницию, точнее говоря, входить в дефиницию (см. толковые словари), так что этот признак не специфичен для термина. 5. В специальных сферах существует достаточно много понятий, не имеющих дефиниций, выраженных языковыми средствами; соответственно есть много терминов, значение которых не определено в словесной дефиниции» [1. С. 24].

Несмотря на огромное уважение к Владимиру Моисеевичу — крупнейшему отечественному терминоведу и многолетнему соавтору, большинство взглядов которого мы разделяем, в данном случае позволим себе с ним не согласиться по всем этим пунктам. Разница в формулировках дефиниции может не означать разницы в определении, если имеется в виду одно и то же:

в определении термина выражения *слово или словосочетание, лексическая единица* или *лексема* имеют совершенно одинаковое значение.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что любое слово или словосочетание может иметь дефиницию. Этот вопрос подробно рассматривался нами в 1993 [17. С. 26–29] и в 2008 [17. С. 27–28] годах с установлением того факта, что обычные слова имеют не дефиницию, а толкование, между которыми есть существенная разница. Что касается понятий, не имеющих словесных дефиниций, то здесь мы выходим за пределы отечественного терминоведения как языковой науки о терминах, что не имеет отношения к обсуждаемой проблеме и не может быть рассмотрено в рамках настоящей статьи.

3. *Точность*. Терминоведы школы Д.С. Лотте рассматривали точность как желательное свойство формы термина — содержание в форме термина существенных признаков обозначаемого им понятия, то есть как мотивированность, которая позволяет термину выражать понятие, прекрасно понимая, что есть большое число немотивированных терминов, и это свойство не может быть признаком термина.

Современное понимание термина *точность термина* подразумевает точность значения термина, обусловленную тем, что понятие, как правило, имеет точные границы, устанавливаемые с помощью научного определения — дефиниции, которая одновременно является и определением значения термина [4. С. 27].

Большинство терминов точных наук и технических терминов характеризуется точностью значения, которая может рассматриваться в качестве признака термина. Однако еще с 1960-х годов в математике и логике (в первую очередь, — в теории множеств), а затем в информационных технологиях и ряде других наук появляется понятие «*нечеткое понятие*» — понятие, границы применения которого могут изменяться в зависимости от контекста. В ряде работ С.Д. Шелова (2002; 2003; 2004; 2018) рассматриваются случаи понятийной нечеткости, мягкости, полиморфизма (см., напр. [5. С. 34], что дает возможность ввести понятие *степени терминологичности* терминов. Известно, что определенное число подобных специальных лексем встречается в таких областях знания, как искусство и общественные науки, а также и в других науках в случае широких умозрительных понятий [4. С. 196–197]. По-видимому, существуют основания рассматривать такие единицы как *терминоиды* — специальные лексемы, используемые для называния формирующихся и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит и дефиниций. Терминоиды не имеют таких терминологических свойств, как точность значения и контекстуальная независимость [4. С. 44].

К числу признаков, т.е. обязательных свойств термина, мы относим следующие:

- специальная лексема (принадлежность к специальной области знания) — для отличия от обычной лексики;

- называющая общее понятие — для отличия от ряда других специальных лексем (терминоидов, номенов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов);
- дефинированность, наличие дефиниции — для отличия от терминоидов;
- точность значения (содержательная точность) — для отличия от терминоидов;
- однозначность — наряду с точностью устанавливается дефиницией и должна считаться не желательным, а обязательным свойством термина; служит для отличия от терминоидов;
- контекстуальная независимость — для отличия от терминоидов;
- устойчивость формы и воспроизводимость в речи — для отличия от терминоидов и свободных словосочетаний;
- номинативность как свойство, которое выделяется большинством терминоведов;
- стилистическая нейтральность, несмотря на исключения в общественных науках, в целом отличает термины от общей лексики.

Признак конвенциональности и целенаправленного характера появления несколько преувеличен, характерен для ранних публикаций [42. С. 9] и не является обязательным свойством термина. В то же время к признакам, отличающим термины от предтерминов (специальных лексем, используемых в качестве терминов для называния новых понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину), следует добавить подчинительную связь компонентов терминологических словосочетаний.

Совокупность вышеперечисленных признаков позволяет определить термин как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание), принимаемую для наименования общих понятий. С учетом того, что некоторые признаки (дефинированность, точность, независимость от контекста, стилистическая нейтральность) обусловлены основными и могут подразумеваться, можно сократить перечень признаков в рабочей дефиниции. Предлагаем принять в качестве рабочей следующую дефиницию: термин — **специальная лексема, именующая общее понятие**, в которой отражен минимум существенных признаков термина.

В публикациях 1970–80-х гг., когда еще не сложилась общая теория терминоведения и не до конца были изучены особенности и виды специальной лексики, расхождения и колебания в определении термина были вполне естественны. В позднейших работах в большинстве рассмотренных случаев можно скорее говорить о небрежности в формулировках дефиниций; при незначительных разночтениях в выделении и описании характеристик термина они не противоречат друг другу и вполне приемлемы.

Рассмотрение исторического развития определения термина в нормативно-методических материалах по стандартизации терминов показывает некоторые тенденции развития взглядов на термин.

1977 [Н.К. Сухов, В.Л. Налепин РД-14-74] Термин — слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [8. С. 46].

1984 [Налепин РД 50–14-83] Термин — слово или словосочетание определенной (научной, технической и т.п.) области знания, выбираемое или создаваемое для выражения понятия [10. С. 2].

1990 [Налепин, Лейчик, Гринев, Шелов Р 50–603-1-89] Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия и требующее дефиниции [14. С. 17].

1998 [Гринев, Лейчик, Шелов РМГ 19–96] Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия [22. П. 4.1]

2012 [Без автора Р 50.1.075-2011] П. 3.3: Основной элемент терминосистемы — это термин, т. е. слово или словосочетание определенной (научной, технической и т.п.) области знания, выбираемое или создаваемое для выражения понятия. П. 5.1: Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия и требующее дефиниции [35. П. 3.3; 5.1].

2019 [ISO 1087:2019(en)] — *обозначение*, состоящее из одного или более слов, представляющих *общее понятие* в *специальном языке* определенной предметной области (Краткий вариант) — *обозначение*, представляющее *общее понятие* языковыми средствами [43. П. 3.4.2].

В наиболее раннем стандарте, подготовленном в основном учеником Д.С. Лотте — Н.К. Суховым (по рассказам его соавтора В.Л. Налепина), заметен ряд характеристик термина, перешедших в более поздние дефиниции отечественных авторов: конвенциональность (*создаваемое*), точность выражения понятий (в научной школе Д.С. Лотте использовалось в значении *мотивированность*), противопоставление специальных понятий и предметов, подчеркивание специального характера терминов, сравнительно недавно отграниченных от обычной лексики. Многие из них отсутствуют в более поздней методике 1984 г., но в следующей методике 1990 г., подготовленной при участии одного из авторов настоящей статьи, появилось неудачное выражение «требующее дефиниции» (?).

В следующей методике (1998 г.), в подготовке которой также участвовал один из авторов настоящей статьи, это выражение отсутствует. Самая последняя методика (2012 г.) без указания авторства составлена, по-видимому, без участия терминоведов. Технический комитет по стандартизации ТК 55 «Терминология» преобразован в ТК 55 «Терминология», элементы данных и документация в бизнес-процессах и электронной торговле, по-видимому, с преобладанием последней части. Документ составлен не вполне компетентно, с механическим пере-

несением частей предыдущей методики и содержит ошибки, в ней перепутана тавтологичность с соразмерностью (п. 6.7), *символослова* даются в бессмысленной форме *символы-слова* и приводятся две разные формулировки определения термина, взятые в п. 3.3. из методики 1984 г., а в п. 5.1. из методики 1990 г. Тем не менее, она содержит существенные признаки термина. Наконец, современный международный стандарт «Словарь терминологической работы и терминоведения» 2019 г. также содержит существенные признаки термина.

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование показало большой спектр разночтений в понимании и определении термина, не всегда имеющих серьезные обоснования и препятствующих дальнейшему развитию терминоведения. Так, например, многие современные диссертационные исследования терминологической тематики по-прежнему содержат главы и/или параграфы, посвященные вопросу об определении и основных признаках термина. При этом большое число формулировок становится существенным барьером в установлении единого понимания понятия *термин* большинством терминоведов и терминологов-практиков. Существенные различия в определении термина, имевшиеся и вполне понятные в период формирования основ терминоведения, в настоящее время вносят путаницу и совершенно недопустимы в современных учебниках и справочниках, где должна быть представлена единая дефиниция.

Несомненно, в исследовательских публикациях могут отражаться индивидуальные особенности авторского понимания термина. Однако даже поверхностное рассмотрение многочисленных упоминаемых в публикациях подходов к изучению термина — таких, как философский, исторический, социолингвистический, диахронический, филологический, лингвистический, психолингвистический, дискурсивный, логический, системный, прагматический, информационный, технический — не дает оснований предполагать радикальных изменений в сущности термина при использовании его в различных функциях.

Учебники и справочники должны давать как студентам, так и практикам единое базовое понимание термина, обеспечиваемое общепринятой дефиницией. Предлагаем принять в качестве рабочей следующую дефиницию, в которой отражен минимум существенных признаков термина: **термин — специальная лексема, называющая общее понятие.**

Библиографический список

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2006, 2009.
2. Лукоянова Т.В. Причины разнообразия определений понятия «термин» // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30).

3. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003.
4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
5. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро, 2018.
6. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингв. описания. М.: Наука, 1977.
7. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.
8. Сухов Н.К., Налепин В.Л. Методика стандартизации научно-технической терминологии РД-14-74. М.: ВНИИКИ, 1977.
9. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983.
10. Налепин В.Л. Методические указания «Разработка стандартов на термины и определения». М., 1984.
11. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987.
12. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987.
13. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989.
14. Рекомендации «Разработка стандартов на термины и определения». М., ВНИИКИ Госстандарта СССР, 1990.
15. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990.
16. Комарова З.И. Семантические проблемы русской отраслевой терминографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1991.
17. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993.
18. Бурханов И. Учебный словарь системы понятий лингвистической семантики. Rzeszów: Wydawnictwo wyższej szkoły pedagogicznej, 1995.
19. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику. М.: Академия, 2005.
20. Немченко В.Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008.
21. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
22. Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии. М., ВНИИКИ Госстандарта России, 1998.
23. Лагута (Алешина) О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: уч. словарь терминов. Часть 2. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000.
24. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000.
25. Самбурова Г.Г. Круг идей проблемы определений понятий как теоретических аспектов научной терминологии // Научно-техническая терминология. 2000. Вып. 2. С. 104–114.
26. Даниленко В.П., Новикова Н.В. Культура научной и профессиональной речи // Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 2001. С. 169–197.
27. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002.
28. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2003.
29. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз., 1995; 2003.
30. Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004.
31. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: Прометей, 2004.
32. Татаринцов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006.
33. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 2006.

34. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Эллис, 2008.
35. Рекомендация по стандартизации «Разработка стандартов на термины и определения». М.: Стандартиформ, 2012.
36. Стандарт МОС 1087:2019 Терминологическая работа и терминоведение. Словарь.
37. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999.
38. Sager J.C. A practical course in terminology processing. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1990.
39. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
40. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1987.
41. Бархударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 7–10.
42. Хаяутин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд, 1972.
43. ISO 1087:2019 (en) Terminology work and terminology science. Vocabulary. Wien, 2019.
44. Shelov S.D. Term definitions and term expositions (Why do fuzzy terms exist?) // Language and Culture: Establishing Foundations for Anthropological Linguistics, S. Grinev-Griniewicz et al (eds.). Białystock, 2004. (Białystock Series of Anthropolinguistics. Vol. 1). P. 320–326.

References

1. Leychik, V.M. (2006, 2009). *Terminology studies: subject matter, methods, structure*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
2. Lukoyanova, T.V. (2014). The reasons for the multitude of existing definitions of the term. *Electronic studies of Kursk State University*, 2 (30). (In Russ.).
3. Shelov, S.D. (2003). *Term. Termhood. Term definitions*. Saint Petersburg. (In Russ.).
4. Grinev-Griniewicz, S.V. (2008). *Terminology studies*. Moscow: Academy. (In Russ.).
5. Shelov, S.D. (2018). *Outline of the theory of terminology studies: contents, concept structure, practical applications*. Moscow: PrintPro. (In Russ.).
6. Danilinko, V.P. (1977). *Russian terminology: empirical linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Kandelaki, T.L. (1977). *Semantics and motivation of terms*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Methodology of standardization of scientific and technical terminology RD-14-74. (1977) by Suhov, N.K. & Nalepin, V.L. Moscow: VNIKI. (In Russ.).
9. Fomina, M.I. (1983). *Modern Russian language. Lexicology*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
10. Guidelines for working out terminological standards and term definitions RD 50-14-83 by Nalepin, V.L. (1984). Moscow. (In Russ.).
11. Golovin, B.N. & Kobrin, R.Yu. (1987). *Linguistic foundation of terminology studies*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
12. Koduhov, V.I. (1987). *Introduction to linguistics: textbook for teachers of Russian and literature*. Moscow: Prosvechenije. (In Russ.).
13. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N.V. & Vasileva, N.V. (1989). *General terminology. Theoretical issues*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Recommendations for working out terminology standards and term definitions. R 50-603-1-89. (1990). Moscow: VNIKI. (In Russ.).
15. Linguistic Encyclopedia (1990). V.N. Yartseva (Ed.). Moscow. (In Russ.).
16. Komarova, Z.I. (1991). *Semantic issues of Russian industry terminography*. Ekaterinburg. (In Russ.).
17. Grinev, S.V. (1993). *Introduction to terminological studies*. Moscow: Moskovskij litsei. (In Russ.).

18. Burhanov, I. (1995). *Dictionary of concepts in linguistic semantics*. Rzeszów: Wydawnictwo wyższej szkoły pedagogicznej.
19. Shajkevich, A.Ya. (2005). *Introduction to linguistics*. Moscow: Academy. (In Russ.).
20. Nemchenko, V.N. (2008). *Introduction to linguistics*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
21. Volodina, M.N. (1997). *Theory of terminological nomination*. Moscow: Moscow state university. (In Russ.).
22. Recommendations for the basic principles and methods of terminological standardization. RMG 19–96. (1998). Moscow: VNIKI. (In Russ.).
23. Laguta (Aleshina), O.N. (2000). *Stylistics. Speech culture. Theory of communication. Learner's dictionary of terms*, N.A. Lukyanova (Ed.). Novosibirsk: Novosibirsk state university. (In Russ.).
24. Lemov, A.V. (2000). *System, structure and usage of the scientific term (based on Russian linguistic terminology)*. Saransk: Mordovskij university. (In Russ.).
25. Samburova, G.G. (2000). Ideas regarding the definition of notions as theoretical aspects of scientific terminology. *Scientific-technical terminology*, 2, 104–114. (In Russ.).
26. Danilenko, V.P. & Novikova, N.V. (2001). Culture of scientific and professional speech. In: *Speech culture: textbook for higher school students*. L.K. Graudina and E.N. Shiryayeva (eds.). Moscow. pp. 169–197. (In Russ.).
27. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analyzing*. Perm: Perm university. (In Russ.).
28. Baranov, A.N. (2003). *Introduction to applied linguistics*. Moscow: URRS. (In Russ.).
29. Vasileva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shahnarovich, A.M. (1995, 2003). *Concise dictionary of linguistic terms*. Moscow. (In Russ.).
30. Averbukh, K.Ya. (2004). *General term theory*. Ivanovo: Ivanovo state university. (In Russ.).
31. Morozova, L.A. (2004). *Terminology knowledge: basics and methods*. Moscow: Moscow pedagogical state university. (In Russ.).
32. Tatarinov, V.A. (2006). *General terminology: encyclopedic dictionary*. Moscow: Moskovskij litsei. (In Russ.).
33. Kasatkin, L.L., Klobukov, E.V. & Lekant, P.A. (2006). *Concise desk book of Russian*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
34. Golovanova, E.I. (2008). *Category of a professional: formation. Development. Language status*. Moscow: Elpis. (In Russ.).
35. Recommendations for standardization “Working out term standards and term definitions”. R 50.1.075-2011 (2012). Moscow, Standartinform. (In Russ.).
36. ISO 1087:2019 (en) Terminology work and terminology science — Vocabulary.
37. Tabanakova, V.D. (1999). *Ideographic description of scientific terminology*. Tyumen: Tyumen state university. (In Russ.).
38. Sager, J.C. (1990). *A practical course in terminology processing*. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.
39. Nelyubin, L.L. (2003). *Glossary of translation studies*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
40. Maslov, Yu.S. (1987). *Introduction to linguistics*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
41. Barhudarov, S.G. (1970). On the meaning and objectives of scientific research in the sphere of terminology. In: *Linguistic issues of scientific and technical terminology*. Moscow. pp. 7–10. (In Russ.).
42. Hayutin, A.D. (1972). *Term, terminology, nomenclature*. Samarkand. (In Russ.).
43. ISO 1087:2019 (en) (2019). Terminology work and terminology science. Vocabulary. Wien.
44. Shelov, S.D. (2004). Term definitions and term expositions (Why do fuzzy terms exist?). In: *Language and culture: establishing foundations for anthropological linguistics* ed. by S. Grinev-Griniewicz et al. Białystock: Białystock Series of Anthropolinguistics. Vol. 12004. pp. 320–326.

Сведения об авторах:

Гринеv-Гринеvич Сергей Викторович, доктор филологических наук, профессор Государственного высшего профессионального училища имени профессора Эдуарда Ф. Стефанника в Сувалках, Сувалки, Польша, *e-mail*: svgrinev1@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

Сорокина Эльвира Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германских языков Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет», *e-mail*: ellasor@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4965-078X>.

Молчанова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», *e-mail*: molchanovama@mgu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7254-9359>

Information about the authors:

Siergiej V. Grinev-Griniewicz, Dr.Sc. (Philology), Professor of State Higher Professional School named after Professor Edward F. Szczepanika in Suwalki; *e-mail*: svgrinev1@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

Elvira A. Sorokina, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of English Philology, State Educational Institution of Higher Education of Moscow “Moscow State Regional University”; *e-mail*: ellasor@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4965-078X>.

Maria A. Molchanova, PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language Theory and Cross-cultural Communication, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow “Moscow City University”; *e-mail*: molchanovama@mgu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7254-9359>.



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749

УДК 811.161.1'276.6:626


Научная статья / Research article

Терминосистема гидротехники: диффузность терминопольей и полицентричность

И.И. Галанкина¹ , Н.В. Перфильева² , О.В. Цибизова¹  

¹Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева,
127434, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 cibizova_o@rgau-msha.ru

Аннотация. Представлено исследование лексических единиц языка специальности «Гидротехника» на основе выборки из словарей, учебных пособий, статей, нормативных актов и научно-публицистических текстов. Анализируются понятия термин, терминополь, терминосистема, ядро и их интерпретация в научной литературе. Цель исследования — предложить тематическую и деривационную классификацию терминов гидротехники для построения модели терминосистемы. Отмечается многоаспектность гидротехнического профиля, включающего строительство, гидрологию и экологию, а также связанного с биологией, энергетикой, судоходством, сельским хозяйством и другими отраслями науки и практики. Предложена горизонтальная структура терминопольей гидротехнической системы; совокупность лексических единиц языка специальности «гидротехника» рассматривается как упорядоченная терминосистема с многоядерной структурой. Полицентричность системы гидротехнических терминов и диффузность составляющих ее микрополей доказана с помощью количественного метода. Новизна исследования обусловлена спецификой материала, который мало изучен, а также подходом к его систематизации. Наблюдение над гидротехнической лексикой позволили выдвинуть гипотезу об относительно малом количестве заимствований в ее корпусе, что в свою очередь обуславливает амбивалентный характер многих гидротехнических терминов и диффузность микрополей, образующих терминосистему. Исследование гидротехнических терминов показало, что процесс становления терминологических единиц может проходить в различной последовательности: от слова к термину или от термина к слову. Наряду с термином, его этимон может продолжать использоваться в общелитературном языке. Активна деривация; однако заимствование терминов не является основным источником пополнения гидротехнической терминологии. В заключении статьи делаются выводы об особой структуре терминосистемы, отображающей многоаспектность гидротехники. Полицентричный характер гидротехнической терминосистемы, включающей пересекающиеся терминополья, объясняется историей отрасли и межотраслевыми связями. Полученные результаты необходимы для подготовки пособия для иностранцев, изучающих данную дисциплину на русском языке, что представляет актуальность и практическую значимость исследования.

© Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, терминополь, микрополь, ядро, язык специальности, Гидротехника

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:


Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>

Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity

Inna I. Galankina¹ , Natalia V. Perfilieva² , Oksana V. Tsbizova¹  

¹ Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
49, Timiryazevskaya str, Moscow, Russian Federation, 127343

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
6, Miklukho-Maklaia str., Moscow, Russian Federation, 117198

 cibizova_o@rgau-msha.ru

Abstract. The presents a study of the lexical units of the language of the specialty “Hydrotechnical Construction” based on a selection of dictionaries, textbooks, articles, regulations and scientific and journalistic texts. There is analysis of concepts of term, terminological field, terminological system, core and their interpretation in the scientific literature. The purpose of the study is to propose a thematic and derivational classification of hydrotechnical terms to build a model of a terminological system. The multidimensionality of the hydrotechnical profile, including construction, hydrology and ecology, as well as related to biology, hydropower generation, navigation, agriculture and other branches of scientific and practical activity, is noted. In this regard, a horizontal structure of the terminological fields of the hydrotechnical system is proposed; the set of lexical units of the language of the specialty “hydraulic engineering” is considered as an ordered terminological system with a multi-core structure. The polycentricity of the system of hydrotechnical terms and the diffuseness of its constituent microfields has been proved using a quantitative method. The novelty of the study is caused by the specifics of the material, which has been little studied so far, as well as the approach to its systematization. Observation of the hydrotechnical vocabulary made it possible to put forward a hypothesis about the relatively small number of borrowings in its corpus, which in turn determines the ambivalent nature of many hydrotechnical terms and the diffuseness of the microfields that form the terminological system. The study of hydrotechnical terms showed that the process of formation of terminological units can take place in a different sequence: from word to term or from term to word. Moreover, along with the term, its etymon can continue to be used in the general literary language. Derivation is active; however, the borrowing of terms is not the main source of replenishment of hydrotechnical terminology. The conclusions are drawn about the special structure of the terminological system, which reflects the multidimensional nature of. The Hydrotechnical Construction”, polycentric nature of the hydrotechnical terminological system, which includes intersecting term fields, is explained by the history of the industry and inter-industry relations. The results are necessary for the

preparation of a manual for foreigners studying this discipline in Russian, which represents the relevance and practical significance of the study.

Key words: term, terminology, term system, term field, core, language of the specialty, Hydrotechnics

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Galankina, I.I. Perfilieva, N.V. & Tsibizova, O.V. (2022). Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 730—749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>

Введение

Существует достаточное количество научных работ, посвященных как теоретическим, так и практическим исследованиям термина, терминологии, терминосистемы и терминополья различных отраслей науки и производственной деятельности. Начало терминоведения связано с именами австрийского ученого Э. Вюстера [1] и отечественных лингвистов А.А. Реформатского [2], Д.С. Лотте [3], Г.О. Винокура [4]. Среди известных представителей современного российского терминоведения — О.С. Ахманова [5], С.В. Гринев-Гриневиц [6], В.А. Татаринев [7], В.П. Даниленко [8], В.М. Лейчик [9], А.В. Суперанская [10] и др. Имеется ряд исследований терминологических единиц, относящихся к определенным сферам деятельности, как на материале русского языка, так и в сопоставлении с другими языками. Исследованы, например, медицинская терминология [11], терминология маркетинга [12], компьютерных технологий [13], нефтяного дела [14], спортивная терминология [15], юридическая терминология [16] и др.

Однако язык гидротехнической отрасли изучен мало, что обуславливает актуальность настоящего исследования. Целью исследования было описание гидротехнических терминов, их систематизация, презентация модели терминосистемы гидротехники, выявление особенностей функционирования данной терминосистемы, которую, безусловно, можно определить как многоядерную, или полицентричную.

Изучение эволюции терминосистемы гидротехники позволило обнаружить семантические связи отдельных терминологических единиц со словами общелитературного языка и с диалектизмами. Термин рассматривается как амбивалентная единица, принадлежащая как языковой системе в целом, так терминологической системе определенной научной отрасли [17]. Выявление подобных связей, несомненно, важно для стандартизации терминов, их лексикографического представления и в практике технического перевода и преподавания языка специальности.

Методология

Понятия термин, терминосистема, терминопole достаточно подробно описаны в научной литературе, однако исследователи предлагают различные подходы к определению данных понятий. Представляется целесообразным дать определение термина А.В. Суперанской: «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях, <...> словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний...» [10. С. 14]. При этом термин характеризуется системностью, однозначностью, стилистической нейтральностью, точностью, связью с научным понятием [2; 3; 8; 9].

Г.О. Винокур отмечает стихийный характер возникновения терминологии, понимаемой как совокупность терминов, которая накапливается вместе со знаниями в определенной области [4].

Терминосистема, напротив, традиционно рассматривается как упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними [6. С. 15]. В.М. Лейчик подчеркивает, что терминосистема, включающая терминологические единицы, относящиеся к определенной отрасли, обладает строго определенной структурой [9. С. 55].

Терминопole или унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура, которая образуется терминами какой-либо сферы деятельности внутри определенной отрасли, выявляется в каждой терминосистеме [18. С. 92]. По определению Л.А. Морозовой, терминопole, также как и терминосистема, является *унифицированной многоуровневой* классификационной структурой [18]. Исследователь характеризует терминопole как обладающее следующими признаками: целостностью, концептуальностью, упорядоченностью, непрерывностью, устойчивостью, полнотой, эволюционностью, динамичностью, смысловой аттракцией и размытостью границ [19. С. 50]. А.В. Суперанская отмечает влияние на формирование терминопole экстралингвистических факторов [10].

Е.В. Иванова предлагает два варианта представления терминопole: в виде вертикальной структуры с учетом иерархии единиц разного порядка и, с другой стороны, в виде горизонтальной структуры, имеющей зоны пересечения с другими терминопoleями [20. С. 211]. Отметим, что в настоящем исследовании рассматривается горизонтальная структура терминопoleй, являющихся компонентами гидротехнической терминосистемы.

По мнению исследователей, как терминосистему, так и терминопole определенной отрасли можно упорядочить также в виде структуры, имеющей ядро и периферию. Ядро содержит уточненные конкретные названия, принадлежащие к данной сфере деятельности, причем внутри ядра можно выделить несколько самостоятельных участков — микрополе. К периферии относятся более абстрактные и межотраслевые понятия [21. С. 25]. Однако терминопole не всегда имеют четкие границы, возможно пересечение и на-

ложение нескольких терминопольей, причем не только в области периферии, но и в области ядер; термин может входить в различные терминополья [20].

В описаниях терминосистем различных отраслей встречаются две основные модели.

1. Одноядерная модель. Исследователи терминологии электросвязи построили модель терминосистемы данной отрасли, выделив в ней единое четырехкомпонентное ядро и периферию [21. С. 24].

2. Многоядерная модель. Согласно описанию А.З. Абдурахмановой терминосистема строительства представлена совокупностью строительных и межотраслевых терминов из области химии, физики, математики, материаловедения, менеджмента, то есть объединяет нескольких терминопольей — территорий взаимодействия терминов из разных областей знания [22. С. 61].

Терминосистема гидротехники, безусловно, относится ко второй модели. Научная речь, функционирующая в сфере гидротехники, характеризуется комплексной терминосистемой, включающей в себя различные отрасли науки и практики, или дословно: «The scientific speech functioning in the field of hydrotechnics is characterized by a complex term system, which involves elements from various branches of science and practice» [23. Р. 319]. В терминосистему гидротехники входят термины и терминополья смежных специальностей, таких как гидрология, гидромелиорация, безопасная эксплуатация ГТС, экология, строительство, судоходство и др.

Отметим, что кроме терминов, на периферии терминопольей различных отраслей деятельности могут находиться и другие единицы, как, например, профессионализмы, терминоиды; прототермины; предтермины.

Слова, служившие для обозначения специальных представлений до того, как оформились научные системы, принято называть прототерминами. Если в процессе эволюции научного знания становится известным новый феномен, он первоначально фиксируется в языке с помощью терминоида, имеющего несформированное, размытое значение. Предтермины, распространенные в речи представителей какой-либо профессиональной сферы, также не имеют строго определенных значений [6]. С развитием научной базы той или иной отрасли предтермины могут переходить в разряд терминов, перемещаясь из периферийной области в ядерную, по-новому структурируя ядро терминополья (терминосистемы). В.М. Лейчик справедливо утверждает, что термин динамичен, так как рождается и кристаллизуется в процессе познания [24. С. 21].

Благодаря прогрессу науки и техники появляются новые реалии, при этом терминосистема может пополняться новыми терминами, созданными за счет заимствований: из иностранных языков, общелитературного русского языка, диалектов, профессиональной речи; употребления слов в переносном значении; деривации; а также комбинирования нескольких языковых средств, при

этом некоторым терминам свойственна категориальная многозначность [8]. Таким образом, возникновение нового термина оказывает влияние на структуру терминосистемы в целом.

В данном исследовании терминосистема и терминополь рассматриваются как организованные группы терминов и периферийных терминологических единиц. Однако полицентризм гидротехнической системы, размытость границ ее терминопольей представляют определенную сложность в ее структурировании.

Результаты исследования

Для данного исследования производилась выборка терминологических единиц из специальных словарей, справочников, учебных пособий, статей, нормативных актов и научно-публицистических текстов гидротехнической тематики. Таким образом были отобраны 190 частотно употребляемых терминов учебного тезауруса языка специальности «Гидротехника». На основе отобранных единиц представим фрагмент системы гидротехнических терминов. Отметим, что список легко расширяется за счет словосочетаний с терминологическими дериватами, которые в свою очередь также являются терминами. Например:

ледник — питание — ледниковое питание;
дождевание — установка — дождевальная установка;
орошение — канал — оросительный канал;
арка — плотина — арочная плотина.

В перечень не включены глаголы, так как их терминологический статус является спорным. По нашему мнению, некоторые глаголы наряду с существительными и номинативными словосочетаниями могут дополнять терминосистему, будучи частью терминопольей, например, гидрологии: *вытекать, протекать, впадать, сливаться, разливаться, меандрировать, пересыхать*. Процессы в экосистемах могут быть обозначены как существительными, так и глаголами: *зарастать / зарастание, заливаться / заливание, заболачиваться / заболачивание* и т.п.

Принято относить к разряду терминов существительные в единственном числе: *дамба, аквапарк, ледорез*; реже номинативные сочетания с существительным: *гидроэлектростанция, пруд-охладитель АЭС*. Однако ряд терминов употребляется преимущественно во множественном числе. Так происходит, как правило, если объект, названный термином, имеет большое число разновидностей, например, *грунты, известняки, полимеры* и т.п. Возможна лексикализация формы множественного числа: *воды* — все водные ресурсы Земли, в отличие от: *вода* — неорганическое вещество.

Представим классификацию отобранных терминологических единиц по тематическому принципу. Для выделения терминопольев обозначим профессиональные области, имеющие отношение к гидротехнике: *гидрология, гидротехника, экология, судоходство* и т.д. Для выделения микрополей представим подразделы. Терминологические единицы, входящие в разные микрополя, выделены полужирным шрифтом (см. Таблицу 1).

Таблица 1 / Table 1

**Система гидротехнических терминов /
The system of hydrotechnical terms**

Терминологические поля / Terminological fields	Микрополя / Terminological fields	Терминологические единицы / Terminological unities
ГИДРОТЕХНИКА	Гидрология /Hydrology	водные объекты // воды океан, море, водоём, водоток, озеро, водохранилище, старица, пруд, река, канал, ручей, выход подземных вод, гейзер, ледник, снежник, болото
		гидрологический режим рек межень, половодье, паводок, ледоход, ледостав
		части водного объекта течение, берег (левый и правый), яр, пляж, пойма, терраса, бассейн, водораздел, долина, исток, приток, рукав, протока, устье, дельта, эстуарий, меандр, залив, пролив
		рельеф русла и особенности течения рек русло, дно, тальвег, фарватер, стрежень, нанос, рифель, гряда, порог, перекат, суводь (омут), побочень, осерёдок
		некоторые величины в гидрологии рек питание, водность, водоносность, сток, скорость течения, уклон, расход воды, площадь водосбора
		некоторые явления на водных объектах лёд, шуга, шугоход, сало, снежура, затор, зажор, волна, водоворот, шторм, цунами, затопление, наводнение
Безопасная эксплуатация ГТС /Safe operation of hidrotechnical construction	опасные явления на водных объектах	затор, зажор, волна, водоворот, шторм, цунами, наводнение
Экология и природопользование /Ecology /environmental engeneering	экосистемы	океан, море, озеро, пруд, водохранилище, старица, пруд, река, канал, болото
	процессы на водных объектах	обводнение, осушение, затопление дренаж, фильтрация, засоление, заиливание, зарастание, зарыбление, заболачивание
	флора и фауна водных объектов	рыбы: амур белый/чёрный, толстолобик, сазан, плотва; фитопланктон: цианобактерии; растения: рогоз, камыш, ряска, элодея; моллюски: дрейссена, беззубка

Ending of the table 2 / Окончание табл. 2

Терминологические поля / Terminological fields	Микрополя / Terminological fields	Терминологические единицы / Terminological unities
Гидротехнические сооружения / Hydrotechnical constructions	водоподпорные	плотины, дамбы
	водосбросные	канал, гидротехнический тоннель, лоток (желоб), трубопровод,
	водозаборные	скважина, колодец (шурф), насос
	регуляционные	гидротехнический щит, дамба, оградительный вал, ледорез, волнолом
	специальные	гидроэнергетические: гидроэлектростанция, пруд-охладитель АЭС; транспортные: шлюз, порт, причал, сельскохозяйственные: рыбоход, рыбоводный пруд, мелиоративные сооружения; рекреационные: бассейн, аквапарк, фонтан, защитные: волнолом, ледорез
Строительные материалы /Structural materials	части гидротехнических сооружений	арка, контрфорс, фундамент, насыпь, фильтр, створ, водовод, водоотвод, труба (труборовод), рыбоход, лоток (желоб)
	материалы	бетон, железобетон, камень, дерево, грунты, резина, полимеры, тканевые материалы
Грунты /Soils	негативные факторы воздействия	волна, нагрузки, механическое воздействие, агрессивная химическая среда, смачивание, засыхание замораживание, оттаивание, засорение, истирание
	по плотности	скальные: мраморы, граниты, известняки, базальты, песчаники; нескальные: песок, супесь, торф, глина, суглинок, гравий, щебень, галька
Гидромелиорация /Hydrotechnical amelioration	по водопроницаемости	водопроницаемые, водополупроницаемые, водонепроницаемые
	процессы	водоснабжение, обводнение, осушение, орошение, полив, дождевание, дренаж
Судоходство /Navigation	конструкции и их части	сеть, установка, устройство, желоб, трубопровод, колодец, дрен
	водные объекты и их части	океан, море, водоём. водоток, озеро, водохранилище, старица, пруд, река, канал, течение, берег (левый и правый), исток, приток, рукав, протока, устье, дельта, эстуарий, меандр, залив, пролив
	особенности течения	фарватер, стрежень, водоворот
	особенности рельефа дна	нанос, рифель, гряда, порог, перекат, суводь (омут), побочень, осерёдок,
	природные явления	межень, половодье, паводок, ледоход, шугоход, ледостав, зажор, затор, волна, лёд, шуга, шугоход, сало, снежура
	сооружения	шлюз, порт, причал, волнолом

Добавим несколько комментариев. Тематическая классификация позволяет выделить ряд пересекающихся терминопольей. Общее количество повторяющихся единиц в смежных микрополях составляет более 60%. Так, термины *стрезень*, *фарватер*, *порог*, *суводь* используются в гидрологии, в судоходстве и в гидротехническом строительстве; термин *гидроэлектростанция* относится к гидротехнике и к энергетике; *рыбоход* — терминологический элемент терминосистем специальностей «гидротехническое строительство» и «рыбное хозяйство». Таким образом, выстраивается терминосистема с частичным наложением полей. Примеры взаимного пересечения (наложения) терминопольей представим на рисунке 1.

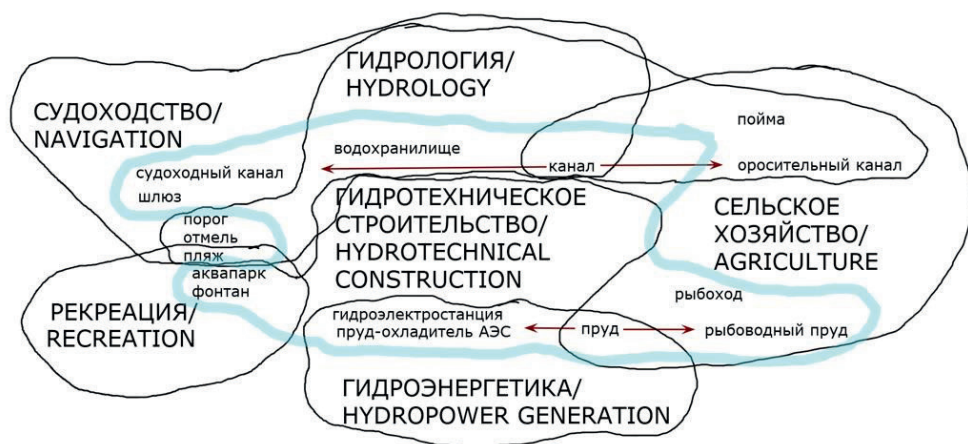


Рис. 1. Пример пересечения терминопольей (И.И. Галанкина)

Fig. 1. Example of terminological fields intersection by I.I. Galankina

Некоторые гидротехнические термины являются многозначными, например, слово *водохранилище* имеет значения: ‚водоем‘, если речь идет о гидрологии; ‚гидротехническое сооружение‘, если речь идет о гидротехнике; и ‚экосистема‘, если мы рассматриваем данный термин с точки зрения экологии. *Бассейн реки* как территория речной системы и *плавательный бассейн* рассматриваются нами как разные единицы.

Об эволюции терминосистемы гидротехники

Для понимания структуры терминосистемы важно определить происхождение образующих ее единиц терминологии.

Так, исследователи «молодых» терминосистем отмечают наличие существенного количества англицизмов. Многие из них осваиваются рус-

ским языком, но имеется значительный корпус англоязычных терминов, которые не переводятся, но заимствуются непосредственно как иностранные слова с сохранением латинской графики [13; 25]. Напротив, «старые» терминосистемы, относящиеся к областям деятельности, осуществляемой в течение многих столетий, могут использовать готовые лексические средства родного языка, общеупотребительные лексические единицы, диалектизмы, просторечные слова и профессионализмы. При этом нередко происходит метафоризация, перенос значения по внешнему сходству объектов [8. С. 116, 171, 209].

Система гидротехнических терминов русского языка относится к «старым» терминосистемам, истоки формирования которых уходят в глубокую древность. Заметим, что согласно одной из гипотез, название *Русь* первоначально означало 'речная страна' или 'страна светлых вод'¹.

Рассмотрим подробнее терминопле гидрологии, которое относится к наиболее раннему периоду формирования исследуемой терминосистемы. Установлено, что с появлением славян на территории Древней Руси в VI—VII вв. водные объекты использовались прежде всего для транспортного сообщения². Этим фактом объясняется возникновение в подсистеме гидрология большого количество прототерминов, которые впоследствии, перейдя в разряд терминов, не утратили семантическую связь с этимологом. Так, лексико-семантический варианты многозначного слова могут функционировать в языке и в качестве терминов, и как лексические единицы общелитературного языка: *река, море, озеро, старица, исток, волна, болото* и др. Приведем примеры функционирования данных единиц в качестве терминов и слов общелитературного языка, нередко с переносными значениями. Рассмотрим различные толкования слова *болото* (см. Таблицу 2).

Некоторые термины образованы с помощью метафоризации: *рукав, порог, пережат, сало* (см. Фото 1)³.

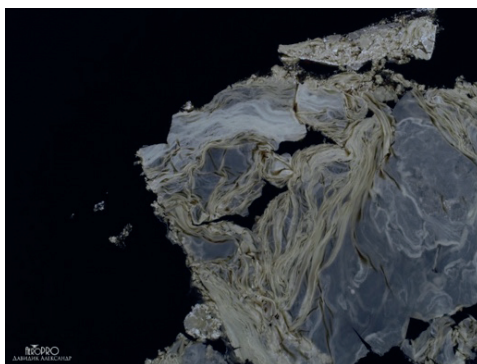
¹ Зимнюков В.А., Зборовская М.И. Водное хозяйство России, история и задачи // Доклады ТСХА. Сборник статей. Выпуск 291. Часть III. С. 78–82. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.timacad.ru/uploads/files/20190604/tom_3_kostyakov_agro_19.pdf (дата обращения 29.06.2022).

² Федосеев И.А. Развитие гидрологии суши в России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studylib.ru/doc/2102973/fedoseev-i.a.razvitie-gidrologii-sushi-v-rossii.-m.> (дата обращения 29.06.2022).

³ Рябцева Е. В Ярославле по Волге приплыло «ледяное сало» // КП. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yar.kp.ru/online/news/3754574/> (дата обращения 29.06.2022).

**Болото: толкование /
Swamp: interpretation**

Термин / Term	Слово в общелитературном языке ⁴ / Word of common language
В гидрологии: это природное образование с содержанием влаги не более 95 % и содержанием свободной влаги не менее 88 % ⁵	Топкое место со стоячей водой. <i>Торфяное болото</i>
В географии: болото — это избыточно увлажнённый с застойным водным режимом участок земли, на котором происходит накопление органического вещества в виде неразложившихся остатков растительности ⁶	Всё, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой деятельности и инициативы (разг.). <i>Обывательское болото</i>
В экологии: экосистема избыточного увлажнения, в которой в качестве детрита накапливается не гумус, как в почве, а торф — слабо перегнившие остатки растений ⁷	Нейтральная, неактивная часть какого-нибудь коллектива. <i>Болото в партии. Опportunистическое болото</i>

**Фото 1.** Ледяное сало. Александр Давидик**Photo 1:** Slush. Aleksandr Davidik

Источником пополнения терминосистемы могут быть диалектизмы. Термины *суводь*, *побочень*, *осерёдок* и некоторые другие также имеют диалектное происхождение. Так, вместо общеупотребительного *омут* для терми-

⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/44160.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵ Панов В.В. О разделении понятий «болото», «болото — водный объект» и «болотный водный объект» // Труды ИБВВ РАН. 2017. Вып. 79(82). С. 130–140.

⁶ Гидрология болот [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edu.kpfu.ru/mod/book/tool/print/index.php?id=278910> (дата обращения 29.06.2022).

⁷ Геологический словарь: в 2-х томах /Под редакцией К.Н. Паффенгольца и др. М.: Недра, 1978.

нологического обозначения водоворота в глубоком месте реки стал использоваться диалектизм *суводь*, зафиксированный в народных говорах нескольких регионов⁸.

Приведем пример трансформации связей внутри микрополя гидрологический режим в результате изменения значений лексических единиц, его составляющих. Названия фаз гидрологического режима: *межень*, *наводок*, *половодье* отражают их характеристики по трем признакам: высокий / низкий уровень воды и регулярность / нерегулярность, длительность / кратковременность: *меженью* называют период самого низкого уровня воды; *половодьем* — регулярный, сезонный длительный подъем уровня воды; *наводком* — внезапный кратковременный подъем уровня воды, не зависящий от времени года⁹.

По данным словарей В.И. Даля¹⁰ и М. Фасмера¹¹, терминоид *межень* еще в XIX в. употреблялся в других значениях, причем эти значения различались в донских, архангельских, олонецких и др. говорах. *Меженью* именовали жаркую пору середины лета и обычный уровень воды после спада весенних вод. Кроме слова *межень* бытовало *меженина* ‘засуха, недостаток’. Обратимся к словарям XX в.: словарь Д.Н. Ушакова указывает значения ‘средний уровень воды’ и ‘самый низкий уровень воды’¹². В словаре Т.В. Ефремовой зафиксировано современное значение ‘самый низкий уровень воды’¹³.

И.А. Федосеев констатирует, что с конца X в. повышение уровня воды в реках, нередко приводящее к катастрофическим последствиям, фиксировалось в летописях. Эти данные имеют научную ценность, хотя зачастую, летописцы не указывали конкретное место или время года, когда происходило подобное явление⁵³. Проанализируем некоторые примеры, представленные в исследовании «Развитие гидрологии суши в России» И.А. Федосеева. Так, новгородский летописец (1128 г.), не упоминая причины подъема уровня воды и связь этого явления с сезонными процессами, пишет: «бысть вода велика». *Вода велика* — пример терминоида

⁸ Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/42.pdf> (дата обращения 29.06.2022).

⁹ URL: <https://edu.kpfu.ru/mod/book/view.php?id=278876&chapterid=7710> (дата обращения 29.06.2022).

¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2: И–О. М.: Просвещение, 2008.

¹¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Том 2. Е—Муж. Около 4500 слов. М.: АСТ, 2009.

¹² *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/44160.html> (дата обращения: 30.05.2022).

¹³ *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 2. М—П. М.: АСТ, 2006.

с обобщенным, размытым значением. Это словосочетание можно было бы соотнести с одним из трех современных терминов: *паводок*, *половодье*, *наводнение*. Исходя из контекста, возможно, речь идет о неожиданном и обильном паводке. В Псковской летописи 1496 г. также упоминается *вода велика*, но так как есть указание *тоя же весна*, можно предположить что это было *половодье*. В источниках того времени употребляется также слово *поводь велика*: в Ипатьевской летописи 1146 г., по-видимому, в значении ‘паводок’, который последовал *дождю внезапну*. В Московской летописи 1496 г. выражение *поводь зело велика*, очевидно, нужно понимать как половодье: «...зима велми люта бысть, мразы быша и снегы, а на весне на Москве... поводь зело велика бысть»¹⁴.

Сравним: у В.И. Даля: *паводь, паводье, поводье, паводок* ‘внезапное наводнение от ливня ... не в половодье’. *Половодье* же у лексикографа толкуется как ‘вешняя или высокая вода’, указывается, что этот период следует за ледоходом. Следовательно, значения терминовидов *паводок/половодье* дифференцировались по признаку: периодичность — непериодичность уже в языке XIX в. Так, *паводок* — это внезапное природное явление, а *половодье* — регулярный, периодичный подъем воды, обязательно связанный с весенним сезоном¹⁵.

В XX в. происходит приращение семантических компонентов — длительность (*половодье*) и кратковременность (*паводок*). Так было закреплено противопоставление *межень — паводок* и *межень — половодье* по признаку низкий / высокий уровень воды. В современной гидрологической науке данные слова стали использоваться как термины, дифференциальный признак *весенний сезон* исчез у термина *половодье*, *летний сезон* исчез у термина *межень*. Приведем примеры из современных справочников: «Происхождение половодья может быть снегового и снеголедникового характера. В пределах русской равнины это обычно весна, в бассейне Амура — лето и осень»¹⁶. «Половодье на горных реках длится в течение 3–6 месяцев и в ледниковых бассейнах заканчивается в конце сентября — начале октября. На Кавказе ... продолжительность его изменяется от 100 дней ... до 180 дней»¹⁷.

¹⁴ Федосеев И.А. Развитие гидрологии суши в России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 28–29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studylib.ru/doc/2102973/fedoseev-i.a.razvitie-gidrologii-sushi-v-rossii.-m>. (дата обращения 29.06.2022).

¹⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 3: П—Р. М.: Славянский Дом Книги, 1998.

¹⁶ Экология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru-ecology/info/post103644804600051> (дата обращения 29.05.2022).

¹⁷ Водный режим [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://abratsev.ru/hydrosphere/regime.html> (дата обращения 29.06.2022).

Таким образом, лексические единицы *межень*, *паводок* и *половодье* за несколько веков прошли эволюционный путь от предтерминов к терминам.

Микрополе ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ представлено следующими оппозициями терминов:

межень / *половодье* — низкий / высокий уровень воды;
межень / *паводок* — низкий / высокий уровень воды;
половодье / *паводок* — регулярность / нерегулярность;
половодье / *паводок* — длительность / кратковременность.

В микрополе ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ входят также термины *ледоход* и *ледостав*, оппозиционные по признаку установление / вскрытие ледяного покрова. *Ледоход* и *ледостав*, с одной стороны, и *половодье*, *паводок*, *межень*, с другой стороны, противопоставлены по признаку обязательное / необязательное наличие ледяного покрова, хотя явления из обеих групп могут происходить одновременно: «Зимняя межень на реках континентального климата совпадает обычно с периодом ледостава»⁵³. Термины: *наводнение* — возможный вредоносный результат половодья или паводка, а также *затор* и *зажор* — негативные явления в период ледохода, — можно отнести к периферии данного микрополя и, вместе с тем, к ядрам терминопольей БЕЗОПАСНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ и ЗАЩИТА ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ.

Гидротехника, как и гидрология — область деятельности, имеющая тысячелетнюю историю. Гидротехнические сооружения известны с древности. Прототермины встречаются в письменных источниках начиная с XIII в. В летописях и других исторических документах упоминается сооружение *плотин*, *мельниц*, *запруд*, *оборонительных рвов* и *колодцев-тайников*, *прямизны* (канала для спрямления извилин реки Сухоны)¹⁸, а позже *водометов* (фонтанов)¹⁹.

В эпоху Петра I благодаря использованию изобретений западноевропейских инженеров, гидротехнический словарь пополнился новыми единицами: *канал*, *фонтан*, *шлюз*. Слова *канал*, *фонтан* и др. вошли в общелитературный язык и обогатились переносными значениями. Сравним значения термина *фонтан* и его лексико-семантического варианта в общелитературном языке: толкования словарей общеупотребительного языка объединяют два терминологических значения (см. Таблицу 3).

¹⁸ Федосеев И.А. Развитие гидрологии суши в России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 30–31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studylib.ru/doc/2102973/fedoseev-i.a.razvitie-gidrologii-sushi-v-rossii.-m>. (дата обращения 29.06.2022).

¹⁹ Livejournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sanchess-city31.livejournal.com/53211.html> (дата обращения 29.06.2022).

Таблица 3 / Table 3

Фонтан: толкование / Fountain: interpretation

Термин / Term	Слово общелитературного языка ²⁰ / Word of common language
В архитектуре: сооружение, служащее основанием или обрамлением для бьющих вверх или стекающих вниз струй. Декоративные оформленные фонтаны сооружались в античных, средневековых западноевропейских городах, в странах Ближнего и Среднего Востока, в Индии ²¹	Струя воды или иной жидкости, с силой выбрасываемая вверх или вытекающая из трубы под давлением
В гидротехнике: гидротехническое сооружение, в котором водные массы движутся по замкнутому или открытому контуру: кессон фонтана, насос фонтана ²²	Архитектурное сооружение, художественно обрамляющее бьющие вверх струи воды
В нефтяном деле: (нефтяной) фонтан. Способ подъема нефти и газа из скважины под воздействием забойного давления, которое превышает давление столба смеси, заполняющей скважину ²³	Устройство для подачи или для налива воды в такое сооружение.
	Неиссякаемая сила чего-либо
	Безудержное, непрекращающееся проявление чего-либо

В XX в. тезаурус гидротехнической терминологии пополнился единицами терминополья энергетики: *гидроэлектростанция, пруд-охладитель АЭС* и др. Проводились масштабные исследования роли водных объектов в экосистемах, и словарь обогатился терминами экологии, биологии, химии и других наук.

Пожалуй, наиболее активным процессом пополнения гидротехнического словаря можно считать деривацию.

Выделим следующие способы словообразования:

- приставочный: *впадать, вытекать*;
- суффиксальный: *меандрировать, старица, ледник, снежура*;
- приставочно-постфиксальный: *заиливаться, сливаться*;
- приставочно-суффиксальный (в том числе и с нулевой суффиксацией): *исток, приток, нанос, засоление, зарыбление*;

²⁰ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3. Р—Я. М.: АСТ, 2006.

²¹ ARCHITECTURE [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://architecture.slovaronline.com/519-FONTAN> (дата обращения 29.06.2022).

²² Малоэтажная страна [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://m-strana.ru/articles/ustroystvo-fontana/?utm_source=copy&utm_medium=direct&utm_campaign=copy_from_site (дата обращения 29.06.2022).

²³ Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bes/ФОНТАН> (дата обращения 29.06.2022).

- словосложение: *водосброс, ледостав, волнолом, шугоход*;
- комбинированные способы словообразования: *водослив, водосброс, водоподпорный, водополупроницаемый*.

Количественный анализ выборки показывает, что число иноязычных заимствований (*меандр, фарватер, дельта, дамба, полимер, дренаж* и т.п.) и слов с интернациональными словообразовательными элементами (*гидро-, электро-, мини-*) сравнительно невелико. В гораздо большей степени терминообразование в сфере гидротехники реализуется за счет кристаллизации значений предтерминов и прототерминов, метафоризации, а также деривационных возможностей русского языка, главным образом, словосложения. Будучи терминами, единицы языка гидротехники имеют строго определенные значения, однако, многие из них сохраняют следы семантических связей с прототерминами и словами, послужившими деривационным материалом. Чем «старше» область применения термина, тем сложнее и многограннее эти связи.

Заключение

Исследование гидротехнических терминов показало, что процесс становления терминологических единиц сложный, проходит в несколько этапов и в различной последовательности, например: от слова к термину (*река*); от термина к слову (*фонтан*). Общеупотребительное слово может со временем начать использоваться как прототермин, при этом общеупотребительный этимон может остаться в языке (*река*) или исчезнуть (*суводь*). Также активно происходит деривация (*водозабор*), однако заимствование терминов (*шлюз*) не является основным источником пополнения гидротехнической терминологии.

Сложность гидротехнической отрасли определила особую структуру терминосистемы, которая представляет собой полицентрическую структуру, состоящую из частично пересекающихся терминопольей. Наличие нескольких терминопольей, пересекающихся в ядерной или периферийной областях, создают систему с несколькими смысловыми центрами или ядрами, которую мы предлагаем называть полицентричной.

Еще одной особенностью системы гидротехнических терминов следует назвать размытость границ семантических полей, ее образующих: одна и та же единица может одновременно относиться к различным отраслевым терминопольям гидротехники, при этом значение термина может варьироваться: *болото* — экосистема (экология), *болото* — водный объект (гидрология), *болото* — участок земли (география). Кроме терминологического употребления, слово *болото* используется в общелитературном языке как в прямом, так и в переносном значении, которое к тому же сопровождается негативными коннотациями. Частотность подобных единиц, имеющих наряду с общеупотребительным терминологическое значение, в гидротехнике высока, что

объясняется в первую очередь историей отрасли, которая развивалась в соответствии с местным ландшафтом.

Деривационный анализ выявил, что терминосистема гидротехники пополняется в основном за счет собственных словообразовательных ресурсов русского языка и число заимствований в данной терминосистеме сравнительно невелико. Отбор и анализ лексики, относящейся к специальности «Гидротехническое строительство», позволил сформировать учебный тезаурус как основу текстов и упражнений учебного пособия для иностранных студентов (уровень В1+). Процесс обучения профессиональной коммуникации в рамках преподавания РКИ в российских вузах ориентирован на термины и терминосистемы языка специальности, на основе которых составляются программы и формируется учебный материал. Систематизация лексики, функционирующей в данной сфере, является необходимым этапом подготовки учебного пособия по русскому языку для иностранцев, изучающих специальность «Гидротехническое строительство». Анализ системы гидротехнических терминов представляется важным и имеет практическое значение.

Библиографический список

1. Вюстер Э. Международное нормирование технического языка, особенно в электротехнике. Реф. в кн. // Русско-германский вестник науки и техники. 1932. №3. С. 51. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/4796-russko-germanskiy-vestnik-nauki-i-tehniki-1932-n-vyp-1-2-3-4-5-6#mode/inspect/page/11/zoom/4> (дата обращения 29.06.2022).
2. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики 1967. М.: Наука, 1968. С. 103–125.
3. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. 1939. Т. V. С. 3–54.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004.
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008.
7. Татарinov В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006.
8. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
9. Лейчик В.М. Проблема системности в отечественном терминоведении // Научно-техническая терминология (научно-реф. сборник). Вып. 2. М., 2001. С. 54–55.
10. Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989.
11. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар: Изд-во Кубанского гос мед ин-та, 1998.
12. Сербиновская Н.В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009.
13. Денико Р.В., Щитова О.Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №3 (27). С. 104–109. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.14>

14. Сулейманова А.К. Особенности терминологического словообразования (на материале терминов нефтяного дела) // Актуальные проблемы современного словообразования. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией Л.А. Араевой. Кемерово, 2009. С. 133–139.
15. Попов Р.В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Северодвинск, 2003.
16. Батюшкина М.В. Юрико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>
17. Perfilieva N., Galankina I., Novospasskaya N. Russian as the second language: teaching beginners medical terminology and language for special purposes // INTED2019 Proceedings. Valencia, 2019. Spain. P. 2392–2397. <https://doi.org/10.21125/inted.2019.0658>
18. Морозова Л.А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004.
19. Морозова Л.А. Теория и практика построения терминологических полей // Терминоведение. 1996. № 1–3.
20. Иванова Е.В. Терминологическое поле «аффинаж» в современном русском языке // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 210–213.
21. Польщикова О.Н., Польщикова А.К., Деев А.В. Системность терминологии отрасли электросвязи // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28. Выпуск 36. С. 24–28.
22. Абдурахманова А.З. Методика лингвистического моделирования предметной области «Строительство» (на материале английских и русских терминов) // Вестник ЮурГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 3. С. 61–68.
23. Solovieva A.A., Galankina I.I., Lukyanchenko M.V., Artyukhova N.S., Tsibizova O.V. Problems of teaching professional communication to chinese hydrotechnical engineering students // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. European Publisher, 2021. P. 317–327. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.38>
24. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009.
25. Сиротинина А.Ю. Специфика состава молодой терминосистемы на примере терминологии перфузиологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 24–34.

References

1. Wüster, Eu. (1932). Internationale Sprachnormung in der Technik, besondere in uder Elektrotechnik. Ref. Buchen. *Deutsch—Russische Zeitschrift für Wissenschaft und Technologie*, 3, 51. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/4796-russko-germanskiy-vestnik-nauki-i-tehniki-1932-n-vyp-1-2-3-4-5-6#mode/inspect/page/11/zoom/4> (accessed: 29.06.2022).
2. Reformatsky, A.A. (1968). The term as a member of the lexical system of the language. In: *Problems of structural linguistics 1967*. Moscow: Nauka. pp. 103–125. (In Russ.).
3. Lotte, D.S. (1961). *Fundamentals of construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
4. Vinokur, G.O. (1939). On some phenomena of word formation in Russian technical terminology. *Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature*, 3, 54. (In Russ.).
5. Akhmanova, O.S. (2004). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: URSS. (In Russ.).
6. Grinev-Griniewicz, S.V. (2008). *Terminology studies*. Moscow: Academy. (In Russ.).
7. Tatarinov, V.A. (2006). *General terminology: encyclopedic dictionary*. Moscow: Moskovskiy litsey. (In Russ.).
8. Danilenko, V.P. (1977). *Russian terminology. The experience of linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

9. Leychik, V.M. (2001). The problem of consistency in domestic terminology. In: *Scientific and technical terminology*. Vol. 2. Moscow. pp. 54–55. (In Russ.).
10. Superanskaya, A.V. (1989.). *General terminology. Theory questions*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Kazarina, S.G. (1998). *Typological characteristics of industry terminologies*. Krasnodar: Kuban State university Publ. (In Russ.).
12. Serbinovskaya, N.V. (2009). The terminological field “Marketing” in Russian. Novocherkassk. (In Russ.).
13. Deniko, R.V. & Shchitova, O.G. (2015). Formal Variability of Terms in the Sphere of Network Technologies. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3 (27), 104–109. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.14> (In Russ.).
14. Suleymanova, A.K. (2009). Osobennosti terminologicheskogo slovoobrazovaniya (na materiale terminov neftyanogo dela). *Aktualnyye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Pod obshchey redaktsiyey L.A. Arayevoy. (In Russ.).
15. Popov, R.V. (2003). *Russian sports terminology (on the basis of the basketball terminology system)* [dissertation]. Severodvinsk. (In Russ.).
16. Batyushkina, M.V. (2021). Legal and linguistic uncertainty of terms and norms of Russian laws. *Russian Language Studies*, 19(2), 138–154. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154> (In Russ.).
17. Perfilieva, N., Galankina, I. & Novospasskaya, N. (2019). Russian as the second language: teaching beginners medical terminology and language for special purposes. In: *INTED Proceedings*. Valencia. pp. 2392–2397. <https://doi.org/10.21125/inted.2019.0658>
18. Morozova, L.A. (2004). *Terminology: fundamentals and methods*. Moscow: Prometej. (In Russ.).
19. Morozova, L.A. (1996). Theory and practice of constructing terminological fields. *Terminology*, 1–3. (In Russ.).
20. Ivanova, E.V. (2012). Terminological Field “AFFINAGE” in the Modern Russian Language. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (52), 3, 210–213. (In Russ.).
21. Polshchikova, O.N., Polshchikova, A.K. & Deyev A.V. (2017). Systemicity of the Telecommunication Industry Terminology. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya: Gumanitarnye nauki*, 28(36), 24–28. (In Russ.).
22. Abdurakhmanova, A.Z. (2015). Linguistic Modeling Technique of the Subject Field “Civil Engineering” (on the Basis of English and Russian Terminological Units). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 12(3), 61–68.
23. Solovieva, A.A., Galankina, I.I., Lukyanenko, M.V., Artyukhova, N.S. & Tsibizova, O.V. (2021). Problems of teaching professional communication to chinese hydrotechnical engineering students. In: *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference*. European Publisher. pp. 317–327. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.38>
24. Leichik, V.M. (2009). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
25. Sirotinina, A.Yu. & Tsvetkova, I.V. (2017). Linguistics Peculiarities of Perfusion Terminology. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 4, 24–34.

Сведения об авторах:

Галанкина Инна Ивановна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева; e-mail: galankina@rgau-msha.ru

ORCID: 0000-0003-2702-0581, SPIN-код: 8372-9707.

Перфильева Наталия Владимировна, к.филол.н, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов; *e-mail*: perfileeva-nv@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1018-809X>, SPIN-код: 5097-4564.

Цибизова Оксана Владимировна, к.филол.н, доцент, и.о. заведующего кафедрой русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева; *e-mail*: cibizova_o@rgau-msha.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0674-7140>, SPIN-код: 8545-5800.

Information about the authors:

Inna I. Galankina, Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Subjects, Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev; *e-mail*: galankina@rgau-msha.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2702-0581>, SPIN- code: 8372-9707.

Natalia V. Perfilieva, Candidate of Philological Sciences, Associate-Professor of the General and Russian Linguistics Department, People's Friendship University of Russia; *e-mail*: perfileeva-nv@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1018-809X>, SPIN-code: 5097-4564.

Oksana V. Tsibizova, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Russian as a Foreign Languages and General Theoretical Disciplines, Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev; *e-mail*: cibizova_o@rgau-msha.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0674-7140>, SPIN-code: 8545-5800.



МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-750-768

UDC 81'23'27:316.7

Research article / Научная статья

Polycode as a Strategic Resource of Intercultural Communication

Tatiana Yu. Tameryan¹  , Irina A. Zyubina² , Marina R. Zheltukhina³ ¹North Ossetian State University,


44–46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Russian Federation, 362025

²Southern Federal University,

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006

³Volgograd State Socio-Pedagogical University,

27, Lenin Ave., Volgograd, Russian Federation, 400005

 tamertu@mail.ru

Abstract. The study discusses the application of adaptive strategies in the process of cultural integration under the conditions of multilingualism, taking into account the dynamics of aggregation of foreign cultural elements in the linguistic consciousness of foreigners. The study was carried out in an interdisciplinary plane, integrating the developments of psycholinguistics, communication theory, linguoculturology and sociolinguistics. The work is based on the basic methods of conducting a free associative experiment, lexico-semantic analysis of the received reactions, contextual analysis and interpretation of verbal associations, interlingual comparison techniques, conceptual modeling techniques and linguistic and cultural commentary. The relevance of the research is due to the importance of the interactive interaction of languages and cultures that form the civilizational communicative space. The novelty of the undertaken research is related to the identification of the role of the multilingual cultural landscape as a translator of ethnic and national values by scanning the slices of the introduction of foreign cultural language segments into the linguistic consciousness of foreign students. The article is aimed at monitoring the multilingual diversity and the strategic repertoire of learning new foreign languages in the multicultural environment of the host country based on the data obtained as a result of a free associative experiment using the «adaptation in the country and region of education» stimulus. The results of the study indicate that the reactions to a complex stimulus obtained in a phased experiment made it possible to identify a core universal for the phased dynamics of adaptation in the structure of the field model of the associative layer of the concept and describe the content of cognitive features formed by the reactions. The analysis of verbal representations demonstrated the motivation for the use of communicative response strategies by foreigners and the specifics of embedding in a foreign cultural environment.

© Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Zheltukhina M.R., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Key words: intercultural communication, polycode, multilingualism, adaptation, associative experiment, conceptual modeling, communication strategy

Financing. Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 20-512-07003.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Tameryan, T.Yu., Zyubina, I.A. & Zheltukhina, M.R. (2022). Polycode as a Strategic Resource of Intercultural Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 750—768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-750-768>


Поликодовость как стратегический ресурс межкультурной коммуникации

Т.Ю. Тамерьян¹  , И.А. Зюбина² , М.Р. Желтухина³ 

¹Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

²Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

³Волгоградский государственный социально-педагогический университет 400005, Российская Федерация, Волгоград, пр. Ленина, 27

 tamertu@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются вопросы применения адаптивных стратегий в процессе культурной интеграции, протекающей в условиях многоязычия с учетом динамики агрегации инокультурных элементов в языковое сознание иностранцев. Проведено интердисциплинарное исследование, интегрирующее наработки психолингвистики, теории коммуникации, лингвокультурологии и социолингвистики, с опорой на базовые методики проведения свободного ассоциативного эксперимента, лексико-семантический анализ полученных реакций, контекстуальный анализ и интерпретацию вербальных ассоциаций, приемы межязыкового сравнения, технику концептуального моделирования и лингвокультурного комментирования. Актуальность изыскания обусловлена значимостью интерактивного взаимодействия языков и культур, формирующих цивилизационное коммуникативное пространство. Новизна принятого исследования связана с выявлением роли полилингвокультурного ландшафта как транслятора этнических и национальных ценностей посредством сканирования срезов внедрения инокультурных языковых сегментов в языковое сознание иностранных студентов. Предложено проведение мониторинга полиязычного разнообразия и стратегического репертуара освоения новых иностранных языков в поликультурной среде принимающей страны в опоре на данные, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента с использованием стимула «адаптация в стране и регионе получения образования». Результаты исследования свидетельствуют о том, что реакции на сложный стимул, полученные при поэтапном эксперименте, позволили выявить универсальное для поэтапной динамики адаптации ядро в структуре полевой модели ассоциативного пласта концепта и описать наполнение когнитивных признаков, формируемых реакциями. Анализ вербальных репрезентаций продемонстрировал мотивировку использования коммуникативных стратегий реагирования иностранцами и специфику встраивания в инокультурную среду.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, поликодовость, полилингвизм, адаптация, ассоциативный эксперимент, концептуальное моделирование, коммуникативная стратегия

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003.

Для цитирования:

Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Zheltukhina M.R. Polycode as a Strategic Resource of Intercultural Communication // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 750—768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-750-768>

Introduction

Since the time of the Soviet Union, the Russian education has been recognized to be meeting the highest international standards. And until now, it has remained attractive not only for young people from the states of the post-Soviet space, but also for representatives of the far abroad. One of the largest flows of applicants is noted from India, a state which traditionally interstate relations have been maintained with at various levels. Getting an education in a foreign country is associated with objective conditions for expanding the cultural and linguistic landscape, which encourages building intercultural communication in the natural environment and incorporating foreign cultural segments into the worldview [1].

The globalizing and general civilizational potential of the Russian language serves as a guide of multiculturalism, an aggregator of multicultural values and a link of the ethno-socio-cultural post-Soviet and intercultural space. In terms of the number of speakers in the world, the Russian language ranks the eighth one, and the fourth one in terms of its status in international organizations [2. P. 1195–1196]. The growing importance of ethnic languages, which have the status of a second state language in each region, increases the parameters of multicultural diversity in the complex interconnectedness of world languages and cultures.

Bibliographic review

Knowledge of the national language of a host country is one of the most important factors that contribute to intercultural adaptation [3–5]. A significant number of works are devoted to identifying stereotypes about the Russians and Russia in the linguistic consciousness of foreigners [6–9].

In modern interdisciplinary research, psycholinguistic expertise techniques serve as a powerful tool for penetrating into individual, group and collective linguistic consciousness, among which various types of associative experiments are the most in demand [10–17]. A number of studies reflect the specific features of the

individual's worldview verbalization when teaching the language of a host country to foreign students [18–22].

The studies of E.I. Goroshko, V.A. Pishchalnikova, Yu.A. Borisova, Z.M. Khizroeva are devoted to a detailed consideration of the conditions for conducting various types of psycholinguistic experiments, the selection of respondents, the criteria of analysis and the methods of interpretation of the results obtained [23–26].

The problems of the functioning of bilingualism and the specifics of the implementation of communicative tasks in various types of discourse through the Russian and Ossetian language codes were raised in the works of scientists [27]. In recent communicative research on the problems of the post-Soviet language space and the functional potential of the Russian multilingual landscape, the issue of pragmatics of switching language codes has been put on the agenda [28–31].

Material and research methods

The material for the study is the data obtained as a result of conducting three stages of an associative experiment among 400 male and female Indian students aged from 18 to 28 years. The first group consisted of foreign students of the first and second years of study, taking into account the preparatory department (2019–2022), the second — the third and fourth years of study (2017–2019), the third — the fifth and sixth years of study (2015–2017). The students were asked to give answers in English, Russian, Ossetian or other languages, depending on the degree of proficiency, to the stimulus “adaptation in the country and region of education.”

The undertaken research is based on the method of the free associative experiment, contextual analysis and interpretation of verbal associations, methods of conceptual modeling and linguistic and cultural commentary, code switching technique and analysis of communicative strategies in polylingualism, since the Hindus operate with a certain set of native and state languages, have multi-level knowledge of the English and Russian languages.

The purpose of the study is to identify the dynamics and trends of multicultural adaptation of foreign students based on the analysis of associates received for the declared stimulus.

Results and discussion. Stimulus analysis «adaptation in the country and region of education» (Eng.) // «адаптация в стране и регионе получения образования» («adaptatsiya v strane i regione polucheniya obrazovaniya» – Rus.) is based on a macrostructural model of the concept of the same name, the core zone of which is the encyclopedic component and the field of interpretation, expressed by the zone of value judgments. Nuclear reactions identified step by step during the experiment amounted to 2150 reactions.

The first stage of the experiment (1st and 2nd years of study)

Cognitive feature «food» (397).

English-language reactions (353):

*I mostly buy Indian spices for food; I never tried any Ossetian food; Here we eat **mayk**. In India, we call it shawarma; I buy things in **bazar**, like carrots, potatoes, tomatoes, parsley and some spices; I cook rice, chicken gravey, egg gravey; I miss mostly here Indian dishes like our **chay**, samosa, jalebi, egg rolls, litti chokha and spices; First ossetian food I ate was **kartochka** and **pure**; We eat at KFC and Burger King; bland food; ossetian pies; The spices in the markets are very expensive; alcohol; They ate many different soups; Now I eat some Russian dishes.*

Russian-language reactions (41):

The Russians drink tea without milk — *Ruskiye chay bez moloka p'yut*; The cook in the hostel prepares Indian dishes — *Povar v obshchezhitii gotovit indiytskiye blyuda*; I cook my own food — *Ya sama gotovlyu yedu*; I brought spices from India and cook Indian dishes — *Ya privezla spetsii iz Indii i gotovlyu indiytskiye blyuda*; The spices here are of poor quality — *Spetsii zdes' plokhogo kachestva*; I eat at Pizza and at Burger King — *Ya yem v Pizza i v Burger King*; there are no Indian fruits such as guava, jackfruit, sapodilla — *net indiytskikh fruktov, takikh kak guava, dzhekfrut, sapodilla*; Russian people drink a lot of beer — *Pivo mnogo p'yut ruskiye lyudi*; There are no products for cooking national food — *Net produktov dlya prigotovleniya natsional'noy pishchi*; I ate Russian fish (herring), potatoes — *Ya yel russkaya ryba (selodka), kartoshka*; I buy Indian spices — *Ya pokupayu indiytskiye spetsii*; No Indian spices in a shop — *Net indiytskiy spetsi v magazin*.

Ossetian-language reactions (3).

Ossetian pie with potato filling — *kartofchyn*.

Cognitive feature «cultural events» (316).

English-language reactions (298):

On our Diwali holiday we are not allowed to use fireworks and this is a big problem; There are no difficulties regarding the celebration of our national festivals; Woman's day; Victory day; 9 May; Russia has very different cultures, some cultures are similar to India.

Russian-language reactions (18):

We celebrate Indian Independence Day and Republic Day in our hostel — *My prazdnuyem Den' nezavisimosti Indii i Den' Respubliki v nashem obshchezhitii*; I miss our festivals and culture — *Ya skuchayu po nashim festivalyam i kul'ture*; Christmas — *Rozhdestvo*; Christmas party — *Rozhdestvenskaya vecherinka*; New Year — *Novyy god*; New Year on the 31st — *Novyy god 31-go chisla*; I know about the Russian New Year and Orthodox Christmas — *Ya znayu pro russkiy Novyy god i pravoslavnoye Rozhdestvo*;

Day of the soldiers — *Den' soldat*; Russia Day *Den' Rossii*; Ossetian Victory Day — *Den' Pobedy Osetii*. I love traditional Ossetian dances — *Ya lyublyu traditsionnyye osetinskiye tantsy*; They have a unique culture — *U nikh unikal'naya kul'tura*; I attended concerts where I could get acquainted with the culture, life and traditions of North Ossetia — *Ya pobylval na kontsertakh, gde smog poznamomit'sya s kul'turoy, bytom i traditsiyami Severnoy Osetii*; I really like Russian culture — *Mne ochen' nravitsya russkaya kul'tura*; there are few festivals — *malo festivaley*; Russian culture has a long and rich history, steeped in literature, ballet, painting and classical music — *Russkaya kul'tura imeyet dolguyu i bogatuyu istoriyu, propitannuyu literaturoy, baletom, zhivopis'yu i klassicheskoy muzykoy*; interesting culture and traditions — *interesnaya kul'tura i traditsii*; Ossetian dance — *osetinskiy tanets*.

Ossetian-language reactions (0).

Cognitive feature «communication problems» (190):

English-language reactions (154):

(The) Russian language is difficult. Some teachers don't understand me because I don't know Russian. Very few people speak English well. Russians don't know that much English. Very few of them know English language. Everything is easy, except the Russian language.

Russian-language reactions (36):

The Russians don't know English — *Russkiye ne znayut angliyskiy yazyk*; I don't understand what the Russians and Ossetians are saying because they speak fast — *Ya ne ponimayu, chto russkiye i osetiny govoryat, potomu chto oni govoryat bystro*; I do not know Russian well, so now I have some difficulties — *Ya plokho znayu russkiy yazyk, potomu seychas u menya vznikli nekotoryye trudnosti*; I love the rise of the Ossetian language — *Obozhayu voskhozhdeniye osetinskogo yazyka*; Poor knowledge of the Russian language is my big problem — *Plokhoye znaniye russkogo yazyka — eto moy bol'shaya problema*.

In the initial period of the language adaptation, as evidenced by the analysis of the received reactions, the Indians used only the English language code or provided a translation of English-language answers into Russian through an electronic translator, which in some cases led to a distortion of the meaning of the statement: *Ya skuchayu po nashim festivalyam* (instead of *prazdnikam*; under the influence of English *festival* “festival, holiday”). Literal translation: «*Russkaya kul'tura imeyet dolguyu i bogatuyu istoriyu, propitannuyu literaturoy, baletom, zhivopis'yu i klassicheskoy muzykoy*»; the original: “Russian culture has a long and rich history, steeped in literature, ballet, painting and classical music”.

The indicators of the start of the process of assimilation of individual Russian lexemes were the insertion of the Russian onyms transliterated in Latin into the sentences in English: *I buy things in bazar*; *I like our chay*; *I ate kartuchka* and *pure (pyure)*. The word *mayk* is recorded as the first Russian-language lexical interference: *Here we eat mayk*.

The following example of fossilization (persistent spelling errors) is the most frequent for all types of surveys among Hindus: lit. transl. «*Obozhayu voskhozhdeniye Osetinskogo yazyka*»; the original — “I like the **ascent** of the Ossetian language”. After correcting the spelling, the semantic integrity of the alleged statement was restored: “I like the **accent** of the Ossetian language” («*Mne nravitsya osetinskoye proiznosheniye*»).

There are attempts to descriptively renominate words that have not yet taken root in the Indian lexicon — *russkaya ryba* — Russian fish (instead of “herring”); simplified spelling of frequent lexemes of household subjects in the Ossetian language — *kartofchyn* instead of *kartofdzhyn* “Ossetian pie with potato filling”. There are examples of constructing sentences in Russian according to the English syntactic structure: *Net indijskiy spetsi na rynok*.

Sociocultural aspects of the adaptation of foreign students are primarily due to the need to adjust to a different food scenario with its characteristic synergy of the Russian and Ossetian food cultures in the North Caucasus. Indian students of the first year of study do not yet differentiate between the Ossetian and Russian cuisines, considering potatoes to be an Ossetian dish. The avoidance strategy due to the rejection of other people’s eating behavior manifests itself in isolationism, fear of integration and is compensated to some extent by visiting international fast food chains — KFC, Pizza and Burger King. On the other hand, the underlying reasons for such preferences are the lack of brightness and richness of food in Russia, in contrast to the Indian national cuisine.

The students of the initial period of study consider the Russian cuisine to be tasteless — “*bland food*”. They face difficulties in acquiring authentic Indian spices and are in dire need of the national fruit. Since the Indians who come to Russia, as a rule, come from poor families who also pay for education, they assess the level of residence in the country of study as excessively high.

Attitudes towards alcohol are different in the states of India, since some of them have introduced a “dry law”. Even taking into account the fact that beer is the most common drink in their homeland, the Indians note the excessive, from their point of view, consumption of strong alcoholic beverages and beer in Vladikavkaz.

Accepting and understanding the ethnic richness of the Russian culture, the Indians experience psychological stress due to the lack of festivals and the ritualized component of life with numerous national holidays.

Cultural diversity, with its inherent traditional diversity of languages in India, includes widespread proficiency in English, including its pidginized variant — mixtures of English, Hindi and other Indian languages and dialects. In this regard, passive or insufficient knowledge of English in Russia, despite the fact that a significant part of lectures for foreigners is given in English, complicates the inclusion of the Indians in the educational process. The reluctance at the initial stage of stay in Russia to actively learn the languages of the host country is fully consistent with the initial stage of the general psychological theory of migrants’ adaptation.

Understanding the dependence of academic success on the range of an individual language repertoire is still double-valued; on the one hand, the Russians do not speak English well enough, on the other hand, there is an awareness of their own problems in mastering the state language of another country.

The Indians are gradually included in the cultural context of the host country: in the mental construct “*Russia and the Russians*” the layer “*North Ossetia and the Ossetians*” is singled out in the process of getting to know the traditional culture of the Ossetians. Not all all-Russian and Ossetian holidays are differentiated in the new picture of the students’ world: there is a contaminated formation of the *Victory Day of Ossetia* and a simplification of the *Day of the Soldier* instead of the *Day of the Defender of the Fatherland*.

New Year celebration in India can take place four times a year; depending on the state, it falls on March 26, April 13–14, March 10, or Deepavali Day in November, so celebrating *New Year* in Russia *on the 31st* is a new experience for the Indians.

The second stage of the experiment (3 and 4 years of study)

Cognitive feature «food» (305).

English-language reactions (169):

The food is different. There are very tasty Ossetian pies. Some foods are not available on the market. They drink a lot of tea instead of water. The food is totally different.

Russian-language reactions (121):

Food in Ossetia is not as tasty as in India, it’s very bland — *Yeda v Osetii ne takaya vkusnaya, kak v Indii, ochen’ presnaya*; Here, most of the food is cooked only in boiling water and with a small amount of spices — *Zdes’ bol’shaya chast’ yedy gotovitsya tol’ko v kipyatke i s nebol’shim kolichestvom spetsiy*; Here the food is not spicy — *Zdes’ yeda ne ostraya*; For food, I buy eggs, bread, butter and milk for breakfast — *Dlya yedy ya pokupayu yaytsa, khleb, maslo i moloko na zavtrak*; I buy flour, rice, vegetables. Here they drink tea without milk — *Ya pokupayu muku, ris, ovoshchi. Zdes’ p’yut chay bez moloka*; There are no Indian products in the market — *Na rynke net indiysskikh produktov*; Fast food in Russia is different — *Fastfud v Rossii drugoy*.

Ossetian-language reactions (15):

Osset. bread (*dzul*); Osset. *sækaer* «sugar»; Osset. *harbyz* «watermelon»; Osset. *sudzag* «bitter»; *ualibah* («Ossetian pie with cheese filling»); *fychik* («Ossetian pie with meat filling»); *kabuskachyn* («Ossetian pie with cabbage»).

Cognitive feature «communication problems» (265).

English-language reactions (130):

Now I can speak language and adapted to this environment; I understand lectures in Russian; I like to speak Russian.

Russian-language reactions (122):

The Russians speak very fast — *Russkiye govoryat ochen' bystro*; I already speak Russian well because my Russian friends understand me — *ya uzhe khorosho govoryu po-russki, potomu chto moi russkiye druz'ya ponimayut menya*; There is a difference in languages in the city — *Yest' raznitsa v yazykakh v gorode*; a respectful form of greeting and a form of greeting for friends — *uvazhitel'naya forma privetstviya i forma privetstviya dlya druzey*; I remember some phrases — *Ya zapominayu nekotoryye frazy*; When I can't **speak** a new word, Russian people help me, they understand me — *Kogda ya ne mogu **govorit'** novoye slovo, russkiye lyudi pomogayut mne, oni ponimayut menya*; The Russian language is very difficult, but now I have adapted and understand it well — *Russkiy yazyk ochen' trudnyy, no seychas ya adaptirovalsya i khorosho ponimayu yego*; There are many different languages here that I don't understand — *Zdes' mnogo raznykh yazykov, kotoryye ya ne ponimayu*; In the market, people use a different language — *Na rynke lyudi ispol'zuyut drugoy yazyk*; I really like the Ossetian language — *Osetinskiy yazyk ochen' nravitsya mne*.

Mixed Russian-Ossetian reactions (13), of which there are 9 pure Ossetian reactions:

I remember some phrases, such as — *Ya zapominayu nekotoryye frazy, takiye, kak: my heart — moyo serdtse* (Osset. *mæ zærdæ*); *Tsas kany?* (“How much is?”); I do not understand the Ossetian language, only some words, for example, Ossetian. *Salam!* “Hello!”, *Agas tsu!* (“Hello!”), *buznyg* “Osset. thanks”, *Kuyd u?* Osset. How are you?”, *mbal* (Osset. æmbal “friend”), *fsymar* (Osset. æfsymær “brother”); I can say the words *hadzar* (Osset. hædzar “house”), *fændag* (Osset. “road”, *zymæg* (Osset. “winter”, *læg* (Osset. “man”).

Cognitive feature «cultural events» (232).

English-language reactions (114):

Russian people love Indian culture, old Indian movies and music; I celebrate all national holidays in Vladikavkaz and I know many Ossetian holidays; I like Victory Day and the day of different nationalities in Vladikavkaz.

Russian-language reactions (99):

Caucasian dance, maybe I'm wrong in the name, but I have seen this traditional dance many times *сам (simd)* — *Kavkazskiy tanets, mozhет byt' ya oshibayus' v nazvanii, no ya videl mnogo raz etot traditsionnyy tanets sam (simd)*; so many words of welcome and cultural words — *tak mnogo slov privetstviya i kul'turnykh slov*; I like Ossetian dances and clothes — *Mne nnavyatsya osetinskiye tantsy i odezhda*; I like literature and science — *Mne nnavitsya literatura i nauka*; Here people love their culture and language. They have little fun at the holidays — *Zdes' lyudi lyubyat*

svoyu kul'turu i yazyk. Oni malo veselyatsya na prazdnikakh; There is little use of fireworks here — *Zdes' malo ispol'zuyut feyerverki*; I drew attention to the cultural program — *Ya obratil vnimaniye na kul'turnuyu programmu*; Caucasian dances, Ossetian pies — *kavkazskiy tantsy, osetinskiye pirogi*; I saw their dances and traditional clothes — *Ya videl ikh tantsy i traditsionnaya odezhda*; Valery Gergiev — *Valeriy Gergiyev*; grove Khetag (a sacred place for the Ossetians) — *roshcha Khetaga (svyashchennoye mesto dlya osetin)*; I went to the museum and saw the culture of the Ossetians there — *Ya khodil v muzey i videl tam kul'turu osetin*; interesting wedding traditions and beautiful costumes — *interesnyye traditsii svad'by i krasivyye kostyumi*; May 9, Victory Day — *9 maya, Den' pobedy*; Day of the city — *Den' goroda*; Saint Khetag day — *den' svyatogo Khetaga*; There are few sacred religious rites and traditions in Vladikavkaz — *Malo svyashchennykh religioznykh obryadov i traditsiy vo Vladikavkaze*; Teacher's Day — *Den' uchitelya*; Russian New Year — *Russkiy novyy god*; Christmas and February 23 — *Rozhdestvo i 23 fevralya*; Easter — *Paskha*; Russia Day and Victory Day, Women's Day. I celebrate all holidays — *Den' Rossii i Den' Pobedy, Zhenskiy den' . Ya prazdnuyu vse prazdniki*.

Ossetian-language reactions (19):

New Year — *Nog az; simd* (the name of the Ossetian dance); *kaft* (Osset. iron. “Ossetian dance”).

The intermediate stage of the foreign students' adaptation is characterized by the desire to expand the practice of communication in Russian, the knowledge of which increases the effectiveness of the socio-cultural integration of the foreign students and their self-esteem.

Examples of resorting to a translation strategy are minimized. The mental lexicon is replenished with Ossetian words and expressions that are repeated in communicative situations of communication, found on signs, advertisements or price tags in stores, in the Russian transliteration or a simplified spelling: *Tsas kany?* instead of Osset. *Tsas kaeny?* “How much is it?”; *kabuskachyn* instead of Osset. *kabuskaadzhyn* “Ossetian pie with cabbage”; *fychik* instead of Osset. *fydzhyn* “Ossetian pie with meat filling”; **sam** instead of Osset. and Russian **simd** “national dance”. As the following study confirms, the leading channel for the perception of the foreign language speech among the Indian students is the auditory one. The statement cited by the respondents as a reaction to the stimulus is a clear confirmation of the conclusion made: <...> *maybe I am mistaken in the name of the dance, but I have seen this traditional dance many times myself (simd) — mozhet byt', ya oshibayus' v nazvanii tantsa, no ya videl mnogo raz etot traditsionnyy tanets sam (simd)*.

The inclusion of the foreign students in the context of the Russian-Ossetian bilingualism in situations of everyday and interpersonal communication is due to the fact that the Indians audibly differentiate dialects of the Ossetian language. Among the names of everyday foodstuffs in the Ossetian language freely used

by the Indians are *dzul* “bread”, *sækær* “sugar”, *ualibakh* (instead of the Ossetian *uælibækx*) “Ossetian pie with cheese filling”; there is a lexeme *harbyz* “watermelon”, which the informants associate with cognates in Hindi *tarbuuz* “watermelon” and *kharbuuzaa* “melon” in the Slavic transcription.

Ossetian greeting formulas — *Salam!* “Hello!”, *Agas tsu!* (Osset. *Ægas tsu!* “Hello!”), *Kuydu?* “How are you?” — and the appeal to a man in North Ossetia *fsymar* (Osset. *æfsymær* “brother”) in the respondents’ answers testify to the coincidence of family values among the Indians and Ossetians. The analyzed associates mark the depth of the process of adaptation of the Hindus to the pragmatics of the socio-communicative system in Vladikavkaz.

The factor of a long stay in a new socio-cultural environment actualized the adaptive mechanisms of anticipation among the Indians as representatives of a low-context and polychronic culture. While maintaining the unconditional priority of their own identity with its inherent values, the Indians state differences in habits and traditions (neutral appraisal) and positively evaluate the features of the Russian and Ossetian cultures that appeal to the representatives of India as a multilingual and multicultural state. The greatest admiration of the Indians is caused by the national and ethnic holidays, as well as by the fact of many years of friendship between India and Russia.

Fast food in Russia was one of the disappointments for the Indians, since the international fastfood system in India, on the one hand, is focused on traditional food preferences — fried dough with sauces and seasonings, on the other hand, various types of local food, national fast food. Reaction *sudzag* “Osset. bitter, peppery” among the above associates is not accidental: the Indians tend to share cooked dishes with neighbors, teachers, classmates who characterize the Indian food as too peppery with the word *sudzag*.

Knowledge of cult characters of world culture, Ossetians by origin (Valery Gergiev), the names of the Russian and Ossetian holidays and participation in them during university events or communication with classmates demonstrates a significant integration of Russian and Ossetian worldviews into the mentality of the students from India.

The third stage of the experiment (5th and 6th years of study)

Cognitive feature «food» (156).

Russian-language reactions (92):

I cook various Indian dishes myself — *Ya gotovlyu sam raznyye indijskiye blyuda*; Sometimes I buy pies with potatoes or cabbage — *Inogda ya pokupayu pirozhki s kartoshkoy ili kapustoy*; Ossetian cheese is very tasty — *Osetinskiy syr ochen' vkusnyy*; Sometimes we make Maggi soup, add rice or something else — *Inogda my delayem sup Maggi, dobavlyayem ris ili chto-to yeshche*;

Here caviar is very expensive and the Russians eat it raw — *Zdes' ikra ochen' dorogaya i russkiye yeye yedyat v syrom vide*; Our people do not eat fish caviar, they allow them to be fish — *U nas lyudi ne yedyat ryb'yu ikru, oni pozvolyayut im byt' ryboj*.

Ossetian-language reactions (64):

tsakharajyn (“Ossetian pie with beet leaves”); *adjin* (“Osset. sweet”); I like *tsikht* “Ossetian cheese” with bread — *Ya lyublyu tsykht «osetinskiy syr» s khlebom*.

English-language reactions (0).

Cognitive feature «communication problems» (106):

Russian-language reactions (72):

I understand some Ossetian words — *Ya ponimayu nekotoryye osetinskiye slova*.

Ossetian-language reactions (34):

ahuyrmæ (“to the study”); *khakhta* (*khækhtæ* “mountains”); *tsomut* (“let’s go”); *Tsas kæny?* (“How much is it?”); *dzuryn* (“to speak”); *Uary* (“It’s raining”); *iu* (“one”); *dyuuæ* (“two”); *ærtæ* (“three”); *nom* (“name”); *zymæg* (“winter”).

Mixed Russian-Ossetian reactions (14), of which there are 5 pure Ossetian reactions:

There are many common words in Hindi and Ossetian, such as harbyz (“Osset. watermelon”), *das* (Osset. *dæs* “ten”), *nana* (“Osset. grandmother”) — *Yest' mnogo obshchikh slov v khindi i osetinskom, takiye kak, kharbyz* («Osset. *arbuz*»), *das* (Osset. *dæs* «*desyat*»), *nana* («Osset. *babushka*»); *I immediately remembered the words dokhtyr and horz* (“Osset. good”) — *Ya srazu zapomnil slova dokhtyr* («Osset. *vrach*») *i khorz* («Osset. *khoroshiy*»); *A shop is called* (in Vladikavkaz) *dukani* — *Magazine nazyvayetsya* (vo Vladikavkaze) *dukani*.

Cognitive feature «cultural events» (183).

Russian-language reactions (119):

Nart epic — *Nartskiy epos*; Alans — *alany*; City of dead — *gorod mertvykh*; Kosta Khetagurov — *Kosta Khetagurov*; I saw Ossetian dances on Mira Avenue — *Ya videl osetinskiye tantsy na prospekte Mira*; Independence Day — *Den' nezavisimosti*; Russia Day — *Den' Rossii*; City Day (Vladikavkaz) — *Den' goroda* (Vladikavkaza).

Ossetian-language reactions (64):

khongæ (the name of the national Ossetian dance); *K'ona* (musical group of Ossetian chants and musical instruments); *Dzheorguyba* (“Ossetian holiday in honor of St. Uastirdzhi — the patron of men and travelers”); *Cherysty rygas!* (“Christ is Risen!”); *Nog azy horzæx uæ uæd!* (“Happy New Year!”).

English-language reactions (0).

With a deeper acquaintance with the language area of North Ossetia, the Indian students realized the closeness of Hindi and Ossetian as the languages of the Indo-Iranian branch, which gave rise to the strategy of language comparison as a technique for memorizing new words. The students stated that the semantics and / or Slavic graphics and the pronunciation of a number of words in Hindi and Ossetian are almost similar. For example, there are such lexemes as *dæs / das* “Osset., Hind. ten”, *nana* “Osset. grandmother” / “Hind. maternal grandfather”, *dada* “Hind. paternal grandfather” / “Osset. elderly man, grandfather”, *baba* “Osset. grandfather” / “Hind. a respectful form of address to the father and elderly respected men”. The Indians easily memorize multilingual cognate words: Osset. *dokhtyr* / Rus. *doktor* / English *doctor*, Osset. *nom* “name” / Eng. *name*; Osset. *khorz* / Rus. *khoroshiy* “good”; Osset. *dyuuæ* / Rus. *dva* “two”; Osset. *zymæg* / Rus. *zima* “winter”.

The effectiveness of the foreign students’ integration into the bilingual socio-cultural environment of Vladikavkaz is evidenced by the functional use of the Russian language, a more detailed acquaintance with the Ossetian history and art, the use of the ritual Christian exclamation *Chyrysti raygas!* “Christ is Risen!” and congratulatory formula *Nog azy horzæh uæ uæd!* “Happy New Year!” in Ossetian; as well as the inclusion in the lexicon of everyday colloquial expressions: *tsumut* “let’s go”; *Tsas kæny?* “How much is it?”; *ahuyrmæ* “to the study”; *Uary* “It’s raining.” It should be noted that the climate in North Ossetia seems to be quite humid for the Indians.

A kind of shock for the Indians was their acquaintance with such cultural gaps as red and black caviar, which the Russians eat, since, on the one hand, the salmon does not spawn in Indian waters, and, on the other hand, it is not customary for the Indians to eat caviar, as it seems to them to be a “raw” form.

While studying in Vladikavkaz, it is especially popular the Ossetian cheese *tsikht*, due to the similarity of taste with the product added to most Indian dishes. In this regard, Ossetian pies with cheese (*uælibækh*), as well as with cheese and beet leaves (*tsækhærajyn*) have expanded the food picture of the world of the foreign students.

The Ossetian word *adjyn* “sweet” was fixed in the lexicon of the Indians thanks to the comments of their friends and acquaintances in Vladikavkaz, whom they treated to national desserts, extremely sugary and sweet, according to the inhabitants of Vladikavkaz.

Conclusion

Summing up the final results of the study, we note that the students from India have shown strategic flexibility, integrating into the unique cultural and linguistic landscape of the North Ossetian region. The dynamics of adaptation began with the methods of translation from international English into Russian to maintain communication at the first stage of education and reached the inclusion in the Russian-Ossetian bilingualism at the third stage of education, i.e. the fifth or sixth years of stay in the republic. The basis for deepening the language resources and

expanding the codes of the communicative repertoire was linguistic kinship, reliance on the auditory channel for the perception of someone else's speech, and individually applied interlingual comparison techniques.

Thus, the core of the associative layer of the concept “adaptation in the country and region of education” was made up of the cognitive features “food”, “cultural events” and “communication problems”. The most frequent reactions are for the nuclear feature “food” (858 in total) — 46% — 397 reactions (1st stage of training), 36% — 305 reactions (2nd stage of training), 18% — 156 reactions (3rd stage of training). The second position with the lowest frequency in the core is occupied by the cognitive feature “cultural events” (731 in total) — 43% — 316 reactions (1st stage of training), 32% — 232 reactions (2nd stage of training), 25% — 183 reactions (3 learning stage). The third position in terms of the frequency of reactions is occupied by the cognitive feature “communication problems” (561 in total) — 34% — 190 reactions (stage 1 of training), 47% — 265 reactions (stage 2 of training), 19% — 106 reactions (stage 3 training).

The largest number of reactions are presented in English (1218 in total) — 66% — 805 reactions (1st stage of training), 34% — 413 reactions (2nd stage of training), 0% — 0 reactions (3rd stage of training). The number of answers in Russian and their lexical and grammatical characteristics increase as it is mastered (total — 720) — 13% — 95 reactions (1st stage of training), 47% — 342 reactions (2nd stage of training), 52% — 283 reactions (3rd stage of training). The smallest number of reactions was recorded in the Ossetian language as a regional component (154 in total) — 2% — 3 reactions (1st stage of training), 31% — 47 reactions (2nd stage of training), 67% — 104 reactions (3rd stage of training).

At the first stage of learning, English dominates — 89% (805 reactions), an insignificant number of learned Russian lexemes is recorded — 10.97% (95 reactions) and background perception of Ossetian — 0.03% (3 reactions). At the second stage of training, English also remains the basic language — 48% (413 reactions), but the number of reactions in Russian increases significantly — 40% (342 reactions) and answers in the Ossetian language increase — 12% (104 reactions). The third stage of learning is characterized by complete adaptation to the Russian-speaking environment, which has manifested itself as the absence of reactions in English — 0% (0 reactions), the predominance of answers in Russian — 95% (283 reactions) and the further inclusion of the Ossetian language in the multilingual set of Indians — 5% (104 reactions).

References

1. CEP — Council of Europe Portal. [Electronic resource] URL: <https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/forms-of-linguistic-integration> (accessed: 09.01.2022).
2. Egorov, V.G. (2021). Russian Language in the Global Linguocultural Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1189–1215. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215> (In Russ.).

3. Korotova, I.A. & Polyakov, D.D. (2015). The concept of multilingualism as a strategy for language policy and foreign language education in Europe. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 1, 54–60. (In Russ.).
4. Chebotareva, E.Ju. (2011). Intercultural Adaptation to Russia of Students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 3, 6–11.
5. Ardila, A., Maslova, O.V. & Novikova, I.A. (2019). Development and psychometric verification of the scale of acculturation of foreign students to Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16, 3, 393–415. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415> (In Russ.).
6. Isurin, L. (2021). Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals. *Russian Journal of Linguistics*, 25, 4, 908–930. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930>
7. Protassova, E., Suryanarayan, N. & Yelenevskaya, M. (2021). Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics*, 25, 4, 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
8. Tameryan, T.Yu., Popova, T.G., Redkozubova, E.A., Anikeeva, I.G., Sedlyarova, O.M. & Solovieva, N.S. (2019). Feminine perspective of ethnic business communication. *Espacios*, 40 (34), 18.
9. Tameryan, T.Yu., Zyubina, I.A. & Dzhigkaeva, A.V. (2021). Thematic Representation and Linguo-Cognitive Structure of the Businesswoman Image from the Perspective of Gender-professional Axiology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (4), 1216–1235. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1216-1235>
10. Adamova, Z.G. (2005). Associative experiment as a method of researching ethnic identity. *Vestnik MSLU. Linguistic consciousness and culture. Series: Linguistics*, 511, 5–10. (In Russ.).
11. Pishchalnikova, V.A., Panarina, N.S. & Stepykin, N.I. (2019). *Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics*. Moscow: R-Valent. (In Russ.).
12. Vinogradova, O.E. (2016). *Psycholinguistic methods in the description of the semantics of the word*. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
13. Garbar, I.L. (2009). Experimental study of linguistic consciousness: methodology for the analysis of associative fields. *Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 43–46. (In Russ.).
14. Gorodetskaya, L.A. (2002). Association experiment in communication research. In: *Collection of scientific papers "Communication Theory & Applied Communication"*. Rostov-on-Don: IUBiP. pp. 28–37. (In Russ.).
15. Goroshko, E.I. (2001). *Integrative model of free associative experiment*. Moscow; Kharkov: RA Caravella publ. (In Russ.).
16. Mironova, N.I. (2014). Association experiment: methods of data analysis and analysis based on a universal schema. *Journal of Psycholinguistics*, 2(14), 108–119. (In Russ.).
17. Khlopova, A.I. (2019). Associative experiment as a method of establishing a change in the connotation of the basic value. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 9, 1 (30), 80–86. (In Russ.).
18. Vorozhbitova, A.A., Konovalova, G.M., Ogneva, T.N. & Chekulaeva, N.Y. (2017). Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions. *European Journal of Con-temporary Education*, 6(2), 328–340. <https://doi.org/10.13187/ejced.2017.2.328>
19. Bashieva, S.K., Shogenova, M.Ch. (2020). Russian language as a factor in the formation of a linguistic personality in a multi-ethnic environment. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1, 204–211. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-204-211> (In Russ.).
20. Mathis, B.J., Mayers, T., Miyamasu, F. (2022). English as a Vocational Passport: Japanese Medical Students and Second Language Learning Motivation. *Educ. Sci.*, 12, 8. <https://doi.org/10.3390/educsci12010008>

21. Lin, S.E., Kuan, K.L. & Chang, K.L. (2022). Attitudes and cross-cultural differences of UCSI university undergraduates towards multicultural group work. *International Journal of Instruction*, 15(1), 21–38. <https://doi.org/10.29333/iji.2022.1512a>
22. Rahman, F., Mahmud, I., Jiang, B. & Sarker, K. (2022). Extending the theory of planned behavior: a case of learning Chinese as a third language. *International Journal of Instruction*, 15(1), 945–964. <https://doi.org/10.29333/iji.2022.15154a>
23. Goroshko, E.I. (2005). The problem of conducting a free associative experiment. *News of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, 3, 53–61. (In Russ.).
24. Pishchalnikova, V.A. (2020). An experimental psycholinguistic study of the meaning of a word: unsolved problems. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 1, 17–29. (In Russ.).
25. Borisova, Yu.A. (2019). Associative experiment in modern psycholinguistic research. *Psychology. Historical-critical reviews and contemporary research*, 8, 1–1, 265–275. (In Russ.).
26. Khizroeva, Z.M. (2008). Associative experiment as a method of assessing the level of proficiency in a foreign language. *Izvestiya DGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 3, 14–19. (In Russ.).
27. Tameryan, T.Y., Zheltukhina, M.R., Anikejeva, I.G., Arkhipenko, N.A., Soboleva, E.I. & Skuybedina, O.N. (2020). Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse. *Opcion*, 36, Special Edition 26, 456–475.
28. Rusan, A.V. (2016). Mixing and switching speech codes of Czech emigrants. *International research journal*, 6 (48–4), 56–60. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.167> (In Russ.).
29. Zheltukhina, M.R., Klushina, N.I., Ponomarenko, E.B., Vasilkova, N.N. & Dzyubenko, A.I. (2017). Modern Media Influence: Mass Culture — Mass Consciousness — Mass Communication. *XLinguae*, 10 (4), 96–105. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.04.09>
30. Martyanov, D., Gorobets, V., Galiullin, K., Gorobets, E. & Tameryan, T. (2019). Thesaurus of neurolinguistic terms: Baseline characteristics. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*, 11, 8 Special Issue, 1787–1790.
31. Datiyeva, Ya.V. & Tameryan, T.Yu. (2021). Language Transfer: Dominant Channels in Perception. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 195–208. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-195-208> (In Russ.).

Библиографический список

1. СЕР — Council of Europe Portal [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/forms-of-linguistic-integration> (дата обращения: 05.02.2021).
2. Егоров В.Г. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1189–1215. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215>
3. Коротова И.А., Поляков Д.Д. Концепция многоязычия как стратегия языковой политики и иноязычного образования в Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 54–60.
4. Chebotareva E.Ju. Intercultural Adaptation to Russia of Students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2011. № 3. P. 6–11.
5. Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 393–415. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415>

6. *Isurin L.* Does language transfer explain it all? The case of first language change in Russian-English bilinguals // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 908–930. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-908-930>
7. *Protassova E., Suryanarayan N., Yelenevskaya M.* Russian in the multilingual environment of three Asian countries // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
8. *Tameryan T.Yu., Popova T.G., Redkozubova E.A., Anikeeva I.G., Sedlyarova O.M., Solovieva N.S.* Feminine perspective of ethnic business communication. *Espacios*. 2019. Vol. 40. № 34. P. 18.
9. *Tameryan T.Yu., Zyubina, I.A., Dzhigkaeva A.V.* Thematic Representation and Linguo-Cognitive Structure of the Businesswoman Image from the Perspective of Gender-professional Axiology // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. № 4. P. 1216–1235. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1216-1235>.
10. *Адамова З.Г.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования этнической идентичности // *Вестник МГЛУ. Языковое сознание и культура. Серия: Лингвистика*. 2005. Вып. 511. С. 5–10.
11. *Пищальникова В.А., Панарина Н.С., Степыкин Н.И.* Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р-Валент, 2019.
12. *Виноградова О.Е.* Психолингвистические методики в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016.
13. *Гарбар И.Л.* Экспериментально исследование языкового сознания: методология анализа ассоциативных полей // *Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 2. С. 43–46.
14. *Городецкая Л.А.* Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // *Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация»*. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. С. 28–37.
15. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Москва; Харьков: РАКаравелла, 2001.
16. *Миронова Н.И.* Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // *Вопросы психолингвистики*. 2014. № 2 (14). С. 108–119.
17. *Хлопова А.И.* Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // *Известия ЮгоЗападного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 80–86.
18. *Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y.* Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. № 6(2). P. 328–340. <https://doi.org/10.13187/ejced.2017.2.328>
19. *Башиева С.К., Шогенова М.Ч.* Русский язык как фактор формирования языковой личности в полиэтнической среде // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. № 1. С. 204–211. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-204-211>
20. *Mathis B.J., Mayers T., Miyamasu F.* English as a Vocational Passport: Japanese Medical Students and Second Language Learning Motivation // *Education Science*. 2022. № 12. P. 8. <https://doi.org/10.3390/educsci12010008>.
21. *Lin S.E., Kuan K.L., Chang K.L.* Attitudes and cross-cultural differences of UCSI university undergraduates towards multicultural group work // *International Journal of Instruction*. 2022. № 15(1). P. 21–38. <https://doi.org/10.29333/iji.2022.1512a>.
22. *Rahman F., Mahmud I., Jiang B., Sarker K.* Extending the theory of planned behavior: a case of learning Chinese as a third language // *International Journal of Instruction*. 2022. № 15(1). P. 945–964. <https://doi.org/10.29333/iji.2022.15154a>
23. *Горошко Е.И.* Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки*. 2005. № 3. С. 53–61.

24. Пищальникова В.А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. № 1. С. 17–29.
25. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. № 8 (1–1). С. 265–275.
26. Хизроева З.М. Ассоциативный эксперимент как метод оценки уровня владения иностранным языком // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2008. № 3. С. 14–19.
27. Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Anikejeva I.G., Arkhipenko N.A., Soboleva E.I., Skuybedina O.N. Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse // *Opcion*. 2020. Т. 36. Special Edition 26. С. 456–475.
28. Русан А.В. Смешение и переключение кодов речи чешских эмигрантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6 (48–4). С. 56–60. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.167>
29. Zheltukhina, M.R., Klushina, N.I., Ponomarenko, E.B., Vasilkova, N.N. & Dzyubenko, A.I. (2017). Modern Media Influence: Mass Culture — Mass Consciousness — Mass Communication // *XLinguae*. № 10 (4). P. 96–105. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.04.09>
30. Martyanov D., Gorobets V., Galiullin K., Gorobets E., Tameryan T. Thesaurus of neurolinguistic terms: Baseline characteristics // *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2019. № 11. 8 Special Issue. P. 1787–1790.
31. Датиева Я.В., Тамерьян Т.Ю. Межъязыковая интерференция: доминантные каналы перцепции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 195–208. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-195-208>.

Information about the authors:

Tatiana Yu. Tameryan, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University; *Research interests*: general and comparative linguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics, anthropological linguistics, theory of discourse and intercultural communication; *e-mail*: tamertu@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus Author ID: 57110384400.

Irina A. Zyubina, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University; *Research interests*: pragmalinguistics, theory of language, theoretical grammar, theory of speech acts, sociolinguistics, theory of discourse, semantics; *e-mail*: iazyubina@sfsedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017; Scopus Author ID: 57194704279.

Marina R. Zheltukhina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University; *Research interests*: socio-, psycho- and pragma linguistics, cognitive linguistics, political, business, advertising discourse and media discourse, theories of influence, manipulation, verbal and nonverbal suggestiveness, theory of the comic (humor, irony, satire, sarcasm), cultural semiotics, gender studies, cultural anthropology, intercultural communication, educational innovations, judicial linguistic examination; *e-mail*: zzm@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7680-4003; Researcher ID: A-7301-2015; Scopus Author ID: 56669701900

Сведения об авторах:

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет; *научные интересы*: общее и сравнительное языкознание, когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса и межкультурная коммуникация; *e-mail*: tamertu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus Author ID: 57110384400.

Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет; *научные интересы*: прагмалингвистика, теория языка, теоретическая грамматика, теория речевых актов, социолингвистика, теория дискурса; *e-mail*: iazyubina@srfedu.ru
ORCID ID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017; Scopus Author ID: 57194704279.

Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; *научные интересы*: социо-психо- и прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, политический, деловой, рекламный дискурс и медиадискурс, теории воздействия, манипуляции, вербальной и невербальной суггестивности, теория комического (юмор, ирония, сатира, сарказм), семиотика культуры, гендерология, культурная антропология, межкультурная коммуникация, образовательные инновации, судебная лингвистическая экспертиза; *e-mail*: zzmr@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7680-4003; Researcher ID: A-7301-2015; Scopus Author ID: 56669701900



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783

УДК 81'22'27:316.77:004:76

Научная статья / Research article

Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении

Е.А. Кольцова¹  , Ф.И. Карташкова² 

¹Санкт-Петербургский горный университет,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, д. 2

²Ивановский государственный университет,
153025, Российская Федерация, Иваново, ул. Ермака, д. 39

 elena.a.koltsova@gmail.com

Аннотация. Технологические изменения и развитие цифровых средств коммуникации привели к формированию особой семиотики в цифровой сфере, отличающейся мультимодальным характером и включающим помимо прочего такие паралингвистические знаки как эмодзи, эмодзи, эмодзи, мемы и др., которые выступают своего рода компенсаторным механизмом в новых реалиях коммуникативного взаимодействия. Повышенный интерес пользователей к различным иконическим знакам в цифровом общении вызывает значительный интерес исследователей самых разных областей научного знания. Цель исследования заключается в рассмотрении когнитивной, семиотической и психолингвистической природы эмодзи в рамках межличностного взаимодействия путем анализа их функционирования в текстах быстрых сообщений и постах в соцсетях, а также в попытке выявить механизмы их воздействия на адресата. Материалом исследования послужили англоязычные, русскоязычные и франкоязычные поликодовые тексты быстрых сообщений в различных мессенджерах и в постах в сети Интернет, а также общедоступные публикации в социальных сетях и рассылки рекламного характера. Исследование проводилось с помощью методов контекстуального, лингво-прагматического и контент-анализа. В ходе исследования было установлено, что эмодзи в рамках межличностной коммуникации выполняют функции невербальной составляющей общения, эмотивную, прагматическую, пунктуационную, заместительную, декоративную и риторическую функции. Данные символы, вводимые в контекст цифрового общения, служат помимо компенсаторного механизма и как средство воздействия на адресата, реципиента сообщения. Слияние вербальной и иконической составляющих запускает механизм двойного фокусирования, при котором восприятие обеспечивается всеми когнитивными механизмами, с подключением рациональной и эмоционально-бессознательной составляющих.

© Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: иконические знаки, эмодзи, цифровая семиотика, манипулятивные тактики, мультимодальная коммуникация, поликодовый текст, цифровая коммуникация

Участие авторов:

Кольцова Е.А. — концепция исследования, сбор и обработка материалов, написание текста; Карташкова Ф.И. — научное редактирование текста.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 769—783. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783>

Digital Communication and Multimodal Features: Functioning of Emoji in Interpersonal Communication

Elena A. Koltsova¹  , Faina I. Kartashkova² 

¹Saint Petersburg Mining University,
2, 21st Line, St Petersburg, Russian Federation, 199106

²Ivanovo State University,
39, Ermaka st., Ivanovo, Russian Federation, 153025

 elena.a.koltsova@gmail.com

Abstract. Technical advances and digital means of communication have led to the development of digital semiotics which is characterised by its multimodality and abounds in paralinguistic elements such as emojis, emoticons, memes, etc. These extralinguistic elements serve as a compensatory mechanism in the new communication means. The increasing interest of users in various iconic signs and symbols generates the research interest in different fields of knowledge. The study aims to consider cognitive, semiotic and psycholinguistic features of emojis in interpersonal communication through analysing their functions in text messages and in social network messages. An attempt to reveal their persuasive mechanism is made. The research is based on a large scale dataset comprised of the private text messages as well as public posts on social networks which include verbal and nonverbal / iconic elements. The research data presents a multilingual bank of English, Russian and French sources. The research methods include context analysis, linguistic and pragmatic analysis and content analysis. The findings show that emojis in private interpersonal communication perform a number of functions, namely nonverbal, emotive, pragmatic, punctuation, substitutional, decorative and rhetorical functions. These iconic symbols incorporated in the interpersonal digital communication present a compensatory mechanism and the means of persuasion of a message addressee / recipient. The combination of verbal and iconic elements triggers a double focusing mechanism, and the perception is shaped by all cognitive mechanisms including rational and emotional, unconscious components.

Key words: iconic symbols, emoji, digital semiotics, manipulative techniques, multimodal text, digital communication

Author contributions:

Elena A. Koltsova — the concept of the study, the collection and processing of materials, writing the text; Faina I. Kartashkova — Scientific editing of the text.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Koltsova, E.A. & Kartashkova, F.I. (2022). Digital Communication and Multimodal Features: Functioning of Emoji in Interpersonal Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 769—783. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783>

Введение

Технологический прорыв последних десятилетий быстро и кардинально изменил как мир вокруг нас, так и способы и характер нашего взаимодействия, создав новые беспрецедентные возможности и средства для коммуникации. Большая часть межличностного общения переместилась в область письменного общения в социальных сетях и мессенджерах, где помимо непосредственных собеседников к процессу коммуникации подключается своеобразный посредник в виде цифровых средств коммуникации. Разделяющий коммуникантов экран способен несколько менять иллюкутивную силу речевого акта.

Данные изменения привели к формированию социальной семиотики в цифровой сфере (digital semiotics), отличающейся мультимодальным характером и включающей помимо прочего такие паралингвистические знаки, как эмодзи, эмотиконы, мемы и др., которые выступают своего рода компенсаторным механизмом в новых реалиях коммуникативного взаимодействия. Из всего перечисленного именно эмодзи продолжают оставаться в фокусе весьма пристального внимания исследователей самых разных областей знания: лингвистов, психологов, антропологов, культурологов, маркетологов, ученых в области семиотики и информационных технологий. При этом ученые полагают, что в силу своего прагматического значения данные параграфические знаки необходимо «понимать в лингвистических, а не экстралингвистических терминах» [1. С. 250]. Цель данной статьи заключается в рассмотрении когнитивной, семиотической и психолингвистической природы эмодзи путем анализа их функционирования в текстах быстрых сообщений и постах в соцсетях, а также в попытке выявить механизмы их воздействия на адресата.

Определение понятия и обзор литературы

Прежде всего, определим исследуемое понятие «эмодзи». В переводе с японского языка, которому оно обязано своим появлением, эмодзи (emoji) обозначает ‘picture character’, то есть является словом-картинкой, представляя собой изображение, визуализирующее разнообразные человеческие эмо-

ции, невербальные действия человека, объекты, артефакты и т.д. Такой широкий спектр представления наряду со скоростью ввода, выразительностью и более глубоким уровнем идентификации, по нашему мнению, послужил залогом более успешного и широкого распространения эмодзи по сравнению с другими семиотическими параграфемными знаками, например, эмотиконами и мемами, что подтверждается статистическими данными целого ряда исследователей [2–6].

Внезапное появление и стремительное распространение эмодзи, по мнению известнейшего канадского специалиста в области семиотики Марселя Данези, может свидетельствовать о начавшейся эволюции самой системы человеческого общения [7]. Первый когнитивный сдвиг (*first cognitive shift*) произошёл, по версии исследователей, приблизительно в 1000 до н.э. при переходе от пиктографического типа письма к логографическому, идеографическому или алфавитному письму [8]. Прослеживая эволюцию и функциональные особенности письменности, М. Данези высказывает предположение о том, что мы, возможно, стоим на пути второго когнитивного парадигматического сдвига, характеризующегося своеобразным «возвращением» пиктографического-логографического типа письма, соединённого с письмом алфавитным. Ученый называет его гибридным типом — *hybrid / blended writing system* — что, в свою очередь, может являться фактором значительного изменения человеческого сознания, переходом от линейного способа обработки информации к более целостному, образному способу мышления. Если эмодзи или подобные элементы коммуникации не окажутся преходящим трендом, то человечество может подойти ко второму когнитивному сдвигу в своей истории [7].

В зарубежной практике уже существует значительное количество разноаспектных исследований эмодзи, актуальность изучения которых продиктована в том числе и статистическими данными — 92% пользователей сети Интернет и различных мессенджеров используют эмодзи [9]. Количество исследовательских статей, посвящённых изучению эмодзи, согласно анализу, проведённому группой ученых из Китайского народного университета в Пекине, начиная с 2015 г. увеличилось во много раз [3], особенный всплеск внимания к данному феномену наблюдается в последние три года. Исследования проводятся в основном в междисциплинарном русле, объединяя области компьютерных наук, рекламы и маркетинга, лингвистики, психологии, поведенческих наук, политологии, права, медицины и других. Ученые применяют эмпирический анализ данных, отмечая индивидуально-личностные [10; 11] и национально-специфичные, культурные [12–17] особенности использования эмодзи, гендерные сходства и различия [5; 18–20], а также специфику восприятия эмодзи пользователями, связанную с разными онлайн-платформами [6].

Аспекты функционирования эмодзи, визуальные особенности данных знаков, их выразительная модальность, отличная от текста и изображений,

привлекают внимание различных исследователей. Изучение проводится с точки зрения их популярности и привлекательности для пользователей и соответствующей оптимизации компьютерных и нейронных систем [21; 22], а также для анализа данных пользовательского контента, разработки различных алгоритмов и моделей, позволяющих проводить более эффективный анализ тональности текста в социальных сетях [23], для определения настроения и эмоций пользователей в рекламных, маркетинговых [24; 25], политических [26] и иных целях. Контролирующая появление и использование новых эмодзи ассоциация Unicode постоянно отслеживает динамику использования тех или иных эмодзи для ввода новых единиц.

Эмодзи играют немаловажную роль в привлечении внимания в сфере маркетинга. Исследователи применяют различные лингвистические теории, преимущественно из области риторики, для изучения характера воздействия эмодзи на потребителя, стимулирования взаимодействия с потенциальным покупателем и повышения его заинтересованности в покупке. Доминирующая роль эмодзи в выражении эмоционального состояния в цифровой коммуникации делает их эффективным инструментом для отслеживания и измерения эмоций пользователя по отношению к продуктам, брендам и услугам [27–29].

В области поведенческих наук исследования эмодзи сосредоточены в основном на трех аспектах: мотивации использования данных знаков, предпочтениях в выборе тех или иных эмодзи и факторах, влияющих на этот выбор. Среди основных мотивирующих причин использования эмодзи называются управление и поддержание межличностных отношений [30], самовыражение [10], утверждение самоидентичности [11], облегчение межличностного общения [31]. Психологические исследования рассматривают взаимосвязь между индивидуальными психологическими характеристиками и использованием эмодзи, а также возможность внедрения их в психометрические шкалы в качестве новых инструментов психологического измерения [32]. Помимо этого существуют работы в области образования, изучающие влияние эмодзи на эффективность обучения, вовлеченность в учебный процесс и рефлексивность [33].

Ряд семиотических исследований относится к правовой сфере, а именно разбору случаев судебных тяжб, в которых истинные интенции и мотивы обвиняемых трактовались через эмодзи, сопровождавшие их текстовые сообщения в социальных сетях и мессенджерах, адресованные жертвам или потерпевшим [7].

В рамках лингвистической науки исследования сосредоточены на прагматических функциях эмодзи [2; 34] и анализе потенциальной возможности того, что данные знаки и символы могут стать независимым универсальным языком в силу своих семантических свойств [23]. Проводится попытка выделения различных речевых актов в рамках межличностного общения через мессенджеры, в которых чаще всего встречаются эмодзи, преимущественно антропоморфные по своему визуальному представлению.

Основная отличительная особенность предпринятого нами исследования видится в обобщенном анализе роли эмодзи в цифровой коммуникации и попытке выявления воздействующего механизма данного феномена.

Методы и материал

Материалом исследования послужили англоязычные, русскоязычные и франкоязычные поликодовые тексты быстрых сообщений в различных мессенджерах и постах в сети Интернет, анализируемые с разрешения контактов автора исследования, а также общедоступные публикации в социальных сетях и персональные рассылки рекламного характера. Общий объем фактического материала составил 3500 единиц (сообщений, постов, рассылок). Исследование проводилось с помощью методов контекстуального, лингво-прагматического и контент-анализа.

Функции эмодзи в цифровой межличностной коммуникации

Широкое использование и растущая популярность эмодзи в цифровой коммуникации объясняется, на наш взгляд, теми психологическими и социальными функциями, которые они стали выполнять в коммуникации. Отметим при этом, что с развитием электронных технологий и расширением возрастных рамок участников электронного общения расширяются и меняются функции, выполняемые данными паралингвистическими знаками [35].

С одной стороны, эмодзи является пиктографическим способом выражения умонастроения, помогая выражать эмоциональное состояние, эмпатию, «я» говорящего более эффективно в условиях электронной коммуникации, которую отличает ряд особенностей, в частности ограничения, связанные с невозможностью видеть собеседника. Эмодзи добавляют эмоции обычным текстовым сообщениям и в отличие от предшествовавших им эмотиконов позволяют передать целый спектр эмоций от простых улыбок или хмурого выражения лица до сарказма, удивления, возмущения и пр. Символ обладает довольно мощным коммуникативным потенциалом, способным эффективно передавать несоизмеримо большее содержание, нежели любой другой знак. При этом в пространстве Интернета эмодзи, благодаря своему универсальному характеру, способны преодолевать кросс-культурные границы и создавать диалоговое пространство среди носителей как одного языка, так и на международном уровне.

Анализ фактического материала, определенный для исследования, позволил выделить ряд функций, выполняемых данными параграфемными знаками в цифровой коммуникации, а именно: функцию невербальной со-

ставляющей коммуникации, эмотивную, прагматическую, пунктуационную, заместительную, декоративную и риторическую.

Прежде всего, эмодзи выполняют *невербальные коммуникативные функции*. Неформальное письменное общение в сфере цифровой коммуникации представляет определенные сложности. Без дополнительной информации, передаваемой тоном голоса и языком тела при личном общении, пользователи социальных сетей и мессенджеров не всегда могут верно интерпретировать информацию, упуская из вида сарказм друг друга, юмор, и неверно истолковывают предполагаемую эмоцию или иллокутивное намерение. Подобно невербальным подсказкам при личном общении, эмодзи помогают прояснить намерения в неоднозначном контексте, выразить соответствующие ситуации эмоции и, следовательно, повысить эффективность коммуникативного акта. Примерами могут служить следующие примеры виртуальной коммуникации, где эмоциональная составляющая, передаваемая через паралингвистический семиотический знак, является определяющей для верной интерпретации высказывания (рис. 1):



Рис. 1. Функция невербального компонента коммуникации

Fig. 1. Emoji as a nonverbal component of communication

В таких коммуникативных ситуациях наиболее употребляемыми оказываются эмодзи, передающие то или иное выражение лица и определенную эмоцию. Они же, согласно статистическим данным, являются наиболее популярными и употребляемыми среди всех прочих символов [36]. Выражение лица считается одним из самых важных сигналов в человеческом общении. По данным исследователей, люди с рождения предпочитают выражения лица другим типам стимулов [37; 38]. Лицо является одним из наиболее заметных и сложных источников информации об эмоциональном состоянии человека. Человеческие лица интегрируются в процессы понимания и интерпретации во время социальных взаимодействий и общения. По мнению исследователей, большинство людей обладает способностью обрабатывать передаваемую лицом информацию с помощью определенных механизмов через сложную нейронную сеть [39–41]. Данные факты свидетельствуют

о необходимости восполнения с помощью эмодзи образовавшихся в новом типе коммуникации лакун.

Кроме того, функцию невербальной коммуникации выполняют и разнообразные жестовые эмодзи, символизирующие части тела человека. Такие символы, как одобрение, неодобрение, жест ОК, скрещенные пальцы, символизирующие удачу, сжатый кулак и т.д. восполняют недостаток жестовой составляющей, возникшей в цифровой письменной коммуникации.

Эмодзи, таким образом, позволяют нивелировать двусмысленность дискурса. Однако их использование представляет, безусловно, более продуманное поведение по сравнению с традиционным личным общением, в котором эмоции являются более спонтанными и неконтролируемыми.

Помимо этого рассматриваемые иконические знаки выполняют *эмотивную* функцию. Сопровождение текстового сообщения тем или иным антропоморфным символом позволяет адресанту более точно и многогранно выразить свои эмоции в условиях цифрового общения. При этом эмотивная функция реализуется не только с помощью антропоморфных символов, как в описанном выше случае с невербальной функцией. Различного рода артефакты также способны передать умонастроение и эмоциональный настрой собеседника (рис. 2):

If you're in need of a fun night out, look no further 🍷🌟

Рис. 2. Эмотивная функция эмодзи

Fig. 2. Emotive function of emojis

Эмодзи подчас используются даже изолированно, без вербального сопровождения. Пользователи утверждают, что в некоторых ситуациях им проще подобрать соответствующий символ-картинку чем слова, чтобы передать свои чувства и эмоции [36]. И если более примитивный способ выражения эмоций с помощью эмотиконов не позволял в полной мере передать свои ощущения, то яркие картинки-символы, представляющие целую гамму чувств, способны восполнить нехватку зрительного контакта и придать сообщению эмоциональность и выразительность живого общения. Для усиления эмоционального эффекта и интенсификации значения часто применяется возможность удвоения, утроения и т.д. символа, а также каскад эмодзи (рис. 3). Данные иконические знаки позволяют установить необходимый эмоциональный тон, передать соответствующее настроение.

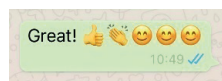


Рис. 3. Каскад эмодзи

Fig. 3. Emoji chain

Третьей выделенной функцией является *прагматическая* функция. Эмодзи обладают потенциалом передавать весь спектр прагматических параметров, включая подтекст, сатирические высказывания и скрытые смыслы, что в живой коммуникации достигается с помощью вербального и невербального кодов. Некоторые исследователи пытались определить речевые акты и прагматические функции, выполняемые данными символами [18; 21]. На наш взгляд, такой подход не вполне корректен, так как эмодзи выполняют те же прагматические функции, что и лексические единицы языка, поэтому исследование прагматических функций эмодзи нельзя отрывать от вербальной составляющей и модальности высказывания. Эмодзи способны выполнять роль приветствия и прощания в фатической коммуникации как совместно с вербальным компонентом, так и самостоятельно, контактоустанавливающую функцию и функцию поддержания контакта с собеседником (рис. 4):



Рис. 4. Эмодзи в фатическом общении

Fig. 4. Emojis in phatic communication

Фактический материал показал, что существуют конгруэнтные и неконгруэнтные высказывания в плане соответствия эмодзи и смысла текстового сообщения. Используемый прием повтора эмодзи или цепочка эмодзи способны создавать дополнительные прагматические значения, усиливая иллокутивную силу высказывания.

С течением времени рассматриваемые иконические символы стали выполнять еще одну функцию, которую можно определить как *пунктуационную*, заключающуюся в их способности выступать в качестве знаков препинания. Довольно часто можно заметить, что предложение заканчивается тем или иным символом, за которым начинается новое по смыслу предложение, иногда написанное с заглавной буквы (рис. 5). Таким образом, разные по значению эмодзи могут заменять точки, вопросительные или восклицательные знаки, а также пунктуационные знаки в середине предложения, такие как запятые, тире и т.д.



Рис. 5. Пунктуационная функция эмодзи

Fig. 5. Punctuation function of emojis

В текстовых сообщениях в рамках межличностного общения, а также в текстах постов и рекламных рассылок проявляется *заместительная* функция эмодзи. Слово может или полностью заменяться символом или может сопровождаться соответствующим символом, дублируя значение и приводя к интенсификации значения (рис. 6).

**HOT COURSES (that you
can study without leaving
the 🏠)**

**The impact of the melting
Himalayan glaciers 🏔️**

Рис. 6. Заместительная функция эмодзи

Fig. 6. Substitutional function of emojis

Отмечено также употребление знаков-символов для метафорического переноса, используемого носителями разных языков. Данное замещающее использование, на наш взгляд, объясняется как скоростью ввода символа по сравнению с печатью слова, так и желанием разнообразить, украсить сообщение, привнося дополнительную визуальную составляющую в сообщение.

Рассматриваемые семиотические знаки широко применяются в различных постах поздравительного характера, ответных сообщениях в мессенджерах, в рекламной рассылке, все чаще выполняя *декоративную* функцию (рис. 7):

**🌲 Season's Greetings
from Oxford University
Press 🌲**

Рис. 7. Декоративная функция эмодзи

Fig. 7. Decorative function of emojis

По данным проведенного в США опроса, более половины пользователей с большей вероятностью будут взаимодействовать с брендами, которые используют эмодзи для представления компании или в рекламной онлайн рассылке [36]. Именно этим фактом, по нашему представлению, объясняется увеличение в последнее время количества почтовой рассылки, содержащей в теме и заголовке различные эмодзи, в том числе в финансовой и образовательной сферах, для привлечения внимания пользователей, потенциальных покупателей товаров и услуг или участников образовательных курсов, вебинаров, марафонов и продвижения своего бренда.

Все вышеперечисленные функции тесно связаны с еще одной — *риторической*, оказывающей воздействие на адресата сообщения или поста. Основное

проявление данной функции можно найти в рекламе в Интернет, в текстах и постах политиков, обращенных к широкой аудитории. Яркими примерами реализации этой функции являются так называемые PR-акции политиков как в рамках предвыборных кампаний, так и при обычном общении с пользователями социальных сетей, рядовыми избирателями. Так, в ходе предыдущей избирательной кампании на пост президента США Хилари Клинтон инициировала дискуссию с электоратом в Twitter, предложив подписчикам выразить свое мнение по вопросу студенческих ссуд на обучение посредством трех эмодзи: ‘How does your student loan debt make you feel? Tell us in 3 emojis or less.’

Простота выражения мысли и своего отношения посредством эмодзи, легкая причастность и вовлеченность в процесс обсуждения без необходимости словесного вербального выражения, а также необычный игровой формат позволяет вовлечь значительное количество людей из числа потенциального электората.

Политики прибегают к использованию символов для создания определенного эмоционального посыла, для привлечения внимания целевой аудитории, для усиления воздействующего эффекта. Подобные символы, имея по сути комплементарный характер и являясь дополнительным средством в коммуникации, воздействуют как на рациональную, так и на эмоционально-бессознательную сторону человеческой психики. Таким образом, невербальные символы позволяют осуществлять манипулирование общественным сознанием, задавать определенный тон и настрой потенциальной аудитории.

Воздействующий механизм эмодзи

Подводя итог проведенному анализу, можно заключить, что возникший феномен эмодзи, с одной стороны, служит средством преодоления ограничений, накладываемых на современном этапе электронной письменной коммуникацией, позволяя выражать эмоциональное состояние говорящего посредством визуальных способов, выходя за рамки орфографического формата. Эмодзи имитируют человеческие эмоции, восполняя невербальную составляющую коммуникативного акта. Помимо этого, современный человек стремится сократить текстовое пространство электронного сообщения за счет включения паралингвистических семиотических знаков, выполняющих разнообразные функции в формировании смысла. С другой стороны, данные символы служат средством воздействия на адресата, реципиента сообщения, реализуя свой риторический потенциал. Слияние вербальной и иконической составляющих запускает механизм двойного фокусирования, при котором восприятие обеспечивается всеми когнитивными механизмами, с подключением рациональной и эмоционально-бессознательной составляющей.

Подтверждение высказанному заключению можно найти в том числе и на нейрофизиологическом уровне. Исследование, проведенное учеными од-

ного из британских университетов, нацеленное на выявление участков мозга, которые активизируются при чтении предложений, содержащих вербальную и невербальную составляющую, а именно эмодзи и эмотиконы, показало, что и левая, и правая нижние лобные извилины головного мозга активны в противоположность доминирующей роли левого полушария при выполнении исключительно вербальных заданий [43]. Таким образом, возможно сделать вывод, что сообщение, в котором происходит соединение текста с визуальным образом, оказывает мощный персуазивный эффект в силу интеграции работы обоих полушарий головного мозга, что в свою очередь позволяет обрабатывать получаемую информацию как с помощью логических механизмов, так и с подключением эмоциональной составляющей.

Заключение

Цифровая коммуникация, получив доминирующую роль в межличностном общении, развивается по определенным законам и постепенно включает в свой арсенал средства, компенсирующие и замещающие ряд элементов, свойственных живому речевому взаимодействию. Появление мультимодальных текстов в рамках межличностного общения является закономерным процессом развития дистанционного цифрового общения. С течением времени семиотические параграфические знаки претерпели изменения и усовершенствования. Современные эмодзи стали выполнять целый ряд функций — функцию невербальной составляющей коммуникации, эмотивную, прагматическую, пунктуационную, заместительную, декоративную и риторическую. Поликодовые тексты, содержащие в своем составе такие семиотические знаки, как эмодзи, обладают, помимо прочего, определенным воздействием, оказывающим влияние на настроение адресата, его вовлеченность в процесс общения, на восприятие сообщения, что достигается за счет подключения комплексного механизма обработки информации.

References / Библиографический список

1. Dresner, E., & Herring, S.C. (2010). Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force. *Communication Theory*, 20(3), 249–268. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2010.01362>
2. Aull, B. (2019). A study of phatic emoji use in WhatsApp communication. *Internet Pragmatics*, 2(2), 206–232. <https://doi.org/10.1075/ip.00029.aul>
3. Bai, Q., Dan, Q., Mu, Z., & Yang, M. (2019). A Systematic Review of Emoji: Current Research and Future Perspectives. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02221>
4. Evans, V. (2017). *The Emoji Code: The Linguistics Behind Smiley Faces and Scaredy Cats*. UK: Michael O'Mara Publ.
5. Prada, M., Rodrigues, D.L., Garrido, M.V., Lopes, D., Cavalheiro, B., & Gaspar, R. (2018). Motives, frequency and attitudes toward emoji and emoticon use. *Telematics and Informatics*, 35(7), 1925–1934. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.06.005>

6. Rodrigues, D., Prada, M., Gaspar, R., Garrido, M.V., & Lopes, D. (2017). Lisbon Emoji and Emoticon Database (LEED): Norms for emoji and emoticons in seven evaluative dimensions. *Behavior Research Methods*, 50(1), 392–405. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0878-6>
7. Danesi, M. (2016). *The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet*. Bloomsbury Publ.
8. McLuhan, M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. London & New York.
9. Emoji Report 2015. Emoji Research Team 2015. URL: http://emogi.com/documents/Emoji_Report_2015.pdf. (accessed: 20.12.2021).
10. Kaye, L.K., Wall, H.J., & Malone, S.A. (2016). “Turn that frown upside-down”: A contextual account of emoticon usage on different virtual platforms. *Computers in Human Behavior*, 60, 463–467. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.02.088>
11. Ge, J. (2019). Emoji Sequence Use in Enacting Personal Identity. In: *Companion Proceedings of The 2019 World Wide Web Conference*. <https://doi.org/10.1145/3308560.3316545>
12. Lu, X., Ai, W., Liu, X., Li, Q., Wang, N., Huang, G., & Mei, Q. (2016). Learning from the ubiquitous language. In: *Proceedings of the 2016 ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing*. <https://doi.org/10.1145/2971648.2971724>
13. Ljubešić, N., & Fišer, D. (2016). A Global Analysis of Emoji Usage. In: *Proceedings of the 10th Web as Corpus Workshop*. <https://doi.org/10.18653/v1/w16-2610>
14. Cheng, L. (2017). Do I mean what I say and say what I mean? A cross cultural approach to the use of emoticons & emojis in CMC messages. *Fonseca Journal of Communication*, 15, 199–217. <https://doi.org/10.14201/fjc201715199217>
15. Chik, A., & Vásquez, C. (2017). A comparative multimodal analysis of restaurant reviews from two geographical contexts. *Visual Communication*, 16(1), 3–26. <https://doi.org/10.1177/1470357216634005>
16. Lin, T.J., & Chen, C.H. (2018). A preliminary study of the form and status of passionate affection emoticons. *International Journal of Design*, 12(2), 75–90.
17. Koltsova, E.A. (2020). New mechanisms of online communication in the 21st century. In: *A Person in Modern Communication*. Ivanovo. pp. 23–30. (In Russ.).
Кольцова Е.А. Новые механизмы онлайн коммуникации XXI века // Человек в современном коммуникативном пространстве. Иваново, 2020. С. 23–30.
18. Herring, S.C., & Dainas, A.R. (2020). Gender and Age Influences on Interpretation of Emoji Functions. *ACM Transactions on Social Computing*, 3(2), 1–26. <https://doi.org/10.1145/3375629>
19. Chen, Z., Lu, X., Ai, W., Li, H., Mei, Q., and Liu, X. (2018). Through a gender lens: learning usage patterns of emojis from large-scale android users. In: *Paper Presented at the 2018 World Wide Web Conference on World Wide Web (Lyon)*. <https://doi.org/10.1145/3178876.3186157>
20. Butterworth, S.E., Giuliano, T.A., White, J., Cantu, L., & Fraser, K.C. (2019). Sender Gender Influences Emoji Interpretation in Text Messages. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00784>
21. Cappallo, S., Svetlichnaya, S., Garrigues, P., Mensink, T., & Snoek, C.G.M. (2019). New Modality: Emoji Challenges in Prediction, Anticipation, and Retrieval. *IEEE Transactions on Multimedia*, 21(2), 402–415. <https://doi.org/10.1109/tmm.2018.2862363>
22. Gawne, L., & McCulloch, G. (2019). Emoji as digital gestures. *Language@ Internet*, 17(2).
23. Na’aman, N., Provenza, H., & Montoya, O. (2017). Varying Linguistic Purposes of Emoji in (Twitter) Context. In: *Proceedings of ACL 2017, Student Research Workshop*. <https://doi.org/10.18653/v1/p17-3022>
24. Das, G., Wiener, H.J.D., & Kareklas, I. (2019). To emoji or not to emoji? Examining the influence of emoji on consumer reactions to advertising. *Journal of Business Research*, 96, 147–156. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.11.007>
25. Ge, J., & Gretzel, U. (2018). Emoji rhetoric: a social media influencer perspective. *Journal of Marketing Management*, 34(15-16), 1272–1295. <https://doi.org/10.1080/0267257x.2018.1483960>

26. Voinov, D.A. (2016). Emoji as a technology for political communication on the Internet. *Electronic Periodical Scientific Journal the Age of Quality*, 4, 103–112. (In Russ.).
Войнов Д.А. «Эмодзи» как технология политической коммуникации в Интернете // Электронный научный журнал «Век качества». 2016. №4. С. 103–112.
27. Esposito, G., Hernández, P., van Bavel, R., & Vila, J. (2017). Nudging to prevent the purchase of incompatible digital products online: An experimental study. *PloS one*, 12(3), e0173333.
28. Moreno-Sandoval, L.G., Sánchez-Barriga, C., Buitrago, K.E., Pomares-Quimbaya, A., & Garcia, J.C. (2018). Spanish Twitter Data Used as a Source of Information About Consumer Food Choice. *Machine Learning and Knowledge Extraction*, 134–146. https://doi.org/10.1007/978-3-319-99740-7_9
29. McShane, L., Pancer, E., Poole, M., & Deng, Q. (2021). Emoji, Playfulness, and Brand Engagement on Twitter. *Journal of Interactive Marketing*, 53, 96–110. <https://doi.org/10.1016/j.intmar.2020.06.002>
30. Chairunnisa, S., & A.S., B. (2017). Analysis of Emoji and Emoticon Usage in Interpersonal Communication of Blackberry Messenger and WhatsApp Application User. *International Journal of Social Sciences and Management*, 4(2), 120–126 <https://doi.org/10.3126/ijssm.v4i2.17173>
31. Gibson, W., Huang, P., & Yu, Q. (2018). Emoji and communicative action: The semiotics, sequence and gestural actions of “face covering hand.” *Discourse, Context & Media*, 26, 91–99. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.05.005>
32. Phan, W.M. J., Amrhein, R., Rounds, J., & Lewis, P. (2017). Contextualizing Interest Scales with Emojis: Implications for Measurement and Validity. *Journal of Career Assessment*, 27(1), 114–133. <https://doi.org/10.1177/1069072717748647>
33. Brody, N., & Caldwell, L. (2017). Cues filtered in, cues filtered out, cues cute, and cues grotesque: Teaching mediated communication with emoji Pictionary. *Communication Teacher*, 33(2), 127–131. <https://doi.org/10.1080/17404622.2017.1401730>
34. Kelly, R., & Watts, L. (2015). Characterising the inventive appropriation of emoji as relationally meaningful in mediated close personal relationships. *Experiences of technology appropriation: Unanticipated users, usage, circumstances, and design*, 2.
35. Koltsova, E.A. (2018). Emoji as a new form of communication: functional and cognitive aspects. *Cognitive Studies of Language*, 35, 121–128. (In Russ.).
Кольцова Е.А. Эмодзи как новый способ коммуникации: функциональная и когнитивная специфика // Когнитивные исследования языка. 2018. Выпуск XXXV. С. 121–128.
36. SwiftKey Emoji Report. URL: https://ru.scribd.com/doc/262594751/SwiftKey-Emoji-Report#download&from_embed (accessed 20.12.2021).
37. Goren, C.C., Sarty, M., & Wu, P.Y. (1975). Visual following and pattern discrimination of face-like stimuli by newborn infants. *Pediatrics*, 56(4), 544–549.
38. Johnson, M.H. (1991). *Information processing and storage during filial imprinting*. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Ekman, P., Friesen, W.V., & Ellsworth, P. (1972). *Introduction to Research Findings. Emotion in the Human Face*. <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-016643-8.50023-9>
40. Haxby, J.V., Hoffman, E.A., & Gobbini, M.I. (2000). The distributed human neural system for face perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 4(6), 223–233. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(00\)01482-0](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(00)01482-0)
41. Haxby, J.V., Hoffman, E.A., & Gobbini, M.I. (2002). Human neural systems for face recognition and social communication. *Biological Psychiatry*, 51(1), 59–67. [https://doi.org/10.1016/s0006-3223\(01\)01330-0](https://doi.org/10.1016/s0006-3223(01)01330-0)
42. Yuasa, M., Saito, K., & Mukawa, N. (2011). Brain activity when reading sentences and emoticons: an fMRI study of verbal and nonverbal communication. *Electronics and Communications in Japan*, 94(5), 17–24. <https://doi.org/10.1002/ecj.10311>

Сведения об авторах:

Кольцова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, теория речевой деятельности, коммуникативная прагматика, семантика; *e-mail*: elena.a.koltsova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8724-2181; eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57204365469.

Карташкова Фаина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель НОЦ «Лаборатория коммуникативного поведения человека», Ивановский государственный университет; *сфера научных интересов*: теория речевой номинации, теория речевой деятельности, когнитивная лингвистика, невербальная коммуникация, коммуникативная прагматика, семантика; *e-mail*: kartashkova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7095-9143; eLIBRARY SPIN-код: 1031-6512; Scopus Author ID: 57204361085.

Information about the authors:

Elena A. Koltsova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Mining University; *Research interests*: cognitive linguistics, theory of speech activity, communicative pragmatics, Semantics; *e-mail*: elena.a.koltsova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8724-2181; eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57204365469.

Faina I. Kartashkova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Philology, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of NOC «Laboratory of Communicative Human Behavior», Ivanovo State University; *Research interests*: theory of speech nomination, theory of speech activity, cognitive linguistics, non-verbal communication, communicative pragmatics, semantics; *e-mail*: kartashkova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7095-9143; eLIBRARY SPIN-код: 1031-6512; Scopus Author ID: 57204361085.



ИСТОРИЯ ЯЗЫКА HISTORY OF LANGUAGE

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-784-799

УДК 811.131.1

Научная статья / Research article

Итальянский литературный язык в свете теории языкового варьирования Э. Косериу

Л.И. Жолудева  

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

 l.zholudeva@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено вкладу Э. Косериу (1921–2002), выдающегося лингвиста XX века, специалиста по теории и философии языка, в становление концепции рестандартизации современного итальянского языка. Создание модели языка, отражающей его фундаментальное свойство — вариативность — позволило Э. Косериу разрешить парадокс языкового изменения, широко обсуждавшийся в постсоссиорианской лингвистике, а также комплексно описать соотношение языковой системы, нормы и речи. В данной работе показано, как предложенная Э. Косериу концепция параметров языковой вариативности (диахрония, переосмысленная как свойство языка меняться со временем, а также диатопия, диастратия и диафазия) стала теоретической основой, позволившей итальянским социолингвистам описать наметившиеся в последние десятилетия XX в. изменения в итальянской языковой норме. Современный итальянский язык — *italiano neo-standard* — обладает полной функциональной парадигмой, успешно используется в устной и письменной речи всех стилей и жанров и является языком первичной социализации, по меньшей мере, для половины итальянцев. Это относительно новое явление: вплоть до середины XX века подавляющее большинство жителей Италии были в той или иной степени билингвами, и языками первичной социализации и неформальной ежедневной коммуникации для них служили диалекты Италии. Расширение сферы употребления литературного языка, сопряженное с его распространением в нейтральной и неформальной устной и письменной коммуникации, потребовало обогащения его прагматических средств и стилистических возможностей, а также пересмотра границ между стандартными и субстандартными языковыми явлениями. Процесс рестандартизации языка, с 1980-х гг. рассматриваемый в итальянской лингвистике в свете теории языковой нормы и вариативности Э. Косериу, привлекает все большее внимание исследователей. Анализ эволюции идей Косериу в трудах итальянских лингвистов,

© Жолудева Л.И., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предпринятый в статье, позволяет сделать вывод о том, что итальянская историческая лингвистика и социолингвистика развивается в функциональном русле, продолжая традиции европейского функционализма в филологии.

Ключевые слова: итальянский язык, языковая норма, языковое варьирование, диахрония, диатопия, диастратия, диафазия, Э. Косериу

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022


Для цитирования:

Жолудева Л.И. Итальянский литературный язык в свете теории языкового варьирования Э. Косериу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 784–799. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-784-799>

Italiano Neo-Standard in the Light of E. Coseriu's Theory of Language Variations

Liubov I. Zholudeva  

Lomonosov Moscow State University,
1-51, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119991

 l.zholudeva@gmail.com

Abstract. The study discusses the impact of E. Coseriu (1921—2002), a prominent 20th century linguist, an expert in language theory and philosophy, on the development of language restandardization theory in modern Italy. E. Coseriu proposed a model of living language that accounts for its basic property — variability, which allows to solve the so-called paradox of language change widely discussed in post-saussurean linguistics and to produce a complex description of language system, norm, and speech in their mutual correlation. The analysis presented in the paper shows how the system of language variation parameters (diachrony, diatopy, diastraty, and diaphasy) constituted the theoretical basis for describing the process of restandardization typical of Modern Italian since the last decades of the 20th century. Modern Italian, also known as Italiano neo-standard, fulfils all the communicative functions, is used both in speech and in writing in all speech genres and registers, and is L1 for more than a half of Italy's population. This language situation, however, is relatively new: up to mid-20th century the majority of Italians were bilingual, and the dialects of Italy functioned as their L1 and as means of informal communication. The widening of use of Standard Italian proceeded alongside with its stylistic diversification and the adaptation of its pragmatic and stylistic potential for informal, colloquial use, which called in question the status of certain structures, previously regarded as substandard ones. The analysis of E. Coseriu's language variation theory as applied to the Italian language allows to classify modern Italian sociolinguistics and historical language studies as developing the functional trend typical of European linguistics.

Key words: Italian language, language norm, language variation, diachrony, diatopy, diastraty, diaphasy, E. Coseriu

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Zholudeva, L.I. (2022). Italiano Neo-Standard in the Light of E. Coseriu's Theory of Language Variations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 784–799. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-784-799>

Введение

Столетний юбилей Эухенио Косериу (Eugen Coşeriu, 1921–2002) — дополнительный повод для обращения к научному наследию этого выдающегося лингвиста и осмысления его вклада в развитие науки о языке в XX веке. Среди трудов Э. Косериу, опубликованных в разные годы на разных языках (немецком, испанском, итальянском, французском, румынском, английском) и переведенных многие другие языки (включая славянские и восточные), есть как знакомые большинству отечественных лингвистов [1; 2], так и менее известные у нас в стране, но по сей день обсуждаемые работы. В данной статье предметом исследования будет один из примеров того влияния, которое идеи Э. Косериу оказали на развитие и современное состояние дел в лингвистике, а именно, на формирование концепции *italiano neo-standard* (современного итальянского литературного языка), противопоставленного *italiano standard* (традиционно понимаемому литературному итальянскому языку). Современная система представлений об исторической трансформации и актуальном состоянии итальянской языковой нормы, как будет показано в статье, сложилась в последней трети XX века на основе теории параметров языкового варьирования, разработанной Э. Косериу.

Критика идей Ф. Де Соссюра и моделирование параметров языкового варьирования в работах Э. Косериу

В хронологическом отношении жизненный и творческий путь Э. Косериу совпадает с трансформацией подходов к изучению языка — от структурализма к функционализму, а также с широко обсуждаемым в лингвистической литературе поворотом к антропоцентризму. Это прослеживается даже на уровне заглавий трудов Косериу, где постсоссюрианская проблематика постепенно уступает место новым вопросам, связанным с речевым поведением человека и языковым механизмам осмысления действительности: 1952 — *Sistema, norma y habla*; 1957 — *Determinación y entorno. Dos problemas de una lingüística del hablar*; 1962 — *Teoría del lenguaje y lingüística general*; 1964 — *Pour une sémantique diachronique structurale*; 1968 — *Der Mensch und seine Sprache*; 1976 — *Vers une typologie des champs lexicaux*; 1977 — *L'étude fonctionnelle du vocabulaire. Précis*

de lexicématique; 1981 — *La socio- y la etnolingüística. Sus fundamentos y sus tareas* и далее.

В нашей стране Э. Косериу стал известен еще в 1960-е годы благодаря публикации его ранней работы «Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения)» в третьем выпуске серии «Новое в лингвистике» (перевод И.А. Мельчука). Выбор именно этой работы, возможно, определялся тем, что отечественные ученые, со своей стороны, занимались поиском выхода из тех же логических тупиков [3], в которые их европейских коллег привело переосмысление теоретических положений из «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра [4] на новом витке развития филологической мысли¹. Продолжая линию рассуждений, начатую в 1952 году в работе «Система, норма и речь» [2], Косериу приходит к выводу о том, что нецелесообразно приписывать оппозициям «синхрония» — «диахрония» и «язык» — «речь» сущностную природу²: речь идет о ракурсах, проекциях, призванных определенным образом направить усилия исследователя, а не об ипостасях существования языка как такового: так, «антиномию «синхрония — диахрония» следует отнести не к плоскости объекта, а к плоскости исследования, т.е. она относится не к речевой деятельности, а к лингвистике» [1. С. 145].

Из этих, на первый взгляд, абстрактных рассуждений, отчасти напоминающих споры средневековых реалистов и номиналистов, на практике следует, что сам по себе язык не является жесткой, статичной конструкцией, где на грамматические оппозиции «нанизываются» лексические, в свою очередь образующие что-то вроде сети, связанной лексическими корреляциями и оппозициями. Такая наглядная *модель* языка может быть продуктивной для одних типов исследований (скажем, для создания структурных моделей языка в прикладных целях) и абсолютно контрпродуктивной для других. В качестве примера логического противоречия, возникающего из-за приписывания языку свойств этой исследовательской модели (не единственной из возможных), Э. Косериу в «Синхронии, диахронии и истории» приводит так называемый парадокс языкового изменения [1. С. 143–144]: для языка как устойчивой, сбалансированной системы было бы естественно не изменяться, однако же изменения в живых языках происходят постоянно.

¹ Логические тупики и мнимые противоречия, о которых шла речь в работе Косериу, оказались на удивление устойчивым общим местом: см., в частности, критику функционализма в работе В.З. Демьянкова, где в слегка видоизмененной формулировке предлагается все тот же парадокс языкового изменения — без упоминания выхода, предложенного Косериу: «Понятие функции противоречит (в частности, в концепции Ш. Балли) самому понятию о развитии языка. Если есть нормальное функционирование, то зачем от него отклоняться?» [5. С. 272].

² «...еще важнее показать, что пресловутые пропасти вообще не существуют или, точнее, что они появились из-за частого смешения плана исследуемого объекта с планом исследовательского процесса в результате подлинного *transitus ab intellectu ad rem*» [1. С. 146].

Другой пример логического противоречия Э. Косериу видел в радикальной интерпретации понятия «диахрония», когда исследование изменений отдельного языкового феномена во времени предполагает фокус на динамике изменений и игнорирование системных отношений в языке. С точки зрения Э. Косериу, это еще одна ложная установка, результат смещения оппозиций «синхрония — диахрония» и «статический — динамический». Синхронный срез представляет собой состояние языка «в моменте», но это не означает, что изменений в этот самый момент не происходит: «„синхроническое“, или „состояние языка“, является для Ф. де Соссюра не исторической действительностью состояния языка, а проекцией этого состояния на неподвижный экран исследователя» [1. С. 148]. Динамические процессы в случае синхронного среза — это участки вариативности внутри языковой системы (скажем, сосуществующие в этот исторический момент архаизмы и инновации). Критика восходящего к Ф. де Соссюру отождествления синхронии со статикой, а диахронии с динамикой языковых процессов³ со временем приведет Э. Косериу к мысли об описании системы параметров, которые учитывали бы «переменные», присущие живому языку, и описывали его вариативность не только во времени, но и в пространстве, в социальном измерении и в жанрово-стилистическом отношении (с учетом прагматики высказывания⁴).

Не опровергая соссюрский постулат о системности языка и существовании в нем своего рода «несущей конструкции» в виде базовых грамматических и лексических оппозиций, Э. Косериу в работе «Система, норма и речь» (1952) [2] и позднейших исследованиях оперирует также понятием «норма»: речь идет о возможности сосуществования разных реализаций системных возможностей языка, из которых одни (составляющие норму) будут социально одобряемыми, престижными и регулярно воспроизводимыми данным языковым коллективом в данное время в данной географической точке, а другие — нет. Норма исторически изменчива, что непосредственно связано

³ «Итак, вопреки Паулю Соссюру утвердил важность и автономность структурного изучения. Но, с другой стороны, выявив структуру («язык») в синхронной проекции, он пришел к недооценке диахронии и непрерывности языка во времени и к установлению странных соответствий *речь — диахрония, язык — синхрония*. Таким образом, Соссюр свел весь язык к *состоянию языка*. Более того, он приписал объекту «язык» не только системность (которая обнаруживается в «проекции» постольку, поскольку принадлежит объекту), но и неподвижность, которая принадлежит только «проекции». <...> На этих двух последовательных отождествлениях (*язык = языковое состояние = синхронная проекция*) и основывается идея о языке как о синхронной и неподвижной системе [1. С. 153].

⁴ «Normalmente, en una lengua histórica pueden comprobarse tres tipos fundamentales de diferenciación interna: a) diferencias en el espacio geográfico o *diferencias diatópicas*; b) diferencias entre los distintos estratos socioculturales de la comunidad idiomática, o *diastráticas*, y c) diferencias entre los tipos de modalidad expresiva, según las circunstancias constantes del hablar (hablante, oyente, situación y ocasión del hablar y asunto del que se habla), o *diferencias diafásicas* [7. С. 12].

с влиянием историко-культурных и социальных факторов. Отсюда терминологическое противопоставление, сформулированное Э. Косериу в работе «Исторический язык и диалект» (1980) [6]: «исторический язык» — это совокупность исторически сменявших друг друга норм и отклоняющихся от них диалектных и социолектных вариантов реализации системы [6. С. 111; 7. С. 6], составляющая понятие, скажем, «испанский язык» или «нидерландский язык» на всем протяжении его истории⁵; «функциональный язык» — это исследовательская проекция, однородная не только во временном, но и в пространственном, социальном и функциональном отношении, дающая возможность детально рассмотреть системные отношения в языке⁶.

Параметры, описывающие вариативность реализаций внутри языковой системы, в работах Косериу, продолжающего здесь линию рассуждений Ф. де Соссюра и Л. Флайдала [8], обозначаются терминами «диахрония» (термин, введенный Ф. де Соссюром), «диатопия», «диастратия» (термины, предложенные Флайдалом) и «диафазия» (термин самого Косериу). Новаторство Косериу состоит не столько в изобретении терминов как таковых, сколько в идее объединить их и создать своеобразную объемную модель языка, изменчивого не только во времени⁷, но и в пространстве (язык изменчив в диатопии: реализации языковой системы в разных географических точках могут не совпадать), в социальном отношении (вариативность в диастратии подразумевает вариативность реализаций представителями разных социальных групп — возрастных, профессиональных и т.п.) и в функционально-стилистическом отношении (разнообразие речевых реализаций, обусловленное жанрово-стилистическими и прагматическими факторами, описывается Косериу как вариативность в диафазии).

Итальянистика в контексте меняющейся научной парадигмы: актуальность идей Э. Косериу

Как многократно отмечалось, в лингвистике XX века переход от понимаемого в соссюрсовском ключе структурализма к функционализму привел к смещению исследовательского внимания с абстрактно выделяемых

⁵ “Una lengua histórica — salvo casos especiales — no es un modo de hablar único, sino una familia histórica de modos de hablar afines e independientes, y los dialectos son miembros de esta familia o constituyen familias menores dentro de la familia mayor” [7. С. 6].

⁶ “Denn die funktionelle Sprachbeschreibung betrifft eigentlich jeweils eine nicht nur synchronische, sondern zugleich syntopische, synstratische und symphasische Sprache als homogenes System (“funktionelle Sprache”) [6. С. 115].

⁷ Диахрония, термин, позаимствованный из терминосистемы Ф. де Соссюра, у Э. Косериу переосмыслен в духе функционализма: речь идет об одной из осей в системе координат языковых изменений. О косерианском подходе в современных историко-лингвистических исследованиях речь пойдет ниже.

структурных особенностей языка (в синхронии или диахронии) к закономерностям его функционирования в реальных условиях. Формальное, структурное направление, переосмысленное и трансформированное в результате «генеративной революции» 1950–1960 гг., не только сохранило прочные позиции в лингвистике, но и усилило их [5]. Вместе с тем интерес одних лингвистов к языковым универсалиям не исключал интереса других к конкретным языкам в их социальной и историко-культурной «среде обитания» или к отдельным текстам с уникальными особенностями. В работе «Современное положение в лингвистике», переведенной на русский язык и опубликованной в «Известиях Академии наук СССР» в 1977 году, Э. Косериу пишет о формировании трех основных направлений исследований, отражающих разные уровни абстракции при изучении языковых явлений: это уровень языковых универсалий (генеративно-трансформативная грамматика), уровень конкретного языка и уровень текста [9]).

Для итальянистики утверждение функционального подхода сочеталось с развитием тенденций, свойственных ей еще в первой половине XX века. Так, в качестве отличительных особенностей итальянской филологии первой половины — середины XX в. Т.Б. Алисова отмечает отсутствие четкой границы между собственно лингвистическими и историко-культурными исследованиями, критику структурализма (за злоупотребление абстрактными построениями, не всегда отвечающими задачам описания конкретных языковых фактов), а также внимание к языковому варьированию [10]. Все перечисленное можно отнести и к работам Э. Косериу⁸, что, по-видимому, не случайно: ранние годы его формирования как исследователя прошли в университетах Италии (в Милане, Падуе и Риме), там же началась его академическая карьера (до отъезда в Латинскую Америку в 1950 году Э. Косериу преподавал в Миланском университете). После восьми лет работы в Республиканском университете Уругвая (1950–1958) Э. Косериу читал лекционные курсы в университетах Испании и Португалии, а затем с 1961 г. до 1991 г. был профессором кафедры романского языкознания Тюбингенского университета.

Таким образом, итальянские коллеги имели возможность не только знакомиться с публикациями Э. Косериу (что для их советских современников было непростой задачей: лишь несколько трудов Э. Косериу были переведены на русский язык и опубликованы в СССР; что касается исследований Э. Косериу, вышедших за рубежом, в доцифровую эпоху доступ к ним был существенно затруднен), но и общаться с ним лично в университете, на се-

⁸ Как пишет Л. Пенци, “sostengoche Coseriu è stato in alcuni campi lo studioso che ha portato avanti meglio di tuttile istanze di alcuni linguisti italiani della metà del secolo, istanze spesso lasciate cadere in Italia” [11. С. 59].

минарах, конференциях и симпозиумах⁹, что обеспечивало быстрый обмен идеями в лингвистическом сообществе. Неудивительно, что уже в первых обобщающих исследованиях, посвященных специфике социолингвистической ситуации в современной Италии, разработанная Э. Косериу теория параметров языковой вариативности стала одним из важных компонентов теоретической базы.

В 1985 году в Тюбингене был опубликован сборник *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart* («Разговорный итальянский — история и современность¹⁰»), куда вошла программная статья Франческо Сабатини¹¹ *L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane* («Итальянский язык среднего стиля: его место в ряду разновидностей итальянского языка») [12]. Это одна из наиболее часто упоминаемых работ, посвященных проблемам языкового варьирования и нормирования в современной Италии: в ней перечисляются особенности, свойственные итальянскому языку нейтрального с тилиа и / или неформального общения, отмечаемые в речи итальянцев из всех регионов страны (новое для истории итальянского языка явление; до этого снижение стиля автоматически подразумевало появление выраженного регионального колорита). Несмотря на то, что в библиографическом списке статьи Ф. Сабатини отсутствуют ссылки на работы самого Э. Косериу, знаменательно появление в нем работы Альберто Миони *Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione* («Итальянский язык на уровне тенденций: о некоторых аспектах стандартизации») [13]. А. Миони дополнил систему «осей координат», основу косерианской модели языкового варьирования, еще одним параметром — диамезией. Необходимость в этом параметре, согласно А. Миони, связана с тем, что вариативность языковых реализаций может быть обусловлена не только временем, пространством, социальной стратификацией и ситуацией общения, но и каналом коммуникации. В 80-е годы XX века речь шла о бинарной оппозиции устной и письменной речи, однако с появлением новых, цифровых средств, изменивших характер речевого общения, эта оппозиция фактически превратилась в континуум.

Работы А. Миони, специалиста по общей лингвистике, преподававшего в Падуанском университете, способствовали популяризации концепции «осей» языковой вариативности, сформулированной Э. Косериу. На причинах ее востребованности в Италии следует остановиться подробнее.

⁹ Теплые, дружеские отношения связывали Э. Косериу со многими итальянскими лингвистами, в том числе с Туллио де Мауро и Лоренцо Ренци, который в статье памяти Э. Косериу [11] отзывается о нем как о гениальном ученом, а также пишет, что, не зная о происхождении Э. Косериу, по образу мыслей его можно было бы принять за итальянца.

¹⁰ Перевод названий трудов здесь и далее выполнен автором статьи — Л.Ж.

¹¹ Выдающийся итальянский лингвист, историк языка, лексикограф, президент Академии Круска с 2000 по 2008 гг.

Итальянский язык, его стандартизация и рестандартизация

Специфика языковой ситуации в современной Италии предопределена тем, каким извилистым был путь превращения диалекта Флоренции в национальный литературный язык, обслуживающий все сферы коммуникации. Если для большинства европейских языковых ареалов формирование национального литературного языка происходило путем трансформации средневековой диглоссийной ситуации в ситуацию монолингвизма, и одна из форм народной речи, обладающая наибольшим престижем, приобретала функции «языка-крыши» (термин Х. Клосса [14]), то в случае Италии фактически произошло замещение одной диглоссийной ситуации (диалекты Италии vs латинский язык) другой (диалекты Италии vs литературный язык на основе обработанной формы флорентийского диалекта).

Оказавшись в роли литературного языка, приблизительно с начала XVI века флорентийский диалект за пределами Тосканы стал достоянием образованной части населения (что, согласно теории параметров языковой вариативности, представляет собой ограничение по оси диастратии), преимущественно используемым в письменной форме (ограничение по оси диамезии) в официальных документах, литературных произведениях и публицистике, но не в повседневном бытовом общении (ограничение по оси диафазии). После политического объединения Италии в 1861 году литературный язык, со временем получивший в лингвистике наименование *italiano standard*, сознательно насаждался через систему школьного образования, что, однако, не привело к полному вытеснению диалектов, которые до настоящего времени сохраняют за собой роль языка первичной социализации и / или языка общения внутри семьи, по меньшей мере, для трети жителей страны¹². Вместе с тем за вторую половину XX века социолингвистическая ситуация в Италии приобрела новые черты: впервые в истории итальянского языка наряду с итальянцами-билингвами, владеющими как литературным языком, так и диалектом, появилась немалая доля *italofoni esclusivi* — людей, для которых единственный из языков и диалектов Италии, которым они активно и пассивно владеют, — это литературный итальянский.

Итальянский язык, таким образом, столкнулся с необходимостью преодоления тех ограничений в диафазии, диастратии и диамезии, которые были связаны с его неполнофункциональностью в предшествующие столетия. Для новых литературных языков, которые преодолевали диглоссийную ситуацию «снизу» (скажем, вытесняя латынь или французский), актуальным было развитие лексического и стилистического потенциала для функционирования в формальных ситуациях и текстах высокого стиля. Этому способствовали

¹² Данные итальянского института статистики (ISTAT) на 2015 год. Режим доступа: <https://www.istat.it/it/archivio/207961> (дата обращения: 15.01.2021).

заимствования из престижного языка, кальки, латинизация лексики и синтаксиса и прочие способы придания языку стилистической гибкости и богатства [15]. Итальянский язык, напротив, был прекрасно приспособлен для использования в художественной литературе, публицистике, эпистолярной прозе и науке, но нуждался в более нейтральных, а также прагматически нагруженных и стилистически сниженных элементах, без которых в бытовой речи он звучал бы излишне пафосно или ходульно. Приблизительно к последней трети XX века эта проблема была решена — отчасти за счет возвращения в обиход старых экспрессивных, разговорно окрашенных морфосинтаксических моделей и конструкций [16] и оживления давних структурных тенденций [17–19], отчасти за счет интерференции литературного языка с регионально окрашенными разновидностями речи, переходными между итальянским языком и диалектом (диалектные койне, *italiani regionali*) [20–22], отчасти за счет возникновения инноваций [23]. Итальянский литературный язык, обладающий полным спектром стилистических средств, включая те, что обеспечивают его использование в неформальных ситуациях общения, Ф. Сабатини описал как *italiano dell'uso medio*, подчеркнув, таким образом, демократизацию итальянской языковой нормы.

В 1987 году вышло первое издание монографии Гаэтано Берруто *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo* («Современный итальянский язык в социолингвистическом аспекте»), затем неоднократно переиздававшейся с дополнениями [24]. Концептуальной основой работы стало осмысление процессов и изменений в современном итальянском языке с учетом изменений в обществе и с опорой на теорию параметров языковой вариативности. Ссылаясь на работы Э. Косериу и А. Миони, Г. Берруто предложил наглядную модель соотношения *italiano standard* и *italiano neo-standard*. Это модель в виде разнонаправленных осей, представляющих параметры вариативности и пересекающихся в центре схемы, как оси координат. *Italiano standard* на схеме занимает не центральную часть (точка максимальной стилистической нейтральности, устойчивости и нормативности реализаций языковой системы): он смещен вверх и в сторону, по направлению к письменной речи, формальному и возвышенному стилю и языку наиболее образованной части общества. *Italiano neo-standard* занимает большую площадь (поглощая *italiano standard*), имеет менее четкие границы, а геометрический центр этого объекта на схеме приближен к центру пересечения осей.

Создание наглядной модели, обобщенно и наглядно представляющей процессы рестандартизации итальянского языка на современном этапе его развития, в работе Берруто не было самоцелью. Однако эта модель позволила систематизировать разрозненные и многообразные наблюдения, касающиеся специфики современного итальянского узуса и его расхождений с кодифицированной нормой, и объяснить, почему в узус порой возвращается давно забытое старое. Многие языковые явления, которые фиксировались еще

в староитальянских текстах, на определенной стадии развития литературного языка, с его функциональной ограниченностью, не попали в поле зрения грамматистов и оказались в своего рода серой зоне. Даже если некоторые из них не подвергались откровенной критике со стороны пуристов, их не использовали (или почти не использовали) авторы текстов, ориентированных на стилистически узкий набор нормативных образцов. Расширение функциональных возможностей литературного языка привело к тому, что он вновь начал использовать те грамматические и стилистические варианты реализации системы, которыми когда-то пользовался живой флорентийский диалект — до его обработки и кодификации с опорой на литературные образцы ушедшей эпохи.

В 1990 году была опубликована монография, где на примере нескольких явлений итальянского морфосинтаксиса автор — Паоло Д'Акилле — продемонстрировал (в том числе с применением количественных методов анализа), как именно происходило «исчезновение» и возвращение в тексты языковых структур, засвидетельствованных еще в ранних староитальянских памятниках. Здесь также не обошлось без опоры на работы Э. Косериу — в первую очередь, на «Систему, норму и речь». П. Д'Акилле исходит из косерианского понимания нормы как совокупности речевых реализаций, интуитивно (не задумываясь, звучит ли это «хорошо», «образцово») и устойчиво воспроизводимых людьми в речи и таким образом, через воспроизведение, делающих их языковым коллективом [16. С.14]. Этой концепции нормы противопоставлено ее более узкое понимание — как прескриптивной кодифицированной совокупности правил, рекомендаций и запретов, насаждаемой сознательно (что имело место в случае *italiano standard*) и по многим параметрам противопоставленной живому узусу.

Исследование П. Д'Акилле было бы невозможно выполнить при узкой трактовке нормы: в этом случае итальянский литературный язык, по меньшей мере, с XVI в. (с эпохи кодификации нормы) и до наших дней выглядел бы на удивление неизменно (в чем легко убедиться, сравнив грамматики XVI века и учебники итальянского языка XX века), и дело не только в относительно невысокой скорости протекания языковых процессов. Избежать оптических искажений, неизбежных при подобном избирательном подходе к языковым явлениям, исследователю помогла опора на представление о параметрах вариативности, к этому времени успевшее закрепиться в итальянистике — во многом благодаря популярности работ Г. Берруто и Ф. Сабатини. П. Д'Акилле стратифицировал исследуемый корпус текстов по следующим осям: в диахронии разделил их на пять периодов, в диафазии — на три регистра (разговорный, нейтральный и возвышенный); чтобы учесть параметр диастратии, П. Д'Акилле ввел дополнительный коэффициент VI (*bassa istruzione* — низкий образовательный уровень). «Плоскость» шкалы в диамезии (по очевидным причинам историческая социолингвистика оперирует

письменными данными) компенсируется системой коэффициентов, указывающих на степень спонтанности письменной речи.

Результатом исследования П. Д’Акилле стала наглядная картина того, как происходила функционально-стилистическая и социальная стратификация итальянского языка в диахронии: отдельно взятое явление, на данном этапе относящееся к *italiano neo-standard* (или, пользуясь термином Сабатини, *italiano dell’uso medio*), обнаруживается в староитальянском языке (флорентийском диалекте эпохи позднего средневековья), затем, по мере складывания и кодификации прескриптивной нормы, оно уходит из текстов одних стилей и жанров (формальных, возвышенных, контролируемых) и сосредотачивается в других (неформальных, сниженных, а также в слабо контролируемой речи малограмотных членов языкового коллектива), а затем, уже в современную эпоху, вновь возникает в нейтральных текстах и стремится к легализации своего нормативного статуса.

Важным событием в итальянской лингвистике последних лет стала публикация двухтомной «Грамматики староитальянского языка» (*Grammatica dell’italiano antico*), подготовленной коллективом авторов, под редакцией Джампаоло Сальви и Лоренцо Ренци [25]. Принципиальное отличие этого труда от более ранних исторических грамматик итальянского языка состоит в том, что в нем авторы использовали принцип синхронного среза (хронологический охват — ранние тексты староитальянского периода: приблизительно с 1211 г. по первые годы XIV в.), одновременно ограничив корпус текстов в диатопии (Флоренция). Учитывая слабую выраженность жанровой и социальной стратификации языка ранних текстов (со всеми оговорками — см. [25. С. 13–14]), можно сказать, что авторы грамматики применили косерианский принцип, исследуя структурные особенности староитальянского как *функционального* языка. Это позволяет избежать неточностей описания, связанных с тем, что в качестве текстов староитальянского периода ранее рассматривались не только флорентийские (и даже не только тосканские) памятники, но и, скажем, тексты поэтов сицилийской школы, ранние образцы умбрской религиозной поэзии, венецкие тексты и прочие образцы средневековой письменности, составляющие часть общеитальянской литературы и культуры, но в структурном отношении не являющиеся частью истории итальянского языка. Во вступлении к грамматике содержатся отсылки к трудам Э. Косериу [25. С. 13–14], в частности, упоминается введенное им понятие архитектуры языка: речь идет о совокупности вариантов реализации языковой системы, составляющих исторический язык и образующих иерархическую структуру с учетом взаимодействия осей вариативности [26].

Итальянская социолингвистика продолжает развиваться в русле функционализма, и идеи Э. Косериу, касающиеся принципов осмысления и описания языкового варьирования, остаются неизменно актуальными. В 2017 году вы-

шла в свет коллективная монография «По направлению к новому [языковому] стандарту: теоретические и эмпирические исследования рестандартизации итальянского языка» под ред. М. Черрути, К. Крокко и С. Марцо [27]. Как в обобщающей вводной статье, так и далее в статьях, посвященных конкретным вопросам бытования и нормирования современного итальянского языка, его архитектуре и перспективам развития [28], присутствуют прямые отсылки к Э. Косериу, а также отсылки к вышеупомянутым работам итальянских лингвистов, задавших косерианскую перспективу исследованиям в области итальянской социолингвистики.

Итальянская лингвистика в новом веке: косерианское наследие

Во вступительной статье к «Грамматике староитальянского языка» намечены пути дальнейшего исследования того, как развивался и функционировал *исторический* итальянский язык на протяжении столетий от староитальянской эпохи до современности. Авторам представляется плодотворным заполнить промежуток между начальным этапом истории, описанным в [25], и современным, описанным в трехтомной грамматике *Grande grammatica italiana di consultazione* [29], серией промежуточных синхронных срезов. Однако такие исследования требуют большой подготовительной работы — в первую очередь, подбора и обработки текстов и составления корпусов. Если ограничить задачу конкретными участками языковой системы, как сделал, например, П. Д’Акилле [16], то цель становится более осязаемой и достижимой, и со временем из отдельных фрагментов должна сложиться общая картина истории языка с учетом его вариативности, что можно считать одной из задач современной итальянистики. Если же говорить об исследовании «архитектуры» современного итальянского языка, то и здесь теория параметров языковой вариативности открывает широкие возможности для изучения того, как в новых исторических условиях, с появлением современных средств коммуникации итальянский язык адаптируется к функционированию в разных сферах, задействуя как давно сложившиеся (пусть до времени «дремавшие») структуры, так и творческие возможности языкового коллектива, для которого итальянский язык с каждым поколением становится все более родным — в лингвистическом смысле этого слова и не только.

Влияние, которое работы Э. Косериу оказали на развитие итальянской лингвистики, не в последнюю очередь связано с тем, что его учителями были итальянские лингвисты и философы: как плоть от плоти итальянской научной традиции Косериу не считал нужным отказываться от наследия европейского лингвистического функционализма в угоду американскому курсу на методологическое сближение лингвистики с естественными науками [5. С. 241–242]; не случайно Э. Косериу так активно полемизировал

с Н. Хомским [30]. Вместо того чтобы, указав на противоречия, «сбросить с парохода современности» лингвистические теории, родившиеся в рамках частного языкознания, и пересматривать базовые принципы описания языковых структур в общелингвистическом ключе, Косериу предложил варианты решения тех философских и логических проблем, с которыми столкнулась постсосюрская европейская частная лингвистика, и наметил пути ее дальнейшего поступательного развития. Принцип исследования «архитектуры» языка с учетом всей совокупности параметров вариативности, равно как и предложенный Косериу взгляд на проблему «язык — диалект» [31], принцип изучения языковой структуры через описание «функционального» языка, функциональная трактовка языковой нормы и другие идеи косерианской лингвистики [32] создали предпосылки для формирования концепции *italiano neo-standard*, помогли глубже осмыслить специфику исторического развития итальянского языка, нашли отражение в практике преподавания итальянского языка в Италии и за ее пределами и, в конечном счете, стали восприниматься итальянскими филологами как неотъемлемая часть их национальной научной традиции.

References / Библиографический список

1. Coseriu, E. (1963). Synchrony, diachrony, and speech (the problem of language change). In: *The new in linguistics. Iss. 3*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. pp. 123–343. (In Russ.).
Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 123–343.
2. Coseriu, E. (1952). *Sistema, norma y habla*. Montevideo: Universidad de la Republica, Facultad de Humanidades y Ciencias.
3. Lipgart, A.A. (2000). Functional stylistics in the light of “language — speech” dichotomy. *Bulletin of terminology studies*, 1, 35–37. (In Russ.).
Липгарт А.А. Функциональная стилистика в свете дихотомии язык — речь // Терминологический вестник. 2000. № 1. С. 35–37.
4. Saussure, F. de (1999). *The course of general linguistics*. Yekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ.).
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.
5. Demyankov, V.Z. (1995). The domineering linguistic theories at the end of XX century. In: *Language and science of the end of XX century*. Moscow: Institute of linguistics, RAS. pp. 239–320. (In Russ.).
Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
6. Coseriu, E. (1980). ‘Historische Sprache’ und ‘Dialekt’. In: *Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des Internationalen Symposions “Zur Theorie des Dialekts”, Marburg/Lahn, 5. 10. Sept. 1977*. Ed. J. Göschel, P. Ivic, K. Kehr (eds.). Wiesbaden: Franz Steiner. pp. 106–122.
7. Coseriu, E. (1981). Los conceptos de ‘dialecto’, ‘nivel’ y ‘estilo de lengua’ y el sentido propio de la dialectología. *Lingüística española actual*, III (1), 1–32.
8. Flydal, L. (1951). Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*, 16, 241–258.

9. Coseriu, E. (1977). The Situation in Linguistics. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Language and literature series*, XXXVI, 514–521. (In Russ.).
Косериу Э. Современное положение в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. № XXXVI. С. 514–521.
10. Alisova, T.B. (1971). The place of the Italian school of thought in modern linguistics. In: *Modern Italian linguistics*. Moscow: Progress. pp. 3–16. (In Russ.).
Алисова Т.Б. Место итальянской школы в современной лингвистике // Современное итальянское языкознание. М.: Прогресс, 1971. С. 3–16.
11. Renzi, L. (2015). Il “mio” Coseriu. Cenni di una biografia. *Oltre Saussure: l’eredità scientifica di Eugenio Coseriu. Atti del IV Convegno internazionale, Università degli studi di Udine, 1–2 ottobre 2013*, V. Orioles, R. Bombi (eds.). Firenze: Franco Cesati editore. pp. 55–68.
12. Sabatini, F. (1985). L’italiano dell’uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane. *Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart*, G. Holtus & E. Radtke (eds.). Tübingen: Narr. pp. 154–184.
13. Mioni, A. (1983). Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini. Vol. 2*. Ed. P. Benincà P. et al. Pisa: Pacini. pp. 495–517.
14. Muljačić, Ž. (1984). Il fenomeno Uberdachung, “tetto”, “copertura” nella sociolinguistica (con esempi romanzi). *Linguistica*, 24 (1), 77–96.
15. Zholudeva, L.I. (2010). Boethius’ “The Consolation of Philosophy” translated by Jean de Meun and Geoffrey Chaucer. The contribution of the Old French written tradition to the development of English as literary language. Moscow: Librocom. (In Russ.).
Жолудева Л.И. Утешение философией Боэция в переводах Жана де Мёна и Джеффри Чосера. Вклад старофранцузской письменной традиции в формирование английского литературного языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
16. D’Achille, P. (1990). *Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana*. Roma: Aracne.
17. Masini, F. (2012). Costruzioni verbo-pronominali ‘intensive’ in italiano. In: *Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25–27 settembre 2008*, V. Bambini, I. Ricci, P.M. Bertinetto (eds.). Roma: Bulzoni.
18. Masini, F. (2006). Diacronia dei verbi sintagmatici in italiano. *Archivio glottologico italiano*, 91, 1, 67–105.
19. Cennamo, M. (2012). Aspectual constraints on the (anti) causative alternation in Old Italian. *Transactions of the Philological Society*, 110, 3, 394–421.
20. Cerruti, M. (2009). *Strutture dell’italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
21. De Blasi, N. (2017). *Geografia e storia dell’italiano regionale*. Bologna: Mulino.
22. Salvi, G. (2012). Il ruolo degli scrittori settentrionali nella formazione dell’italiano letterario moderno. In: *Identità italiana e civiltà globale all’inizio del ventesimo secolo*. Budapest. pp. 67–82.
23. Titus-Brianti, G. (2010). La perifrasi progressiva ‘in progress’: confronto tra italiano e inglese. *Letteratura e filologia fra Svizzera e Italia. Studi in onore di Guglielmo Gorni. III Dall’Ottocento al Novecento: letteratura e linguistica*. Ed. M.A. Terzoli, A. Asor Rosa, G. Inglese. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 351–362.
24. Berruto, G. (2014). *Sociolinguistica dell’italiano contemporaneo*. Roma: Carocci.
25. Salvi, G., Renzi, L. (eds.) (2010). *Grammatica dell’italiano antico*. Vols. I–II. Bologna: Mulino.
26. Narumov, B.N. (2005). “Language architecture” in E. Coseriu’s language theory. In: *Issues of Ibero-Romance philology*. Moscow: Moscow University publ. pp. 140–145. (In Russ.).
Нарумов Б.Н. «Архитектура языка» в концепции Э. Косериу // Вопросы иберо-романской филологии. М.: Изд-во Московского университета, 2005. С. 140–145.

27. Cerruti, M., Crocco, C. & Marzo, S. (eds.) (2017). *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*. Berlin, Boston: De Gruyter.
28. Regis, R. (2017). How standard regional Italians set in: the case of Standard Piedmontese Italian. In: *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*. Ed. M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo (eds.). Berlin: De Gruyter. pp. 145–175.
29. Renzi, L., Salvi, G. & Cardinaletti, A. (eds.) (2001). *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna: Mulino.
30. Vîrban, F. (2017). The Coseriu — Chomsky ‘debate’ revisited: integrating Wittgenstein. Ways in understanding linguistic knowledge / competence. In: *Kompetenz — Funktion — Variation. Linguistica Coseriana V.*, G. Hassler, T. Stehl (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 147–161.
31. Regis, R. (2017). La nozione coseriana di dialetto e le sue implicazioni per l’area italo-romanza. *Revue Romane*, 52, 2, 137–169.
32. Kabatek, J. (2020). Linguistic Norm in the Linguistic Theory of Eugenio Coseriu. In: *Manual of Standardization in the Romance Languages*, F. Lebsanft, F. Tacke (eds.). Berlin / New York: De Gruyter, 127–144.

Сведения об авторе:

Жолудева Любовь Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *сфера научных интересов*: итальянский язык, языковая норма, языковое варьирование, диахрония, диатопия, диастратия, диафазия, *e-mail*: l.zholudeva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>

Information about the author:

Liubov I. Zholudeva is Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, *Research interests*: Italian language, language norm, language variation, diachrony, diatopy, diastraty, diaphasy, *e-mail*: l.zholudeva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-800-814

УДК 811.161.1'22'27

Научная статья / Research article

Русский раскол и русская революция: семиотические модели идеологизации языка и текста

А.В. Загуменнов  

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви,
160901, Российская Федерация, Вологда, ул. Монастырская, 2

 zaw1991@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в стабильном интересе научного сообщества к истории церковного раскола и к проблемам становления идеологии СССР. В аспекте семиотики эти объекты исследования рассматриваются редко, еще реже встречаются опыты их сравнения на лингвистических основаниях. Целью исследования становится обоснование гипотезы, согласно которой два разных и уже упомянутых выше события — церковный раскол XVII века и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года — едины в реализации неочевидных сценариев дальнейшего развития. Материалом работы стали «Деяния Московского Собора» 1666–1667 гг., периодические издания (газеты «Красная газета», «Красный Север», «Звезда Вытегры» за 1920 г.), научные труды по анализу памятников светской и церковной истории. Ведущими методами являются контекстный анализ, реконструкция, моделирование при доминировании филологической герменевтики. С их помощью выявляются пять параметров, по которым допустимо отследить идеологизацию факта реальности группой заинтересованных лиц: 1) привлечение специфических по семантике языковых средств; 2) поляризация оценки; 3) прецедентность текста; 4) прецедентность идеи и 5) прецедентность образа руководителя, лояльного к победившей в полемике общности людей. Демонстрируется, что идеологизированные смыслы не зависят от времени создания и сферы функционирования сохраняющего их текста, т.е. последний выступает материальным носителем динамического образования, способного передаваться из одного высказывания в другое в течение нескольких столетий, что позволяет осуществлять исследование с привлечением лингвистических методов. В финале работы приводится графическая модель идеологизации языка и текста, релевантная и для эпохи церковного раскола второй половины XVII века, и для периода после октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: лексика, текст, знак, идеология, революция, раскол

Финансирование. Благодарности:

Байнину Сергею Вячеславовичу, кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику Вытегорского объединенного музея за предоставление доступа к выпускам газеты

© Загуменнов А.В., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«Звезда Вытегры», Гао Ли, аспиранту Российского университета дружбы народов, за указание на ценные для исследования номера «Красной газеты».

История статьи:

Дата поступления: 10.02.2022

Дата приёма в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Загуменнов А.В. Русский раскол и русская революция: семиотические модели идеологизации языка и текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 800–814. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-800-814>

The Russian Schism and the Russian Revolution: Semiotic Models of Language and Text Ideologization

Alexander V. Zagumennov  

The religious organization — the theological educational organization of higher education “The Vologda theological seminary” of the Vologda diocese of the Russian Orthodox Church,
2, Monastyrskaya str., Vologda, Russian Federation, 160901

 zaw1991@mail.ru

Abstract. The relevance of the article lies in the stable interest of the scientific community in the history of the church schism, in the problems of the formation of the ideology of the USSR, especially in the aspect of semiotics with the identification of some deep symbolic structures. The purpose of the study is to substantiate the hypothesis that the church schism of the 17th century and the Great October Socialist Revolution of 1917 are connected in the implementation of non-obvious semiotic scenarios for further development. The material of the work was the “Acts of the Moscow Cathedral” of 1666–1667, periodicals (newspapers “Krasnaya Gazeta”, “Krasny Sever”, “Zvezda Vytegry” of 1920), scientific works on the analysis of monuments of secular and church history. In the study, the leading methods are contextual analysis, reconstruction, modeling with the dominance of philological hermeneutics. With their help, five parameters are identified by which it is permissible to track the ideologization of the fact of reality by a group of interested persons: 1) the use of semantic-specific linguistic means; 2) the polarization of the assessment; 3) the precedence of the text; 4) the precedence of the idea and 5) the precedence of the image of a leader loyal to the community of people who won the controversy. It is shown that ideologized meanings do not depend on the time of creation and the sphere of functioning of the text that preserves them. In other words, the text acts as a material carrier of a dynamic formation that can be transferred from one statement to another for several centuries, which makes it possible to study ideologization using linguistic methods. At the end of the work, a graphical model of the ideologization of language and text is presented, which is relevant both for the era of the church schism in the second half of the 17th century and for the period after the October Revolution of 1917.

Key words: vocabulary, text, sign, ideology, revolution, schism

Financing. Acknowledgement:

Bainin Sergey Vyacheslavovich, Candidate of Philology, Leading Research Fellow of the Vytegra United Museum, gave me access to the issues of the newspaper “Zvezda Vytegry”. Gao Liya,

Postgraduate Student of the Peoples' Friendship University of Russia, pointed out to me the editions of "Krasnaya Gazeta" that were valuable for this study.

Article history:

Received: 10.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Zagumenov, A.V. (2022) The Russian Schisch and the Russian Revolution: Semiotic Models of Language and Text Ideologization. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 800—814. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-800-814>

Введение в координаты исследования

Предлагаемое исследование, приуроченное к конференции «Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика» («Новиковские чтения»), оказывается на перекрестии 1) системного подхода в языкознании [1–3], 2) медиалингвистики [4], 3) истории старообрядчества [5–7] и 4) филологической герменевтики [8]. Это сопряжение научных позиций является фундаментом для обоснования гипотезы, согласно которой два разных по времени события — церковный раскол XVII века и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года — сопровождаются двумя изоморфными моделями в знаковом пространстве культуры. На первый взгляд, может показаться неправомерной сама мысль о сравнении этих периодов: разный контекст, причины, действующие лица, последствия. Тем не менее в ракурсе семиотики всё — знак, одно из ключевых свойств которого — способность к воспроизведению. Более того, мысль о сравнении церковного раскола и октябрьской революции 1917 года не покажется провокационной, если обратиться к широкому контексту языкознания.

Уже в XIX веке в трудах И.И. Давыдова разграничивается «воображение воспроизводящее» и «воображение творческое» [9. С. 20]. Хронологически позже И.А. Бодуэн де Куртенэ признавал, что между индивидами имеется «беспрерывность» в двух направлениях: в пространстве и во времени [10. С. 76]. Что объединяет эти две позиции? Во-первых, воспроизводящее воображение, как присущее носителю языка, обеспечивает стабильность, повторяемость какого-то числа языковых ресурсов в акте коммуникации. Во-вторых, знак не всегда территориально маркирован, что позволяет ему объединить порой совершенно различные локусы. Предпосылки к этим заключениям в разных вариантах обнаруживаются и в трудах Ю.М. Лотмана [11], и в работах Г.П. Щедровицкого [12]. Полагаем, что воспроизведение знака как нечто входящее в область понимания предвосхитил А.Л. Погодин, описав схему «образъ (у говорящего) — слово и отсюда слово (у понимающего) — образъ» [13. С. 344–345]. Несомненной заслугой Л.А. Новикова было доведение этой гипотезы до логического завершения в книге «Семантика русского языка» в 1982 году (рис. 1).

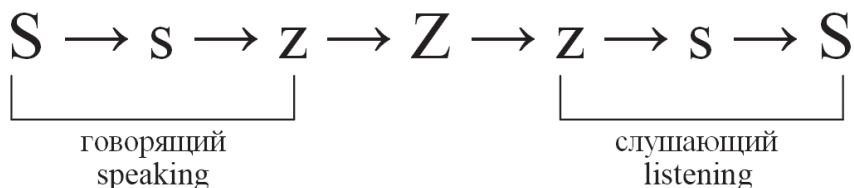


Рис. 1. Акт коммуникации по предположению Л.А. Новикова [2. С. 390]

Fig. 1. The act of communication according to L.A. Novikov [2. P. 390]

На изображении представлена цепочка переходов, где **S** — мыслительное содержание, сигнификат; **S** — языковое значение, **Z** — внутренний знак, психический образ физической (графической или звуковой) оболочки слова; **Z** — внешне воспринимаемый знак, улавливаемый органами чувств [2. С. 388–399]. Эта модель акта коммуникации не противоречит наблюдениям А.А. Залевской [14], И.А. Мельчука [15] и других. До определенной степени Л.А. Новиков теоретически описал фундаментальный принцип «воспроизводимости», базирующийся на стабильности переходов от порождения к пониманию знака.

Цепи шагов от «**S**» к «**Z**» (и обратно) оказываются психическими подмостками трансляции — передачи «функциональных элементов социальной структуры из одного, разрушающегося состояния в другое, складывающееся» [16. С. 34]. Единица коммуникативного сообщества, т.е. языковая личность, по меткой формулировке Л.А. Новикова, «определяющее начало творчества» [17], увы, существует в ограниченном хронотопе. В то же время знак будет воспроизводиться до тех пор, пока есть говорящий и слушающий (независимо от материальных носителей этих «ролей»). Именно по этой причине трансляция является передачей содержания из разрушающегося состояния в складывающееся с помощью стабильности переходов от «**S**» к «**Z**».

В этом условно бесконечном «течении» коммуникативных актов захватываются не только знаки, но и сложные по структуре образования. В их числе — идеология, понимаемая как «совокупность идей, которые задают горизонты жизни и рамки действий, отвечая на вопросы: что есть я? что есть для меня вы?» [18. С. 28]. Другие дефиниции рассматриваемого понятия имплицитно также фиксируют противопоставление кого-то кому-либо, чему-либо [19. С. 129–130; 20]. Идеология становится необходимой в условиях некоторого конфликта. Русская история, помимо внешних военных действий, знает как минимум два эпизода внутренней борьбы, но с разной полярностью: церковный раскол и светская революция. Чтобы выявить изоморфизм семиотических моделей этих двух событий мы с помощью сплошной выборки из источников разных жанров (исторические документы («акты», «деяния» и т.д.), выпуски газет за 1920 год, некоторые

научные издания) выявили лексико-синтаксические единицы, которые в нашей работе могут рассматриваться как идеологически маркированные. В исследовании ведущий метод — контекстный анализ, реконструкция, моделирование [21; 22] при доминировании филологической герменевтики с ее акцентом на «имманентную структуру, имеющую право на самостоятельное существование» [17. С. 214] в текстах давно ушедших лет.

Изоморфизм семиотической модели

Реализация некоторого события в знаковом пространстве требует «запуска» в виде совокупности отслеживаемых причин. Для нашего исследования обратимся к двум отрезкам:

XVII век — 1654–1682

XX век — 1905–1924.

Даты в первом периоде охватывают промежуток от поместного собора в Москве, где Никон открыто выступил со своими реформами, до смерти протопопа Аввакума в Пустозерске, своеобразной «точки невозврата» для старообрядцев и никониан того времени. Хронология второго среза (1905–1924) охватывает годы первой русской революции и смерти В.И. Ленина.

После реформ патриарха Никона (XVII в.) и революций (XX в.) образовались «кооперации» (Г.П. Щедровицкий) сторонников и противников осуществленного действия. Те, кто не согласился с деятельностью патриарха, ответили челобитными царю об ошибочности исправлений; те, кто не присоединился к большевикам, подтвердили присягу царской власти. Оба события — раскол и революция — строятся по одной модели, которую графически можно изобразить следующим образом (рис. 2).

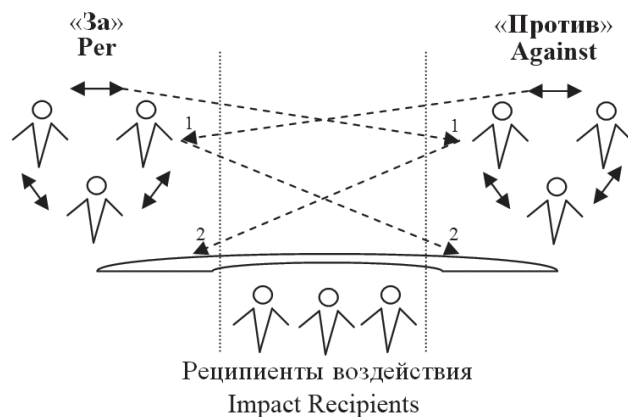


Рис. 2. Схема церковного и светского раскола

Fig. 2. Scheme of church and secular schism

Как в XVII, так и в XX веках образовались две организованные и противопоставленные друг другу группы людей: «За» что-либо/ «Против» чего-либо. Более 400 лет назад возникла оппозиция «Никониане/ Старообрядцы», после 1917 — «Сторонники Советов/Враги Советов»¹. Эти группы существуют диалектически [23], за счет самого «идейного» столкновения, а потому их высказывания на раннем этапе направлены прямо друг против друга (на схеме цифра «1»). Это прослеживается в челобитных от старообрядцев (1. Т. 1. Т.6), в содержании выпусков газет, например, (2. № 1. С. 1–2). Сам лингвистический материал отсылает к событиям XVII века: «Он (т.е. В.И. Ленин — прим. З.А.) же был главным двигателем наметившегося тут же *раскола* (здесь и далее выделено нами — З.А.) тогдашней партии на большинство (большевиков) и меньшинство (меньшевик) ... Таким *расколотым* строем вступили русские «социал-демократы» в 1-ю революцию 1905–6 г.г.» (3. № 90. С. 2). Как демонстрирует фрагмент, описанная выше семиотическая модель как бы была «запущена» в реализацию в самом начале избранного нами хронологического среза (1905–1924). Естественно, в газетной статье меньшевики наделяются нелицеприятными эпитетами, что отвечает логике схемы (рис. 2), но их в данный момент мы оставим в стороне.

Идеологизация языка и текста

Любое воздействие групп друг на друга (цифра 1 на рис. 1) сопровождается своеобразным, так сказать, «отскоком» (на схеме цифра «2») в область пока еще не вовлеченных в конфликт масс людей (реципиенты воздействия внизу на изображении), «обволакиваемых» деформируемым смысловым полем. Перекрестие «вторичного влияния» (по центру схемы) становится невидимым каркасом повторяющегося процесса идеологизации, который затрагивает не только современников, но и последующие поколения [24]. Воздействие может прослеживаться по пяти «параметрическим» связкам процессов: 1) привлечением определенных языковых средств, 2) поляризацией оценки,

¹ Для приземленного, бытового взгляда, возможно и другое объяснение сходств описываемых исторических событий. Если обратиться к XVII веку, то период 1654 по 1682 гг. ознаменовался сначала правкой стилистики, а позже — богослужебных основ русской церкви. Итог — оформление на Московском соборе 1666–1667 гг. раскола, после чего начнется восьмилетняя осада Соловецкого монастыря (фактически — гражданская война). Аналогичная картина наблюдается и в XX столетии. До 1905 года прогрессивные реформы отменялись реакционной политикой, вследствие чего все предложения по улучшению ситуации по ключевым вопросам, по сути, носили «стилистический» характер. После подавления первой русской революции позже произойдет Октябрьская революция 1917 г. с последующим «расколом» на «красных» и «белых» и гражданской войной.

3) прецедентностью текста, 4) идеи и 5) образа руководителя, поддерживающего победившую в полемике группу людей².

В текстах и XVII, и XX столетий наблюдается параллелизм в использовании лексических и лексико-синтаксических единиц, функция которых — наименование явлений жизни, связанных с действием, обострившим радикальные мнения в обществе. Для эпохи реформ Никона — *благоисправление* (4. С. 447), *новопечатных книг* (4. С. 447), *книги новоисправленные* (4. С. 450) и т.д.; для периода после революции 1917 года — *Ударные промышленные группы* (2. №98. С. 4), *переустройство всего мира* (2. №140. С. 2), *великое начинание* (2. №140. С. 2), *красные генштабы* и *красные инженеры* (3. №72. С. 1) и т.п. Одинаково используются слова с двумя и более корнями, например, *въ рукописании, ересь богоотметную Римскую, лжесложное писание* (4. С. 447–450) — для XVII века; *бьем белогвардейцев* (2. №1. С. 1), *мы остались молотобойцами* (2. №87. С. 1), *зловещий заколдованный круг кризисов* («Широкие возможности») (2. №45. С. 2), *всеобщая забастовка во Франции* (3. №77. С. 3) — для XX столетия.

Поляризация оценки идентична в текстах и XVII, и XX столетий. Например, для эпохи реформ Никона — *соборъ освященный, боголюбивымъ епископомъ, покаянный свитокъ* (4. С. 447–450) будет оцениваться положительно (самооценка Московского собора), но *расколы, мятежник, мятежесловие* (4. С. 448) в характеристике Аввакума и до нашего времени сохраняют потенциальную возможность употребления с пейоративной коннотацией. Аналогично и в «Красной газете» 1920 г. К положительному полюсу будут отнесены *рабочие, труженики, пролетарии*, а к отрицательному — *буржуазия, бывшие владыки мира* и иные противники коммунистов (2. №140. С. 2). Следовательно, поляризация оценки по аксиологическим оппозициям «Свой/Чужой», «Добро/Зло» может быть истолкована как проявление (и частный случай) идеологизации текстов вне зависимости от периода их создания.

Прецедентные феномены характерны и для документов XVII столетия, и для газетных статей 1920 г. Эпоха реформ Никона не скупилась на метафоры, отсылающие к образам Священного Писания, например, поп Никита в глазах судивших его священников «...окаянный уподобися аспиду затыкаю-

² Выбор языковых средств, поляризация оценки, прецедентность (текста, идеи, образа) сами по себе требуют деятельного участия коллектива, который их 1) соотносит с конкретной ситуацией и 2) придает им характер значимых именно для этой ситуации. Возникает в известной степени асимметрия, которую еще предстоит осмыслить специалистам по феноменологии и филологической герменевтике. По сути, оригинальность привлеченных средств в конкретной ситуации мыследействия редуцируется, с одной стороны, изоморфизмом модели, по которым развивается то или иное событие, а с другой — типологическим сходством актов индивидуального сознания, которое качественно меняет подход к интерпретации персонального творчества. Впрочем, эти теоретические вопросы не отменяют понимания выбора языковых средств, поляризации оценки и прецедентности как динамических по своей природе предметов лингвистического исследования.

щему ушеса своя на гласъ обаваящаго» (4. С. 450). Впрочем, этот же инструмент используется и в заголовках «Красной газеты» (*пусть камни вопиют* (2. №1. С. 3), *кому много было дано — от того много и требуется* (2. №22. С. 4), *волки в овечьей шкуре* (2. №23. С. 4)), и в названиях колонок «Красного севера» (*Мы обманем их во имя твое* (3. №4. С. 1), *Эх, тянися нитка, да не оборвися* ср. с Еккл 4:12; *Христос Воскрес* (3. №79. С. 3) и т.д.). Деформация смысловых полей редуцирует традиционное восприятие первоисточника, оставляя только знаковую последовательность с ограниченным числом комбинаций значения.

Если прецедентные тексты выявить проще из-за их значимости для культуры, то прецедентность идеи становится очевидной после анализа не только на текстовом, но и на метатекстовом [25] уровнях. Например, в перечне «раскольников» на Московском Соборе 1666–1667 гг. идеологи старообрядчества описаны следующим образом (рис. 3).



Рис. 3. Формулировки обвинений (1. Т. 2)

Fig. 3. Wording of the allegations (1. Vol. 2.)

Отсутствие объективной оценки всего происходившего на Московском соборе 1666–1667 гг. сопровождается идеологизацией языковых средств в описании всех неугодных священнослужителей. «Раскольники» выступают перед «преосвященнымъ соборомъ» со своими «злокозненными письмами» и «ложным учением». Их «исповедание» веры и «мученичество» подменяются заинтересованной стороной на «непокаяние», «неповиновение», «упорство». Эта же оценка, пройдя через века, будет передана (транслирована) в других текстах других жанров, относящихся к научной сфере. К примеру, «*Мы не думаемъ, что Стефанъ пошелъ на уступки въ дѣль Никона изъ страха потерпѣть нѣчто подобное тому, что потерпѣли Нероновъ и Аввакумъ <...>. Нѣтъ, онъ просто стоялъ выше своихъ провинціальныхъ друзей по своему развитію и по своимъ взглядамъ* (выделено нами — З.А.)» [26. С. 7]. В структуре высказывания закрепляется логика: тот, кто «во всемъ упорствовалъ», просто оказался ретроградом, неспособным к принятию

нового. Такой вывод опирается на «перекрестие вторичных влияний» (рис. 1) в общем знаковом окружении автора.

Теперь проследим прецедентность идеи для газетно-публицистического массива. Вот оценка уровня образования со стороны «противников советской власти», обнаруживаемая в «Красной газете»: «*Когда революционный народ сверг буржуазный строй, все европейские газеты подняли свирепый вой против „хамодержавия“ и „республики неграмотных“*» («Народное образование и советская власть») (2. №280. С. 4). В статье описываются успехи школьного образования молодой страны. Через сотню лет сходный по смыслу контекст мы обнаруживаем и в научной работе: «*И уже в первое десятилетие советской власти проводилась значительная работа по ликвидации безграмотности среди населения, в конечном итоге способствовавшая формированию нового человека, воспитанного в духе коммунистической морали*» [27. С. 3]. Обратим внимание на соответствия: против республики неграмотных — ликвидация безграмотности; хамодержавие — формирование нового человека и др. Примечательно, что идеологизация «прошивает насквозь» тексты разных жанров, относящихся к разным сферам функционирования. Документ XVII столетия или газетная статья XX века — это материальные оболочки для трансляции деформированных смыслов.

Пожалуй, неожиданными в ходе нашего сопоставления оказались прецедентные способы построения образа лидера, поддерживающего победившую в полемике группу людей. Сравним характеристику монарха в «Деяниях...» Московского Собора 1666–1667 с тем, что приписывали В.И. Ленину в год его юбилея. Первое, на чем мы остановимся, это — позиционирование лидера (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Позиционирование лидера в источниках XVII и XX вв. /
Positioning of the leader in the sources of the 17th and 20th centuries**

«Деяния»	«Красная газета»	«Звезда Вытегры»
«много лѣта тебѣ благовѣрному царю нашему и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, второму Константину, истинному православія разрешителю, вѣрному слугѣ Христову, теплomu вѣры каеволическія рачителю и поборнику» (4. С. 446–447)	«Это — наш Ленин! Наш... питерских рабочих ... С нами он политически воспитывался, нашу жизнь он изучал, нашу психологию, нашу упорную натуру борцов он воспринял» (2. № 87. С. 1)	«Он беззаветно верен пролетариату, он весь принадлежит ему, он живет одной жизнью с рабочим классом, более того: он сам — воплощение пролетариата» (5. № 49 С. 2)

Как видно из сопоставления, четко обозначена принадлежность руководителя к победившей группе. Он является ее частью, восприимчиком, «воплощением» в борьбе с «чужими», «врагами». Далее лидеру приписывается наличие сакрального инструмента — орудия, которым вершится историческое событие (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Наличие сакрального орудия / The presence of a sacred instrument

«Деяния»	«Красная газета»	«Звезда Вытегры»
«мысленное орудіе же и оружіе, и имъ яко острѣйшимъ истиннаго слова Божія мечемъ потщимся» (4. С. 447)	«Ильчй выдерживал вместе с нами. Разными молотами мы работали, но опускались они на одно и то же место. И теперь, когда он пишет декреты...разве это не молотобоец работает на кузнеце?!» (2. № 87. С. 1)	«Он – гениальный провидец: каждая его большая речь – историческое событие: она намечает перелом, новый этап революции» (5. № 49. С. 2)

Наше внимание привлекает 2 момента. Первый из них — составитель «Деяний...» языковым чутьем уловил семантические оттенки одного корня (орудіе и оружіе). Второй момент — «корреспонденция» характеристик, выявленных в рамках нашего сопоставления: у Алексея Михайловича сторонники подчеркивают «мысленность» меча в виде слова Божьего, у В.И. Ленина — гениальность (часть мыслимого) провидческих речей (в координатах христианства — часть Божественного, харизматического дара).

Наконец, обратимся к атрибутам лидера, подчеркивающие его особые духовные личностные качества (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Личностные атрибуты вождя / Personal attributes of the leader

«Деяния»	«Красная газета»	«Звезда Вытегры»
«...ихже властію отъ Бога намъ данною потщимся въ покореніе любезно преводити, на небрегущія же о семь и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити, способіемъ прекрѣпкія твоя царскія десницы; о еже всемирно молимъ» (4. С. 447)	«В нас сказывалась крепость Ленина в самые тяжелые минуты, а мы служили крепостью для Ленина в самые трудные времена» (2. № 87. С. 1)	«Подлинная любовь к России – не расслабленной внутри угнетательнице народов, а могучей полной творческих сил зачинательнице мирового освобождения» (5. № 49. С. 2)

Газета «Звезда Вытегры» фиксирует характеристику страны «в глазах», «во взгляде» В.И. Ленина на свое Отечество. Тем самым осуществляется перевод из мира объективно-действительного в область чаемого, субъектно-конституированного. Как видно из проведенного сопоставления источников, различных и по времени, и по ситуации, и по периоду развития языковой системы, образ лидера выстраивается как совокупность качеств ‘принадлежность к нашему кругу’ ‘наличие символического орудия’, ‘крепкость’ и т.д.

Заключение

В широкой семиотической перспективе поле деформированных смыслов влияет на функциональные возможности знаковых систем. Типологическое единство процесса идеологизации в двух разных временных срезах (XVII и XX вв.) поддерживается, с одной стороны, стереотипностью массового

мышления, а с другой — многократностью, повторяемостью как таковой. Сторонники реформ Никона закрепляли понимание старообрядчества в застывших словесных формулах церковных постановлений, их противники — через рукописные сборники, включавших в свой состав сочинения «лидеров раскола»; сторонники и противники советской власти, пользуясь уже не только рукописными, но и типографскими возможностями, оставили нам тексты, по которым нам удаётся воссоздать структуру знакового поля развернувшейся между враждующими лагерями полемики.

В сущности, мы подходим к описанию второй изоморфной семиотической модели. Представим себе телескопическую антенну, которую само движение времени «вытягивает» в полную длину до условно бесконечной величины. Каждый последующий сегмент устройства такой же, как и предыдущий, только объём у «трубки» иной. Как соотносится этот образ с нашей темой статьи? Если бы представляемая нами семиотическая модель действовала сходным образом, то многократное идеологическое воздействие должно было перерабатывать исходный факт (бытовавший до этого вне определенного понятийного поля) и создавать вторичное (с уже деформированными смыслами) высказывание о чем-либо. Каждый новый исторический срез, как новый сегмент «телескопической антенны», воспроизводит те же семиотические структуры, что бытовали и до него, однако изменения аккумулируются, картина меняется по вектору движения воображаемой нами «антенны». Иногда поведение человека, событие, изменившее ход истории, может подвергаться многократным упоминаниям ещё где-нибудь, но в каждом последующем случае перенос факта в новый текст укрепляет (и модифицирует) необходимые заинтересованной стороне коннотации значения.

И сторонники реформ-революции, и их противники оперировали лексико-синтаксическими единицами, служившими наименованием новых явлений в жизни после переломного события. Каждой из сторон конфликта была характерна поляризация оценки по модели «Свой / Чужой». И сторонники реформ-революции, и их оппоненты использовали прецедентные феномены в виде библейских образов, текстов. Победившая в полемике «партия», будь то XVII век или XX столетие, идентично позиционировала своего лидера, приписывала ему сакральное орудие, старалась придать ему особые личностные качества. Из всех перечисленных наблюдений следует, что с течением времени идеологизация теряет связь с исходным фактом; факт, будучи многократно повторенным, деформированным и превращенным в самостоятельно и независимо от источника существующее смысловое сгущение, образует миф — о глупых и непокорных старообрядцах, о прекрасном правителе государства, об опасных противниках действующей власти. Отличаются эти семиотические образования от таковых в древности тем, что они получены в результате исчерпанности функциональных возможностей знаковой системы культуры. «Раскол» и «Революция» даже

на уровне объема понятия будут с течением времени двигаться навстречу друг к другу, пока — надеемся, нескоро — не сольются в едином мифе о ничего не значащей ошибке прошлого.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
2. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001.
3. *Valentinova O.* The approach to investigating text and style: the rationale of cause typology of texts // The systemic view as a basis for philological thought. USA: Lexington books, 2021. pp. 141–270.
4. Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Медиаобраз деревенского престольного праздника «Ильин день» в лингвокультурологическом и лингвозпистемологическом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. №5 (98). С. 19–37. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-5-98-2>.
5. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М.: Языки славянской культуры, 2016.
6. Валентинова О.И., Никитин О.В. Метакультурные константы и связи старообрядцев Тувы (на материале путевых записей археографической экспедиции Н.Н. Покровского 1967 г.) // Новые исследования Тувы. 2021. №3. С. 195–209. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.15>
7. Протопоп Аввакум и его наследие в истории и современности: к 400-летию со дня рождения: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 15 декабря 2020 г. Великий Новгород, 2021.
8. Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет Т. 1. Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2009.
9. Давыдов И.И. Чтения о словесности. Курс 1. М.: Унив. тип., 1837.
10. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1963.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
12. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания М.: Вост. лит. РАН, 2005.
13. Погудин А.Л. Язык как творчество: (психологические и социальные основы творчества речи): происхождение языка // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 4. 1913.
14. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
15. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
16. Педагогика и логика. М.: Касталь: ТОО «Междунар. журн. «Магистериум», 1993.
17. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001.
18. Щедровицкий Г.П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 5. М., 2003.
19. Краткий философский словарь. М.: ТК Велби, Проспект, 2008.
20. Цахилов Т.О. Идеологизация как основа программной деятельности политических партий: история и современность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2015. №4. С. 85–89.
21. Валентинова О.И., Рыбаков М.А., Широбоков А.Н. Типы моделей и их объяснительные возможности на примере моделирования систем вокализма некоторых тюркских языков Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. №2. С. 148–162

22. Валентинова О.И., Никитин О.В. Двухязычная природа русского литературного языка в научной полемике и словесной культуре XVIII века // Филологические науки. №6 (2). 2021. С. 192–198.
23. Шпет Г.Г. Густав Шпет: собрание сочинений. Т. 4: Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007.
24. Факторович А.Л. Соотношение «голосов» при полифонии в немедийной политической коммуникации // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. №1. С. 82–87.
25. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006.
26. Скворцов В.М. Общий характер старообрядческого раскола, существенные признаки и степень вредности отдельных его толков. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1896.
27. Сучилкина Е.В. Значение языка в советской идеологии // Человек, общество и государство в современном мире: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Пенза: ПГТУ, 2016. С. 29–33.

Источники

1. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита: т. 1–9.
2. «Красная газета». Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000358/ (дата обращения: 01.12.2021).
3. «Красный север». Режим доступа: <https://www.booksite.ru/krassever/1920.htm> (дата обращения: 01.12.2021).
4. Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб., 1853.
5. «Звезда Вытегры», 1920.

References

1. Melnikov, G.P. (2000). *System typology of languages: the synthesis of the morphological classification of languages with the stadial: The course of lectures*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol. I. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
3. Valentinova, O.I. (2021). The approach to investigating text and style: the rationale of cause typology of texts In: *The systemic view as a basis for philological thought*. USA: Lexington books, 2021. pp. 141–270. (In Russ.).
4. Dracheva, Yu.N. & Ilyina, E.N. Media image of the village patronal feast “Ilyin’s Day” in linguoculturological and linguoepistemological aspects. *Cherepovets State University Bulletin*, 5 (98), 19–37. (In Russ.). DOI 10.23859/1994-0637-2020-5-98-2.
5. Pascal, P (2016). Archpriest Avvakum and the Beginning of the Schism. Moscow: Languages of Slavic culture, 2016. (In Russ.).
6. Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2021) Metacultural constants and connections of the Old Believers of Tuva (based on the records of the archaeographic expedition of N.N. Pokrovsky 1967). *The New Research of Tuva*, 3, 195–209. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.15>
7. Archpriest Avvakum and his legacy in history and modernity: on the occasion of the 400th anniversary of his birth. In: *Materials of the interregional scientific and practical conference with international participation December 15, 2020*. (2021). Veliky Novgorod. (In Russ.).
8. Bogin, G.I. (2009). *Acquisition of the ability to understand: works of different years Vol. 1*. Tver: Tver State University. (In Russ.).
9. Davydov, I.I. (1837). *Readings about literature. Course 1*. Moscow: University press. (In Russ.).

10. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). Selected works on general linguistics T.2. Moscow: Ed. Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
11. Lotman, Yu.M. (2010). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
12. Shchedrovitsky, G.P. (2005). Sign and activity. Book. 1: *The structure of the sign: meanings, meanings, knowledge*. Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
13. Pogodin, A.L. (1913). Language as creativity: (psychological and social foundations of speech creativity): the origin of the language. In: *Questions of theory and psychology of creativity*. Vol. 4. Kharkov. (In Russ.).
14. Zalevskaya, A.A. (2005). *Psycholinguistic research. Word*. Text: selected works. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
15. Melchuk, I.A. (2012). *Language: from meaning to text*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
16. Pedagogy and logic. (1993). Moscow: Castal: LLP. (In Russ.).
17. Novikov, L.A. (2001). Selected works. Vol. II. *Aesthetic aspects of language. Miscellanea*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
18. Shchedrovitsky, G.P. (2003). Methodology and philosophy of organizational and managerial activity: basic concepts and principles (course of lectures). In: *From the archive of G.P. Shchedrovitsky*. Vol. 5. Moscow. (In Russ.).
19. Brief philosophical dictionary (2008). Moscow: Prospekt. (In Russ.).
20. Tsakhilov, T.O (2015). Ideologization as a basis for the program activities of political parties: history and modernity. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4, 85–89. (In Russ.).
21. Valentinova, O.I., Rybakov, M.A. & Shirobokov A.N. (2019). Types of models and their explanatory possibilities on the example of modeling vocalism systems of some Turkic languages of Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2, 148–162. (In Russ.).
22. Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2021). Bilingual nature of the Russian literary language in scientific controversy and verbal culture of the 18th century. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6 (2), 192–198. (In Russ.).
23. Shpet, G.G. (2007). Gustav Shpet: collected works. Vol. 4. Art as a kind of knowledge. *Selected works on the philosophy of culture*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
24. Faktorovich, A.L. (2016). Correlation of “voices” with polyphony in non-media political communication. *Bulletin of Vologda State University. Series: humanitarian, social, pedagogical sciences*, 1, 82–87. (In Russ.).
25. Stain, K.E. (2006). *Harmony of the poetic text. Warehouse*. Textile. Texture. Stavropol: Stavropol State University Publ. (In Russ.).
26. Skvortsov, V.M. (1896). *The general nature of the Old Believer schism, the essential features and the degree of harmfulness of its individual interpretations*. Kiev: S.V. Kulzhenko. (In Russ.).
27. Suchilkina, E.V. (2016). The meaning of language in Soviet ideology. Man, society and the state in the modern world. In: *Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference*. Penza: PSTU. pp. 29–33. (In Russ.).

Sources

1. Materials for the history of the schism during the first period of its existence, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan: Vols. 1–9. (In Russ.).
2. Krasnaya Gazeta. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000358/ (accessed: 01.12.2021). (In Russ.).
3. Krasny Sever. URL: <https://www.booksite.ru/krassever/1920.htm> (accessed: 01.12.2021). (In Russ.).
4. Additions to the Historical Acts. (1853). Volume 5. St. Petersburg. (In Russ.).
5. “Zvezda Vytegry” (1920). Vytegra. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Загуменнов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви; *сфера научных интересов*: историческая лингвоперсонология, историческая лексикология, филологическая герменевтика, феноменологическая философия, семиотика; *e-mail*: zaw1991@mail.ru

Идентификатор ORCID: 0000-0002-2440-3918; eLIBRARY SPIN-код: 6230-5594.

Information about the author:

Alexander V. Zagumennov, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences, The religious organization — the theological educational organization of higher education “The Vologda theological seminary” of the Vologda diocese of the Russian Orthodox Church; *Research interests*: historical linguopersonology, historical lexicology, philological hermeneutics, phenomenological philosophy, semiotics; *e-mail*: zaw1991@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2440-3918; eLIBRARY SPIN-код: 6230-5594.



ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Семантика эроса в философско-поэтическом творчестве Вячеслава Иванова и Максимилиана Волошина

С.М. Пинаев  

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 pinaev-sm@rudn.com

Аннотация. Автор анализирует философско-эстетические работы и поэтические произведения Вяч. Иванова и М. Волошина, посвященные «тайне Эроса». Он отмечает, что если Вяч. Иванов воспевал «восторг вечной любви» и полагал, что «всякое дерзновение, рожденное Эросом, свято», то М. Волошин воспринимал Эрос не в сексуально-бытовом смысле и противопоставлял его таким понятиям, как пол (секс) и чувственность. Вяч. Иванов воспринимал любовь в интимном и религиозном аспектах: ей присущ вселенский пафос единения (с возлюбленной, с Богом). Целью является высшее любовное единение людей, которое может осуществить Церковь. В исследовании проанализированы семантика и поэтика стихотворения Вяч. Иванова из книги «Эрос». Ее центральный мотив: любовь как творческое начало, заключающее в себе высшую радость и неизбежные страдания. М. Волошин в своей трактовке любви ориентировался на трактат Платона «Пир», а также на антропософское учение. В этой связи рассматриваются его стихотворения: «Грот Нимф», «Пещера», «Материнство». В ракурсе творческих взаимоотношений двух поэтов весьма интересным представляется обращение к циклу стихов М. Волошина «Звезда Полярная», в котором отдельные произведения вызывают непосредственные ассоциации с лирикой Вяч. Иванова. Автор приходит к выводу о расхождении в восприятии семантики эроса в философско-поэтическом творчестве Вяч. Иванова и М. Волошина.

Ключевые слова: эрос, поэзия, семантика текста, творчество, слово, время, космос

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

© Пинаев С.М., 2022




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Пинаев С.М. Семантика эроса в философско-поэтическом творчестве Вячеслава Иванова и Максимилиана Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 815—826. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826>

Semantics of Eros in the Philosophical and Poetic Art of Vyacheslav Ivanov and Maximilian Voloshin

Sergei M. Pinaev  

People's Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaia str., Moscow, Russian Federation, 117198
 pinaev-sm@rudn.com

Abstract. The article attempts to analyze philosophical and poetic works of V. Ivanov and M. Voloshin concerning “mysteries of Eros”. It is concluded that V. Ivanov sang “the praise of eternal love rapture” while M. Voloshin didn’t perceive Eros only as a passion and opposed it to sex and sensuality. Ivanov perceived love in its intimate and religious aspects. He wrote about the universal pathos of unity with a beloved woman and God, as well. The final goal is the high love unity of mankind which can be realized by Church. The article deals with Ivanov’s poetic book “Eros”. It’s main theme is love as a creative basis which contains high joyfulness and inevitable sufferings, while Voloshin was writing about love based on Platon’s treatise “Feast” and also an antroposophic teaching. So his poems “Nymphs Grotto”, “Cave” and “Maternity” are analyzed in the article. The author traces creative relationship of two poets and especially marks Voloshin’s cycle of verses “The Star of Wormwood”. Directly or polemically, each of them associates with Ivanov’s lyrics.

Key words: Eros, poetry, semantics of text, creative work, word, time, space

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Pinaev, S.M. (2022). Semantics of Eros in the Philosophical and Poetic Art of Vyacheslav Ivanov and Maximilian Voloshin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 815—826. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826>

Л.А. Новиков нередко говорил о том, что лингвистический и литературоведческий анализ текста следует производить в органическом единстве. При этом он считал, что важнейшей задачей науки о языковом значении является «изучение семантики текста, интерпретация ее в плане синтеза, взаимодействия составляющих ... текста художественных произведений» [1. С. 653]. В этой связи весьма актуальным и перспективным представляется сопоставительный анализ поэтических произведений В.И. Иванова и М.А. Волошина.

В качестве дарственной надписи Вячеславу Иванову на первой книге своих стихотворений Максимилиан Волошин вывел четыре строки, последняя из которых перекликается с лирикой Катуллы: «Еще не отжиты связавшие нас

годы, / Еще не прожиты сплетения путей... / Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды, / Любовь и ненависть текут в душе моей». Для М. Волошина события на «Башне» обернулись жизненной драмой. Для Вяч. Иванова — стали питательной почвой поэзии. Для него все было естественно и органично. Самых разных людей, считал поэт, сближает покорность «единой вечной Воле» («Покорность»), предписывающей «испить три чаши»: одиночество, любовь и смерть: «Гонясь за призраком — и близким, и далеким, / Дано нам быть в любви и смерти одиноким». Все страдания человечества искупаются «восторгом вечной любви». Подобно зерну, человек жертвует собой, умирая, чтобы возродиться, обрести истинное «я» в ином бытии: «Ищет себя, умирая, зерно — и находит, утратив: / Вот твой, Природа, закон! Вот твой завет, Человек!..» («Самоискание»). Поэт — это теург, страдающий и творящий, преобразующий мир «лирными чарами». Его назначение — любя, запечатлеть «на лице земном» «Свой Идеал богоявленный» («Творчество»). Именно — любя... Любовь, «восторг вечной любви» становится для поэта выражением истинной религии.

Первая книга стихов Вяч. Иванова называлась «Кормчие звезды». Это знаки, определяющие маршрут корабля. Это духовные ориентиры, сияющие истины, по которым блуждающий в хаосе «правд» человек находит истинное направление. Однако кормчие звезды не только содействуют преодолению духовного бездорожья; они способствуют новому пониманию любви в интимном и религиозном аспектах. В любом случае ей присущ вселенский пафос самоутверждения и единения (с возлюбленной, с другими мирами): «Любовь, как атом огневой, / Его в пожар миров метнула: / В нем на себя Она взглянула — / И в Ней узнал он пламень свой» («Дух»).

Проблема преодоления смерти связана, рассуждал Вяч. Иванов, с восприятием сущности любви, как ее понимал Вл. Соловьёв (наиболее интенсивное выражение личной жизни, выявляющей в контакте с другим человеком свое бессмертие). Следующий шаг — высшее любовное единение людей, которое может осуществить Церковь.

Во второй половине 1900-х годов Вяч. Иванов жил в Петербурге на углу Тверской и Таврической улиц, в доме, увенчанном башней. Символика этого здания непосредственно связывалась поэтом с христианской эзотерикой храма как медитативной точки между земным и небесным Градом, башней из слоновой кости в царстве Иоанна, а также фаллическим символом творческого Эроса. По мнению Вяч. Иванова, вся человеческая история сводилась к Эросу, на место этики и эстетики заступала эротика, ибо «всякое дерзновение, рожденное Эросом, — свято» [2. С. 59]. Вяч. Иванов разрабатывал идею «соборности», основанной на телесно-духовном единении людей. Отсюда, вспоминает М.В. Сабашникова высказывания Иванова и его жены, приходящих к выводу: «двое, слитые воедино... в состоянии любить третьего». И это может стать основой нового человеческого общества, даже новой церкви»

[З. С. 128]. Сама же Л.Д. Зиновьева-Аннибал, прозываемая своим супругом то Диотимой (жрицей, излагающей в диалоге Платона «Пир» свою философию любви), то Менадой (спутницей Диониса), то Психеей, рассуждала о необходимости покончить с любовью двоих и направить энергию Эроса в божественные сферы. Не лишним будет упомянуть и о том обстоятельстве, что после смерти жены (1907) Вяч. Иванов сочетался браком со своей падчерицей, а проводы умершей («Обручился с Лидией ее смертью», по его выражению) превратил одновременно и в мистическое обручение, и в телесное единение, и в причащение ко Христу: «Впервые мы крылаты и едины, / Как огонь-глагол синайского куста; / Мы — две руки единого креста» (Венок сонетов, XIII). Симптоматично, что третья книга стихов Иванова называлась «Эрос». Ее центральный мотив — дионисийская жажда бытия, любовь как творческое начало, заключающее в себе высшую радость и неизбежные страдания.

В «эротической» атмосфере Серебряного века М.А. Волошин воспринимается, пожалуй, как самый «неэротичный» поэт, по сравнению даже с О. Мандельштамом, обессмертившим «Искусанный в смятении / Вишневый нежный рот...», не говоря уже о К. Бальмонте и В. Брюсове. Если В. Брюсов заявлял, что страсть это та точка, где земной шар «прикасается к иным бытиям...», а в стихах воспевал «всю мерзость наслажденья», то Волошин полагал, что «в мировой гармонии у чувственности — явления по самому существу противоположного любви — нет иного объяснения, кроме того, что так в нашем мире проявляется чье-то желание воплощения» [4. С. 432], а в жизни своей, равно как и в поэзии, стремился изжить «Все женское, текучее, земное, / Все темное, все злое, все страстное, / Чему тела людей обречены» («Lunaria, V»). Первые эротические опыты Волошина оставили в его душе неприятный осадок. Откровенная чувственность отпугнула его. «Запах тела» представлялся «безобразным, но раздражающим». Тело натурщицы поразило его своей обыденностью. И страсть «не говорила в нем». В результате первого свидания с проституткой Сюзанн поэт испытывал отвращение и стыд, после второго — ощущение, что он принимает какое-то лекарство, вкушает отраву, и хорошо бы при этом отключить обоняние, чтобы не чувствовать отвратительного запаха. Стихов этой женщине Волошин, естественно, не посвятил. Его брак с М.В. Сабашниковой носил, если можно так выразиться, номинальный характер. «Макс, да он же недоовоплощенный», — обронила как-то в разговоре М.В. Сабашникова.

И все же мы говорим об Эросе в творчестве М. Волошина. Парадокса здесь нет. Волошин понимал Эрос не в сексуально-бытовом смысле как «дрожь лобзаний и объятий» и «утоленье» в «ласках тел», а в философско-эзотерическом плане. Эрос в его трактовке противоположен таким понятиям, как пол (секс), чувственность, плоть.

Пожалуй, основной импульс в восприятии Эроса дал поэту Платон. В 1904 году Волошин делает записи по поводу «Пира», который произвел

на него немалое впечатление. Во многом под впечатлением от платоновской философии поэт создает такие стихотворения, как «Грот Нимф», «Как некий юноша в скитаньях без возврата...», «Мой пыльный пурпур был в лоскутках...» и др. Идеи Платона, что называется, витали под «куполом» башни Вячеслава Иванова, который, как отмечала Л.Д. Зиновьева-Аннибал, рассчитывал организовать, отталкиваясь от «Пира», дискуссию о Любви.

Поэт и философ, знаток античности, учредитель литературных сред, Вячеслав Иванов воспринимал себя центром этих поэтико-художественных сборищ, «Солнечным Зверем», как назвал его Волошин в одном из стихотворений. «Томление, отчаяние М.В. — это было характерно для нашего времени, вспоминала М.В. Сабашникова. — Люди мечтали о несбыточном, Люцифер завлекал их в сети Эроса. Жизнь была пронизана драматизмом. Особенно жизнь художников. Дружеские супружеские пары встречались редко, их даже несколько презирали...» [5. С. 126–127]. В этой обстановке молодая женщина, в то время жена поэта М. Волошина, попала под демоническое влияние основателя «Башни», знающего толк в древних мистериях и культах.

М.В. Сабашникова, как сама она вспоминала, оказалась неподготовленной к существованию в этой атмосфере, погребенной под лавиной нахлынувших чувств. Да и как тут было сохранить здравый рассудок, когда вращающиеся в кругах «Башни» экстравагантные дамы вполне серьезно предлагали ее хозяину уехать куда-нибудь на островок и помочь им родить сверхчеловека. Сами чувства, увлечения воспринимались многими поэтами Серебряного века как таинство, непостижимая бедна. Поэтому и возникали в пределах богемно-символистской среды неожиданные пережесты отношений, невысказанные любовные союзы, происходило крушение судеб. Ведь возникновение страсти зависит не от человека, утверждал Брюсов, и мы ничего тут не можем поделать. Отсюда же, выявляет суть эпохи символизма Вл. Ходасевич, «лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично за какими». Все «переживания» почитались благом, лишь бы их было много, и они были сильны. «Глубочайшая опустошенность оказывалась следствием этого эмоционального скопидомства <...> непрерывное стремление перестраивать мысль, жизнь, отношения, самый даже обиход свой по императиву очередного „переживания“ влекло символистов к разыгрыванию собственной жизни как бы на театре жгучих импровизаций <...> Достаточно было быть влюбленным — и человек становился обеспечен всеми предметами первой лирической необходимости: Страстью, Отчаянием, Ликованием, Безумием, Грехом, Ненавистью и т.д. [6. С. 115].

Но все касалось не только символистов. «Жгучие импровизации» на почве эротичности были заложены в самой природе Серебряного века, эпохи болезненно-прекрасной, блестяще трагической, объединившей театр и жизнь, восход и закат, высокие чувства и плотские желания. Можно сказать, что аромат эпохи сгустился в творчески-эпатажном бытовании «Башни». Идейное

содержание и сама атмосфера «башенных» представлений так или иначе запечатлелись в статьях Волошина, вышедших в конце 1906 года под заглавием «Лики творчества». Так, например, в статье «„Эрос“ Вячеслава Иванова» поэт соотносит стихи Иванова с идеями платоновского «Пира». В понимании Волошина любовь представляет собой вечное творчество, это «великий творческий демон». К слову сказать, и у Платона Эрот трактуется Сократом не как бог, а как один из демонов (гениев), занимающих промежуточное положение между богами и людьми (нельзя не упомянуть в этой связи «Демонов глухонемых» Волошина). По мысли Платона, Эрот представляет собой само «любящее начало» и начало творческое в том смысле, что именно оно «вызывает переход из небытия в бытие» [7. С. 26–27] — что в значительной степени перекликается с высказываниями самого М. Волошина.

7 февраля 1913 года М.А. Волошин напишет сонет: «Как некий юноша в скитаньях без возврата...», ассоциирующийся с притчей о блудном сыне. Однако в более широком смысле здесь возникают отсылки к мифу об Андрогинах, мысли о расщепленности человеческого существа, его неизбывном одиночестве, о потребности частицы души обрести свою вторую половину, своего «двойника». Платоновский миф является также поводом для раздумий о судьбе поэта, обреченного на беспрестанные скитания, вечные духовные блуждания. Эта же тема звучит и в следующем стихотворении, написанном днем позже: «Мой пыльный пурпур был в лоскутках...» Здесь звучит тот же мотив «блуждания», поиска «двойника», который, скорее всего, завершится безрезультатно: «И среди ладоней неисчетных / Не находил еще такой, узор которой в знаках четных / С моей бы совпадал рукой». Как известно, согласно древней эзотерике, четные числа представлялись женскими, нечетные — мужскими.

Своеобразным подведением итогов «эротических» изысканий Волошина этого, «ивановского», периода стала лекция «Пути Эроса», прочитанная в феврале 1907 года на «Башне», а затем — в московском Литературно-Художественном Кружке. Поэт дает трактовку «Пира», сочетая мысли философа с мистико-теософскими взглядами. Вслед за Платоном Волошин утверждает, что Эрос из «стихий пола» ведет к «мужественным деяниям... и созерцанию вечной красоты» [8. С. 226], к постижению высшего добра и блага — Бога. Поэт настаивает на том, что пол и Эрос взаимосвязаны, но это — антиномичные категории. Ведь пол — «это инволюция Бога в материю... это крестное нисхождение божества». Эрос же — эволюция. Движение от минерала к Богу — путь, ведущий через человека. Пол — расчленение, погружение в материю, дифференциация. Эрос — возврат к единству. Вечное слияние. Путь к Церкви. Отказ от своего низшего я во имя Я высшего, «возврат человека к Богу» [8. С. 216].

По сути дела, уже в который раз поэт говорит о взаимодействии в человеке материи и духа, пола и Эроса. Пол — пленение духа в веществе, его

угасание, дробление в потомстве. Эрос же — преодоление земной страсти, просветление и одухотворение материи. Однако необходимо перевести эту энергию в более высокую сферу — в сознательное творчество. Собственно говоря, основные тезисы этого доклада были разработаны Волошиным еще летом 1904 года, во время и после женевских бесед с Вяч. Ивановым. Из записей от 9 августа: «Надо уметь владеть своим полом, но не уничтожать его. Художник должен быть воздержанным, чтобы суметь перевести эту силу в искусство. Искусство — это павлиний хвост пола» [9. С. 72].

В реальной жизни все было проще и драматичнее. Вяч. Иванов вел свою «соборно-эротическую» игру. И не первую в этом роде. По свидетельству М.А. Кузмина, Иванов к ноябрю 1906 года «поставил крест на романе с Городецким», который еще в июле был избран им и Лидией для «духовно-душевно-телесного» союза, означавшего возникновение некоего «хорового» сообщества людей. Разработчик философии дионисийства и творческого Эроса, пишет М.В. Сабашникова, «все резче критиковал Макса <...> Когда я пыталась защищать Макса, Вячеслав утверждал, что брак, между нами, „инверцами“, недействителен. В глубине души у меня самой назревало такое чувство. Вячеслав лишь облекал его в слова...» [5. С. 128]. Возможно, здесь истоки происхождения строки «Не бойся врага в иноверце...» в стихотворении Волошина 1914 г. Таким образом, формировался новый «тройственный союз» (Иванов, Лидия и Маргарита), в котором жизнь сопрягалась с мифом, обыденное — с мистическим ритуалом. Максимилиану Волошину в этой «мистерии Эроса» роли не отвели.

В отношении творческих переключек двух поэтов довольно показательным представляется обращение к циклу стихотворений Волошина «Звезда Полярная». Большинство из них — явно или имплицитно, прямо или полемически — связаны с произведениями Вяч. Иванова. Так, стихотворение «Кровь» представляет собой посвящение на книге Иванова «Эрос», в которую входит непосредственно ассоциирующееся с «Кровью» стихотворение «Двойник»: «Ты запер меня в подземный склеп. / И в окно предлагаешь вино и хлеб. / И смеешься в оконце: „Будь пьян и сыт! / Ты мной обласкан и не забудь“...» Казалось бы, «двойник» у Иванова это тот же Эрос, будоражающий кровь и стимулирующий жизнь. Третья строфа звучит так: «И в подземном склепе я про солнце пою, / Про тебя, мое солнце, — про любовь мою. / Твой, солнце, славлю победный лик... / И мне подпевает мой двойник». Однако недоумение вызывает последняя строфа: «Где ты, темный товарищ? Кто ты, спешивший в склеп? Петь со мной мое солнце из-за ржавых скреп? / „Я пою твоё солнце, замураван в стене, — / Двойник твой. Презренье — имя мне“».

Для того, чтобы уловить скрытый смысл последней строфы, следует обратиться к трактовке Ивановым категории времени, а также — волошинской философии мгновения-вечности, нашедшей отражение в статьях «Аполлон и мышь» и «Hogomedon». Эрос, Иванов считает, что, стимулируя жизнь,

Эрос, по убеждению Иванова, делая жизнь более богатой и интенсивной, неизбежно ее сокращает, уподобляя шагреновой коже, поэтому в каждое мгновение жизни человеческое «я» не равно самому себе: «Где я? Где я? / По себе я / Возалкал. / Я — на дне своих зеркал». Выходит, что человек неумолимо соотносится со своим «двойником», ибо самоощущение в каждую секунду бытия оборачивается осознанием себя в прошлом, стало быть — восприятием не оригинала, а двойника. «Что такое я как постоянная величина в потоке сознания...», — вопрошает Иванов. В статье «Копье Афины» он пишет: «Я становлюсь: итак, не есмь. Жизнь во времени умирание. Жизнь — цепь моих двойников, отрицающих, умерщвляющих один другого...» [3. С. 95].

В стихотворении Волошина «Кровь» так же возникает своего рода двойник: «В моей крови — слепой Двойник. / Он редко кажется дымный лик, — / Тревожный, вещий, сокровенный. / Приникнул ухом... Где ты, пленный?» Ивановский «двойник» из темного «склепа» своего сиюсекундного существования прославляет солнце как вечную, неумирающую красоту жизни. Волошинский «двойник» говорит о «слепом огне», бушующем не вне, а внутри него. Символы солнца, огня, ассоциирующиеся с Эросом, объединяют стихотворения двух поэтов, но также и разводят их. Волошинское «посвящение» в данном случае не связано с привычным для него мотивом утверждения мгновения в вечности, их совмещения. Для уяснения смысла стихотворений «Солнце» и «Кровь», писал М.А. Волошин А.М. Петровой 1 января 1907 года, «я должен сказать, что человек древнее земли и жил раньше на других планетах и что кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца... Кровь знает больше человека и знает сокровенные тайны мироздания» [10. С. 279]. Отсюда образ «слепого Двойника» в крови поэта, «Пращура пленного», знающего тайны «покинутой вселенной». Кровь — это «слепой огонь», одухотворяющий современного человека, делающий его причастным вечности; это своего рода живая память мироздания.

Замыкает цикл «Звезда Полярная» непосредственно перекликающийся со стихотворением «Кровь» сонет «Грот Нимф» (1907). За этим сонетом (хоть и посвященным Сергею Соловьёву) вновь маячит тень Вячеслава Иванова, в нем дышит античность, возникают ассоциации с трактатом Порфирия «О пещере нимф». «Поэт рассматривает уходящую в недра земли пещеру в космическом плане: как место круговорота душ — их нисхождение в мир и восхождение к небесным сферам и бессмертию: „И каждый припадет к сияющей амфоре, / Где тайной Эроса хранится вещий мед». Весь сонет представляет собой, по сути дела, развёрнутую метафору Эроса, который в интерпретации платоновской Диотимы, «в один и тот же день бывает цветущ, полон жизни... но потом всё сразу теряет, умирает и воскресает снова» [11. С. 483]. Именно Эрос управляет круговоротом душ в космических пещерах Времени. Эта же мысль заключена и в стихотворении Волошина «Материнство» (1917): «Свобода и любовь в душе неразделимы, / Но нет любви, не налажавшей уз. /

Тягло земли — двух смертных тел союз. / Как вихри мы сквозь вечности гонимы. . .».

Здесь тема Эроса воспринимается сквозь призму антропософской теории деторождения: «Кто возлюбил другого для себя, / Плоть возжелав для плоти без возврата, / Тому в свершении расплата: / Через нас родятся те, кого любя, / Связали мы желаньем неотступным. . .» В антропософском понимании путь к новому земному воплощению проходит через несколько стадий: период очищения человеческого „я“, затем — долгий процесс самоусовершенствования за счет перехода во все более высокие области духовного мира и, наконец, постепенное образование нового астрального тела. В дальнейшем оно попадает под контроль высших духовных сил, которые и руководят последующим этапом возвращения „я“ к земной жизни, направляя астральное тело к той паре земных людей, которые ему предназначены и которые могут дать соответствующую оболочку из физического и эфирного тел, то есть осуществить новое земное рождение. «Как вихри мы сквозь вечности гонимы. . .», — это поэтическое умозаключение содержится в произведениях Волошина разных лет. «Материнство», как отмечал сам поэт, образует параллель к «Пещере» (1915). Антропософский подтекст этого стихотворения ощущается, пожалуй, еще более отчетливо: «Наш путь закрыт к предутренней Пещере: / Сквозь плоть нет выхода — есть только вход. / А кто-то, за стеной, волнуется и ждет. . . / Ему мы открываем двери». «Пещера», в свою очередь, вызывает ассоциации с более ранним стихотворением «Грот нимф»¹.

Тайну «пещеры» составляет «вещий мед», что хранится в «сияющей амфоре». Мед есть символ очищения и принесения жертвы богам смерти, ибо души, устремляясь в мир, расстаются с бессмертием. Однако в образе пчелиных сот скрыт и прообраз жизни: восковые личины преходящих форм исполнены вещим медом духа. «Реют пчелы» и на страницах книги Вяч. Иванова «Эрос». Пчелой облетает «цветник людских сердец» Эрос («Кратэр»). Священная чаша, кратэр, в которой эрос смешивает мужское и женское начала, предназначена богам, питающимся человеческой любовью. «Лестница природы такова: минералы отдают свет, растения вдыхают свет и отдают кислород; люди дышат кислородом и излучают из себя любовь. . . Эрос-Пчела облетает цветник людских сердец и питает богов собранным медом любви. Нектар и амврозия, которыми питались олимпийские боги, — это мужское и женское начало человеческой природы» [11. С. 482–483] — так комментирует М. Волошин образную систему Вяч. Иванова, соединяющую через посредство Эроса земное с божественным в пределах некоего чувственного (а порой — сверхчувственного) Эдема. В волошинском же сонете, включающим в себя подземный мир-космос, акцентируется не соединение, а разъединение: «Но смертным и богам отверст различный вход. . .».

¹ Подробнее разбор этого стихотворения дается в [12. С. 95–97].

Впрочем, «тайна Эроса», мед — это еще и творчество, поэзия. Тот самый «ионийский мед», который, по Мандельштаму, подарили человечеству «лирики слепые» («На каменных отрогах Пиэрии...»). Тот самый расплесканный мед, который М. Волошин в 8-м сонете «*Corona Astralis*» соотносит с «недопетыми песнями». Однако поэзия, как и мед, обладает магическими возможностями. Ее функции близки Эросу. Поэзия, как поучала Сократа Диотима, есть «общая причина того, что из небытия переходит к бытию». О заклинательной функции поэзии В.И. Иванов много и убедительно писал в статьях, в частности, в «Заветах символизма». Непосредственно реализуется эта функция в его книге «Эрос», «книге заклинаний, призывающих древнего бога на землю» [11. С. 480] Сам Волошин по этому поводу пишет: «Человек словом своим заклинает появление нового мира, подобно тому, как наш мир был создан словом Божественным» [11. С. 480].

«Программным в этом отношении представляется стихотворение Волошина, начинающееся строкой «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...». Здесь та же антиномия-тождество пещера-космос. Пещера, земля принимает в себя космос, как человеческое тело заключает дух, а поэт — слово. Творческий процесс отражается и на космическом уровне. Слово сходит в землю, то есть в поэта, что дает возможность «видеть над собой алмазных рун чертеж» — небесные космические письмена. Самым примечательным является то, что поэт уподобляет себя «Матери-Земле», в которую «сойдет» и в которой «распнется» Слово. Слово в значении Логос — имеется в виду предвечный образ Бога, прямой образ ипостаси его, как пишет Вл. Соловьёв в «Чтениях о Богочеловечестве». Поэтическое слово становится «божественным», а сам поэт — «гробом», заключающим «тело Бога», воскресающим Эросом, Сосудом Откровения» [11. С. 481].

Таким образом, Эрос Вяч. Иванова, по определению М. Волошина, творческий Демон, «посредник между людьми и богами, который ведет человека крестным путем страсти и смерти к познанию бессмертия и вечной красоты» [11. С. 481].

Именно он, как следует из статьи Волошина «Анри де Ренье» (1910), помогает ощутить смертность человека «здесь как знак бессмертия», мгновение, которое «свидетельствует о вечности», саму жизнь как «меняющийся, текущий, неуловимый образ той вечности, которая сокрыта» в человеке [11. С. 61].

Эрос в понимании М. Волошина — не сусально сладостный божок, а грозная, демоническая сила. Он, утверждает поэт в статье, посвященной книге стихов Вяч. Иванова «Эрос», «учит человека дерзать и преступать законы человеческие и божественные», но, проведя его «сквозь очистительное пламя всех страстей, всех преступлений и всяческого земного изобилия... наставляет его радостному смирению» [11. С. 484]. XII и XIII сонеты «*Corona Astralis*» в определенной мере подтверждают эту мысль. Стихотворения Вяч. Иванова, посвя-

щенные Диотиме («Змея», «Целящая», «Кратэр»), воссоздают некое восхождение по ступеням любовного познания. Вообще же дионисийско-эротическую философию экстаза, бурного переживания жизни, «Ярь двух кровей, двух душ избыток, / И власть двух воль и весть двух вер...» Иванов противопоставлял унылому бытию своих пресыщенных современников и верил, что она развеет «наваждение душное — колдовской полон душ потусклых».

У М. Волошина нет любовной лирики в традиционном понимании этого словосочетания. Эрос в его поэзии не сводится к «яри двух кровей», к описанию того, как «в спазмах тел палящих ищем нег». Для него важнее другое: «Устами льнем к устам и припадаем к устью / Из вечности текущих рек...» («Пещера»). Пути Эроса в творчестве Волошина пролегают, как и у Платона, по восходящей спирали. От преклонения перед грацией и «стрекозиной красотой» испанской танцовщицы («Кастаньеты») — до воспевания природного, солнечного Эроса, дающего «приказ» «витьеся лозам винограда»; от восприятия Эроса как поэзии, творчества в широком смысле (здесь философско-поэтические линии Иванова и Волошина сходятся) — до антропософских умозаключений («Не мы, а он возжаждал видеть твердь! / И наша страсть — полет его рожденья»), от сладостно-ядовитой, «лунарной» магии любви и смерти — до мистического сочетания поэта и «матери-Земли».

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001.
2. Богомолов Н.А. «Мы два грозой зажжённые стволы». Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 56–65.
3. Иванов В.И. Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1971.
4. Волошин М.А. Собр. соч. Т. 10. Письма 1913–1917. М.: Эллис Лак, 2011.
5. Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель, 1990.
6. Ходасевич В.Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М.: Изд-е ОПТЦ «Мир искусства» и журнала «Наше наследие», 1992.
7. Платон. Собр. соч. в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
8. Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6, кн. 2. Проза 1900–1927. М.: Эллис Лак, 2008.
9. Волошин М.А. История моей души. М.: Аграф, 1999.
10. Волошин М.А. Собр. соч. Т. 9. Письма 1903–1912. М.: Эллис Лак, 2010.
11. Волошин М.А. Лики творчества. Л.: Наука, 1988.
12. Пинаев С.М. Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте Серебряного века. М.: РУДН, 2009.

References

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol. I. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
2. Bogomolov, N.A. (1991). “We are two trunks burnt by fire”. Erotic in Russian poetry — from symbolists to obariuts. *Literary review*, 11, 56–65. (In Russ.).
3. Ivanov, V.I. (1971). *Collected works. Vol. 1*. Brussels. (In Russ.).

4. Voloshin, M.A. (2011). *Collected works. Vol. 10. Letters of 1913–1917*. Moscow: Ellis Lak. (In Russ.).
5. *Memoirs about Maximilian Voloshin (1990)*. Moscow: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
6. Hodasevich, V.F. (1992). *“Nekropol” and other memoirs*. Moscow: Mir iskusstva, Nashe nasledie. (In Russ.).
7. Voloshin, M.A. (1999). *The history of my soul*. Moscow: Argraf. (In Russ.).
8. Platon (1993). *Collected works in four volumes. Vol. 2*. Moscow: Misl'. (In Russ.).
9. Voloshin, M.A. (2008). *Collected works. Vol. 6. Part. 2. Prose of 1900–1927*. Moscow: Ellis Lak. (In Russ.).
10. Voloshin, M.A. (2010). *Collected works. Vol. 9. Letters of 1903–1912*. Moscow: Ellis Lak. (In Russ.).
11. Voloshin, M.A. (1988). *Guises of creative work*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
12. Pinaev, S.M. (2009). *Close to everyone, alien to everything... Maximilian Voloshin in the historical and cultural context of the Silver Age*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Sergei M. Pinaev, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: pinaev-sm@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8383-5342>.

Information about the author:

Sergei M. Pinaev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia; *e-mail*: pinaev-sm@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8383-5342>.



DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-827-843

UDC 811.161.1'37:16:821.161.1-31

Research article / Научная статья

Situation Awareness Paradoxicality and Paradoxical Logic of Characters in the Novels of I. Ilf and Eu. Petrov

Elena N. Ryadchikova¹ , Olga A. Kadilina^{2,3}  , Valeria T. Vered³ ¹Kuban State University,*149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, Russian Federation, 3500402*²Kutafin Moscow State Law University,*9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, Russian Federation, 1259933*³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),*6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198* olgakadilina@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the study of the role of paradoxes in the novels written by I. Ilf and Eu. Petrov «The Little Golden Calf» and «The Twelve Chairs». In this aspect, the novels that have become world classics have not yet been the subject of detailed scientific study; an attempt to fill this gap determines the relevance of this article. The concepts of «antinomy», «dichotomy», and «intentionality» are considered. The study of the elements of paradoxes, their step-by-step tracing allows to reveal hidden meanings, the vertical context provides a better understanding of the linguistic personality of the characters and the author's message. The paradoxical nature of evaluative characteristics can manifest itself not only in a horizontal context, but also in a vertical, diachronic one. The contexts containing the paradox extracted from the texts of the indicated novels were selected as the material of the study. The article concludes that in the language of literary works the paradox is used expressly, intentionally, it reflects the linguo-creative thinking of the authors, used as a stylistic device to create the image of a character, as an individualization of his speech, and also performs numerous other functions. It was revealed that the paradoxes used for the image of the main character, O. Bender, who is a strong linguistic personality, represent one set of qualities, and for Panikovskiy - another. The paradoxical statements coming from Bender and the speech of other characters in the novels by I. Ilf and Eu. Petrov are psychological, they become persuasive arguments for situation awareness, a means of calming, creating the appearance of a lack of violence against the victim to cover up their own plans.

Key words: paradox, logic, assessment, situation awareness, intentionality, linguistic personality, linguo-creative thinking, contrast, I. Ilf, Eu. Petrov

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

© Ryadchikova E.N., Kadilina O.A., Vered V.T., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Ryadchikova, E.N., Kadilina, O.A. & Vered, V.T. (2022). Situation Awareness Paradoxicality and Paradoxical Logic of Characters in the Novels of I. Ilf and Eu. Petrov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 827–843. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-827-843>

Парадоксальность и парадоксальная логика персонажей в романах И. Ильфа и Е. Петрова

Е.Н. Рядчикова¹ , О.А. Кадилина^{2,3}  ,
В.Т. Веред³ 

¹Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

²Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

³Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 olgakadilina@gmail.com

Аннотация. Изучена роль парадоксов в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев». В этом аспекте ставшие мировой классикой романы еще не были предметом детального научного исследования; попытка восполнить этот пробел определяет актуальность данной работы. Рассмотрены понятия «антиномия», «дихотомия», «интенциональность». Изучение элементов парадоксов, пошаговое их рассмотрение позволяет выявить скрытые смыслы, вертикальный контекст произведения, лучше понять языковую личность персонажей и авторский замысел. Парадоксальность оценочной характеристики может проявляться не только в горизонтальном контексте, но и вертикальном, диахроническом. В качестве материала исследования выбраны контексты, содержащие парадокс, извлеченные из текстов указанных романов. Делается вывод о том, что в языке художественных произведений парадокс используется намеренно, интенционально, он отражает лингвокреативное мышление авторов, применяется как стилистический прием создания образа персонажа, как индивидуализация его речи, а также выполняет другие функции. Выявлено, что парадоксы, используемые для образа главного героя, О. Бендера, являющегося сильной языковой личностью, представляют один набор качеств, а для Паниковского — иной. Парадоксальные высказывания в устах Бендера и в речи других персонажей романов И. Ильфа и Е. Петрова психологичны, они становятся констатирующими убеждающими аргументами, средством успокоивания, создают видимость отсутствия насилия над жертвой для прикрытия собственных замыслов.

Ключевые слова: парадокс, логика, оценка, ситуационная осведомленность, преднамеренность, лингвистическая личность, лингвокатив-творческое мышление, контраст, И. Ильф, Е. Петров

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Ryadchikova E.N., Kadilina O.A., Vered V.T. Situation Awareness Paradoxicality and Paradoxical Logic of Characters in the Novels of I. If and Eu. Petrov // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 827—843. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-827-843>

Introduction

It is traditionally believed that oppositions cannot exist side by side, that one of the links of a dichotomous pair excludes the existence of the other — either black or white; either good or bad; either singular grammar form or plural. Violation of this principle is perceived as a violation of the logic of things, of everything that is correct.

However, both in life and in artistic work, paradoxical matches often coexist and even add brightness, richness, showiness, including artistic images, to the speech of characters. Unraveling the effect of a «competent» paradox awakens the reader's thought, expands intellectual horizon, enriches vocabulary.

Outstanding writers often choose to express the artistic world of a linguistic personality with the help of dichotomies. Such oppositions, antinomies permeate, for example, the work of V.V. Nabokov. Paradoxes of S.D. Dovlatov are a kind of creative «absurd logic» [1]. The world of the modern writer V.S. Tokareva is about the same. The paradoxes of the altered state of consciousness of characters in fiction [2] are woven into the fabric of the narrative of many foreign and domestic writers. Many aphorisms are constructed as antinomic [3].

The concept of antinomy is an ancient term of philosophy and logic, denoting fundamental opposite principles, essentially irremovable contradictions inherent in the nature of things. Antinomic statements contradict each other and at the same time are logically provable [4. P. 224].

Subsequently, this term began to be widely used in other fields of science, in particular in linguistics, in linguoculturology. V.A. Maslova believes that antinomy is the most important property of culture, which, at the same time, makes it practically impossible to develop a single and consistent definition of culture. The researcher understands antinomy «as the unity of two opposite, but equally well-founded judgments in culture» [5. P. 16].

Antinomy in paremic units and in the language of literary works often coexists with paradoxicality, which in this case is deliberately laid down by the author with certain stylistic and artistic goals. As noted by N.T. Fedorenko and L.I. Sokolskaya, «often there are aphorisms based on paradoxicality, which gives them originality and novelty and is only at first glance perceived as a contradiction to generally accepted opinions: «There are dead people who need to be killed» (L. Denoyer); «Ignorance of the laws does not relieve responsibility, but with the knowledge this could be done easily» (S. Lets)» [6. P. 83].

The evergreen novels of I. Ilf and Eu. Petrov are full of paradoxes, their recognition and clues are still far from complete, despite the fact that «The Little Golden Calf» and «The Twelve Chairs» are almost a century old and have been studied by philologists of various trends.

The purpose of this article was to study the intentionality of paradoxes in the aspect of expressing evaluativity and logic, to identify their functions in the language of the two named novels. The insufficient number of scientific papers devoted to this range of problems determined the relevance of this article.

The Role of Paradoxical Evaluation in Horizontal and Vertical Contexts of a Novel

On the contrary to previously stated, the assessment or self-assessment of a character in literary work is the result of the author's linguo-creative thinking. Being always intentional, built upon situation awareness contrast, opposition (genuine or imaginary), becoming outwardly paradoxical, the assessment plays the role of an implicit marker of irony, sarcasm, joke, satirical ridicule, characterization of the speaker. Moreover, out of context, situations of speech of this kind of assessment are usually perceived unambiguously and without a smile.

Let us turn to examples from the novels by I. Ilf and Eu. Petrov «The Twelve Chairs» and «The Little Golden Calf». To study these examples the methods applied were as follows: vocabulary analysis, semantic interpretation, identification of the communicative orientation of the text within the framework of the speech act theory, the study of means expressing subtext information, the method of identifying three-component semantic structure of speech works, which includes the subject of speech, the verbalized attitude to it and the purpose of reporting about it.

Proudly telling Balaganov that before the revolution, pretending to be blind, Panikovsky imperceptibly robbed people who led him across the street, he complains that it was the revolution that put an end to such a good and rich life of the «former blind man»:

I used to pay the policeman at the corner of Khreshchatyk and Proriznaya street five rubles a month, and no one touched me. The policeman even made sure that I didn't get offended. He was a good man! His last name was Nebaba, Semyon Vasilievich /.../ And now? Can you contact the police? I have not seen people worse. They have become some kind of ideological, some kind of «Kulturtragers». And so, Balaganov, in his old age he had to become a swindler.

Sadly exclaiming: «If not for the revolution, would I have become a child of Lieutenant Schmidt, what do you think?» Panikovsky stubbornly sees nothing in common between the «professions» of the imaginary blind

and the imaginary son of the revolution hero. The first seems worthy and respected, since it was almost legalized thanks to the policeman and provided with a permanent income («I had a family and a nickel-plated samovar on the table») and, therefore, according to Panikovsky, the respect of others. The second type of activity did not give anything of that kind, led to begging, and that is why, in accordance with the same logic, it was called by its real name — a scam. Namely there is a «reverse paradox»: what should be considered unusual, paradoxical, in this situation is not, and paradoxical concepts are contextually approaching, unifying.

The paradox is also inherent in Panikovsky's assessment of the police — it is «bad» precisely because it is ideological, that is, it expresses the official ideology of the state. The outdated word «kulturtrager» is also semantically ambivalent, contains opposite assessments, and it is impossible to determine which of the meanings and which of the assessments Panikovsky puts into this word. Dictionary meanings of this lexeme is as follows:

«Kulturtreger» — bookish. Culture beam (the ironic name of the imperialist-colonizers who exploit the population of enslaved countries under the guise of planting culture) [German Kulturträger] [7].

«Kulturtrager:

Outdated. an imperialist-colonizer participating in the exploitation of the population of enslaved countries, colonies under the pretext of planting culture
◆ The German spirit does not create universally binding norms for any culture, as the German culturalists want to assure. N.A. Berdyaev, «The Meaning of Creativity», 1914 [Russian National Corpus]

Bookish, often ironic. Culture beam, enlightenment extensionist ◆ In the Parisian subway, Kulturtragers hung posters with poems — from the decadents to the poets of the Pleiades. Maxim Sokolov, “Efimych is taking the right course!”, 2003 // «Izvestia» [8].

O.I. Bender, the commander of the false rally, evaluates his activities in the same way. Seeing nothing wrong in «taking money honestly» from those who have made millions dishonestly, the descendant of the janissaries considers himself «an ideological fighter for banknotes». In the autonomination, Bender is a «doctor» («I am a neuropathologist, I am a psychiatrist. I study the souls of my clients») and, at the same time, a «free artist», a «cold philosopher»; «poor poet and polygamist» and «vulture eagle».

The amusing inconsistency of these metaphorical self-evaluations surprisingly contributes to the creation of the integral image of the great strategist, makes his figure more prominent, reliable, vital, dynamic. The ratio of speech and personality was determined in the works of E. Sapir [9].

The personality of Ostap charms with its originality. His sparkling mind is able to catch the subtleties of the human psychology, to find amusing where other

people would not have thought of it. Having discovered in himself an attraction to bureaucracy and bungling, Bender decides to open the office:

*We'll be stocking up on something **really funny**, like teaspoons, dog numbers, or ribbon floss stuff. Or horns and hooves. **Perfectly!** Horns and hooves for the needs of the comb and mouthpiece industry.*

It would seem, why is the preparation of something extremely funny is wonderful? And what's funny about teaspoons or ribbon floss stuff (fringe, cords, tassels, so popular in the first half of the 20th century)? Calling these goods ridiculous, Bender evaluates them as petty, insignificant, worthy of contempt next to the powerful scope of the big deal he has conceived — the liberation of the cunning Soviet millionaire from part of his «mental burden». Apparently, after twenty pages of the novel, the authors develop this theme in the following way: collecting incriminating materials about Koreiko's activities, «Ostap worked with enthusiasm. If he had directed his efforts to the actual procurement of horns or hooves, then it must be assumed that the mouthpiece and comb business would have been provided with raw materials at least until the end of the current budgetary century» [10. P. 494]. A kind of paradox can be seen in the fact that although Bender's assessment of «very funny» is highly subjective and conditional, yet from the time of the novel's release to this day, the combination of «horn and hoof» in many people causes a humorous mood.

The beginning of the chapter:

*There lived **a poor** private trader in the world. He was **rather a rich man**, the owner of a haberdashery store, located obliquely from the cinema «Capital».*

The stunning combination of opposing assessments is explained in the following context, undergoing various transformations. Deliberately resorting to accentological inversion (private owner is poor) and dividing the assessments into two different sentences, the authors seek to avoid the direct oxymoron «poor rich man» — «the problem of interpreting the assessment is closely related to the syntactic properties of the statement. It can even be argued that evaluation sets certain discourse parameters » [11. P. 215]. In this case, the definition of poor immediately acquires a humorous coloring, because the stereotype works: a) poor rich does not mean beggar; b) well, what troubles can a rich man have? At this stage of perception by the reader, the adjective poor temporarily loses its inner form, and the entire first sentence is perceived abstractly, as the beginning of a fairy tale.

When reading the following context, the oxymoron *poor rich person* also does not become complete, because the same seme «trouble, misfortune» appears, which reached a rich private trader four times in the form of «terrible taxation». At the end of this episode, dedicated to the misadventures of this character, this misfortune reaches its climax: the financial inspector is chasing a private trader,

and he has sunk into oblivion. It can be assumed that in this case, to the meaning of «unfortunate, exhausted» in the word *poor*, the meaning «ruined, needy» is adjusted, which is already opposed according to the dictionary to the word *rich* [see 7. Vol. 1. P. 67]. In this case, the oxymoron breaks up completely and really turns into a combination of *a poor man who was once rich*. Thus, with the formal completeness of the two sentences noted above, semantic incompleteness and ambiguity arise due to the presence of evaluative predicates, which, according to N.D. Arutyunova, informatively insufficient [11. P. 215] and are replenished from the discourse. The episode described in the novel begins with a general, albeit somewhat shocking, assessment, and it «is the result of a comparison of the positive and negative properties of the object (subject or state of affairs)». At the same time, “the sequence of the message does not often go ahead of the course of practical reasoning: the speaker first reports the axiological result, and then proceeds to the actual characterization of the object” [11. P. 216].

Going on a first date with a millionaire underground worker, Bender tries to «figure out» his appearance, making a choice between a «fat watchdog» and a «red-faced sycophant with white eyes». Mistakenly characterizing the latter as simply a nonentity, a Soviet mouse with twelve rubles in a savings bank, obsessed with the dream of buying a hairy coat with a calf collar, Ostap initially dismisses this figure as a candidate for the role of the «golden calf». When the error is cleared up, a stunned Bender delivers a different verdict:

«Yes», said Ostap after some silence. This one won't bring you money on a plate. Unless I really ask. An *object worthy of respect*.

Praise from of the great strategist, who has developed four hundred relatively honest ways of taking away the money, gets a double bottom. Of course, this is not a show of respect, admiration in the usual sense. In the context of the novel, in the process of getting to know its main character, the reader comes to understand the change in Bender's assessment of Koreiko as the acquisition of a worthy — very strong — partner-opponent in the «game of life». Approval, positive in stylistic, actually evaluates purely negative qualities — secrecy, vile cunning, the ability to lead a double life, and even the external «double appearance», behind which the true shark is so skillfully hidden.

At the same time, Bender's assessment also contains neglect, a sense of his strength and superiority in cunning — Koreiko is assessed not as a «person», but as an «object» (not even a subject). In this phrase, there was a contamination of set expressions: «an object worthy of attention (interest)» and «a person worthy of respect». A new connotation arises — for all its «merits» Koreiko is just an object for the application of the forces and mind of the crafty swindler O. Bender.

An employee of «Hercules», Bomze, like a chameleon, instantly changes his mind in conversations with colleagues who have different attitudes towards Soviet power:

*During the break, Bomze, who loves the spiritual, managed to chat with a dozen colleagues. The plot of each conversation could be determined by the expression on his face, in which bitterness about the clamping of individuality quickly turned into a bright smile of enthusiasm. But whatever the feelings that overwhelmed Bomze, his face did not leave the expression of innate nobility. And everyone, from the seasoned comrades from the local committee to the politically immature Kukushkind, considered Bomze **an honest** and, most importantly, **a person of integrity**. However, **he was of the same opinion about himself**.*

The main paralinguistic tool that has become a link between opposite things and led to a similar conclusion is the «noble facial expression» of the unprincipled chatterer Bomze. His own inflated self-esteem and the assessment of his surroundings become sarcastic characteristics as narrow-minded, stupid, superficial people.

Immediately after the execution, punishment with rods of Vasisualy Lokhankin, in which all the numerous tenants of the communal apartment with the main entrance and the bathroom were tightly boarded up, Vasisualy Andreevich agrees to rent out his room to Bender:

- I won't bargain, — Ostap said politely, but here are the neighbors... How are they
- Wonderful people, — answered Vasisualy, — and in general all conveniences.
- But they seem to have carried out corporal punishment here
- Ah, — said Lokhankin heartily, because after all, who knows? Maybe that's how it should be. Perhaps this is the great homespun truth».

It is obvious that the paradoxical assessment of the brutalized neighbors with the words «wonderful people» from Lokhankin is caused not only by the desire to rent a room. In the context of the novel, the image of Lokhankin emerges as a parody of the actively condemned in the 1920–30s. Tolstoy's «non-resistance to evil by violence». Apparently, for the authors, this is not just a tribute to the requirements of Soviet reality, but also their own convictions, since Tolstoyism is condemned in the novel not only in the character of a miserable half-educated schoolboy leading a parasitic contemplative lifestyle, but is also opposed by the main character, whose image was created by the authors with much more positive feelings.

At the moment of an uncommon emotional shock for the cold-blooded Ostap — the simultaneous realization of the loss of his beloved girl and a suitcase with a million, the goal of his whole life — he (only once!) scolds himself: «*Unmercenary, son of a bitch! Cursed Mennonite, Seventh-day Adventist! Fool! If they've already sent the package, I'll hang myself! **These Tolstoyans must be killed!*** » At the same time, he does not run to «suicide» at all, but on the contrary — to get his millions back as soon as possible, until the suitcase was sent to the address written on it, and continue to live for his own pleasure, in a big way, fulfilling any of his whims and desires.

In the text of the novel, Panikovsky is subjected to the greatest number of assessments by Bender. Despite the fact that these assessments are heard in various situations, they are always abusive, negative, even at the grave of Mikhail Samuelevich. For Ostap, Panikovsky is a goose thief, a rude man, a convention

violator, a petty criminal fry, an absurd, mediocre old man, an untalented lunatic, a malingerer, an impostor, a thief and a coward, an immoral man without a passport, a fireman demoted to mere axemen.

However, in the heart of «a descendant of the janissaries who does not know pity either for the elderly or for children», there is no malice; he admits that he was often unfair to Panikovsky. It is, rather, bantering that does not contradict the true state of affairs.

Another thing is the assessments from Panikovsky. Bender, his savior from the angry Arbatovites, he immediately calls a pathetic, insignificant person. The same characterization repeatedly sounds to the Antelopians, old chap Funt, absurdly interspersed with the words «word of honor». Panikovsky's very expressive speech is entirely assessments and almost always paradoxical:

*Bender, you know how much I respect you, but you **don't understand anything!**
You don't know what a goose is!*

*I respect **Ostap Ibragimovich** very much: he is such a person!.. Even Funt — you know how much I respect **Funt** — said about Bender that this is **sharp-witted**. But I tell you, Shura: **Funt is an ass!** Oh my god, he is **such a fool**. Just a **pathetic, insignificant person!** And I don't mind anything against Bender /.../ You know, Shura, **I respect Bender** very much, but I must tell you: **Bender is an ass!** By God, **you pathetic, insignificant person!***

*I'll tell you straight: **Bender is not such a sharp-witted guy... Your Bender is an idiot**. Started these stupid searches ...*

*You know, Shura, **how much I respect you**, but you are **an ass**.*

It seems that the tendency to call names is the only defensive reaction of the old man. Trying to escape from the Balaganov massacre, he utters both a funny and desperate cry: “Don't approach with this iron! I despise you! You pathetic little person!” When communicating with the same Balaganov, Panikovsky four times reports that he is talking to him as if he was his relative. In the end, the absurdity of this situation, the inept cunning, which, however, is caught by the ingenuous Balaganov, reaches its climax:

*I should confess to you, Shura, as to a family member, — would I tell you this secret if I could carry the kettlebells alone? But I am an old, sick gentleman, and the kettlebells are heavy. And I invite you as my family member. I am not Bender. **I'm honest!***

Another unusual assessment: touching in his toothless desperation, Panikovsky, already inseparable from the actor Zinovy Gerdt, who made him true through his performance, became the first of the characters of Ilf and Petrov to be honored with a monument in Russia.

The paradoxical nature of evaluative characteristics can manifest itself not only in a horizontal context, but also in a vertical, diachronic one. What was unambiguous

and understandable at one time can gradually acquire new connotations, meanings, up to the exact opposite. So, for example, at the end of the twentieth century, few people remember what the idiom «golden troop» actually means.

Now educated people perceive Bender's exclamation "Silence, golden troop!" as the approving humorous evaluation of Ostap's companions. The phraseological unit «golden troop», which has recently gone out of active use, was still relevant for the time of writing the novel in its true meaning «tramps; social drop-outs» [12. P. 393], i.e. used as a negative value.

Evaluation in the novels is represented not only verbally, but also indirectly, implicitly. For example, creating paradoxical, absurd nominations, such as the writer's society «Steel Udder», the society «Friends of Cremation», the joint-stock companies «Tin and Bacon», «Labor Cedar», the dining room «Former Friend of the Stomach», the slogan «let's hit the off-road with a car rally and delinquency» and others. The authors parody, ridicule some of the signs created in the 1920–30s of the 20th century, the "novel" socialist way of living, commitment to loud, but ridiculous names with the corresponding meaning.

Having brought this process to the grotesque, I. Ilf and Eu. Petrov thus provide their own assessment — they laugh themselves out and make the reader laugh at obvious stupidity, formalism, empty activity.

Functions of the Paradoxical Logic in I. Ilf and Eu. Petrov Characters

As a subject of research, a linguistic personality continues to fascinate researchers, revealing ever new secrets of the human character, the creative laboratory of a writer and his own personality.

In the novels of I. Ilf and E. Petrov, characters often use win-win speech tactics that achieve the result desired by the speech addressant. They are based on subtle calculation and eloquence, in which, among other things, paradoxes are often found. This is one of the most striking characteristics of the characters, especially of the main one. All this is memorable and attractive, «Bender's methods» have become a household word.

But the reader should understand, be aware of the character's cunning, consider them not as interlocutors, but see them from the perspective of authors who invite the reader to evaluate the charlatans. The result of such speech tactics is on the surface, in the «external», horizontal level of meaning. The study of the elements of such effective tactics, their step-by-step tracing allows to reveal hidden meanings, the vertical context of the work, better understanding the linguistic personality, the author's intention.

Meaning speech tactics, Bender's speech paradoxes can be called manipulative. In addition to linguistics, their study can also be useful in everyday, pragmatic terms, in order to unravel the speech manipulation of a dishonest interlocutor in time and not to become his victim.

At the first meeting with Bender, Vorobyaninov, a middle-aged former dandy and leader of the upper class, quite experienced in life's collisions, decided to reveal his one and a half thousandth secret to an unknown young man after a few minutes of acquaintance. What influenced this decision? Correctly calculated speech tactics of the great strategist, practically his monologue.

Having intimidated the interlocutor, the son of a Turkish subject understands that he is on the right track. The win is near. The last verbal effort no longer requires irrefutable evidence and examples. Bender «finishes off» Vorobyaninov, «*driven to despair by the chatter of a young impudent man*» easily and quickly:

— *Why, I told you a thousand times that I am not an immigrant ... I came from the city of N on business.*

— *On what business*

— *Well, on a personal matter.*

— *And after that you say that you are not an immigrant*

Vorobyaninov was by no means an emigrant. But he was forced to agree with this paradox (an emigrant because he came on a personal matter) — it began to seem to him that he would not be able to refute it! Bender's paradoxical conclusion was the last straw in the matter of «conquering» the leading figure of the upper class... Thus, Bender shows remarkable abilities as a rhetorician and psychologist: having smelled profit, he confuses his interlocutor with his speech pressure, intimidates him, which forces him to discover the true state of affairs. The difference in the speech performance of the characters has also played a role — the laconic Vorobyaninov allows himself to be confused by the super-talkative Bender, so he loses his ability to resist. It is no coincidence that the chapter with a description of this particular speech combination, which allows the reader to get the idea about the main character, is called by the authors «The Great Combinator». And an elderly, serious and respectable man, Ippolit Matveyevich Vorobyaninov, suddenly began to call himself paradoxically a funny half-name, half-nickname Kisa, Kisulya. So the authors show his dependent role under Bender, complaisance of character.

Quick tongue is one of O. Bender's main weapons. Being essentially a criminal, he does not kill or maim his «victims». He persuades, he proves! «Destroys» a well-built and well-presented system of arguments. Let's remember that his «jibber jabber» does not work when the interlocutor himself is not a fool to talk, philosophize, has a clear goal, as, for example, in the case of the mechanic Mechnikov.

— *Money in the morning — chairs in the afternoon, money in the afternoon — chairs in the evening, money in the evening — chairs the next day in the morning ...*

— *Is it possible — chairs during the day, and money in the evening*

— *It is. But money up front!*

Speech tactics of both Bender and other characters of the enduring novels of Ilf and Petrov, as a rule, hit right on target, especially when their interlocutors are

psychologically, consciously or unconsciously, ready to be deceived. For example, Panikovsky did not even have to convince Balaganov that Koreiko's kettlebells were made of pure gold: both «sons of Lieutenant Schmidt», tortured by the search for money and the incomprehensible actions of the patron, themselves wanted to get profits as soon as possible.

In response to Balaganov's doubt, «What if they aren't golden?» Panikovsky merely cites a counter-question: «*So what do you think they are?*» And that is it! Shura immediately agrees, which would seem paradoxical in a different situation: «*Yes, now it is clear to me. Look, please, the old man — and he revealed everything!*»

To weigh the information, to double-check, to obtain additional information would mean postponing a possible quick enrichment, which made both «foster-brothers» instantly believe in Panikovsky's invention. The paradox (if the kettlebells are not made of gold, then they cannot be made of anything else) is not perceived by the characters as a paradox. Thus, in this situation awareness, the question becomes a persuasive argument, which breaks the common logic, but is quite acceptable for a swindler character.

In another similar case, Bender did not even have to waste words — a gesture was enough: when a charming and talkative young man came to Korobeinikov for furniture warrants of some mythical «daddy», the question of the archivist «Do you have any money?» Ostap merely «readily patted his pocket», and Korobeinikov, smelling the odour of profit, gave him warrants.

Bender is able to influence the interlocutor with only one «killer of an argument» phrase, before which he gives in so much that he loses the ability to think critically, and refute, and act:

*Panikovsky, crouching, ran into the field and returned, holding a warm crooked cucumber in his hand. Ostap quickly pulled it out of Panikovsky's hands, saying:
— Do not make a religion out of food.
After that, he ate the cucumber himself.*

With Lokhankin, Ostap plays a victorious game of logical paradoxes. Wanting to rent a room to a lonely, intelligent bachelor, Vasisualy did not expect that four people moved into it at once. But he was forced to reconcile himself under the irrefutable argument of Bender, who said that out of the whole company, he was the only one belonging to intellectual class. This fact cannot be refuted; therefore, the terms of the treaty are respected.

«All the Antelopians, with the exception of Kozlevich, settled in the «Voronya Slobidka» with Vasisualy Lokhankin, who was extremely scandalized by this. He even tried to protest, pointing out that he rented a room not to three, but to one, a lonely bachelor belonging to intellectual class. «Mondieu, Vasisualy Andreevich», answered Ostap carelessly, «don't torture yourself. After all, I'm the only intellectual of the three, so the condition is fulfilled».

The variety and flexibility of Bender's speech tactics are especially vividly, sparkingly presented almost at the very beginning of the first novel at a meeting of the notorious Union of Sword and Ploughshare. Burlesque, skillfully woven by the hero from allegory, which everyone deciphered in accordance with their desires and predilections, the exaggerated figure of «a giant of thought, the father of Russian democracy, a person close to the emperor», stakes on the secret desire of «safe pair of hands» to return the tsarist regime, creating an environment strict secrecy, playing on universal human values («the noble calling to help starving children»), literally dumbfounded and hypnotized those present.

The remnants of the common sense in cautious owner of the «Quick Pack Company» Dyadyev dissolve in the saving thought: *«However, it all depends on what dress up in the garb it will be served with!!!* Even cheated, Dyadyev was extremely pleased: *«Beautifully composed»*, he decided, *«under such a dress up, you can give money. If you're lucky, my compliments!! If it does not work out — I just do not care. I used to help the children — and that is it»*.

All this brings the intended effect: Bender got five hundred rubles for his wedding and for other expenses of the concessionaires, and none of those present wondered why the name of the organization that helps starving children had nothing to do with them, no one seemed paradoxical about the convergence of the sword, plowshare and children. The paradoxical speech logic of the great strategist acted as a cover and reassurance for characters who definitely have something to hide.

Once again, very clearly and no less gracefully, the descendant of the janissaries formulates his tactical and strategic calculations in the second novel, before the crew of the «Antelope»:

The most important thing ... is to bring confusion to the enemy's camp. The enemy must lose his mental balance. It's not that hard to do. After all, people are always afraid of the incomprehensible... Let us introduce more incomprehensiveness. Let the client worry... He must be morally disarmed... A little more, the most nonsense, the last stroke of the brush — and he will finally get ready. Weeping, he will climb into the sideboard and take out a plate with a blue fringe ...

Well-thought-out strategies and brilliantly implemented speech tactics create the appearance of a lack of violence against the victim. Bender achieves that the victim comes to the idea of the need to perform this or that action, even to part with the money (*«here Ippolit Matveevich bent»*), *«Kislyarsky wanted to give more two hundred rubles and never come here again»*, *«the folder is good, there's no doubt, one can buy»* — Koreiko, *«can I write a receipt?»* — Korobeinikov, *«how much money do you need?»* — Vasyukintsy, *«the policemen paid, delicately asking what was the purpose of collecting five-kopecck coins»*, *«the shy Alkhen approached the departing Bender and gave him a ten-ruble bank note»*). The winning Bender coquettishly calls such situations *«he wagged his tail for quite a while before I agreed to take»*.

A hacker of human souls, a flunkey of extraordinary situations, a creator of the necessary dressings under which, as if under some kind of psychological anesthesia, one can painlessly take away money, Bender knows exactly which levers to pull in relation to each specific person and to each command. «*I don't take bad chances,*» Ostap formulates the principle underlying his speech tactics. Vorobyandinov «*knew from experience that Ostap Bender never speaks in vain.*» «*Ostap beat for sure,*» the authors confirm.

Bender acts as if in exact accordance with the principles formulated by Dale Carnegie [13–15] and other experts in public speaking: any audience can be persuaded, you just need to avoid talking about your own worries, but be eloquent about what worries this audience [16; 17].

Bender's speech techniques analysis allows us to assert that he is a strong linguistic personality (in accordance with the parameters established by G.G. Infantova [18] and by us [19; 20]). To a large extent, this level is reflected by aphoristic phrases, the paradoxical nature of his assessments and the logic of inferences.

Conclusion

To sum up, it was found that in the language of literary works paradox is used expressly, intentionally, it reflects the linguo-creative thinking of their authors, it is used as a stylistic device for creating the image of a character, as an individualization of his speech.

Paradoxical assessments in the speech of the characters are intended to characterize them in different ways. So, forming the image of the great strategist, they contribute to the integrity creatio, make his figure more prominent, reliable, vital, dynamic. Paradoxical assessments from of Panikovsky — are the only defensive reaction of the weak old man, as well as the expression of his rustic cunning.

The paradoxical nature of assessments in the novels under the study is largely subjective and conditioned by situation awareness, it gives the narrative a humorous coloring, their semantic incompleteness is replenished by the discourse. The range of functions of paradoxical assessments in the language of Ilf and Petrov's novels is wide and varied — from expressing light banter over a character to sharp and vivid sarcastic descriptions of people and events. Such assessments also parody, ridicule some social situations, types of activities, human vices and shortcomings.

The paradoxical behavioral and verbal reactions of O. Bender are often part of his intentions, a means of influence, mainly manipulative, the purpose of which is the intention to either subjugate another person, or deceive, or intimidate—with the prospect of his own profit as a great strategist.

His paradoxical statements in the speech and those of other characters in the novels by I. Ilf and Eu. Petrov are psychological, characterized by persuasive arguments due to situation awareness, a means to calm down, creating the

appearance of a lack of violence against the victim to cover up their own plans. The analysis of O. Bender's speech techniques allows us to assert that he is a strong linguistic personality.

The paradoxical nature of evaluative characteristics can manifest itself not only in a horizontal context, but also in a vertical, diachronic one.

Evaluation in the novels is present not only verbally, but also indirectly, implicitly, in particular, when creating a number of paradoxical, absurd nominations.

The study of the elements of paradoxes, their step-by-step tracing allows to reveal the hidden meanings, the vertical context of the work, better understanding linguistic personality of the characters and the author's intention.

Библиографический список

1. Рядчикова Е.Н. Аппликативные парадоксы С. Довлатова, или логика абсурда // Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. Краснодар, 1999. С. 92–108.
2. Рядчикова Е.Н. Парадоксы измененного состояния сознания персонажей художественной литературы // Континуальность и дискретность в языке и речи: мат-лы V Междунар. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2015. С. 216–219.
3. Рядчикова Е.Н., Тангир К.М. Внутренняя конфликтность и парадоксальность как лингвокогнитивные принципы афоризма // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Вып. 8. Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 97–105.
4. Мечковская Л.Б. Язык и религия. М., 1998.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
6. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М., 1990.
7. Словарь русского языка. в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981–1984.
8. культуртрегер — Викисловарь (wiktionary.org). Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/культуртрегер> (дата обращения 12.01.2022).
9. Сепир Э. Речь как черта личности // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 285–297.
10. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: ГИХЛ, 1959.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.
13. Carnegie D. How to Win Friends and Influence People. NY: Simon and Schuster, 1981.
14. Carnegie D. The Art of Public Speaking. Springfield: The home correspondence school, 2005.
15. Carnegie D. The quick and easy way to effective speaking. NY: Dale Carnegie & Associates Inc., 1992.
16. Карасик В.И. Коммуникативная личность в поведенческом аспекте // Текст. Дискурс. Коммуникация: Коллективная монография / Под ред. проф. Е.Н. Рядчиковой. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 164–191.
17. Кадилина О.А. Знания и умения сильной языковой личности в межличностной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. №2. С. 99–103.
18. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.А. Сенина. Таганрог, 2000. С. 63–69.

19. *Кадиллина О.А.* Идиостилевые параметры сильной языковой личности // Речевая деятельность: субстанциальные и процессуальные аспекты: Мат-лы межрегиональной научно-практич. конф. (Краснодар, 15–17 мая 2007 г.). Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 200–205.
20. *Kadilina O.A. & Ryadchikova E.N.* Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. №9(4). P. 859–882. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>

References

1. Ryadchikova, E.N (1999). Dovlatov's applicative paradoxes, or the logic of the absurd. In: *Linguistic personality: explication, perception and impact of language and speech*. Krasnodar. pp. 92—108. (In Russ.).
2. Ryadchikova, E.N. (2015). Characters of fiction: paradoxes of the altered state of consciousness. In: *Continuity and discreteness in language and speech: materials of the V International Scientific Conference*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 216—219. (In Russ.).
3. Ryadchikova, E.N. & Tangir, K.M. (2007). *Internal conflict and paradoxicality as linguocognitive principles of aphorism*. In: *Linguo-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects: Inter-university collection of research papers, prof. A.A. Vorozhbitova (Ed.)*, Sochi State University, Iss. 8. Sochi. pp. 97—105. (In Russ.).
4. Mechkovskaya, L.B. (1998). *Language and religion*. Moscow. (In Russ.).
5. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow. (In Russ.).
6. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristics*. Moscow. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian language in 4 vols. (1981–1984). A.P. Evgenieva (Ed.). Moscow. (In Russ.).
8. culturetrager — wiktionary.org. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/культу́ртре́гер> (accessed: 12.01.2022). (In Russ.).
9. Sepir, E. (1993). Speech as a personality trait. In: *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow. pp. 285—297. (In Russ.).
10. Ilf, I. & Petrov, Eu. (1959). *Twelve chairs. The Golden Calf*. Moscow. (In Russ.).
11. Arutyunova, N.D. (1998). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
12. Russian Russian Phraseological Dictionary (1987). A.I. Molotkov (Ed.). Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
13. Carnegie, D. (1981). *How to Win Friends and Influence People*. NY: Simon and Schuster.
14. Carnegie, D. (2001). *The Art of Public Speaking*. Springfield: The home correspondence school.
15. Carnegie, D. (1992). *The quick and easy way to effective speaking*. NY: Dale Carnegie & Associates Inc.
16. Karasik, V.I. (2003). Communicative personality in behavioral aspect // *Text. Discourse. Communication: A collective monograph*, E.N. Ryadchikova (Ed.). Krasnodar: Kuban State University. pp. 164—191. (In Russ.).
17. Kadilina, O.A. (2008). Interpersonal Communication Know-how of Effective Language Personality. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2, 99—103. (In Russ.).
18. Infantova, G.G. (2000). Strong linguistic personality: constant and variable features. In: *Speech. Language activities. Text: Inter-university collection of research papers*, N.A. Senina (Ed.). Taganrog. pp. 63—69. (In Russ.).
19. Kadilina, O.A. (2007). Individual stylistic parameters of a strong linguistic personality. In: *Speech activity: substantive and procedural aspects. Materials of the interregional scientific and practical conference*. (Krasnodar, May 15—17, 2007). Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture. pp. 200—205. (In Russ.).

20. Kadilina, O.A. & Ryadchikova, E.N. (2018). Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspekts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 859—882. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>

Information about the authors:

Elena N. Ryadchikova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the General and Slavic-Russian Linguistics Department, Faculty of Russian Philology, Kuban State University, *Research interests*: semantic and cognitive language studies; language theory, Russian literary language history, linguoculturology, theory and practice of verbal communication, linguistic expertology, linguistic personality, *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8753-9732

Olga A. Kadilina, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, RUDN University, Kutafin Moscow State Law University. *Research interests*: linguistic personality, semantics, theory and practice of teaching English, *e-mail*: olgakadilina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9471-6143

Valeria T. Vered, PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of General and Russian Linguistics, RUDN University; *Research interests*: contrastive linguistics, linguoculture, functional grammar; *e-mail*: vered-vt@rudn.ru

Сведения об авторах:

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания филологического факультета КубГУ. *Сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория языка, история русского литературного языка, лингвокультурология, теория и практика речевой коммуникации, лингвистическая экспертология, языковая личность, *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8753-9732

Кадиллина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института РУДН. *Сфера научных интересов*: языковая личность, семантика, теория и практика преподавания английского языка; *e-mail*: olgakadilina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9471-6143

Веред Валерия Тарасовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: контрастная лингвистика, лингвокультурология, функциональная грамматика; *e-mail*: vered-vt@rudn.ru



РЕЦЕНЗИЯ BOOK REVIEW

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-844-852

УДК 81:004:16:159.9:316.77:37

Рецензия на монографию **Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy** под ред. Н.В. Суховой, Т.В. Дубровской и Ю.А. Лобиной

М.В. Луканина^{1,2}  

¹Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

²Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
119049, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1

 mvlukaninag@gmail.com

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Луканина М.В. Рецензия на монографию Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy под ред. Н.В. Суховой, Т.В. Дубровской и Ю.А. Лобиной // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 844—852. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-844-852>

© Луканина М.В., 2022




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Book Review:
Multimodality, Digitalization and Cognitivity
in Communication and Pedagogy,
Edited by Natalya Sukhova,
Tatiana Dubrovskaya, Yulia Lobina

Maria V. Lukanina^{1,2}  

¹Lomonosov Moscow State University,
1-51, Leninsky gory, Moscow, Russian Federation, 119991

²National University of Science and Technology “MISiS”,
4-1, Leninsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119049

 mvlukaninag@gmail.com

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Lukanina, M.V. (2022). Book Review: Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy, Edited by Natalya Sukhova, Tatiana Dubrovskaya, Yulia Lobina. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 844–852. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-844-852>

Монография *Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy*¹, опубликованная в 2021 году издательством Springer в составе серии *Numanities — Arts and Humanities in Progress* (том 20), раскрывает тенденции междисциплинарного подхода к рассмотрению функционирования семиотических систем в коммуникации и образовании в меняющейся парадигме: мультимодальные форматы, интеграция и синергия различных систем и кодов, взаимодействие вербального и невербального каналов [1].

Выбранное общее рамочное направление неслучайно, ведь по словам А.А. Кибрика «адекватное представление о естественной языковой коммуникации может быть получено лишь при мультимодальном подходе, учитывающим все коммуникативные каналы и их внутреннюю организацию» [2. С. 148]. Данное определение емко соотносит все направления исследований, поскольку познание и представление о коммуникации является объектом когнитивных наук, а совокупность новых инструментов и каналов нельзя анализировать без учета цифровизации. Цифровизация как общая тенденция в науке, образовании и многих других областях знаний лишь добавляет все

¹ В пер. с англ.: Мультимодальность, цифровизация и когнитивистика в коммуникации и педагогике

новые форматы одновременного получения информации из разных каналов, синергии СМИ, разнообразия инструментов коммуникации и воздействия.

В самом широком смысле в центре обсуждения находится коммуникация с ее новыми форматами и технологическими новшествами, интеграцией вербальных и визуальных систем, цифровой грамотностью и постоянной изменчивостью. Коммуникация становится, таким образом, центром притяжения таких областей, как когнитивные науки и психология, педагогика и педагогический дизайн, нейроэстетика и нейрология, теория жанров и лингвистика.

Подход авторов является не только междисциплинарным, но и международным и межкультурным: в коллективной монографии представлены статьи авторов из России, Польши, США, Румынии и Словении. Монография состоит из трех разделов, каждый из которых раскрывает один из аспектов названия.

Первый раздел «**Исследования мультимодальности**» объединен общим мультимодальным подходом к семиотическим исследованиям с более узким толкованием термина мультимодальность, который подразумевает «описание общих законов и конкретных правил взаимодействия вербальных и невербальных знаков» в коммуникативном акте [3. С. 101]. Понятие мультимодальности получает трактовку в каждой из глав раздела в теоретическом и эволюционном плане от сопоставления с системно-функциональной лингвистикой М. Халлидея (1994), критическим дискурс-анализом (CDS), социальной семиотикой и другими научными направлениями, до обзоров современных исследований в различных областях.

Три главы, предложенные в первом разделе, имеют различные объекты изучения в разноплановых коммуникативных контекстах: от рекламных видеороликов до знаков запрета в общественных местах и визуальных способов выражения аргументации.

Так, в исследовании **Г. Ковальского** (глава 1), выполненном в рамках теории мультимодального дискурса, анализируются взаимоотношение и сопоставление между вербальными и невербальными системами на материале рекламных видеороликов проекта по краудсорсингу (привлечению клиентов и инвесторов в новые проекты). В поиске общих закономерностей и правил взаимодействия вербальных и невербальных знаковых систем автор выделяет три основных типа взаимоотношений: 1) перенос одной закономерности в разные модусы (речь и изображение) — *transfer of moves across modes*; 2) наложение разных закономерностей и сценариев — *move-and-pattern overlap*; 3) разрыв межмодусной согласованности и последовательности — *rupture of intermodal cohesion*.

Вторая глава, подготовленная **Е.А. Кожемякиным и Т.В. Дубровской**, рассматривает через призму синтеза вербального и невербального каналов в структуре мультимодального дискурса прагматику запрета, выраженную соответствующими знаками в общественных местах. Разработанная четы-

рехступенчатая схема анализа общественного знака сопоставляет степень выраженности официально-юридического запрета знака с определенными ресурсными системами (вербальными средствами или знаками других семиотических систем). С точки зрения институциональности авторы выделяют две группы знаков для регулирования социального поведения: юридически оформленные запреты, опирающиеся в большей степени на вербальные средства, и более «наивно» выраженные социальные нормы, действующие, скорее, смешанные каналы.

Завершает раздел по мультимодальности глава, посвященная ее автором **И. Жагаром** анализу визуальной аргументации, которая реализуется через синтез вербального кода и визуального ряда. При этом смысл визуального ряда всегда основан на контексте и мультимодален, что выводит на первый план относительно новое понятие «enchrony» [4] — или мультимодального интерактивно-рекурсивного анализа (interactive-recursive multimodal analysis). Взаимодействие различных кодов происходит в динамике и собственно переключении с одного кода на другой и обратно. Анализ вербально-визуальной составляющей стороны аргументации подчеркивает направленность использования разных семиотических систем на повышение эффективности коммуникации как общего результата мультимодального подхода [5. С. 92].

Следующий раздел монографии «**Методика преподавания иностранных языков в цифровой среде**» имеет педагогическую и методическую направленность, рассматривая изменение методов преподавания в высших учебных заведениях в ответ на цифровизацию и другие общественные тенденции и требования современного общества.

Цифровые технологии и, в частности, видеоигры являются не только частью жизни общества, но и современным инструментом развития когнитивных способностей учащихся при изучении иностранного языка. Ученые **Л.В. Бондарева** и **Т.В. Потемкина** не только проводят системный обзор исследований по данной тематике, но и анализируют вклад компьютерных видеоигр в развитие лексики, коммуникативных навыков и речевых стратегий наряду с повышением уровня чтения и письма. Полученные результаты представлены в виде сводной таблицы. Неоднозначный ответ педагогов и ученых на вопрос об эффективности привлечения в процесс образования цифровых технологий обуславливает актуальность дополнительных исследований с оценкой обратной связи и достигнутых образовательных целей.

Другой ключевой аспект преподавания поднимается в главе **Дж. Коуина** и **Д.С. Саулембековой** «Освоение языка в виртуальном мире по сравнению с традиционным подходом: сопоставительный анализ / обзор России и США» и затрагивает современные требования к компетенциям будущих учителей иностранного языка и преподавательскому составу высших учебных заведений в эпоху Четвертой индустриальной революции. Как именно образовательные системы двух стран трансформируются с учетом цифровизации об-

щества и новых технологически подкованных поколений студентов? Какова роль новых государственных программ и реформ в повышении конкурентоспособности образования?

Сравнительный анализ России и США соотносит подготовку и сертификацию будущих педагогов и профессорско-преподавательского состава, а также системы дополнительного профессионального образования через сопоставление профессиональных компетенций и национальных стандартов двух стран. Отдельный интерес представляет компьютерное обучение языку (Computer Assisted Language Learning) с использованием приложений, программ, виртуальной реальности, ресурсов МЭШ и дополненной реальности.

Наиболее перспективным исследователи видят подход, при котором новые учебные программы и подготовка специалистов происходят с учетом требований быстро меняющегося мира, глобальной конкуренции, компьютерной грамотности и медиа навыков поколения Z, создания трехмерной среды обучения и других новых технологий.

Аспекты преподавания английского языка как иностранного с помощью потенциала корпусных технологий рассматриваются **Н.Н. Кошкаровой**. Одной из сфер применения корпусной лингвистики является использование корпусов для преподавания иностранных языков, и автор ставит цель доказать и показать методические возможности инструментария корпусных технологий. Национальный корпус любого языка рассматривается как своего рода пособие для изучения языка, естественная языковая среда и основа для разработки образовательных материалов по всем речевым навыкам. С практико-ориентированной точки зрения приводится анализ трех корпусов для выработки методических рекомендаций и демонстрации учебного потенциала их ресурсов.

Педагогический потенциал другой новой технологии, а именно обучения лексикографии с помощью онлайн словарей, раскрывается **Р. Сину**. Участие студентов в лексикографических онлайн проектах в рамках магистерской программы позволило на практике объединить полученные теоретические знания по лексикографии и практические навыки составления словарей. Проекты на основе двуязычного пилотного онлайн словаря Lexica дали возможность обучающимся пройти все стадии создания словаря: планирования, написания и производства / публикации, получая навыки и умения на базисе выполненных заданий каждой стадии.

Третий раздел монографии «**Когнитивные подходы к языку и педагогическому дизайну**» является связующим звеном, объединяющим лингвистику и педагогику, с учетом когнитивного и мультимодального подходов. Акцент в этом разделе сделан на развитии личности и поиске идентичности, развитии когнитивных навыков учащихся. С одной стороны, раздел представляет обзор современных психолингвистических методов и когнитивных подходов. С другой, в рамках педагогики рассматриваются разные подхо-

ды к обучению, целеполаганию, личности педагога, стратегии оценивания и другие факторы, определяющие уровень навыков и развития личности.

Открывает раздел глава **И. Кларк**, доказывающая на основе реализованного учебного проекта гипотезу о том, что имитация является эффективным приемом обучения академическому письму, развивая в учащихся письменную идентичность, что подтверждается современными исследованиями в области неврологии. Автор начинает с исторического обзора использования приема имитации и его роли в обучении академическому письму, логически выстраивая переход к современным научным тенденциям исследования, где имитация образца предполагает отчасти имитацию письменной идентичности автора произведения для выстраивания и формирования собственной идентичности обучаемого.

Современная теория нейропластичности как концепция о способности мозга меняться в зависимости от полученного опыта и совершаемой деятельности является основой понимания потенциала имитации для развития когнитивных способностей, фактически выводя главу в русло нейропедагогики [6].

Развития когнитивных и коммуникативных способностей с точки зрения лингводидактики можно так же достичь с помощью моделирования речевых жанров, как это показано в главе **Ю.А. Лобинной**. В главе рассмотрены подходы к анализу жанров и различные педагогические школы, имплицитные и эксплицитные подходы к моделированию жанров, однако в основе исследования лежит разработка авторского моделирования жанра сторителлинга для будущих преподавателей английского языка в России. Предложенные три этапа включают сначала построение модели жанра с позиции носителя языка, ее последующей адаптации преподавателем-носителем языка для образовательных целей и затем моделирование жанра с позиций студента-носителя языка с опорой также на знание жанра в родном языке.

Разносторонний анализ когнитивных процессов невозможен без привлечения психолингвистических методов. В главе **И.В. Приваловой** приводится обзор и анализ психолингвистических методов исследования когнитивных механизмов. Основой эффективности любого исследования в условиях междисциплинарности является согласованность и выстроенная взаимосвязь между целями, материалом и методом, что и определяет методологическую значимость исследований. Подробно разбираются методы глубинного интервью и целый спектр методов наблюдения за процессом речевой деятельности, при этом каждый из методов сопровождается описанием и примерами.

Еще одним ключевым фактором развития когнитивных навыков у студентов является личность преподавателя. В исследовании, проведенном **Е.Н. Щавелевой, А.Н. Кузнецовым и Ю.В. Пушкиной** на основе опросов, интервью, сопоставительного анализа и вычислительного метода, анализируется соотношение между личными качествами преподавателя и успехом педагогической деятельности в русле педагогического дизайна. Четырехэтапный

анализ позволил составить список восьми наиболее релевантных качеств, необходимых для подготовки и обучения преподавателей. Гипотеза авторов заключается в том, что есть корреляция между наличием данных качеств и способности преподавателя эффективно разработать курс, а эффективность педагогического дизайна в свою очередь повышает степень удовлетворенности студентов, их академическую и профессиональную успешность.

Закрывает раздел глава **Н.В. Суховой**, в которой в рамках нейроэстетики рассматривается вопрос о критериях оценки произношения в курсе фонетики. Нетрадиционное видение фонетики как искусства позволяет подойти к весьма спорному в педагогической парадигме вопросу оценки фонологической и фонетической компетенций с другого ракурса. Развитие нейронауки привело к изучению возможных связей между лингвистической компетенцией, порождением речи, ее восприятием и оценкой, при этом с опорой, прежде всего, на личность оценивающего, его опыт и свойства восприятия. Проведенный эксперимент на основе сопоставительного анализа в рамках нейроэстетической модели (The Vienna Integrated Model of Art Perception) и оценки фонологической и фонетической компетенций студентов показал соответствия и интересные аналогии.

Подводя итоги, нужно отметить, что книгу отличает постановка актуальных для современности вопросов в аспектах мультимодальности, цифровизации и когнитивистики, коммуникации и педагогики. Читателям предложены результаты исследований, выполненных в междисциплинарном ключе на стыке лингвистики, семиотики, педагогики и социальных наук и могут стать отправной точкой последующих исследований в данных областях.

Библиографический список

1. Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy // Sukhova N.V., Dubrovskaya T., Lobina Yu.A (eds.). *Humanities — Arts and Humanities in Progress*. Switzerland: Springer Nature, 2021. Vol. 20. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6>
2. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов; под ред. Александрова Ю.И., Соловьева В.Д. М.: Институт психологии РАН, 2010. 4. С. 135–152. Режим доступа: https://iling-ran.ru/kibrik/Multimodal@Cog_Studies_2010.pdf (дата обращения: 17.06.2022).
3. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 100–120.
4. Enfield, Nick J. *Relationship Thinking: Agency, Enchrony, and Human Sociality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338733.001.0001>
5. Дёгтева И.С. Мультимодальность. Базовые принципы, способы исследования и методы анализа. Проблемно-ориентированное введение // Метод. 2019. №9. С. 92–97. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42610097> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Тункун Я.А. Основы нейропедагогики: история, теория и практика // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №73–2. С. 203–208.

References

1. Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. (2021). Sukhova N.V., Dubrovskaya T., Lobina Yu.A (eds.). *Numanities — Arts and Humanities in Progress*, Switzerland: Springer Nature. Vol. 20. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6>
2. Kibrik, A.A. (2010). Multimodal linguistics. In: *Cognitive research: a collection of scientific papers*. 4. pp. 135–152. URL: https://ilingran.ru/kibrik/Multimodal@Cog_Studies_2010.pdf (accessed: 17.06.2022). (In Russ.).
3. Kreidlin, G.E. (2014). Semiotic conceptualization of the body and the problem of multimodality. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2, 100–120. (In Russ.).
4. Enfield, Nick J. (2013). *Relationship Thinking: Agency, Enchrony, and Human Sociality*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338733.001.0001>
5. Degteva, I.S. (2019). Multimodality. Basic principles, research methods and methods of analysis. Problem-oriented introduction. *Method*, 9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42610097> (accessed: 27.05.2022) (In Russ.).
6. Tunkun, Ya.A. (2008). Fundamentals of neuropedagogy: history, theory and practice. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 73–2, 203–208. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Луканина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международной коммуникации факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального Исследовательского Технологического Университета «МИСиС» — НИТУ МИСиС; сфера научных интересов: теория коммуникации, прагматика и семиотика, стилистика, медиа исследования, связи с общественностью, преподавание иностранных языков, e-mail: mvlukaninag@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1303-0084; ResearcherId: AAZ-5056-2021, eLIBRARY SPIN code: 4058-2471.

Information about the author:

Maria V. Lukanina, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of International Communication (School of World Politics, Lomonosov Moscow State University), Associate Professor at the Department of Modern Languages and Communication (National University of Science and Technology “MISIS”). *Research interests*: communication theory, pragmatics and semiotics, stylistics, media studies, public relations, English language teaching, e-mail: mvlukaninag@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1303-0084; ResearcherId: AAZ-5056-2021, eLIBRARY SPIN code: 4058-2471.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
